

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходящъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 79.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ дошавкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Октября 1 дня, 1852 года.

Пчела, родясь пруды для общей пользы несть,
Не оплывать ишу свои работы,
Но утѣшаюсь лѣтмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

МАНЁВРЫ

Разговоръ.

Философъ.—Такъ, господа! чѣмъ успѣшь въ липературномъ мѣрѣ—чѣмъ прославимся—надобно быть философомъ, то есть, созерцателемъ всего *индивидуальнаго, абсолютнаго*,—надобно *мышленіе*. Какъ можно менѣе словъ—какъ можно болѣе мысли—чѣмъ каждое слово было—мысль! Надобно, чѣмъ голова чипапеля работала, прудомъ доставала себѣ пищу; чѣмъ чпеніе прорѣзывало въ душѣ каменъ глубокія, вѣчныя. Что за радость писать легко, пріятно и понятно—когда эта легкость, эта пріятность—не ославляютъ въ душѣ, или помъ *безусловномъ условіи всего условнаго*, ни ползерна *эффективнаго*? Нѣтъ, пусть чипапель упруждаетъ свое мышленіе, пусть его перьяется въ догадкахъ, изысканіяхъ—пусть я оспаюсь для него Героглфомъ!

Историкъ. Хотя и *нелпо*—но справедливо;—справедливо, но не прибыльно. Оно почто необходимо *свивать, стягивать* понятія чипапеля, и чѣмъ зародышь мысли автор-

ской развивался въ выраженіяхъ блестящихъ, облакался въ слова разпелныя... но... главное! главное, надобно, чѣмъ пруды авпора были вознаграждены не однимъ изумленіемъ чипапелей. То каппала *невещественный, нелпый!* Нужна награда реальная: деньги! чѣмъ пріобрѣсти ихъ.....

Романистъ. Оспановипесь! Мнѣ лучше, нежели всѣмъ прочимъ липературамъ, извѣсна дорожка, *коя* ведетъ къ денежнымъ вознагражденіямъ со стороны почтеннѣйшей публики. Пишите, какъ угодно, только умѣйте продать лицѣмъ поваръ, а для этого нужно нижеслѣдующее *химическое производство*. Именно: прежде, гораздо прежде, чѣмъ хопите писать исторію или романъ, или все, что угодно, ругайте безъ стыда и милосердія всѣ вышедшіе и выходящіе романы, исторіи; крипикуйте ихъ, насмѣхайтесь надъ ними; пишпите эпиграммы, пасквили—попомъ, начинайте свою работу—помѣщайте написанное въ журналахъ друзей своихъ, и объявите подписку во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. *Потеннѣйшая публика наша*—младенецъ, копорый любитъ игрушки... помните это, а попому не забывайте забавлять её и утѣшайте сказками, присказками и прибаутками.

Скажите ей, не краснѣя, безъ стыда, смѣло и поржественно, что прудъ вашъ переводился уже съ рукописи, на Англійской, Французской, Нѣмецкой, Польской языкъ—что при книжкахъ будутъ картинки—что эти картинки гравированы лучшими художниками въ Парижѣ или Лондонѣ; что вы, или издапель не щадили никакихъ издержекъ; печатаете въ лучшей Типографіи, на веленовой бумагѣ, Французскими чернилами, на Англійскомъ спанкѣ, вновь оплипыми въ Лейпцигѣ литерами, что даже обѣрка на книжкахъ непременно обратитъ на себя общее вниманіе. Эпаго еще мало: выспавыте въ книжныхъ лавкахъ первые оппечатанные листы, виньетки и картинки на показъ почтеннѣйшей публикѣ; не забудьте увѣрять эту почтеннѣйшую публику, что она вась очень любитъ, что вы въ полной мѣрѣ чувствуете ея благоволеніе. Потомъ, или наконецъ—поднесите ваше сочиненіе...

Историкъ. Нѣтъ! нѣтъ! еще рано! прежде надобно собранныя по подпискѣ деньги употребить—на какую нибудь собственную надобность, напр: на уплату долговъ, на заведеніе Типографіи, или пустить ихъ въ оборотъ...

Философъ. Глубокая мысль!

Историкъ. И 60 тысячъ чистой прибыли!

ПРЯТНОСТИ МОЕЙ КВАРТИРЫ НА НЕВ- СКОМЪ ПРОСПЕКТѢ.

Вчера я возвращался домой съ музыкальной вечеринки во 2-мъ часу ночи. Небо было подернуто облаками. Лѣпній вечеръ надувалъ прохладу. Мнѣ было какъ-то *приятно-грустно*, или выражаясь словами А. С. Пушкина, на сердце у меня было—

— „И грустно и легко...
Печаль моя свѣтла...“ —

На улицѣ мнѣ никто не встрѣтился, кромѣ снап собакъ и двухъ пьяныхъ Нѣмцевъ, которые думали вслухъ.— Сонный дворникъ долго опширалъ мнѣ калипку, разсуждая съ

просонья самъ съ собою. При первомъ шагѣ на дворъ, сильный *Азотъ* удушилъ было меня; бѣгу спремглавъ въ попьмахъ по лѣспницѣ въ 5-й этажъ, зажимая носъ плапкомъ: пуптъ задѣваю за кадку съ водою, шамъ проливаю шайку съ помоями, оступаюсъ—падаю, иду еще, еще и еще.... девяносто семь спупенекъ.... уфъ, пасилу взобрался! Спучусь въ дверь моей квартиры; глупая чухонка-служанка спитъ подлѣ самыхъ дверей и не слышитъ спуку цѣлые полчаса.

Вопъ повернулся замѣкъ; вхожу, спѣшу раздѣться и лечь въ постелю; пуптъ начинаюсъ мученія другаго рода. Въ комнатѣ душно, а опворить окна нельзя. Тѣло мое, словно законную добычу, въ одну минупу съ яростію апаковали насѣкомыя разнаго рода и калибра.

«Нѣтъ!—это уже слшшкомъ мучительно!» вскричалъ я, вскакывая и садясь въ кресла, чпобъ хопя въ эпомъ положеніи продремать до упра. Не пуптъ-по было! только начинаю засыпаться: слышу спукъ, подобный барабанному бою: прамъ—прамъ—прамъ—памъ—памъ.... что это пакое? вслушиваюсъ, гляжу въ окошко... и что же?—Мѣховицки, живущіе въ одномъ со мною домѣ, выбиваютъ шубы, чпобъ избавишься опъ моли.... Въ антрактахъ, внизу на дворъ раздается лай собакъ, а на кровлѣ мяуканье дюжины кошекъ...—Вопъ, по испинѣ ужасная музыка!.. Ну, слава Богу, замолкли; показалась заря—и я снова начинаю дремать, покачиваясь на спулѣ.

«Говядина свѣжа!.. свѣжа говядина!»... Тѣфу, прокляпый, испугалъ меня съ своей говядиной!

«Старые заягьи мѣха мѣнять, вслкіе разные мѣха мѣнять и покупать!»...

Вопъ еще другой крикунъ!...

«Штофы, штофы, бутылки, бутылки!»..

А въ слѣдъ за нимъ:

«Шпинатъ, салатъ, морковь, рѣпа хороше!»...

Пяпый болѣе всѣхъ меня упѣшилъ: онъ надувался, какъ Индѣйской пѣпухъ и кричалъ сильнымъ голосомъ, какъ гагара:

«Штокъ-фи-шь!! штокъ-фи-шь!! штокъ-фи-шь!!»... —

Боже мой! умолкнулъ ли эпи негодяи? бор-
момаль я — какъ вдругъ слышу пронзитель-
ный крикъ подъ окошками.

«Что это такое?».. спросилъ я у моей ку-
харки.—Внизу, отвѣчала она, подрались двѣ ни-
щихъ за деньги, изъ окна имъ брошенныя. —

«Что ты такъ заспался!» — сказалъ вхо-
дя ко мнѣ въ комнату молодой мой другъ
Хлопотуновъ: «теперь уже 10 часовъ утра,
а ты все еще нѣжился!»... —

Вотъ, добрый мой чипапель, нѣсколько
часовъ изъ моей жизни въ блестящей сполп-
цѣ, на самой большой улицѣ, въ лучшемъ
кварталѣ, въ домѣ, который можно бы по
нуждѣ сдѣлать городомъ: ибо въ немъ болѣе
жителей, нежели въ Пепрозаводскѣ, губер-
скомъ городѣ Олонецкой губерніи, болѣе, не-
жели въ Екаперинославѣ. Какъ покойно спалъ
бы я, еслибъ жилъ подъ Смольнымъ, или
на Новыхъ мѣспахъ, въ деревянномъ домикѣ
съ небольшимъ садомъ! Тамъ я не разлучался
бы съ побою,

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селя, градовъ отрада!

«Для чего же вы живѣте на шумной ули-
цѣ?» — Для того же, милостивый государь,
для чего воцнѣ подставляетъ голову подъ пу-
ли, приказный карпятъ за бумагами до полу-
ночи, морлякъ пускается на упломъ челнѣ въ
бурное море, для того, чпюбъ обо мнѣ го-
ворили: онъ живетъ на *Невскомъ проспектѣ*,
у *Полицейскаго моста*, опъ него изъ оконъ
видѣ на версту, до *Аничковскаго дворца*.

Барловъ.

К О Е - Ч Т О .

Сенциментальный Господчикъ, нащипавшій-
ся плодами *меланхоліи* (1), *фруктами сво-*
бодныхъ чувствованій (2), *празднаго времени*

(1) Плоды меланхоліи, пипапельные для чувствительна-
го сердца, 2 части, соч. Петра *Лубидомосцева*. (2)
Плоды свободныхъ чувствованій, 3 части, соч. Кня-
зя П. И. *Шаликова*.

(3) *досуга* (4), и плодами трудовъ десяти-
лѣтняго ученика риторики (5), явился въ ма-
скерадѣ :

Разрумяненный, въ вичокъ,
Въ ярко-планшевыхъ чулкахъ,
Прижималъ онъ вѣникъ страстно,
— Кликалъ грацій здѣшнихъ мѣспѣ
И мяукалъ сладоси-
растно!

Онъ, разгнувъ ропъ на распашку, съ го-
ловою, чадною опъ былого и мечшпашельнаго,
рыскалъ по комнатамъ, ища невидимую взо-
ру, а видимую сердцу—и вспрѣшилъ съ *ма-*
скированной дамою, копирая его очаровала.
Она, видя сову по полѣспу, жеманясь, пристѣ-
дая, вѣпунила съ нимъ въ разговоръ и плѣ-
нила сладоспью звуковъ—похожихъ на па-
спушескую свирѣль, и выдержками изъ *Гесне-*
ровыхъ идиллій. Онъ, какъ пѣнь, не опспа-
валъ опъ неѣ, подчивалъ конфѣпцами, развѣр-
тывалъ билетцы и съ жаромъ деклампировалъ
Сумароковскіе сппшки, въ нихъ напечатан-
ные, свѣлъ за ручку съ крыльца, посадилъ
въ карету—и спюлъ у подвѣзда, развѣсивъ
уши, пока прѣскучій морозъ не доложилъ ему,
что Русь не Аркадія.

Это случилось въ среду на *Масляницѣ*;
Господчикъ весь чѣспвергъ опыскивалъ еѣ по
магазинамъ, въ Госпиномъ дворѣ, во всѣхъ
прѣхъ пѣапрахъ, въ пятницу прѣхалъ въ
маскерадѣ первый, уѣхалъ послѣдній; въ суб-
боту поже. И все всуе! и все вопще! Серд-
це его спучало, какъ барабанъ, когда въ не-
го бьютъ прѣвогу.

Наконецъ, въ денномъ воскресномъ маске-
радѣ, нашъ паспушокъ нашель свою паспу-
щку. Они не могли наглядѣпья другъ на
друга, начувспвоавпьяся. Во взаимныхъ излія-
нпяхъ сердца, они не примѣпчили, какъ на-
спалъ часъ обѣда. Господчикъ предложилъ
своей богинѣ—покушавъ не амврози, а коп-
лѣпъ и бѣспекса. Онъ попребовалъ бупыл-
ку *Дреймадеры* для себя и *Соперну* для своей
дамы; но она безъ церемоніи, нашла покаръ
Мадеры и помолодецки опорожнила его. Вздѣ-

(3) Плоды празднаго времени, соч. Н. *Яновскаго*. (4) Пло-
ды досуга, сппхотворенія *Ив. Войтпховпга*. (5) Со-
чпненіе Н. *Петровскаго*.

хатель осполбвнѣлъ. Она приказала подапъ Шампанскаго, осушила покаръ за его здорое и сняла маску. Это былъ *перодѣтый* его *знакомецъ*—рябой и зашка!!!

III.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ ВЪ ДОМѢ СУМА- СШЕДШИХЪ.

«Я былъ старшею опраслюю многочислен-ной фамили, отличной по своей значности и богатству. Всѣ братья мои имѣли прекрасную наружность и спройный спанъ; сеспры мои очаровывали взоры всѣхъ. Для чего же я одинъ родился уродомъ гнуснымъ, брошенъ въ сей блестящій кругъ, какъ опверженецъ созданія, какъ осуществленное проклятіе, какъ предметъ ужаса и опвра-щенія?»

«Напрасно пламенные желанія пожирали грудь мою! Сердце мое было источникомъ нѣжнѣйшихъ склонностей, но не было суще-ства въ цѣлой природѣ, съ которымъ я могъ дѣлиться чувствами. Любовь! да будетъ прок-ляты сей мѣръ, въ глазахъ котораго я хуже изверга! Дружба убѣгаетъ опъ меня; она не въ силахъ снести моего вида! Самая жалость, послѣ великодушныхъ усилій, опвращается съ содроганіемъ.

«Куда я ни обращаюсь, вездѣ окруженъ дыханіемъ ненависти и осужденъ бродить въ ужасномъ лабиринтѣ, изъ котораго ничто не испорхнетъ меня. Честнолюбие, удоволь-ствие, желаніе блеска, всѣ сн чувства, споль сродныя оспальной части рода человѣческа-го, для меня кажутся заколдованными: я не смѣю приближаться къ нимъ безъ ужасныхъ мученій.

«Я обогащенъ споль глубокими свѣдѣнія-ми, что передъ ними вся ученость славнѣй-шихъ мудрецовъ покажется невѣжествомъ; я одаренъ такою дѣятельностью, что по-кой мнѣ несносенъ; благорасположеніе мое проспирается на послѣдняго червя, котора-го я опасуюсь распошпайъ своими ногами.

Милосердый Боже! Къ чему мнѣ сн дары ума и сердца? Чтобы употребить ихъ, надобно имѣть сообщеніе съ человѣческимъ обще-ствомъ; но минула приближенія къ оному еспъ уже предвѣстница мучительной борьбы. Вездѣ встрѣчаю или презрительный смѣхъ, или ужась!

«При рожденіи моемъ, назначенная для ме-ня кормилица, отказалась ходить за мною; мать моя, взглянувъ на меня, едва не лиши-лась разсудка; опець осудилъ меня на смерть, какъ чудовище, недостойное пользоваться жизнью. Врачи спасли меня опъ гибели. Про-клятіе да постигнетъ ихъ за сіе жестокое благодѣяніе! Одна старая, одинокая женщи-на, сжалившись надо мною, взяла меня къ се-бѣ и воспитала. Я возмужалъ; потребность любить раскрылась во мнѣ со всею силою. Я любилъ все, предспавлявшееся глазамъ мо-имъ: землю, душистые травы, насѣкомыхъ, коими оныя служили убѣжищемъ, дикихъ звѣ-рей!—Я умолялъ мать мою на колѣняхъ, не лишайъ меня любви своей;—она препенала! Являюсь къ моему опцу; онъ опвергнулъ ме-ня съ омерзѣніемъ. Послѣдній рабъ, гордясь своимъ человѣческимъ подобіемъ, не хотѣлъ имѣть со мною никакого дѣла. Даже моя со-бака, самая гадкая, какую только я могъ найсти, пугалась и бѣгала опъ меня.

«Всѣми опверженный, я вель уединенно бѣд-спвенную жизнь, подобно пресмыкающемуся живошному, въ нѣдрахъ камня, который далъ ему жизнь.

«Изгнанный изъ среды людей, я предаясь созерцанію красоты природы: я сдружился съ знаменитыми мужами, прежде меня жив-шими и оспавившими потомству плоды бѣд-нія и трудовъ своихъ.

«Но увы! чѣмъ болѣе возвышался я мыс-лю, чѣмъ болѣе изощрялъ свои способности, тѣмъ сильнѣйшую боль причиняли мнѣ мой спраданія: ибо въ семъ мѣръ любви и сча-спія, одинъ я опличенъ былъ ненавистью.

«Я рѣшился пупешествовать....

«Въ одинъ вечеръ, проходя весь день безъ цѣли, я очутился у опушки лѣса, близъ уют-наго сельскаго домика, обсаженного кругомъ,

вмѣсто изгороди, густымъ и цвѣтущимъ кустарникомъ. Шиповникъ, козій-листвъ, резада, омытая вечернею рососою, при помощи вѣтерка, разливали пріятное благоуханіе; я пилъ его съ жадностью! По крайней мѣрѣ въ этой роскоши мнѣ не было отказано. Я услышалъ въ саду разговоръ; голоса были женскіе. Я остановился, желая знать содержаніе разговора: онѣ говорили о любви и о качествахъ, которыя производятъ любовь. Одна изъ нихъ произнесла слѣдующія слова, которыя пріятно опозвались въ моемъ сердцѣ: «нѣтъ, никогда я не изберу красавца; превосходный умъ, высокое сердце, одаренное такою чувствительностью, которая можетъ покорить сей гордый умъ малѣйшимъ моимъ желаніемъ,—вотъ что рѣшишь мой выборъ. Однимъ словомъ, я пребуду генія и любви; осязательное ничто въ моихъ глазахъ.»—Вы однакожь не захопите, сказала другая дама, любите чудовище, хотя бы оно одарено было рѣдкимъ чувствомъ и умомъ?—«Чувствую, что я въ состояніи любить его;» отвѣчала подруга ея тихимъ голосомъ.

«Отверстіе въ изгородь позволило мнѣ разсмотрѣть существо, коего слова пролили блаженство въ мое сердце. Физиогномія ея выражала задумчивость и уныніе; прекрасныя, свѣтлорусыя волосы, разобранныя на юномъ дѣвственномъ челѣ, опѣняли глаза ея съ невыразимою пріятностью; въ каждомъ движеніи, и такъ сказать, въ нѣжномъ цвѣтѣ ея лица, можно было различить выраженіе возвышенной души и непреодолимую силу чувства.

«Сія минута рѣшила мою участь. Я скрывался въ лѣсахъ, окружающихъ ея жилище; дикіе звѣри дѣлились со мною своимъ логовищемъ: тамъ я проводилъ дни въ мечтахъ безумной спрасси. Какъ скоро благодѣтельный сумракъ скрывалъ меня отъ взоровъ, я приближался къ ней, наблюдалъ всѣ шаги ея, углублялся въ густую сѣнь деревьевъ, чтобы снова услышать ея пріятный голосъ; цѣлыя ночи проводилъ я подъ окнами ея комнаты, и часто помня и нѣжная музыка прерывала сонъ ея. Во время прогулокъ, она вездѣ находила стихи, которые, подобно пѣснямъ моимъ, выражали благоговѣнное удивленіе и пламенную

любовь. Они возбудили ея любопытство, увлекли ея воображеніе, еще дѣвственное.

«Въ стихахъ и письмахъ моихъ я давалъ ей чувствовать, что слышалъ ея разговоръ; тысячу разъ повторялъ ей, что я гнусѣе самаго демона, порожденнаго разсвоеннымъ воображеніемъ сѣвернаго дикаря; но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрялъ её, что я её обожаю, что въ ней заключается для меня вся природа! Въ эту минуту голосъ мой смягчался и сладкозвучіемъ своимъ разувѣрялъ её въ моемъ безобразіи.

«Она мнѣ отвѣчала! Отвѣтъ ея перенесъ меня въ новый, очарованный міръ. Она отвѣчала, что красота ничто въ ея глазахъ; что одна душа можетъ привлечь любовь ея; что человекъ, который такъ чувствуетъ и шепчетъ, какъ я, не можетъ ей казаться ненавистнымъ. Этого мало, она обѣщала любить меня, хотя бы я былъ отвратительнѣе собственнаго своего описанія. Безумецъ, я повѣрилъ симъ словамъ! Закупавшись въ плащъ и вѣря ея слову, что она не будетъ спараться увидѣть меня прежде назначеннаго для открытія времени, я могъ прогуливаться съ нею каждую ночь въ густой росѣ, куда едва проникали слабыя лучи мѣсяца.

«Въ продолжительныхъ разговорахъ нашихъ я открылъ ей всѣ таинства природы, всѣ сокровища знаній; но часто въ сіи философскіе уроки вмѣшивались картины пламенной любви... Увы! для чего это время было такъ коротко?—«Спупай, сказала она мнѣ однажды, собери отъ современниковъ дань удивленія, которое ты во мнѣ возбудилъ; оправдай выборъ мой блистательною славою; попомъ пребуду руки моей, она пшоя.»—Поклянись мнѣ, вскричалъ я.—Она произнесла торжественную клятву. Въ эту минуту лучи мѣсяца проникли сквозь густую сѣнь; въ глазахъ ея горѣлъ воспоргъ; ея взоръ былъ тихъ; душа ея наполнена была твердою рѣшимостью: сердце мое трепетало! Я, молча, пожалъ ея руку, попомъ удалился, и въ печеніи нѣсколькихъ недѣль она не слыхала обо мнѣ ни слова.

«Я избралъ отдаленную пустыню; болѣе прежняго предался наукамъ, и пролепѣлъ за

облачныя спраны Пөвзіи. Высокія мысли, споль долго пайвшіяся въ умѣ моемъ, наполни цѣлыя книги. Я напечаталъ ихъ; онѣ приняты были съ восхищеніемъ.

« Я возвратился къ ней; пайно и съ прежними предосторожностями увидѣлъ её опяшь. Я доказалъ ей, что слава великаго писателя принадлежала мнѣ по праву. Сердце ея наперѣдъ угадало. Я пребовадь награды... Глубокій мракъ былъ нашимъ союзомъ!

«Свиданія наши спановились чаще; я былъ счастливъ! Но плодъ губельной любви нашей скоро обнаружилъ нашу пайну! Надлежало бѣжашъ съ нею, или обвѣнчашъся; время было дорого: обманушый ея обвѣтами, обольщенннй ея слезами, своимъ собственнымъ сердцемъ, я рѣшилъся; между нами положено, чтобы въ первый разъ я предспавился ей у алпаря въ видѣ любовника-супруга.

« Наспушилъ назначенный день; она отправилась въ церковь, сопровождаемая только двумя свидѣтелями и спарымъ, печальнымъ опцемъ, который согласился на сей чудный бракъ, почитая безчеспіе величайшимъ несчастіемъ. Она только расположила ихъ, но не могла приготоовить къ зрѣлишу безобразнаго и гнуснаго пворенія. Вхожу; всѣ взоры, кромѣ ея, на меня обрапшили; вопль ужаса опгрянулъ подъ сводами; Священникъ закрылъ молпivenessикъ и невольнo чпшалъ молпвпу о изгнаніи злаго духа. Опецъ мертвый упалъ на мраморный помоспъ. Свидѣтели разбѣжались. Была ночь; свѣчи изливали пусклый свѣпъ; я подошелъ къ своей невѣспъ, копорая въ препешъ и слезахъ не смѣла подняпъ на меня глазъ.— « Взгляни на меня, милая, вопъ пвой супругъ!»—Я поднялъ ея покрывало, она взглянула, запрепепала, и лишилась чувспвъ. Я не поднималъ её, споялъ безъ движенія и безмолвень. Судьба моя кончена, проклятіе разразилось надо мною! Сердце мое оледенѣло. Невѣспу уносяпъ. Церковь наполнилась народомъ: пѣ же презрпедельные или успрашенные взгляды! Я пришелъ въ себя, крикнулъ громовымъ голосомъ; полпа разсѣялась; я постѣшилъ выппнп изъ церкви и скрылся въ дремучемъ лѣсу!»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В ЛЮБЛЕННОМУ ПОЭТУ.

Я постигаю спраспъ пвою
И самый жребій пвой враждебннй!
Ты не въ красавицу свою—
Влюбленъ пы въ идеаль волшебннй;
Онъ блещетъ свѣплой новизной,
Мечпанья сладко онъ чаруетъ—
И образъ дѣвы молодой
Любовь пльнпшельно рисуешъ;
Она мила въ часы бесѣдъ,
Она пылка самъ-другъ съ побой,
Она скромна средъ ппжкихъ бѣдъ,
Излщна рѣчію живою.
Скажи, не правда ли, она
Въ мечпахъ прерывчапаго сна
Оспрадно предъ побой лепашетъ?
Какъ духъ легка, какъ мысль ясна,
Твою любовь благословляешъ!...
Въ ея-жь любви—забвенья бѣдъ,
Цѣль быпія, награда лѣпъ,
Блаженство и воспоргп жизни;
А милый дѣвспвенннй прпвѣпъ
Такъ дорогъ, какъ земля опчизны.
И не ея-ль глаза горяпъ
Тебѣ звѣздой преображенья,
И обольщаюпъ, и жпвпашъ
И вызываюпъ вдохновенья?...
Ты счастливъ?... Нѣпъ, не вѣрю я,
Не по птвердяпъ пвои ланпшы;
Душа вспревожена пвою,
А взоры помны и убпшы.
Такъ! опгадалъ я пвой недугъ,
Копорый пы опъ всѣхъ скрываешъ:
«Я счастливъ!» пы мнѣ опвѣчаешъ.
Я говорю: «пы болѣнъ, другъ!...»

Карлгофъ.

ПЕРСТЕНЬ.

(Г п Д ъ.)

Да! какъ свяпнню берегу я
Сей перспень, данннй мнѣ побой,
За жаръ и силу поцѣлуя,
Тебя сливавшаго со мной;

Въ пошъ часъ, (забуди меня, Камена,
 Когда его забуду я!)
 Какъ на пвои склонясь колѣна,
 Глава покоилась моя;
 Ты улыбалась мнѣ и пѣла,
 Ласкала сладостно меня,
 Ты прямо въ очи мнѣ глядѣла
 Очами полными огня.
 Но что-жь! Такъ пылко, такъ глубоко,
 Такъ вдохновенно люблю
 Тебя, мой Ангелъ черноокой,
 Одну тебя, одну тебя—
 Одинъ ли я пвой взоръ умильной
 Къ себѣ привлечь? На мнѣ-ль одномъ
 Твои объятія такъ сильно
 Живымъ свивающся кольцомъ?
 Ахъ, нѣтъ!..... Но свято берегу я
 Сей перспень, данный мнѣ побой,
 Воспоминавше поцѣлуя,
 Тебя сливавшего со мной!

Н. Языковъ.

26 Марта 1831 г.

Э П И Т А Ф И Я

Охотнику.

Прохожій! кровь сей безмятежный,
 Мятежнаго покоишь прахъ;
 Такъ въ мирѣ все рукой желѣзной
 Изгладить смерть.—И въ сихъ мѣсякахъ,
 Гдѣ прежде зайцыбъ не посмѣли
 Изъ лѣса носа показашъ,
 Гдѣ громкіе рога ревѣли,
 Гдѣ красный звѣрь не смѣлъ рыкашъ,
 Тамъ нынѣ шополь зеленѣешъ,
 Тамъ онъ склонилъ свою главу,
 И на его могилѣ смѣешъ
 Русакъ покойно рвашъ праву.

Н. Н.

L'HIRONDELLE.

Quand vient la saison neigeuse
 L'hirondelle voyageuse
 Va chercher un ciel meilleur;
 Elle nous fuit l'inconstante,
 La tempête l'épouvante,
 Le sombre soir lui fait peur.

Car elle aime, l'hirondelle,
 Que la nature étincelle;
 Il lui faut un soleil pur,
 Des campagnes toujours belles.
 Un lac où puissent ses ailes
 Caresser des flots d'azur.

Aussi voyez pour lui plaire
 Arriver la primevère,
 La primevère et ses soeurs;
 Le ruisseau se déprisonne
 Et l'abeille d'or bourdonne
 Amoureuse sur les fleurs.

Alors joyeuse et légère
 De son aile printannière
 Elle effleure les gazons,
 Se suspend au flot qui passe
 Et dans les airs avec grâce
 Se berce au bruit des chansons.

Elle court, ensuite lasse
 De folâtrer dans l'espace
 Où les fleurs vont l'embaumer,
 Dans sa courbe gracieuse.
 Redescend voluptueuse
 Sous l'ombrage pour aimer.

Hélas! il en était une
 Qui venait, douce importune,
 Dans le lieu que j'habitais.
 Je l'entendais dès l'aurore,
 Frapper ma vitre sonore,
 Pauvre isolé, je l'aimais!

Maintenant où s'en va-t-elle?
 Où vas-tu, jeune hirondelle?
 Peut-être tu passeras
 Sur mon ancienne demeure,
 Où ma mère attend et pleure
 Son enfant qui ne vient pas.

Hirondelle, ma compagne,
 Ne va pas sur la montagne,
 Si douce à mon souvenir:
 J'aurais perdu mon amie,
 Car si belle est ma patrie
 Qu'on n'en peut plus revenir.

Louis Dussert.

З А Г А Д К А.

Лѣнивѣ меня вы въ свѣтъ не найдете.
 Прибавьте Л—я крикъ звѣрей;
 Когда я съ М—меня неперпѣливо ждете,
 Я радость, жизнь природы всей.
 Когда я съ Р—въ меня никакъ вы не войдете
 Съ грѣховною душой;
 Когда-жь я съ Ч, меня охотно пѣете
 Въ кругу знакомыхъ и друзей.

Въ No 78, помѣщенная шарада значить: *Si-ros*.

М О Д Е С.

Les pommades préférées sont celles à la maréchale, aux mille fleurs d'Italie, à la mousseline, au musc et au Portugal.

Pour relever les petits cheveux qui descendent dans le cou, et surtout ceux qui retombent à côté de l'oreille sur la joue, on se sert de pommade en bâton.

La pommade à la rose conserve les lèvres colorées et prévient leur gerçure, que peut occasionner le hâle du froid ou du soleil.

Pour les cheveux qui souffrent de dépérissement, il faut employer la graisse d'ours au noyer ou la pommade blanche au citron.

Les poudres de corail, les opiat, qui ont eu une longue faveur, sont reconnus infiniment moins salutaires pour les dents que la poudre de charbon purifiée, au kinkina. Le goût peu agréable que peut apporter momentanément cette poudre, est tout-à-fait détruit si l'on jette quelques gouttes d'essence de menthe dans l'eau.

Telle femme, encore jeune, qui se révolterait à la pensée de faire usage de certains cosmétiques comme elle emploierait de la peinture, ne peut se refuser à faire l'essai des plus simples moyens pour donner un peu d'éclat à son teint, comme elle en donne à ses cheveux au moyen des essences et de la pommade. Elle devra connaître le blanc de perles, eau transparente, qui ne charge nullement le visage; la crème de limaçon à la rose, qui donne à la peau du frais et du brillant; le lait de roses aux concombres; le blanc de lis en poudre, qui se répand sur le visage, la poitrine et les bras, et s'attache au duvet, qu'il déguise lorsqu'il est trop brun. La crème de Perse rosée, et l'extrait de roses pour colorer les lèvres. On peut employer au lieu du blanc de lis des poudres blanches, à l'iris, à l'héliotrope ou au bouquet, et après s'être

servi de la houppette en cygne, on passe un linge très-fin pour enlever ce qui est apparent.

Pl. No 28. Robes de mousseline. Pelerines de mousseline brodée garnies de tulle. Coiffures de rubans et fleurs naturelles. Tabouret de maroquin de Jusse.

М О Д Ы.

Помады употребляютъ предпочтительно à la maréchale, aux mille fleurs d'Italie, à la mousseline, съ мускусомъ и au Portugal.

Чтобъ пригладить короткіе волосы съ запылкой и виски, употребляютъ крѣпкую помаду.

Розовая помада сохраняетъ въ губахъ краску и предохраняетъ ихъ отъ сухости, которая случается отъ холода или солнца.

Если кто шеряетъ волосы, то должно употреблять помаду изъ медвѣжьяго сала, или бѣлую лимонную.

Коралловые, опіатные порошки, которые были долго въ употребленіи, несравненно менѣе полезны для зубовъ, нежели порошокъ изъ очищеннаго угля съ хинною. Неприятный вкусъ, производимый мгновенно симъ порошокомъ, совершенно испробляется, если положить въ воду нѣсколько капель мялиной эссенціи.

Дама, еще молодая, которая возмущилась бы отъ одной мысли употреблять нѣкоторыя припирания, точно какъ бы и отъ того, чтобъ расписывать лице, не можетъ отказать отъ употребленія нѣкоторыхъ просшихъ средствъ, чтобъ придать немного блеска цвѣту лица, какъ она придаетъ его волосамъ, посредствомъ эссенцій и помады. Она должна будетъ узнать перловья бѣлила, (прозрачная вода) не прикрывающія лица; сливочныя сливки, приготовленныя съ розами, которые придаютъ кожѣ свѣжесть и блескъ; розовое молоко съ огурцами; лилейныя бѣлила въ порошокъ, которыми посыпаютъ лице, грудь и руки; онѣ приспаютъ къ пушку, который прикрываютъ, если онъ слишкомъ темень; Персидскія розовыя сливки, и извлеченіе изъ розъ, для подцѣвчиванія губъ. Можно употреблять, вмѣсто лилейныхъ бѣлилъ, бѣлые порошки, съ каспиками, съ еліотропами и au bouquet; насыпавъ ихъ лебязькою кисточкою, обтираютъ потомъ подкиемъ полнономъ, чтобъ снять замѣтное.

Карп. No 28. Кисейныя платья. Кисейныя вышитыя пелеринки, опдѣланныя шюлемъ. Прическа съ лентами и неподдѣльными цвѣтами. Табуретъ, обитый Швейцарскимъ сазьяномъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 80.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 NO. съ 36-ю картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, ОКТЯБРЯ 5 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Что легче перышка? — Вода, я отвѣчаю. —

А легче и воды? — Ну, воздухъ. — Добрый знакъ!

А легче и его? — Кокетка. — Точно такъ!

А легче и её? — Не знаю.

И Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПУДЕЛЬ.

Мая 2-го. Какой восторгъ! теперь я живу прошивъ её! мое окно прошивъ ея окна! Чувствую всю полноту моего блаженства и не нахожу словъ выразить этого! Часно мы сидимъ неподвижно по часу и, не сводя глазъ, смотримъ другъ на друга, какъ два хорошенькихъ порпурепа, повѣшенныхъ на противоположныхъ стѣнахъ комнаты. Опрядна, сладостна для души увѣренность во взаимной любви очаровавшей насъ дѣвушки!

Мая 5-го. Садясь къ окошку, я надѣваю свой новый сертукъ бѣлаго цвѣта, повязываю красный шелковый галстукъ и расчесываю свои длинныя, свѣтлыя кудри, выющаяся по плечамъ. Многіе смѣются надъ моею головою уборкою, но я не могу съ нею разсѣяться; я самъ чувствую, что она дѣлаетъ меня очень милымъ. Насмѣшниковъ подспрѣкаетъ зависть! Богъ съ ними! Лишь бы я нравился моей *Софія*! — Она по прежнему любитъ меня мною — и я счастливъ!

Мая 12-го. Говорятъ, что *Софія* очень любитъ собакъ: тѣмъ лучше; у насъ одна-

кой вкусъ! — Нежная ручка моей милой, божественной *Софіи*, часно ласкаетъ любимого моего пуделя: она поняла, что послѣ неё, ближайшее къ моему сердцу существо — это пудель. Если судьба угодно будетъ соединить меня съ обожаемою мною дѣвушкою, если сіи сладкія мечты осуществятся: то ты будешь счастлива, моя добрая, вѣрная собака! Мое существо удвоится и твои радости также: тебя будутъ любить и ласкать вдвое болѣе! Можетъ ли кому нибудь не нравиться это пышный, гордый, живой и курчавый пудель въ его великолѣпномъ красномъ ошейникѣ! — Жаль, что это бѣдное животное нездорово! Я пришелъ бы опять се-го въ отчаяніе, еслибы не занимала меня любовь. Милая, прелестная, небесная *Софія*!

Мая 15-го. Бѣдныя дѣвушки! тяжелое приличіе держитъ ихъ подъ желѣзнымъ ярмомъ своимъ, и управляя ими, научаетъ скрывать чувствованія сердца, подъ маскою лицемѣрія. Въ такомъ же отношеніи ко мнѣ и *Софія*. Я выславлялъ на окно рисунки своей работы, на которыхъ изображены плакующія сердца, пронзенныя множествомъ стрѣлъ, лежащія Амуры; два сердца, одно съ *моимъ*, другое съ вензелемъ *Софіи*, переплетенныя розовыми

вѣнками;... ясныя намѣтки о любви моей! Я ожидалъ того же и со стороны *Софіи*, но она съ примѣтнымъ удовольствіемъ смогрѣла на мои карпины—и болѣе ничего! Вчера, со свойственной мнѣ изобрѣтательностію, я разрѣзалъ себѣ руку и, въ глазахъ *Софіи*, нарисовалъ своею кровію пылающее сердце; потомъ выспавилъ на окно свою работу; но... увы! *прекрасная* не измѣнила своей роли! —

Это отрывки изъ памятныхъ записокъ *Нарциссова*. Продолженіе ихъ обратимъ мы въ простой рассказъ. Занятый собою, своею собакою и *Софіею*, *Нарциссовъ* никакъ не могъ постигнуть спранныхъ поступковъ *Софіи*, еще меньше согласить ихъ съ твердою своею увѣренностію во взаимной любви ея къ нему. «Спраспти, спраспти! можно долго бороться съ вами, но кто побѣдитъ васъ?» думалъ *Нарциссовъ*, замѣняя, что *Софія* измѣнила своей скромной роль. Часто, когда *Нарциссовъ* сидѣлъ у окна, она посылала къ нему поцѣлуй и манила его къ себѣ рукою; когда же онъ проходилъ мимо ея окна и, принявъ изученный сенипименпальный видъ, кланялся ей—она, не отвѣчая на его поклонъ, съ громкимъ хохотомъ удалялась прочь отъ окна. Оскорбленный *Нарциссовъ* не зналъ, чему приписать такую несообразность. Сначала онъ относилъ это къ сильному воспоргу, произведенному въ душѣ ея близостію любимаго предмета; потомъ къ строгому надзору надъ нею самовластныхъ опекуновъ, строгой шѣпки, злой мачихи, и, наконецъ, остановился на желаніи *Софіи*, чпобы онъ прекратилъ свои любовныя прогулки, которыя могли подать поводъ къ толкамъ сосѣдей и къ разгулу ихъ ядовитыхъ язычкѠвъ. Ахъ! и послѣдняя мысль не вполнѣ удовлетворяла его! Казалось, что *Софія* любитъ *Нарциссова* только въ опдаленіи!

Ничто не препятствовало *Нарциссову* знакомиться съ родителями *Софіи* и войти въ домъ ихъ, но ему хотѣлось играть роль романическаго любовника. Не находя случая поговорить съ *Софіею*, онъ ожидалъ только выздоровленія своего пуделя, котораго можно было съ большою удобностію обратитъ въ любовнаго почпаліона, потому, что *Софія*

часто занималась имъ. Наконецъ, этоптъ посредникъ любви выздоровѣлъ: тогда *Нарциссовъ* положилъ за его ошейникъ записку слѣдующаго содержанія:

«Милая *Софія*! Я люблю, я обожаю васъ такъ спраспти, такъ пламенно, какъ только это возможно, и считаю себя счастливымъ вашею взаимностію! Я восхищенъ, я упоенъ пѣмпи милыми поцѣлуями, которые лепашутъ ко мнѣ изъ вашего окошка! Чувствую небесный, пламенный воспоргъ, когда вы проспираете ко мнѣ вашу ручку. Я спсараюсь поймать её съ пѣмпи, чпобы сдѣлаться вѣчнымъ ея обладателемъ. Напшипте ко мнѣ опвѣптъ, увѣрпте меня въ любви своей и объяснипте, почему вы смѣтаете, когда я прохожу мимо вашего дома? Вашъ смѣхъ для меня пріятенъ потому, что онъ сладкозвученъ, чпто онъ доходитъ до сердца — но онъ, позвольте доложитъ вамъ, также и весьма загадоченъ, и пр.»

Долгое время записка оставалась незамѣченною, наконецъ въ одинъ день, къ большому восхищенію *Нарциссова*, онъ нашелъ за ошейникомъ у пуделя опвѣптъ *Софіи*. Вотъ онъ:

«Милостивый государь! (Извинипте, я не знаю вашего имени).»

Это начало оскорбило *Нарциссова*. Обтеревъ невольнѠ выкапившіяся изъ глазъ слезы, онъ продолжалъ:

«Очень цѣню ваше ко мнѣ расположеніе, но вы заблуждаетесь. Вѣроятно вамъ неизвѣстно, что я очень близорука, и на такомъ разстояніи, какъ ширина нашей улицы, съ прудомъ различаю предметы...»

«Это самое можетъ вамъ объяснить мои мнимые поцѣлуи, о которыхъ вы ко мнѣ пишете; я кликала вашего пуделя и, можетъ быть, иногда принимала васъ за него; съ моими глазами ошибиться не прудно! Цвѣтъ вашего плапья, ваши длинные, блѠкурые волосы, вашъ красный шейный плапокъ, соопвѣтспвующій красному ошейнику вашего пуделя, вашъ кашель, похожій на лай собаки, всё, всё дѣлаетъ васъ похожимъ на вашу собаку.»

Въ заключеніи, *Софія* увѣдомляла *Нарциссова*, что она уже невѣста, и потому его идеи обладавъ ея рукою также несбыточны, какъ и нѣжность дѣвушки къ человеку, похожему на пуделя. —

Въ первомъ порывѣ опчаяніи, *Нарциссовъ* хотѣлъ удариться головою объ стѣну, но ударилъ только по стѣнѣ кулакомъ—и то очень осторожно! — Потомъ, послѣ мнунпнаго размышленія, упалъ въ обморокъ, а очнувшись, просидѣлъ цѣлый день у окна; онъ желалъ увидѣть *Софію* и удивилъ ея прагматическими сценами, но она не показывалась. На другой день къ ней пріѣхалъ ея женихъ, и бѣдный *Нарциссовъ* имѣлъ огорченіе видѣть, какъ они смотрѣли къ нему въ окошко и хохотали.

Николай Карлсфельдъ.

ДА И НѢТЬ.

Нѣтъ! въ этомъ словѣ заключается вся пайца могущества женщинъ.

Женщина, говорящая *да*, перелетъ власть свою. Женщина, дающая опвѣтъ отрицательный, владеетъ нами.

Впрочемъ, есть *да*—похожее на *нѣтъ* и обратное; въ такомъ случаѣ отрицательное *да*, имѣетъ свою прелесть.

Сенсиментальные мечтатели не любятъ утвердительной частицы, принимаемой въ собственномъ смыслѣ. Имъ гораздо пріятнѣе слышатъ опказъ.

— *Людмила*, любите ли вы *Евгенія*? — *Да*, опвѣчала она улыбаясь, но въ улыбкѣ ея мелькало что-то неопредѣленное, и накидывало на испину какую-то прозрачную ткань шупки. Это *да*, то же, что *нѣтъ*. Я въ томъ увѣрился. *Людмила* шпала склонность къ другому.

— *Анета*, можно ли завпра припши къ вамъ? — *Да*. — Но не опасенъ ли дворникъ... Если онъ меня замѣнитъ? — Это правда. — Въ такомъ случаѣ могу ли я войти безопасно? — *Да!* — И вы меня... — *Да!* — Вотъ утвердительная частица, въ собственномъ смыслѣ принятая. Я далъ бы сто тысячъ за одно *нѣтъ* отъ *Наташи*!... *Наташа!* хопите ли вы меня

выслушатъ? — *Нѣтъ!* — Видно вы меня не любите? — Вы заставляете меня пренешатъ; ну если войдетъ мапушка! — *Наташа*, одинъ поцѣлуй. — *Нѣтъ*, говорю я.

Я обнимаю ея, а она все еще пвердитъ *нѣтъ*.

Да и *нѣтъ*, вопъ весь словарь женщинъ, которыми, если вѣрять моралистамъ, любятъ поддумыватъ свои мысли, скрываютъ ихъ подъ слоемъ бѣлизны и сурмиль. Я не вѣрю моралистамъ. Женщины для нихъ только кажутся обманчивыми, которые не понимаютъ ихъ. То, что кажется моралистамъ обманомъ, есть одна спыдливость. *Анета*, говоря *да*, ни мало не лжетъ; но когда *Наташа* произноситъ: *нѣтъ*, не вѣрьте ей! Кого изъ нихъ предпочтете вы? что до меня, я предпочитаю *Наташу*. — Въ добрый часъ. Однакожъ, не любя и въ шупкахъ лжи, люблю *Анету*. Если она сказала *да*, то это вѣрное, полное: *да!* Съ такими женщинами знаешь, чего придержишься. Я знаю напередъ, что ея *да!* есть *да*; а *нѣтъ*—чисное, неподдѣльное,—*нѣтъ*.

КОЕ-ЧТО.

У всякаго Барона своя фантазія! Въ Дрезденѣ Баронъ *Блокъ* имѣетъ собраніе сандалій, лапшей, башмаковъ, сапоговъ, полусапожекъ, шуплей и ботфортовъ.

Тамъ найдѣте вы *лапти* Русскія—изъ лыкъ липы, возросшей въ лѣсахъ Темниковскихъ, и *лапти* Египетскія—изъ просинка съ береговъ Нила; *сандаліи* Греческія, которыми носили—*Агамелнонъ* и *Ахиллъ*, и *сандаліи* Чухонскія—обувающія косолапыхъ, рыжеволосыхъ, бѣлоглазыхъ—дикарей Лиф-Эст-Фин-Кур-ляндіи. Тамъ примѣряете деревянные башмаки Французскаго земледѣльца и шипы изъ древесной коры Индѣйскаго звѣролова. Тамъ полюбуетесь на прелестьную обувь *Юдифы*, вскружившую голову *Олоферна* и на спранные, съ загнутыми къверху оспрыми носами башмаки, выдумки Графа *д'Анжу*. Покажете голову, узнавъ, что въ XIV-мъ вѣкѣ *мѣрка* башмаковъ *соразмѣрялась* съ знатностью рода: Герцоги имѣли право носить башмаки длиною въ 1½ аршинъ, Бароны ограничены бы-

ли — 1 аршинномъ; дворяне не смѣли носить обуви длиннѣе $\frac{3}{4}$. Въ XV-мъ вѣкѣ существовала мода на дамскую обувь, чрезвычайно схожую съ сандалями: подошва прикрѣплялась къ ногѣ разноцвѣтными лентами, пальцы были обнажены и на нихъ сіяли перстни съ алмазами и яхонтами, съ изумрудами и рубинами.

Баронъ *Блокъ* сохраняетъ въ богатомъ ящикѣ за стекломъ башмаки *Екатерины Великой*, *Петри создателя* и *Наполеона разрушителя*.

Вчера (25 Августа) въ кондиперской *Вульфа* два молодые любителя театра увѣряли меня, что знакомый имъ писатель-Геній, для перваго опыта, написалъ пяписпощными ямбами романтическую трагедію, которая—они побожилась!—не уступаетъ образцовымъ *Шакспира*, *Шиллера* и *Гёте*, и далеко превосходитъ *Пушкина*—трагедію: *Борисъ Годуновъ*, которая не больше, какъ удачный очеркъ, какъ счастливая пощипка.

Въ сей новой трагедіи, которую другъ ихъ скоро опдаситъ на театрѣ, есть всё, чего только можетъ требовать самый прихотливый романтическій вкусъ: черти, колдуны, вѣдьмы, мертвецы, искушенія, разбой, злодѣянія, при раскаяніи, шесть привидѣній, проклятія, грома съ свистою, сраженія, отравленіе ядомъ, полдюжины кровавыхъ кинжаловъ, пожаръ, шорьма, оковы, адъ. Декораціи будутъ переменны 19 разъ въ продолженіе семи дѣйствій. Герой проходитъ сквозь всѣ страхи, ужасы, заговоры. Онъ, что дѣлаетъ ему превеличайшую честь, переживаетъ всѣ дѣйствующія въ трагедіи лица, и въ концѣ седмаго дѣйствія оканчиваетъ жизнь dospойнымъ *Виктора Гюго* и *д'Арленкура* образомъ: забиваетъ въ горло рыцарскую перчатку—и задушаетъ самъ себя.

III.

СЛОВЕСНОСТЬ.

А Л И Н А.

Была лѣтняя, жаркая, удушливая ночь. Сомнительный свѣтъ лампы наводилъ большія

пѣни на стѣны скромно убранной комнаты. Полураздѣтая молодая дѣвушка, облокотясь на изголовье постели, казалось, погружена была въ глубокую думу.

Ея обнаженные плеча и руки очаровывали близною, а еще болѣе прелестными формами; ваятель не могъ бы найти лучшей модели для изображенія красоты; вообще она принадлежала къ числу пѣхъ нѣжныхъ, эфирныхъ существъ, которые по непонятной прихоти природы, всегда рождаются съ силою и пламенною душою.

Длинные каштановые волосы рассыпавшись по атласной шеѣ, закрывали лице прелестной, коего видѣнъ былъ одинъ только подбородокъ: какая круглопа, какая нѣжность и прозрачность; каждая жилка означалась на немъ лазурною чертою!

Внезапный дрожь пробѣжалъ по ея пламъ; она подняла голову, испустила тяжкій вздохъ и протянула руки; потомъ взглянувъ на часы, висящіе въ спальнѣ подлѣ Распятія пзъ слоновой кости, надъ которымъ возвышался пучокъ вербы, она вскричала:

— Только два часа... какая ночь!... Время никогда для меня такъ не длилось. Не знаю, опъ чего мнѣ такъ жарко... я задыхаюсь; я не больна, но мнѣ нуженъ свѣжій воздухъ; припомъ руки мои, какъ въ огнѣ. Боже мой! что со мною дѣлается?—

И, какъ сидѣла на постелѣ, она вдругъ припала къ подушкѣ, сложила на креслѣ руки передъ собою и приникла къ нимъ головою.

При блѣдномъ свѣтѣ лампы, смутно рисовались черты ея; онѣ представляли собою нѣчто воздушное, неосязаемое; можно сказать, что этоцъ препенущій свѣтъ, по ярко блиставшій, по пусклый, изливалъ только слабые лучи, которые придавали сему прекрасному лицу по спокойное, по унылое выраженіе.

Но можно ли сіи измѣненія юнаго чела приписать обманчивой игрѣ свѣта и пѣней? Не было ли это скорѣе оппечаткомъ дѣвственной, премѣнчивой души, по ясной, по мрачной, счастливой или спраждаущей?

Кто поспигъ когда либо сердце дѣвичье, эту неизмѣримую бездну, съ которою не можеть равняться сердце замужней женщины? Они также различны, какъ идеаль и существенность. Для женщины будущее рѣшено и почти можно предсказать его; для дѣвщцы все кажется сокрытымъ, неизвѣстнымъ; одни неопредѣленные желанія, страхъ и надежда, радость и горестъ. Душа ея подобна Эоловой арфѣ, издающей тоны при малѣйшемъ вѣянїи вѣтерка, коснувшемся сладкозвучныхъ струнъ ея; это, такъ сказать, раздоръ гармонїи, который увлекаеть и томить, заспаляетъ проливаетъ слезы и улыбается.

— Ахъ, сказала *Алина*, какъ бы я желала испребить въ себѣ даръ мысли; какъ бы желала быть цвѣткомъ, деревомъ, пшичкою, летать по воздуху, или цвѣсти на берегу ручья! Такъ, я хотѣла бы быть цвѣткомъ, который вянетъ и облепаеть, не заспавляя грустить мать свою. Но какъ должно быть скучно одному цвѣтку! Какая для него печаль, когда солнышко сядеть за лѣсъ! А эпто цвѣпокъ на вчерашнемъ балномъ моемъ платьѣ; съ вѣда, можно почестъ его за наспоящїй: такъ зелены листочки, такъ ярки краски. Какой однакожь обманъ! Бѣдный полевой цвѣпокъ, ты живешь одинъ только день, тогда какъ эти поддѣльные цвѣты такъ долго сохраняють чужой и ложный блескъ.—

Какая-то быспрая и легкая мысль мелькнула въ головѣ ея, при семъ просподушномъ сравненїи выгоды припворной и холодной кокетки съ неподдѣльными чувстввами и прелестями молодой дѣвушки.

— Балъ! сказала она съ живоспью, — при эпомъ словѣ уныніе спорхнуло съ чела ея, глаза заблестали и лампа, будто нарочно, ярко вспыхнула, — какой былъ прекрасный балъ! какіе быспрые, пылкіе танцы! Дамы блиспають дорогими каменьями, мушны и женщины улыбаются, но улыбка скользитъ на устахъ. На всѣхъ лицахъ написана скука и равнодушїе. Какъ искрїлись алмазы, какъ драгоцѣнныя куренія и мастики распроспраняли вездѣ прїятный запахъ; пысячи ог-

ней пылали въ люспрахъ, отражаясь въ безчисленныхъ хруспалахъ; не поспигаю, почему весь эпто блескъ занималъ только глаза мои? въ душѣ моей не оспалось нмалѣйшаго впечатлѣнїя; ибо шумъ и пустой блескъ не ея спихїи. О, какъ гореспно не имѣть даже воспомнанїй! какъ печальна жизнь, сказала *Алина*. —

И голубые глаза ея наполнились слезами; она вздохнула, повернулась и закинула руки за голову.

Лампа догорала и пѣни спорили съ умирающимъ свѣтомъ.

Въ эту минупу *Алина* успремгла взоръ на Распятіе и освѣщенные вѣшви.

— Вопъ, сказала она пихимъ голосомъ, вопъ Распятіе, которое лобызала при смертїи мать моя, вѣшви, которые освѣняли гробъ ея. —

И слеза покапилась по блѣдной ея ланитѣ.

— Эпто Распятіе не оспавляло меня ни въ монастырѣ, ни здѣсь. Для чего взяли меня изъ монастыря? Мнѣ тамъ было такъ хорошо! Какъ я люблю церковные праздники, дымъ епїама! Какъ я любила держать бѣлую, шпшую золопомъ пелену Божїей Матери, пѣть съ своими подругами духовныя пѣсни! Какъ пихи и важны сіи звуки! Они неоднократно приводили меня въ препепъ и мнѣ дѣмалось дурно! А обрываніе розъ къ празднику Fête-Dieu! а приготовление платья для бѣдныхъ матерей! Прибавьте къ тому гимны въ честъ Искупителя міра! Съ какимъ благоговѣніемъ, съ какою любовїю къ Нему произносили мы священные слова! Цѣлю жизнь моей было посвящивъ себя Ему, обожать Его, — такъ, я чувспвую, примолвила она, прижавъ обѣ руки къ препепной груди, чувспвую безконечную потребностъ любить и готовностъ жерпвовать собою. —

Она на минупу умолкла.

— Для чего увезли меня, для чего принудили оспавить Францію? Я была бы счастлива въ пшшинѣ обители! Любїть Бога, проводить жизнь въ молїтвѣ, и припомъ мо-

лпсья о комъ нбудь, что можетъ сравнпсья съ симъ счастьемъ? Но я несправедлива: меня везуть къ родпелю, съ которымъ я распалась еще будучи ребенкомъ. Однакожь, это пупешествіе невольнo печалпшь и ппгoппшь меня; одна только мысль, что я увижу опца, разсѣваесть иногда мрачныя мои мысли. Боже мой! сжалсь надо мною, если пупешествіе сіе будетъ для меня гибельно.—

Лампа попухала. Изрѣдка вспыхивало пламя, слабо освѣщая комнапу и рисовало на стѣнахъ шпрокія и спранныя пѣни.

Сердце *Алины* сжалось. Непоняпный спрахъ пѣснлся въ груди ея. Внезапно пробудилось въ ней, споль свойспвенное прекрасному полу, любопытство узнать будущую судьбу свою, посредствомъ гаданій. Она вскричала поржеспвенно:

— Несчастіе навсегда будетъ моимъ удѣломъ, если угаснетъ эта лампа прежде, нежели я успѣю прпжды произнести:

— Родпелница, пы, которая переселилась на небеса, помолпсь о пвоей дочери!—

Лампа излпвала слабый свѣпъ.

Алина повпорпла пѣ же слова.

Лампа съ прескомъ пролпла яркій свѣпъ. Ужасная ппжеспь спала съ сердца *Алины*; она хотѣла было произнести пже въ препій разь...

Но лампа вспыхнула въ послѣдній разъ и угасла прежде, нежели *Алина* могла окончпшь свою молпшву.

— О мапъ моя! я погпбла,—вскрпчала молодая дѣвушка раздпрающпмъ сердце голосомъ.

И залпвшись слезамп, она упала и закрыла рукамп лице.

Черезъ мпнупу она опкрыла плачущее лице, дабы пмѣпшь гореспное удовольспвіе видѣпть мракъ, возвѣсппвшій ей споль гибельную судьбу. Но каковы были ея удпвление и радоспъ, когда она увидѣла пхпій и слабый лучъ солнца, который прокрапвшись сквозь спавни, пронпкаль въ комнапу и распроспраняль вокругъ Распупія и благословенныхъ вѣпвей блѣдное сіаніе!

Этoпъ тапнспвенный свѣпъ посреди глубокаго мрака, заронясь, подобно надеждѣ въ спраждущее сердце, нѣсколько успокопль молодую дѣвушку и облеглль грусть ея.

— Мапъ моя! пы услышала дочь свою!— сказала она съ живѣпшпмъ чувспвомъ и бросплась на колѣни благодарпшь Бога.

Упомленная спльною борьбою различныхъ чувспвъ, она закрыла наконецъ глаза; полуоткрыпья розовыя уста ея произнесли послѣдніе слова:

— Мапъ моя... небесные Ангелы.... блаженство.—

Покопсья, юная дѣва, покопсья! Да будетъ сей упренпій лучъ зарею прекраснаго для тебѣ дня. Да спровождаютъ сонъ пвой неземныя мечпы, чпспыя, подобно душѣ пвоей.

Спп, мплое дппя! Можетъ быпъ, пы пожадѣшь нѣкогда о спхъ безпкойныхъ, проведенныхъ безъ сна ночахъ, когда спуппшь на чреду блестящаго свѣпа, гдѣ все цвѣспеть, благоухаетъ и ослѣпляетъ взоръ; гдѣ ождаютъ упоеніе и роскошь, пламенныя желанія и вѣпреная любовь.

Быпъ можетъ, печально вспомнпшь о спхъ длинныхъ часахъ уединенія и унылыхъ мечтахъ, посреди судорожной и обманчпвой радости; пожадѣшь о сладкпхъ слезахъ своихъ, посвященныхъ вспомпнанію о пвоей маперп.

Быпъ можетъ, тебѣ сгруспнется по пвоему идеальному мпру, созданному пбою для себя, населенному любимымп для тебѣ суцеспвами, мпру, гдѣ все тебѣ покoрялось, гдѣ въ одно мгновение пы оживляла множеспво вспомпнаній п черезъ мпнупу не находпла слѣда ихъ.

Спп, *Алина*! Если-бъ дѣвпчье сердце пвое могло наслаждапсья прпчпняемымп пбою мученіямп, то я сказаль бы, что со вчерашняго вечера сынъ *Лейпенанпа Саламандры*, прекрасный и робкпй *Лавель*, тебѣ вовсе незнакомый, много пролпль слезъ, сппа у подошвы окружающпхъ садъ пвой утесовъ, въ надеждѣ взглянупъ только на Ангельское лице пвое сквозь густыя сѣни деревьевъ.

Пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТАРИКЪ.

Лѣта идутъ; всему своя чреда!
Пусть на главу мою покрышку снѣговую
Накинули пруды и спрогѣе года:
Надъ временемъ я гордо шоржествую!

Земное поприще мгновенно соверша,
Поэту ли спрашивать разрушенья?...
Огнемъ поэзіи согрѣшая душа—
Не преспаешь кипѣшь воспоргомъ пѣснопѣвья.

Л. Якубовичъ.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ИЗРАИЛЬ.

Возспалъ и низбросилъ оковы съ раменъ;
Попокъ Благодати крыломъ осянень,
Чрезъ степь ненавистнаго края,
Къ священной вершинѣ Синая
Впервые, свободную длань
Поднявъ къ небесамъ озареннымъ,
Возносишь чистѣйшую дань
Еговѣ молениемъ смиреннымъ.

«Прославленъ Ты изъ рода въ родъ,
Зидишель чудныя природы!
Грядешь опъ Нила Твой народъ
Съ зелѣной пальмою свободы.

«Волще грозилъ коварный Царь
Низвергнувъ въ прахъ Твою Свяшню:
Несемъ Её въ своихъ сердцахъ,
Поправъ гонимеля гордыню.

«Ты съ нами, мощный Царь царей,
Одѣшый облакомъ огниснымъ;
Ты шеспвуешь среди ночей
По небесамъ Египта чистымъ.»

Возспалъ, помчался *Фараонъ*;
Забыль и скипиръ и свѣшлый провъ.
По слѣду царской колесницы
Несутся рапниковъ спаницы.

«Поспигну дерзоспныхъ рабовъ,
Разсѣю родъ иноплеменный,
Да знаюшь меспъ моихъ боговъ!»
Вѣщаешь царь ожеспоченный.

И облако съ Неба внезапно спустилось:
Иакова племя во мракѣ сокрылось;
Смутились гоншпель, смутились полки—
Имъ кара знакома Господней руки.

Мчился врагъ, какъ вихрь пусыни,
Гнѣвъ горипъ въ его очахъ,
Гнѣвъ озлобленной гордыни
И проклятья на усахъ.

Гибель! понеть колесница
Средь-бѣльющихъ валовъ!
Бога мспящая десница
Мещеть грома на враговъ.

Судъ свершень! Враги въ пучинѣ!
Знаешь царь, слѣпый въ гордынѣ,
Знаешь дерзкіе полки
Мщенье Божеской руки!

Тимпанъ звучипъ, Израиль мощный
Егову славишь въ часъ полнощный;
Сердце чистѣйшій екмямъ
Несется къ пихимъ небесамъ.

Пл. Ободовскій.

КРЕМЕНЬ И СТАЛЬ.

(Басня.)

Кремень подругу-Спаль благодарилъ
И говорилъ:

«Спасибо, милая! лишь ты меня пронула,
Когда полмертвенный я зябнулъ въ пишинѣ,
Вдругъ что-то новое родилося во мнѣ
И искра изъ меня звѣздой блеснула...»

—Напрасно! отвѣчала Спаль:
Твое всегда въ тебѣ хранилось;
Огонь и свѣшь въ тебя вложила я-ль?—
«Всѣ шакъ, но если-бъ мы не сблизились съ шобюю,
Я былъ бы хладенъ, какъ мерпвецъ...»

*

Вопъ шакъ и съ головой, вопъ шакъ и для сердецъ!
Что Спаль, не случай ли, даруемый Судбою?
Ахъ, сколько-бъ свѣшлыхъ искръ въ умахъ,
И пылкихъ чувствъ въ заспынувшихъ сердцахъ,
Оспались навсегда время покрывы далью,
Когда-бъ судьба своей ихъ не коснулась Спалью

О. Глинка.

E N I G M E.

Avec quel plaisir au printems,
Lecteur, tu me vois naître.
Mais quand je viens à disparaître,
Adieu beaux jours et pour longtems.
Alors chez soi l'on se retire,
Et seul auprès de son foyer
On me prend, non pour s'instruire,
Mais bien pour se desennuyer.

Въ No 79, помѣщенная загадка значить: *Аѣ*.

M O D E S.

Le rouge en pots, très-fin, est ce que les femmes peuvent employer de moins nuisible à leur peau. Nul doute que ce brillant d'un moment n'altère le tissu qu'il a couvert, et le vinaigre anglais a dans ce genre beaucoup d'inconvéniens. A la longue le rouge en pots d'*Houbigan* a conservé une réputation immuable.

Pour dormir, on enferme ses mains dans des gants gris préparés. Le front se couvre de la même peau enduite de la même préparation. Les mains et le front conservent ainsi fort long-temps leur jeunesse et leur fraîcheur.

Pour nettoyer les cheveux, les assouplir, et leur donner du brillant, on ne peut rien choisir de mieux que l'*eau romaine*. Spiritueuse et fortifiante, l'*eau romaine* a de plus une odeur balsamique que la chaleur de la tête n'altère jamais. Celle de *Lubin*, rue *Saint-Anne*, est la meilleure qui ait été composée. Pour s'en servir, on imbibé une petite éponge avec laquelle on frotte les cheveux à la racine, après les avoir séparés par mèches.

Les personnes qui ont les cheveux un peu gras, se servent de son parfumé pour les nettoyer. On poudre entièrement depuis la racine, et l'on brosse jusqu'à ce que le son soit complètement enlevé.

Il est une mode pour les odeurs comme pour tout ce qui est de fantaisie, et ce n'est pas de petite importance de n'y pas manquer. Les essences fades, comme la rose, le jasmin, la fleur d'oranger, la vanille même, sont anciennes, et on ne les choisit plus. L'eau de cédrat, l'eau de Portugal, l'eau de miel d'Angleterre, sont les seules qui aient conservé quelque faveur.

Les essences sont de moins bon goût que les poudres et les herbes. Dans le linge, on place des sachets

de peau d'Espagne, de poudre d'Iris, ou d'Aloës. Dans les châles, les gants, les rubans, des paquets de vétiver de l'Inde ou de pate chouly de la Chine.

Le musc, autrefois si en faveur, n'est plus conservé par une femme de bonne compagnie.

M O Д Ы.

Дамы могутъ употреблять, съ меньшимъ вредомъ для ихъ кожи, весьма нѣжныя румяна въ горшечкахъ. Нѣтъ сомнѣнiя, чтобъ эпитъ мгновенный блескъ не порпилъ кожи; и Англійскiй уксусъ имѣетъ много невыгодъ на эпитъ счесть. Румяна въ горшечкахъ д'*Houbigan* сохранили свою славу въ продолжительномъ времени.

Ночью надѣвають на руки пригопшвенныя сѣрыя перчатки. Лобъ покрываютъ кожею, напшпанною шѣмъ же составомъ. Руки и лобъ сохраняютъ такимъ образомъ весьма долго свѣжестъ и молодостъ.

Чтобъ чистить волосы, дѣлають ихъ мягче, и придають имъ блескъ, всего лучше употреблять для эпаго Римскую воду (l'eau romaine).—Римская вода остра и крѣпительна, и имѣетъ бальзамической запахъ, который не исчезаетъ отъ головной теплоты. Лучшая находится у *Lubin*, въ улицѣ *Saint-Anne*. Употребляютъ ее, намочивъ губку, которою пруть волосы у корней, раздѣляя ихъ прядками.

Особы, у которыхъ волосы немного жирны, употребляютъ для чшщенiя ихъ составъ сей воды. Имъ напудрять совершенно волосы отъ корней, и потомъ счесываютъ щеткой, покуда голова будетъ чиста.

Есть мода на духи какъ и на все прихотливое, и проспуниться противъ неѣ не маловажно. Эссенции не съ сильнымъ запахомъ, какъ розовая, жасминная, изъ померанцовыхъ цвѣтовъ, съ ванилью уже стары и не употребляютъ. Вода de *cédrat*, вода de *Portugal* и вода de *miel d'Angleterre*, однѣ еще остались въ нѣкоторомъ употребленiи.

Порошки и шравы предпочитаютъ эссенциямъ. Въ бѣлье кладутъ мѣшечки изъ Испанской кожи, порошокъ *Iris*, или Алоя. Между шалей, перчатокъ и леншъ, кладутъ пакеты съ Индiйскимъ vétiver или Кишайскимъ pate chouly.

Мускусъ, бывшiй нѣкогда въ шакой модѣ, не употребляется ни одной дамой въ хорошемъ обществѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 81.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-спавкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Октября 8 дня, 1852 года.

Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы не увившій,
Презрѣнной чернотой забытый,
Безъ имени покинулъ Свѣтъ!

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДУЭЛЬ.

Болѣе 30-ти лѣтъ Гоплибъ *Дикберъ* со-держалъ пракпиръ въ небольшомъ городѣ N. Въ первые годы его пребыванія въ этомъ го-родѣ, общественное мнѣніе было противъ него: спарики и дамы считали его нравствен-ною заразою для молодежи; въ послѣдствіи же, когда возмужало новое поколѣніе, когда привычка навѣщать пракпиръ по окончаніи зазданія въ присутственныхъ мѣстахъ, а часпо и по вечерамъ, обратилась въ необхо-димость — *Богданъ Богдановичъ* сдѣлался важ-нымъ лицомъ въ городѣ. Его добродушіе, честность, усердіе и на все умѣренныя цѣ-ны приобрѣли ему общее почтеніе. Сановитая его наружность придавала ему видъ важный, глубокомысленный. Вообразите мушкетера за шестидесять, съ шарообразною палиею и коропенькими ножками, весьма много похо-жаго на географическій глобусъ; вообразите на этомъ пуловицѣ величественную голову въ сѣдовласомъ вѣнкѣ и съ такимъ лицомъ, которое, начиная сверху широкаго лба и до конца подбородка, имѣетъ видъ плоскаго ска-па, за исключеніемъ огромнаго носа, порча-

щаго на этомъ лицѣ какъ слуховое окно на крышѣ сарая; вообразите это все—и вы бу-дете имѣть вѣрный портретъ *Дикбера*. Къ этому надобно прибавить, что *Дикберъ* имѣлъ важную поступь и неповоропливую голову, и что всѣ почпи жители города были долж-никами *Дикбера*. Послѣ сего нами о немъ ска-заннаго, вамъ не должно удивляться, и еще менѣе сомнѣваться, въ низжайшей почпитель-ности обывателей къ *Богдану Богдановичу*. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ бы при многолюдствѣ ни показался *Богданъ Богдановичъ*, въ своемъ ли пракпирѣ, или на площади города, вездѣ толпа раздавалась предъ нимъ прямою ли-ніею—по направленію его носа, который, по причинѣ неповоропливости его головы, очень вѣрно показывалъ пунктъ, куда хотѣлъ ипшии *Богданъ Богдановичъ*: такъ флюгеръ показы-ваетъ направленіе вѣтра.

Изъ всѣхъ посѣщителей пракпира одинъ только школьный учитель *Морбусъ* былъ за-проспо съ *Дикберомъ*. Какъ старый холо-стяга, онъ былъ самымъ усерднѣйшимъ по-сѣстителемъ пракпира, и первоначальныя его посѣщенія скрывались во мракѣ учрежденія онаго. Съ давняго времени *Дикберъ* и *Мор-бусъ* считались коропенькими друзьями: казалось,

они жили душа въ душу, составляли одно нераздельное цѣлое, одно четвероногое. Ревностные поспышители пражкира завидовали счастью *Морбуса*, но никто изъ нихъ не проникнулъ, что сія связь, сія дружба плѣнны, какъ паутина. *Дикберъ* и *Морбусъ* были между собою совершеннымъ контрастомъ: первый былъ вспыльчивъ, гордъ, самонадѣянъ, но добръ; второй, напротивъ,—холоднокровенъ, язвительнъ, хитръ и эгоистъ. Для довершенія ихъ противоположности, *Морбусъ* имѣлъ согбенную и сухощавую фигуру. При таковой несходственности во всемъ, они не могли быть искренними друзьями. И почто! внимательно наблюдая, можно было замѣтить, что *Морбусъ* нѣсколько раздѣлялъ съ *Дикберомъ* общее почтеніе гражданъ, а послѣдній спарался пріобрѣсти власть и надъ первымъ. Многолѣтны были усилія *Дикбера*, но наконецъ и самые недалновидные замѣтили, что онъ достигъ своей цѣли. Можетъ быть, не смотря на свою аккуратность, *Морбусъ* попалъ въ число должниковъ *Богдана Богдановича*; только извѣстно, что онъ, сползая непримѣтно, спустился на ступень ниже съ высоты, занимаемой *Дикберомъ*. Взявъ поверхность надъ школьнымъ учителемъ, властлюбивый *Дикберъ* всѣми мѣрами держалъ его въ почтительномъ отъ себя отдаленіи и тѣмъ раздражалъ его чувствительность. Великія слѣдствія часто происходятъ отъ причинъ самыхъ маловажныхъ. Это правило мудрыхъ государственныхъ мужей—*Богданъ Богдановичъ* и *Адамъ Адамовичъ* подкрѣпили своимъ примѣромъ. Между ними честолюбіе бросило яблоко раздора: родились взаимныя неудовольствія и скоро обратились во вражду непримиримую.

Однажды, во время большаго спеченія поспышелей въ пражкиръ, Уздный Засѣдатель спросилъ *Морбуса*: «я непонимаю вашихъ частныхъ перебранокъ съ *Богданомъ Богдановичемъ*—съ! Отъ чего это—съ? Прежде вы были съ нимъ на коронкой ногъ—съ!»—Онъ и теперь на короненькихъ ножкахъ, отвѣчалъ съ досадою *Морбусъ*. *Богданъ Богдановичъ* былъ вблизи, слышалъ вопросъ и отвѣтъ, и послѣдній взбѣсилъ его до невѣроятности. И могло ли быть иначе? Дерзкій *Морбусъ*

коснулся до личности знаменитой особы въ городѣ. Оставивъ сей поступокъ безъ вниманія, значило бы вызывать другихъ на подобныя наглости, лишиться первенства, потерять вліяніе на дѣла общественныя, на управление....

Да! *Богданъ Богдановичъ* былъ правъ, вступаю за свою честь! Но какалъ ужасная сцена послѣдовала за этимъ! Брань посыпалась съ обѣихъ сторонъ; *Морбусъ* скорчился, а *Дикберъ* надулся—оба болѣе обыкновеннаго; казалось, что вопросительный знакъ стоитъ передъ нулемъ. Голосъ *Дикбера* гремѣлъ, заглушая собою не только поненькій голосокъ *Морбуса*, но и цѣлый хоръ примирительныхъ воззваній, который заплеснулъ гости, пившіе въ пражкиръ пиво. Сцена кончилась тѣмъ, что *Дикберъ* вызвалъ *Морбуса* на дуэль, которой быть назначено на другой день въ 5 часовъ утра, въ залѣ пражкира. Уздного Засѣдателя выбралъ *Дикберъ* себѣ въ секунданты, выбралъ, т. е. принудилъ идти за то, что онъ, хотя и невинно, однако подалъ поводъ къ ссорѣ друзей; *Морбусъ* выбралъ въ свои секунданты любимѣйшаго изъ бывшихъ своихъ учениковъ, канцеляриста *Липогкина*.

Какъ сильно забилось сердце канцеляриста, когда онъ получилъ сіе лестное предложеніе отъ *Морбуса*. Но не храбрость, а любовь произвела это внутреннее движеніе. Прошелъ уже цѣлый годъ съ того счастливаго и вмѣстѣ несчастнаго дня, въ который онъ высказалъ свои чувства спрашно любимой имъ *Машѣ*, хорошенькой дочери пражкирщика, получилъ взаимное признаніе, и сорвалъ первый поцѣлуй съ цвѣтущихъ устъ ея. Этимъ тяжкой годъ онъ не только не могъ цѣловать *Машу* и говорить съ нею, но самовластный *Дикберъ*, подспергши это заманчивый поцѣлуй, это первое произведеніе воспорженныхъ чувствъ дѣвушки, запретилъ канцеляристу даже думать о ней. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ видѣться съ *Машею*, канцеляристъ расчѣлъ, что для него выгоднѣе, сохраняя втайнѣ свою любовь, сохранить и неприкосновенность спины своей. Теперь онъ имѣлъ случай войти въ пражкиръ, въ храмъ любви его, на который

еще недавно осмѣливался смотрѣть только издали; теперь снова разыгрался въ его воображеніи мечтъ о женитбѣ, о семейственномъ счастьи. «Ахъ, еслибъ удалось мнѣ видѣться съ *Мишею*, думалъ онъ, сильно, сильно я прижалъ бы пухленькую ручку ея къ груди своей и покрылъ бы еѣ поцѣлуями. Быть можетъ, что спасу жизнь ея отца, и онъ въ благодарность... Нѣтъ! не можетъ быть! Я бѣдный канцеляристъ, а онъ важный человѣкъ, потому что богатъ! Онъ важный, преважный человѣкъ!... Но почему же и не такъ?... Развѣ я не читывалъ, что Принцессы выходилъ за мужъ за подобныхъ нашимъ братьямъ канцеляристамъ, а она вѣдь еще не Принцесса. Она Принцесса только для моего сердца.» Такъ мечталъ по своему страстный обожатель—и заснулъ, убаюканный сладкими мечтами.

Едва только проглянуло солнце въ роковой день битвы и уже все засуетилось въ пракпирѣ; окна въ залѣ заштынены и двѣ ржавыя шпаги положены на столѣ. Ровно въ 5 часовъ пришелъ въ пракпирѣ *Морбусъ* съ канцеляристомъ и *Засѣдателемъ*. Въ залѣ еще никого не было.

Засѣдатель. Ахъ, Боже мой! ужъ и шпаги готовы-сь! Неужели это не шутка-сь? Неужели вы не думаете о мировой-сь?

Морбусъ. Въ своемъ ли ты умѣ?

Засѣдатель. Кстапи ли драхся учпелю съ пракпирщикомъ-сь!

Морбусъ. Кстапи ли мирить судьѣ?

Судья. Это наше дѣло-сь!

Морбусъ. Ваше дѣло! когда возьмете съ каждой овцы по шкуркѣ?

Вскорѣ вышелъ и *Богданъ Богдановичъ*; онъ былъ въ шулуфѣ.

Морбусъ. Что это, г. Трактирщикъ, вы въ шулуфѣ?

Слово *трактирщикъ* заставило *Дикбера* вспыхнуть отъ негодованія; уже давно онъ не слышалъ такого себѣ названія; уже давно привыкъ считать себя вельможею; но это роковое слово поддержало изжившую въ немъ бодрость, воспламенило его бранный духъ.

Дикберъ. Вы также въ суконномъ сюртукѣ г. *Азбугникъ*, а не въ нанковомъ! Одежда

зависипъ отъ температуры человѣка, и потому вы можете надѣсть, что вамъ угодно.

Морбусъ. Смѣшная увертка, г. Продавецъ огурцовъ и жареной говядины! Я очень понимаю, что вы въ лихорадкѣ отъ прусосши.

Дикберъ. А вы... господинъ... господинъ... педантъ... господинъ *Букваревъ*; не придумаетъ, какъ и назвать его!

«Къ дѣлу!» воскликнулъ *Морбусъ* съ досадою: «мы пришли расчитываться не на словахъ.»

Оба противника взяли шпаги. Напрасно канцеляристъ умолялъ ихъ примириться; напрасно миролюбивый *Засѣдатель*, испустивъ изъ груди жалостный стонъ, проспиралъ къ нимъ руки изъ подъ стола, подъ который скрылся! Шпаги заблестали, и *Морбусъ*, разбѣшенный грубостями пракпирщика, нанесъ ему сильный ударъ по ногѣ толстымъ ребромъ клинка шпаги. Этого ударъ, заставивъ пракпирщика запрыгать на одной ногѣ, раздражилъ его до высочайшей степени; онъ не ожидалъ такой къ себѣ непочтительности даже и въ дуэли. «Вошь я! вошь я тебѣ!» закричалъ онъ зычнымъ голосомъ и, опустивъ на два шага назадъ, спрашно замачалъ шпагою. Тогда *Морбусъ* началъ наступать, и прижалъ къ спинѣ *Дикбера*. Противники скоро сблизились, и каждый изъ нихъ ухватился за конецъ направленной на него шпаги. Продолжительны были ихъ усилія освободить свои оружія, наконецъ это имъ удалось, но на короткое время. Началась новая схватка; *Морбусъ* оцарапалъ носъ своего противника; но концы шпагъ снова попались въ руки сражающихся! — Бѣдный *Засѣдатель*, дрожа всѣми членами и зажмуривъ глаза, молился; канцеляристъ, не ожидавшій никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ этой битвы, скрылся подъ шумокъ въ другія комнаты пракпирѣ; и нечаянно впустилъ въ залъ лгавую собаку. Собака, испуганная битвою, бросилась прямо подъ столъ на *Засѣдателя*; оробѣвшій *Засѣдатель* вскочилъ и хоптѣлъ бѣжать, но ударившись головою объ столъ, закричалъ отъ боли; столъ упалъ на собаку; собака завизжавъ, укусила школьнаго учителя; *Засѣдатель* спрятался за столъ и ударилъ ногою собаку; она кинулась на него

съ лаемъ—и новая пара сражающихся дополнила прежнюю карпину.

Между тѣмъ канцеляристъ бродилъ изъ комнаты въ комнату и, въ жару любви, позабывъ всѣ приличія, вошелъ прямо въ спальню *Маши*. *Маши* покоплась безпечнымъ сномъ на пуховикѣ, подъ розовымъ пафлянымъ одеяломъ. Живой румянецъ игралъ на ея полненькихъ щечкахъ; въ мглою ея лицѣ замѣпно было упоеніе, вѣрояпно опть пріятнаго сновидѣнія; кругленькими, блѣненькими ручками она прижимала одеяло къ своей, сильно колеблющейся груди, и розовыя ея губки были въ движеніи. Очарованный канцеляристъ пожиралъ дѣвушку огненными взорами, и болѣе не умѣя владѣть собою, упалъ на колѣни, схватилъ ея руку—и прильнулъ къ ней, какъ пчела къ липѣ. Можно вообразить спыдъ и воспоргъ пробудившейся *Маши*, и ея спараніе скрыться подъ покрывами! Но алчныя губы канцеляриста магнетически приросли къ рукѣ ея.

Въ это время въ залѣ заключено перемиріе. Собаку согнали съ поля сраженія, а измученные, покрытые попомъ бойцы, *Дикберъ* и *Морбусъ*, положили на время свои оружія, чшобы утолить мучившую ихъ жажду. «Воды!» кричалъ *Морбусъ*.—«Пива!» кричалъ *Дикберъ*.—«Не лучше ли винца на мировую-съ,» приговаривалъ секундантъ.—«Вѣчно у тебя хмѣльное на умѣ;» замѣнилъ ему *Морбусъ*.—Нѣтъ, пеперь виноградное! опвѣчалъ секундантъ.— Но виноградный сокъ примиренія еще не былъ поданъ, хотя и оба пропивника желали того. Опорожнивъ по двѣ бутылки, одинъ воды, а другой пива, они снова взялись за шпаги, но вяло и съ явною неохотою. Секундантъ, заливаясь слезами, просилъ ихъ помириться или опсуспить его домой. «Г. *Морбусъ* безъ секунданца, сказалъ онъ: почему-жь и мнѣ не уйти, вселюбезнѣйшій *Богданъ Богдановичъ-съ!*»—Только тогда замѣнили опсупствие канцеляриста. *Морбусъ*, не вѣря своимъ глазамъ, пропиралъ ихъ, бранился и общаривалъ руками всѣ углы комнаты, а *Дикберъ* весело шутилъ. Но вскорѣ сцена перемѣнилась. Въ залу прибѣжала запыхавшаяся и въ испугѣ спарая кухарка практирщика. «Ахъ, Боже мой!» вопила она:

«позоръ! позоръ! въ спальнѣ у барышни мущина! онъ спойпъ передъ нею на колѣняхъ, цѣлуепъ ея руки!» И мигомъ, всѣ бывшіе въ залѣ очутились въ *Машиной* спальнѣ. *Дикберъ* бѣсновался, а *Морбусъ* въ свою очередь надъ нимъ подшучивалъ. *Маши* плакала навзрыдъ; канцеляристъ ползалъ около *Богдана Богдановича* на колѣняхъ; практирщикъ тужилъ его, а плакса-Засѣдатель заливался слезами и бормоталъ: *избави насъ отъ лукаваго!* Язвительныя насмѣшки *Морбуса* чуть было не обрапили на него кулаковъ *Богдана Богдановича*, а кулаки *Богдана Богдановича* были не то, что его шпага! Къ счастью, бѣшенство *Дикбера* прошло, и онъ понялъ, что въ такихъ обстоятельствевахъ лучшее дѣло помириться съ *Морбусомъ*, соединить бракомъ свою дочь съ канцеляристомъ и угощать Засѣдателя бутылкою хорошаго вина.

Николай Каргофъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КОРСИКАНСКІЕ ПРАВЫ.

Матео Фальконе.

Оставя Порто-Веччіо и направивъ путь во внутренность острова, вы довольно крупо поднимаетесь на возвышенность, и послѣ прехъ часоваго перехода по излучистымъ пропикамъ, заваленнымъ большими камнями, а индѣ перерѣзанными оврагами, вы находитесь на краю весьма обширнаго пустыря, покрытаго мѣлкимъ лѣсомъ: это опечесство Корсиканскихъ пастуховъ и людей, ускользнувшихъ опть руки правосудія. Надобно знать, что Корсиканскій хлѣбопашецъ, желая избавиться опть труда удобряетъ свой участокъ земли, зажигаепъ часть лѣса: тѣмъ хуже, если пожаръ распространился далѣе, нежели сколько нужно; чшобы ни случилось, но онъ увѣренъ, что посѣвъ на землѣ, оплодотворенной золою, принесепъ обильную жатву. Обыкновенно снимаютъ одни только колосы, а солону оставляютъ: ибо уборка оной спѣпла бы труда. Невыгорѣвшіе древесные корни весною образуютъ цѣлыя кусты молодыхъ опроспковъ, копорые въ нѣ-

сколько лѣтъ разрастаются отъ 7-ми до 8 футовъ въ вышину. Сей заросшій лѣсъ называется *maquis*. Онъ состоитъ изъ разныхъ деревьевъ и кустарниковъ, перемѣшанныхъ рукою природы. Чтобы пройти чрезъ сей лѣсъ, надобно попоромъ прочищать себѣ дорогу; иногда вспрѣчаются такія заглохшія мѣста, гдѣ даже не могутъ продираяться дикіе бараны.

Если кто по несчастію впалъ въ пресупленіе, то ему оспаеется убраться въ кустарники Порпо-Веччіо, гдѣ онъ можетъ проживать безопасно, имѣя хорошее ружье съ доспачочнымъ запасомъ боевыхъ снарядовъ; онъ долженъ также имѣть темный плащъ съ кашшономъ, который будетъ служить вмѣсто одѣяла и перины. Паспухи снабжаютъ подобныхъ бѣглецовъ за деньги сыромъ и молокомъ, и послѣднимъ нѣчего опасаться правосудія или родственниковъ того лица, надъ которымъ совершено пресупленіе, развѣ сами они попадутся имъ въ городъ, гдѣ принуждены закупать иногда припасы.

Матео *Фальконе*, во время бытности моеѣ въ Корсикѣ въ 18— году, имѣлъ домъ въ полумилѣ отъ сихъ кустарниковъ. Онъ считался довольно зажиточнымъ человѣкомъ въ своемъ околоткѣ; жилъ на дворянской ногѣ, т. е. не заботясь ни о чемъ, и получая содержаніе отъ своихъ спадовъ, кои паслись въ горахъ паспухами, соспавляющими родъ кочеваго племени. Когда я видѣлъ его, спустя два года послѣ происшествія, которое намѣренъ описатьъ, онъ показался мнѣ не болѣе, какъ лѣтъ пятидесяти. Вообразите себѣ человѣка дюжаго, но малорослаго, съ курчавыми волосами, черными какъ смоль, съ орлинымъ носомъ, тонкими губами, большими и живыми глазами и цвѣшомъ лица, похожимъ на сапожные опворолы. Онъ почивался искуснѣйшимъ стрѣлкомъ даже въ своемъ краю, гдѣ хорошіе стрѣлки соспавляютъ небольшую рѣдкость. На примѣръ, *Фальконе* никогда не стрѣлялъ дробью въ аргали, но во 120 шагахъ всегда попадалъ пулею въ голову или въ лопатку дикаго барана. Ночью онъ также хорошо употреблялъ свое оружіе, какъ и днемъ. Мнѣ рассказывали одинъ случай, и кто не бывалъ въ Корсикѣ; тогда едва ли по-

вѣрится оному. Въ 24 шагахъ пославлена была зажженная свѣча позади листа бумаги, величиною съ парелку. Онъ прицѣмился, вспрѣломъ погасилъ свѣчу, и попомъ, въ продолженіе одной минуты, въ самой глубокой темнотѣ умѣлъ при раза пробить листъ, сдѣлавъ чепыре выспрѣла.

Съ такимъ опличнымъ искусствомъ, Матео *Фальконе* вошелъ въ большую славу. Его почитали споль же надежнымъ другомъ, какъ и опаснымъ врагомъ; впрочемъ, будучи услужливъ и соспрадапененъ, онъ жилъ мирно со всѣми въ округѣ Порпо-Веччіо. Но въ Корпѣ, откуда онъ взялъ жену, носились слухи, что онъ не слишкомъ разборчиво сбывъ съ рукъ своего соперника, сполько же опасно въ войнѣ, какъ и въ любви: по крайней мѣрѣ *Матео* приписывали ружейный выспрѣлъ, отъ котораго соперникъ его погибъ въ то самое время, какъ онъ брился передъ зеркальцомъ, повѣшеннымъ на его окнѣ. Когда это дѣло было кое-какъ замято, *Матео* женился. Жена его *Гюизена* произвела на свѣтъ сначала при дочери (отъ чего онъ приходилъ въ бѣшенство) и наконецъ сына, коему онъ далъ имя: *Фортуато*; онъ соспавлялъ всю надежду семейства и былъ единственнй наслѣдникъ опца. Дочери выданы въ замужество очень выгодно: опецъ ихъ, въ случаѣ нужды, могъ полагаться на кинжалы и шпудеры своихъ зяпѣвъ. Сыну его было только 10 лѣтъ отъ роду, но въ немъ уже открывались опличныя способности.

Въ одинъ осенній вечеръ, *Матео*, вмѣстѣ съ своею женою, ранѣе обыкновеннаго вышли изъ дома посмотрѣть на одно изъ своихъ спадовъ, пасущихся на полянѣ среди кустарниковъ. Маленькій *Фортуато* увязывался итти съ ними; но поляна была очень далеко отъ дома, сверхъ того надлежало оспаваться кому нибудь домосѣдомъ, и пакъ, опецъ не взялъ его съ собою: въ послѣдствіи увидимъ, имѣлъ ли онъ причину въ помъ раскаиваться.

Фортуато, оспаваясь уже нѣсколько часовъ одинъ, безопасно грѣлся на солнцѣ, смотря на снія горы, и занятый мыслию, что въ слѣдующее Воскресенье онъ будетъ обѣ-

дашь въ городъ у дяди своего капрала (*). Размысленія его вдругъ прерваны были звукомъ ружейнаго выстрѣла. Онъ вспалъ и повернулся къ долинь, откуда произошелъ звукъ. Ему слышались новые выстрѣлы въ разныхъ разстояніяхъ, мало по малу приближавшіеся; наконецъ на пропикѣ, ведущей изъ долины къ дому *Матео*, показался человекъ въ оспроконечной шапкѣ, какія носятъ горцы, съ бородою, въ рубищѣ, который пащился съ трудомъ, опираясь на ружье. Онъ раненъ былъ пулею въ ребро.

Эпо былъ бѣглець, который ночью отправався въ городъ для покупки пороха, попалъ на засаду Корсиканскихъ волпижеровъ. Послѣ смѣлой обороны, онъ принужденъ былъ опспустившись, неся на плечахъ непріятелей, посылавшихъ ему пули съ одного упеса на другой. Но онъ не долго могъ дѣйствовать проливъ военной силы, а рана его препятствовала ему достигнуть лѣса прежде, нежели солдапы.

Онъ подошелъ къ *Фортуато* и сказалъ ему:

«Ты сынъ *Матео Фальконе*?»

— Да. —

«Я *Жіанепшо Санпiero*. За мною гонящся. Скрой меня: я не въ силахъ бѣжать далѣе.»

— А что скажешь мой отецъ, когда я тебя скрою безъ его позволенія?—

«Онъ скажетъ, что ты сдѣлалъ доброе дѣло.»

— Правду ли ты говоришь?—

«Скорѣе скрой меня. Они идутъ.»

— Подожди, пока отецъ мой придетъ назадъ.—

«Мнѣ ждашь! провалъ возьми! Черезъ четверть часа они будутъ здѣсь. Скрой, говорю тебѣ, или я тебя убью.»

Фортуато опивчалъ ему съ удивительнымъ хладнокровіемъ:

— У тебя ружье разряжено, да и въ сумкѣ нѣтъ ни одного папрона.—

(*) Такъ называется человекъ, который по своему состоянию, связямъ и приверженцамъ, имевъ власть и пользуется дѣйствительною властію въ своей Шіевъ или Капшоувъ. Корсиканцы, по старому обычаю, раздѣляются на пять класовъ: на дворянъ (изъ коихъ одни именуются *magnifiques*, а другіе *signoris*), на капраловъ, гражданъ, крестьянъ и иностранцевъ.

«У меня еще оспаеется кинжалъ.»

— Но гдѣ тебѣ догнашь меня?— Онъ опскочилъ опъ него и привелъ себя въ безопасность.

«Ты не сынъ *Матео Фальконе*! Ты допускаешь схватить меня у вашего дома!»

Мальчикъ казался пронупымъ.

— Что ты мнѣ дашь, за то, что я тебя скрою?—сказалъ онъ подходя къ нему.

Бѣглець пошарилъ въ кожаной своей сумкѣ и нашелъ монету въ шесть франковъ, на которую вѣроятно хотѣлъ онъ купить пороху. *Фортуато* улыбнулся при видѣ серебряныхъ денегъ, схватилъ монету и сказалъ *Жіанетто*: не бойся ничего.

Топчасъ онъ вырылъ большую яму въ скрѣдѣ сѣна, сложенномъ передъ домомъ. *Жіанетто* свернулся въ ней, и мальчикъ закрылъ его сѣномъ, оставя малое опверстіе, дабы онъ могъ свободно дышать, но такъ, что нельзя было примѣтить, что въ сѣнѣ скрытъ человекъ. Онъ выдумалъ еще другую, хотя не мудрую хитрость: взявъ кошку съ копятами, положилъ ихъ въ сѣно, чтобы не думали, что оно смято недавно. Попомъ примѣтя слѣды крови по пропикѣ, пролегающей къ дому, онъ щцательно засыпалъ ихъ пылью, и снова спокойно сълъ грѣться на солнцѣ.

Черезъ нѣсколько мнупъ, шесть человекъ въ темныхъ мундирахъ съ желтыми воротничками, подъ командою *Адьюпанпа*, находился уже у воротъ дома *Матео*. *Адьюпанпъ* сей былъ нѣсколько сродни *Фальконе* (извѣстно, что въ Корсикѣ слишкомъ далеко счптаются родспвомъ). Онъ называлъ себя *Теодоромъ Галиба*: эпо былъ одинъ изъ дѣятельныхъ агентовъ полиціи, гроза преступниковъ, коихъ онъ не мало переловилъ.

«Здорово, брапецъ, сказалъ онъ подходя къ *Фортуато*: какъ ты выросъ!— Не проходилъ ли пупъ недавно какой нибудь человекъ?»

— О! я не такъ еще великъ, какъ вы, брапецъ,—опивчалъ мальчикъ съ глупымъ видомъ.

«Подожди, еще вырастешь. Но не видалъ ли ты здѣсь какого нибудь прохожаго, скажи мнѣ?»

— Не видалъ ли я прохожаго?—

«Да, человекъ въ оспроконечной шапкѣ изъ козьей шкуры, и въ камзолѣ съ красными и желтыми цвѣтами.»

— Человекъ въ оспроконечной шапкѣ и въ камзолѣ съ красными и желтыми цвѣтами?—

«Ну-да, не повторяй моихъ вопросовъ.»

— Сегодня по утрамъ проѣхалъ мимо нашего дома паспоръ на своей лошади *Piетро*. Онъ спрашивалъ меня о здоровьѣ бапюшки, и я ему отвѣчалъ... —

«А, шалунъ, ты хочешь меня провести! Говори скорѣе, куда скрылся *Жианетто*, мы его ищемъ, и я увѣренъ, что онъ прошелъ по сей тропинкѣ.»

— Кому про это знать?—

«Кому знать? Я знаю, что ты его видѣлъ.»

— Какъ можно видѣть прохожихъ, когда спишь. —

«Ты не спалъ, плушь, ружейные выспрѣлы разбудили тебя.»

— По этому вы, братецъ, думаете, что ваши ружья дѣлаютъ столько шума. Шпунцеръ моего бапюшки гораздо лучше ихъ. —

«Ты бредишь, негодяй! Я очень хорошо знаю, что ты видѣлъ *Жианетто*. Можешь быть, ты спряталъ его. Солдаты, подите обыщите домъ, нѣтъ ли тамъ нашего бѣглеца. У него одна нога подспрѣлена и онъ не такъ глупъ, чтобы пустился на одной ногѣ къ своему припону. Да и слѣды крови здѣсь останулись.»

— Но что скажетъ бапюшка? сказала *Фортуна*то усмѣхаясь, что скажетъ онъ, когда узнаетъ, что вы безъ него входили въ нашъ домъ?—

«Плушь! сказала Адьюпантъ *Галба*, подравъ его за ухо, ты у меня запоешь другимъ голосомъ. Если я задамъ тебѣ фухпелей двадцать, то можешь быть, ты скажешь всю правду.»

*Фортуна*то зубоскалилъ по прежнему.

— Отецъ мой, *Матео Фальконе*,—говорилъ онъ значительно.

«Знаешь ли ты, плушишка, что я могу опвесить тебя въ Корпу или въ Баспию, что я запрячу тебя въ пюрьюму, гдѣ ты будешь валяться на соломѣ, закую тебя въ кандалы и попомъ велю опсѣчь голову, если

ты мнѣ не скажешь, куда дѣвался *Жианетто Санпiero*.»

Мальчикъ захохоталъ, услышавъ сии смѣшныя угрозы; онъ пвердилъ только: мой отецъ *Фальконе*!

— Г. Адьюпантъ, прошепталъ одинъ изъ кавалеристовъ, къ чему намъ ссориться съ *Матео*. —

Галба, казалось, былъ въ замѣшательствѣ. Онъ тихо разговаривалъ о чемъ-то съ солдатами, которые успѣли уже обшарить весь домъ. Обыскъ сей не долго продолжался: ибо жильѣ Корсиканца состоятъ въ одной избѣ. Вся мебель заключается въ столъ, который служилъ вмѣсто кровати, скамейкахъ, сундукахъ, охотничьихъ приборахъ и домашнемъ скарбѣ. Между тѣмъ, *Фортуна*то поглаживалъ кошку, и по видимому, коварно забавлялся замѣшательствомъ драгуновъ и своего двоюроднаго брата.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С О В Ѣ Т Ъ.

(Изъ *Пивагора*.)

Когда бѣда къ тебѣ спучится въ дверь,
Скорѣе отвори, прими еѣ и вѣрь,
Что въ первый разъ найдешь въ ней ласковую
гостью;

Но если съ гордостью, репчивостью и злостью
Ты оптолкнешь еѣ отъ хранины своей,
То знай, не избежашь тебѣ ея когтей:
Она придетъ, придетъ—и мощными руками
Всѣ сломишь, сдвинетъ, испребишь;
Найдетъ, возьметъ тебя за тысячью замка...
Прошивъ неѣ—смиренье лучшей щипъ.

Θ. *Глинка*.

П И С Ь М О.

Одинъ, въ полночной тишинѣ,
Вчера читалъ я съ грустью нѣжной,
Письмо о нашей споронѣ
Отъ друга юности мятежной.
Его знакомыя черны
Въ душѣ невольно пробуждали
Давно забытыя печали,
Давно убитыя мечты;
Невольно предъ собой я видѣлъ

Людей, заброшенных въ глуши,
 Людей, копорыхъ опъ души
 Или любилъ, или ненавидѣлъ.—
 Ихъ лица быспро предо мной
 Воспомнанье рисовало,
 И снова съ ними, какъ бывало,
 Соединялъ я жребій свой....
 И спало жаль мнѣ бѣдъ минувшихъ
 И заблужденій юныхъ дней,
 И упованій обманувшихъ
 И неба родины моей.
 Проснулось давнее желанье
 Въ знакомый край направилъ путь,
 Узрѣлъ небесъ родныхъ сѣнь,
 Родимымъ воздухомъ дохнулъ!—
 Такъ, древле, плѣнникъ Вавилона
 Душой поскоющей лешалъ
 Въ спрану опцовъ, къ холмамъ Сіона,
 И пѣсни груспныя слагалъ.

А. Крюковъ.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ по нуждѣ замѣняетъ
 Епископа, Профессора, купца,
 Супруга, сына и опца,
 И слѣсаря и кузнеца,
 И дурака и мудреца,
 И должностъ ихъ прекрасно исправляетъ.
 Другой слогъ бѣдствіе и гореспъ означаетъ.
 А все, опвѣщичика, испца,
 Крючки подъячихъ безъ конца
 Напоминаетъ.

III.

Въ No 80, помѣщенная загадка значить: *Fueille*.

М О Д Е С.

Pour homme.—Les couleurs le plus de mode sont: le noir et le vert très-foncé, des collets de velours.

Quant aux formes, nous ne croyons pas pouvoir citer de remarques de meilleure autorité que celles faites dans les magasins de M. Schwartz.

Les tailles des habits et celles des redingotes se font moins longues que précédemment; les deux boutons plus rapprochés. Les basques des redingotes se portent courtes, juponnant légèrement; un rang de boutonnières; peu d'ampleur aux manches qui serrent légèrement le poignet, et ne s'avancent pas sur la main.

Pour le matin, les plus élégans gilets sont à fond marron-clair, fleurs fond blanc et autres couleurs; plus habillés: en piqué blanc, à fleurs brochées en cachemire, vertes ou bleues; ces gilets sont à châle, boutons haut, boutons de même étoffe.

Les pantalons sont à braguettes, coupés droit et couvrant le coude pied; les plus généralement portés le soir, sont blancs.

Ceux que nous pouvons désigner comme le plus recherchés sont en coutil anglais, ou *peau de taupe*.

Pour tout ce qui concerne la chaussure, c'est toujours à M. Montigaud, bottier, rue Vivienne, que nos élégans font de préférence leurs commandes.

М О Д Ы.

Для мужчинъ.—Цвѣта наиболѣе въ употребленіи: черный и весьма шемно-зелѣный; воршники бархатные.

Что же касается до покроя, то мы не можемъ описать замѣчаній вѣрнѣйшихъ магазина Г-на Шварца.

Линъ у фраковъ и сюртуковъ дѣлаются не такъ длинны, какъ прежде; пуговицы ближе одна къ другой. Фалды у сюртуковъ довольно коропки, и немного собраны; пуговицы въ одинъ рядъ; рукава не широки, слегка въ обтяжку около кисти, и не спускаются на руку.

Для уфра самые нарядные жилеты: по свѣтло-каштановому грунту цвѣты на бѣломъ грунту, и другихъ цвѣтовъ; нарядные: изъ бѣлаго пике, съ запканными Кашемировыми цвѣтами, зелеными или голубыми. Жилеты сіи съ шалью, заспегнуны высоко; пуговицы изъ шакой же матеріи.

Панталоны дѣлаются съ гульфиками (braguettes), разрѣзаны прямо и закрываютъ щиколку; вечеромъ по большой часпи носятъ бѣлые.

Самые щеголеватые дѣлаются изъ Англійскаго каламенка, или *кровой кожи*.

Все, что касается до обуви, по наши щеголы предпочтительно заказываютъ еѣ у Г-на Montigaud, сапожника, въ улицѣ Вивіеннѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 82.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 10½ №.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ОКТЯБРЯ 12 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Все каженся въ другомъ ошибкой намъ;
А примѣшься за дѣло самъ,
Такъ напраказишь вдвое хуже.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

БАШМАКЪ.

«Въ бытность мою ученикомъ въ Гимназіи, не помню въ чьей изъ безпокойныхъ головъ моихъ поварищей-насмѣшниковъ, въ первый разъ мелькнула мысль назвать *башмакомъ* прежде мой носъ, а потомъ самаго меня; только эта черная секунда, которая произвела сію мысль, была злополучною звѣздою моей жизни. Не умѣя хладнокровно переносить насмѣшекъ, я дрался съ своими товарищами, но это не помогало: ненавистное Тапарское слово безпрерывно звучало въ моихъ ушахъ.—Въ послѣдствіи, я поступилъ въ Университетъ и со мною поступило туда мое прозвище. Тамъ было еще труднѣе убѣждать своихъ товарищей физическою силою и, потому, мнѣ вздумалось совокупить всѣ свои умственные силы, дабы доказать имъ логически и математически, что я не *башмакъ*, а человекъ; но, увы! мои доказательства раздражали, а не умирляли; смѣшили, а не убѣждали: я самъ уже начиналъ сомнѣваться въ ихъ истинѣ. Нечего было дѣлать противъ общественнаго мнѣнія! *Башмаку* оспавалось смѣряться въ обществѣ задорныхъ людей.

Скоро мое прозвище выпѣснело мою фамилію: меня кликали *Башмакомъ*—и я оплывался!

Между тѣмъ, дичась и чуждаясь людей, я хорошо успѣвалъ въ наукахъ, и Университетъ наградилъ мои успѣхи чиномъ 10-го класса и учительскимъ мѣстомъ въ уѣздномъ городѣ, гдѣ жили и служили мои родственники. Тамъ приняли меня съ почтительностію, какъ ученаго юношу. На другой день послѣ моего пріѣзда, дядя мой сдѣлалъ пирушку въ честь ученаго племянничка. На этой пирушкѣ мнѣ очень понравилась одна дѣвица съ милымъ личкомъ и стройнымъ станомъ, и я, уволенный отъ панцовъ, ради моей учености и услалости отъ дороги, весь вечеръ слѣдилъ глазами за ея розовыми *башмаками*, легко и стройно лепавшими въ панцахъ по залѣ. Мой дядя—большой шутникъ,—замѣтивъ это, предложилъ за ужиномъ поспѣть за благоденствіе *башмака*, и я, забывшись, благодарилъ всѣхъ за честь, мнѣ оказанную. И предложенный поспѣть и моя благодарность удивили гостей. «*Башмакъ!*» воскликнула съ недоумѣніемъ одна пожилая дама.—Что вамъ угодно?—спросилъ я её. «Да развѣ вы *башмакъ?*...»—Да!... нѣтъ, нѣтъ!... не по, чтобы *башмакъ*, а... чѣрпъ меня возьми!...

«Чему вы удивляетесь, сударыня!» замѣпилъ мой дядя говорившей со мною дамѣ. «Вы знаете, какъ иногда могущественно дѣйствуетъ сила воображенія! Мой племянникъ весь вечеръ засматривался на розовыя *башмажки* — и я угадалъ по его глазамъ, что онъ желаетъ быть на ихъ мѣстѣ. Вдругъ ему представилось, что онъ и въ самомъ дѣлѣ въ нихъ обрапился; я это подмѣпилъ и предложилъ поспѣть, напередъ зная, какая выдепъ изъ эпаго сцена. Каковъ мой глазъ?» Дѣвица покраснѣлась, а я совершенно поперялся. На другой день, чтобы поправить мою неудачу въ свѣтѣ, я написалъ четверостишіе на розовый *башмакъ*; это происшествіе рѣшило послѣдующую мою участь: черезъ полгода я сдѣлался мужемъ дѣвушки въ розовыхъ *башмакахъ*. — Прекрасно кончилось, подумаете вы? Какъ бы не такъ! Года черезъ два послѣ моей женитьбы, *башмакъ* началъ играть самую злую ролю. Представьте мою жену, лепящую на меня въ атаку почъ въ почъ, какъ Французской кирасиръ: волосы разсыпаны по спинѣ и по плечамъ, а вмѣсто палаша ужъ не розовый, а чѣрный башмакъ; представьте себѣ, какъ она выпѣсняетъ меня изъ одной позиціи въ другую и съ ѣдкою злостію увѣряетъ, что мое лицо хорошо приходится по башмаку, ловко для него создано; представьте себѣ мои невольные кивкены послѣ каждаго наносимаго мнѣ удара, мое оборонительное-умоляющее положеніе, и судите объ эпой карпниѣ семейственнаго счастья! Судите, правъ ли я былъ, выдумывая разные предлоги, чтобы какъ можно рѣже быть дома. Но и внѣ своего дома я не былъ счастливъ; какой-то пайный голосъ непрерывно нашептывалъ мнѣ ужасные слова моей жены: ты никуда не скроешься опѣ моего *башмака*! Гуляя, или лучше сказать бѣгая около своего дома, я безпрестанно спотыкался, боясь смотрѣть внизъ, чтобы не увидѣть на дамскихъ ножкахъ своихъ грозныхъ мучителей. Неупомимый *башмакъ*, преслѣдуя меня въ продолженіе большой части моей жизни, казался мнѣ идеаломъ всего злаго; самый духъ-искуситель представлялся въ моемъ воображеніи не иначе, какъ въ видѣ огромнаго *башмака*. Измученный женою, убитый насмѣш-

ками знакомыхъ, не видя ни одного сострадапельнаго существа, которое бы принимало участіе въ моемъ горѣ, я поспепенно упадалъ духомъ и, наконецъ, сдѣлался ипохондрикомъ. Въ эпо время все одна мысль неопспупно преслѣдовала меня: мнѣ хотѣлось переплыть за море къ дикимъ Ирокезцамъ или Опантянамъ, въ спраны счастливейшія, гдѣ не посяпъ *башмаковъ*. Однажды я вышелъ изъ дома съ симъ намѣреніемъ, и почпн совершенно потерявъ рассудокъ, долго блуждалъ по городу; вдругъ какой-то домъ показался мнѣ кораблемъ; вхожу въ него, отворяю дверь..... увы! эпо была мастерская *башмачника*, эпо былъ мой адъ! — чувства оставили меня. Послѣ эпаго, поперяно въ моей памяти нѣсколько сценъ изъ цѣпи моей жизни; — горячка, а попомъ сумасшествіе омрачили мой рассудокъ; я жилъ безъ жизни; но сіп два года можно назвать переломомъ моихъ несчастій. Смупно помню послѣднія минуы эпаго ужаснаго положенія: мнѣ казалось, что я плылъ на корабль по морю; вѣперъ ревѣлъ; сдѣлы волны хлестали; изъ воды мелькали головы чудовищъ и носки *башмаковъ*; корабль прецалъ..... я схватился за мачту — и, чудо! корабль превратился въ величайшій *башмакъ*, а мачта въ ногу! При всемъ своемъ ужасѣ, я захохоталъ надъ несоразмѣрностію толщины ногъ, съ огромностію *башмака*. Вдругъ эпа чудная нога погрузилась въ воду, вѣроятно для того, чтобы спупить на дно и попомъ продолжатъ свое исполнское шествіе..... меня обдало холодною водою; — я очнулся; рассудокъ мой возвратился. Дѣйствительнo я упалъ въ прудъ сада моего дяди, который, заботясь о моемъ несчастномъ положеніи и употребляя всѣ средства для моего излеченія, наконецъ попалъ на извѣспный способъ дѣйствовать испугомъ. По выздоровленіи, я не нашелъ въ живыхъ моей жены, и проспилъ её. Я собралъ оставшіяся послѣ неё *башмаки* и, въ знакъ примиренія, усыпалъ ими прахъ ея, какъ цвѣтами! Пустъ съ нею плѣетъ все то, что можетъ напоминать худую ея сторону! Миръ праху ея!»

Эту исторію рассказалъ мнѣ одинъ съденъ-кой спаричекъ, съ которымъ сидѣли мы вмѣстѣ, во ожиданіи начала всенощной, на мо-

гильномъ камнѣ въ Троицко-Сергіевской пущинѣ, въ 16-ти верстахъ отъ Петербурга по Петербургской дорогѣ.

Н. Карлгофъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О КНИГАХЪ.

Въ Москвѣ, въ Мёрпвомъ переулкѣ, въ домѣ Грובה продаются по сходнымъ цѣнамъ рѣдкія книги.

Прилагаемъ реэспрѣ онымъ:

1. *Мистеріософія*, книга, дышущая благоволеніемъ къ человѣчеству.

Между многими полезными роду человѣческому открытіями, въ ней заключающимися, два секрета особенное вниманіе заслуживаютъ: первое, какъ изъ ничего сдѣлать что нибудь; второе, какъ изъ чего нибудь сдѣлать ничего.

Первый секретъ открытъ мѣнялою Толстоузовымъ, впорой карточнымъ игрокомъ Попытымъ-Чахоткинымъ.

2. *Зерцало истины*, великолѣпное изданіе, на Англійской веленовой бумагѣ, съ превосходными картинками и виньетками, совсѣмъ новый экземпляръ, до котораго еще никто не допрогивался. Доказательствомъ сему служатъ листы, еще не разрѣзанные.

Она сочинена въ правленіе Регента во Франціи. Авпоръ ея просидѣлъ 2 года въ Бастиліи, годъ въ Венеціанской тюрьмѣ подъ свинцоваго крылкомъ (*sous les plombs*), семь мѣсяцевъ въ Семибашенномъ замкѣ (въ Константинополѣ); три года пахалъ море на Англійскихъ галерахъ; выдержалъ проспу и сугубую пытку въ Испанской Инквизиціи и предаѣ анаѣемъ въ Римъ Папою.

3. *Искусство молчать*, съ эпиграфомъ: Доброе молчанье, чему не опивѣтъ? Три часты, переводъ съ Алжирскаго.

4. *Новѣйшій письмовникъ для домашняго употребленія влюбленныхъ обоего пола*; напечатана на розовой пафтѣ, переплетена въ сафьянъ небесно-голубаго цвѣта и спрыснута благовонною водою.

5. *О правильномъ употребленіи буквъ а, е, и, о, у, при изъявленіи восторга, пегали и удивленія.*

6. *Образцы краснорѣчія*, или пзясненіе методы говорить при часа и ничего не сказать. Шестъ частей, съ планомъ лабиринта.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КОРСИКАНСКІЕ ПРАВЫ.

(*Окончаніе.*)

Одинъ изъ солдатъ подошелъ къ скирду сѣна. Онъ увидѣлъ кошку, и небрежно всадивъ шпыкъ въ сѣно, пожалъ плечами, какъ бы чувствуя ничтожность своего опасенія. Ни что не ворошилось, и на лицѣ ребенка не видно было ни малѣйшаго движенія.

Адъютантъ и команда его опчаявались уже въ успѣхѣ своихъ поспковъ; они заботливо обращали взоры къ равнинѣ, какъ будто располагаясь опспустипть пою же дорогою, по которой прибыли, но начальникъ ихъ видя, что угрозами ничего не сдѣлаешь съ сыномъ *Фальконе*, рѣшился испытать его ласками и подарками.

«Послушай, дружокъ, сказалъ онъ, пы, я вижу, большой проказникъ! Ты далеко уйдешь. Но со мною поступаешь ты очень дурно, и если бы не опасался я раздражитъ дядю *Маттео*, то чѣрптъ меня возьми, еслибъ я не увелъ тебя съ собою.»

— Вотъ-те на! —

«Пускай-ка придетъ опецъ, я все расскажу ему, и за твою ложь онъ оппоритъ тебя до крови.»

— Право? —

«Ты увидишь, . . . но, послушай . . . будь умный мальчикъ и я подарю тебѣ что нибудь.»

— Я вамъ впередъ говорю, что если вы будете здѣсь долѣ мѣшкатъ, то *Жанетто* скроется въ свое убѣжище, а тогда прудненько будетъ опыскавъ его.—

Адъютантъ вынулъ изъ кармана серебряныя часы, спонвише не менѣе 6 червонныхъ, и замѣпивъ, какъ при видѣ ихъ запрыгали глаза у маленькаго *Фортуна*, онъ поднесъ ихъ къ нему, держа за спальную цѣпочку и сказавъ:

«Не правда ли; плутишка! тебѣ хотѣлось бы повѣсипть себѣ такіе часы на шею и рас-

хаживать павлиномъ по улицамъ Порто-Веч-
чіо; прохожіе спросятъ у тебя, который
часъ? а ты скажешь имъ, взгляни на мои
часы.»

— Когда я вырасту великъ, дядя мой ка-
праль подаритъ мнѣ часы. —

«Такъ; но у сына его есть уже часы; прав-
да, они не такъ хороши, какъ эпи... Одна-
кожь двоюродный братъ твой гораздо моло-
же тебя.»

Мальчикъ вздохнулъ.

«Ну что же, хочешь ли ты имѣть эпи ча-
сы?»—*Фортуна* съ боку посматривалъ на
часы, подобно кошке, которой предлагаютъ
цѣлаго цыпленка. Чувствуя, что съ нимъ
шутятъ, онъ не смѣетъ до нихъ допронуть-
ся; часно отворачивается въ сторону, что-
бы не впасть въ искушеніе; но безпрестан-
но облизывается, и какъ будто хочетъ ска-
зать *Адьюпанту*: какая жестокая забава.

Между тѣмъ *Гамба*, казалось, не шутя
предлагалъ ему часы. *Фортуна* не пропя-
гивая руки, сказалъ ему съ грозною улыбкою:
«за чѣмъ вы надо мною смѣетесь!»

«Ей, ей я не шучу. Скажи только, гдѣ
Жіанетто, и часы будутъ твоими.»

Фортуна улыбнулся въ знакъ недовер-
чивости, и устремивъ черные глаза свои на
Адьюпанта, хотѣлъ прочесть въ его гла-
захъ, можно ли вѣрить словамъ его.

«Я готовъ лишиться своихъ эполоповъ,
вскричалъ *Адьюпантъ*, если обману тебя!
Товарищи, будьте свидѣтелями; мнѣ теперь
нельзя опкаться опъ своего обѣщанія.»

Говоря такимъ образомъ, онъ все ближе
подносилъ часы, такъ что они прикасались
почти къ блѣдной щекѣ ребенка. На лицѣ его
ясно изображалась борьба жадности съ ува-
женіемъ къ правамъ гостепріимства. Обна-
женная грудь его сильно волновалась; онъ
едва переводилъ духъ. Между тѣмъ часы по-
спукивали, повертывались и иногда допроги-
вались до его носа. Наконецъ, правая рука его
мало по малу поднималась къ часамъ; онъ до-
пронулся до нихъ пальцами; они были уже
у него въ рукѣ, но *Адьюпантъ* все еще не
выпускалъ изъ рукъ цѣпочки... циферблатъ

былъ голубаго цвѣта... колпакъ недавно вы-
полированъ... на солнцѣ они горѣли, какъ
жарь... Искушеніе было слишкомъ сильно.

Фортуна поднялъ также лѣвую руку,
и черезъ плечо, большимъ пальцемъ молча, ука-
залъ на скирдъ сына, къ коему онъ присло-
нясь, сползалъ.

Адьюпантъ потчасъ понялъ его. Онъ вы-
пустилъ изъ руки цѣпочку; *Фортуна* уви-
дѣлъ себя единственнѣмъ обладателемъ ча-
совъ. Онъ вскочилъ и съ быстротою серны
оплелъ шагавъ на десять опъ скирда сына,
которую солдаты потчасъ принялись раз-
рывать.

Вскорѣ сынъ начало подниматься, и вы-
шелъ изъ него окровавленный человекъ съ кн-
жаломъ въ рукѣ; но когда онъ хотѣлъ спастъ
на ноги, по зашекивая кровью рука не позво-
лила ему сего сдѣлать. Онъ упалъ. *Адью-*
пантъ кинулся на него и обезоружилъ его.
Не смотря на сопротивленіе, его потчасъ
скрутили.

Жіанетто, лежа на землѣ какъ снопъ, по-
воротилъ голову къ *Фортуна*, который
подошелъ къ нему. «Сынъ *Фал*...!» сказалъ
онъ ему болѣе съ презрѣніемъ, нежели съ серд-
цемъ. Ребенокъ кинулъ ему золотую монету,
чувствуя, что онъ не заслужилъ еѣ; но бѣ-
глець не замѣчалъ эшаго движенія. Онъ хлад-
нокровно сказалъ *Адьюпанту*: любезный *Гам-*
ба, я не въ силахъ идти самъ; вамъ надобно
нести меня въ городъ.

«Ты былъ всегда такъ рзовъ, какъ коза,
возразилъ безжалостный побѣдитель; но будь
спокоенъ: я такъ радъ такой добычѣ, что
безъ успалости пронесу тебя цѣлую милю
на своихъ плечахъ. Впрочемъ, товарищъ, мы
сдѣлаемъ тебѣ носилки изъ прутьевъ и твоего
плаща; въ Фермъ-Креполи дожидаются насъ
лошадн.»

— Хорошо, сказалъ плѣнникъ; не забудь-
те также бросить пукъ соломы на ваши но-
силки, чтобы мнѣ удобнѣе было сидѣть.—

Между тѣмъ, какъ одни изъ солдатъ при-
гопояляли родъ носилокъ изъ вѣшей кашпа-
новыхъ деревьевъ, а другіе разсуждали о ра-
нѣ *Жіанетто*, вдругъ на поворотѣ прощия

ки, ведущей въ кустарникъ, показался Матео *Фальконе* съ своею женою. Жена его шла впередъ, кряпя подъ огромнымъ мѣшкомъ каштановъ, а мужъ ея гордо выступалъ, имѣя одно ружье въ рукахъ, а другое за плечами, ибо руки его не привыкли носить другой тяжести, кромѣ оружія.

При видѣ солдатъ, *Матео* сначала вообразилъ себя, что его пришли схватить. Но къ чему эта мысль? Развѣ *Матео* оскорбилъ чѣмъ нибудь правосудіе? Нѣтъ. Онъ пользовался хорошимъ о себѣ мнѣніемъ. Его иначе не называли, какъ *всесвѣтлымъ удалыцемъ*; но онъ былъ изъ числа Корсиканскихъ горцевъ; а каждый изъ земляковъ его имѣлъ всегда что нибудь на своей совѣсти, какъ то: выстрѣлъ изъ ружья, кинжалный ударъ, или другія подобныя бездѣлки. *Матео* былъ честнѣе другихъ; ибо онъ болѣе десяти лѣтъ уже не употреблялъ своего ружья пропивъ челоука; но впрочемъ, онъ всегда былъ остороженъ, и потому приготовился къ смѣлому отпору, если понадобится.

— Жена, сказалъ онъ *Гюизепъ*, сбрось свой мѣшокъ и будь въ готовності. — Она потчасъ повиновалась. Онъ отдалъ ей ружье, которое висѣло у него на перевязи, и помѣшалъ бы ему дѣйствовать. Онъ зарядилъ другое ружье, бывшее у него въ рукахъ и медленно пробирался домой, держась просади, которая окружала дорогу, готовый при малѣйшемъ неприятелискомъ обозрѣніи спрятаваться за самое толстое дерево, подъ прикрытіемъ коего онъ могъ бы обороняться. Жена слѣдовала по пятамъ его, неся подручное ружье и суму его. Должность доброй хозяйки, въ случаѣ войны, состоятъ въ томъ, чтобы заряжать ружья своего мужа.

Съ другой стороны, *Адьюпантъ* былъ въ большомъ замѣшательствѣ, видя *Матео*, идущаго мѣрнымъ шагомъ, съ ружьемъ, коего курокъ былъ уже взведенъ. Если *Матео*, думалъ онъ, находится въ родствѣ или дружеской связи съ *Жіанетто*, и если ему вздумается защищать его: то пули, посланныя изъ двухъ его ружей, также вѣрно дойдутъ до двухъ изъ насъ, какъ письмо по почтѣ, и если онъ обратитъ ихъ на меня, не смотря на родство! . . .

Въ семъ затрудненіи, онъ рѣшился на самое опважное дѣло: иппи одному прямо къ *Фальконе*, рассказать ему о случившемся, какъ спарому пріятели; но пѣсное происшествіе, раздѣлявшее его опъ *Матео*, показалось ему ужасно далекимъ.

«А! мой спарый поварищъ, вскричалъ онъ, какъ ты поживаешь, почтеннѣйшій! Это я, племянникъ пвой *Галба*.»

Матео, не отвѣчая ни слова, остановился, и во время разговора, поспешенно поднималъ вверхъ ружейный спволъ, такъ, что когда *Галба* подошелъ къ нему, оно обращено было уже къ небу.

«Здравствуй, дядюшка, сказалъ *Адьюпантъ*, пропягавая къ нему руку. Мы давно не видались съ тобою.»

— Здорово, пріяпель.—

«Я мимоходомъ пришелъ повидаться съ тобою и попросить тебя поклониться кузинѣ *Пель*. Сегодня сдѣлали дальній переходъ; но нельзя жаловаться на усталость: мы поймали славную пшцу. *Жіанетто Санпiero* теперь находится въ нашихъ рукахъ.»

— Слава Богу! вскричала *Гюизепа*. Онъ укралъ у насъ на прошлой недѣлѣ дойную козу.—

Слова сіи успокоили *Галбу*.

— Бѣдняга! сказалъ *Матео*, онъ умиралъ съ голоду.—

«Проказникъ оборонялся какъ левъ; онъ убилъ у меня двухъ развѣзжихъ, и не довольный пѣмъ, раздробилъ руку капралу *Шардону*; но это небольшая бѣда: онъ не болѣе, какъ Французъ. . . Послѣ того онъ успѣлъ спрятаваться такъ хорошо, что самъ чѣрпъ не нашелъ бы его. Безъ помощи маленькаго *Фортунато*, я никогда не открылъ бы его.»

— *Фортунато*?— вскричалъ *Матео*.

— *Фортунато*!—повторила *Гюизепа*.

«Да, *Жіанетто* зарылся въ сѣно; но плутишка *Фортунато* сыгралъ со мною шутку. Я непременно увѣдомлю о томъ Начальство, чтобы оно поспаралось наградить его за сію услугу. Имена ваши будутъ также включены въ донесеніе главному Адвокапу.»

— Проклятіе да поспитнепть его! — въ бѣшенствѣ произнесъ *Матео*.

Они подошли къ опряду. *Жіанетто* положили уже на носилки, и все готово было къ походу. Увидя *Матео* вмѣстѣ съ *Гамбою*, онъ дико улыбнулся, и обратясь къ дому, плюнулъ, сказавъ: «это гнѣздо предашеля!»

Одинъ только человекъ, обрешій себя на гибель, могъ вымолвить сіе слово на счетъ *Фальконе*. За такую укоризну ему стоило бы только нанести одинъ княжальный ударъ, котораго было бы довольно. Однако *Матео* закрылъ только лице свое рукою, какъ человекъ, расперзанный горестью.

Фортунато вошелъ въ домъ, увидя опца своего. Онъ скоро вышелъ опять съ кружкой молока, которую съ помусленными глазами поднесъ *Жіанетто*. — «Прочь отъ меня!» вскричалъ преступникъ спрашнымъ голосомъ; потомъ обратясь къ одному изъ кавалеристовъ, сказалъ: «поварищъ, дай мнѣ напишься;» солдатъ зачерпнувъ воды въ ранецъ, поднесъ его *Жіанетто*, и разбойникъ утолилъ жажду, принявъ воду изъ рукъ того человека, съ которымъ незадолго предъ тѣмъ мѣнялся пулями. Потомъ онъ попросилъ перевязать себѣ руки, чтобы онъ лежали на груди, а не за спиною, примолвивъ: «я люблю лежать вольно.» Просьба его исполнена, и *Адьюпантъ* подаль знакъ къ отъѣзду, проспаясь съ *Матео*, который не отвѣчалъ ему ни слова, и скорыми шагами пошелъ къ равнинѣ.

Около десяти минутъ прошло, какъ *Матео* не говорилъ ни слова. Сынъ его съ беспокойствомъ посматривалъ по на мапъ, по на опца, который опершись на ружье, смотрѣлъ на него съ ужаснымъ гнѣвомъ.

«Хорошо ты началъ!» произнесъ наконецъ *Матео* глухимъ, яростнымъ голосомъ.

— Папинька, — вскричалъ мальчикъ со слезами, готовый броситься на колѣна; но *Матео* вскричалъ: прочь отъ меня! и ребенокъ опойдя отъ опца на нѣсколько шаговъ, заливался слезами.

Гюизена подошла къ нему. Она замѣтила цѣпочку отъ часовъ, которая видна была изъ за пазухи *Фортунато*.

«Кто далъ тебѣ эти часы?» спросила она спрогимъ голосомъ.

— Братъ мой, *Адьюпантъ*. —

Фальконе схватилъ часы, и въ дребезги разбилъ ихъ объ камень.

«Жена, сказалъ онъ, мой ли это ребенокъ?»

Смуглая щека *Гюизены* побагровѣла: — что ты говоришь, *Матео*? въ своемъ ли ты умѣ? —

«Такъ, этотъ ребенокъ первый былъ измѣнникомъ въ нашемъ родѣ.»

Фортунато началъ плакать слѣзѣ, и *Фальконе* не сводилъ съ него пронзительныхъ взоровъ. Наконецъ, онъ ударилъ прикладомъ ружья объ полъ, закинулъ оное на плечо и пошелъ въ лѣсъ, приказавъ *Фортунато* итти за нимъ. Мальчикъ повиновался.

Гюизена побѣжала за нимъ, и схватила его за руку. Это сынъ пвой, говорила она прещущимъ голосомъ, успремивъ на мужа черные глаза свои, какъ бы желая узнать, что происходило въ душѣ его.

«Оставь меня, сказалъ *Матео*; я его отецъ.»

Гюизена обняла сына и возвратилась въ свою хижину: она пала на колѣни передъ образомъ Пресвятой Дѣвы и усердно молилась. Между тѣмъ *Фальконе* зашелъ довольно далеко по тропинкѣ и дойдя до одного оврага, сошелъ въ него. Онъ попробовалъ землю ружейнымъ прикладомъ, довольно ли она мягка. Мѣсто сіе казалось ему удобнымъ для выполнения его намѣренія.

«*Фортунато*, спань у эпаго большого камня.»

Мальчикъ повиновался и спалъ на колѣни.

«Прочти свои молитвы.»

— Папинька, папинька, не убивайте меня. —

«Читай молитвы;» вскричалъ *Матео* грознымъ голосомъ.

Мальчикъ, рыдая, прочелъ: *Отче нашъ* и *Вѣрую*. Отецъ громко повпорялъ: *Аминь*, послѣ каждой молитвы. —

«Всѣ ли ты прочелъ молитвы, какія знаешь?»

— Папинька, я знаю еще: *Богородице, дѣво радуйся*, и молитвы, которыми научила меня пѣпка. —

«Онъ слишкомъ длинны; но что нужды?»

Мальчикъ кончилъ чтеніе умирающимъ голосомъ.

«Все ли ты кончилъ!»

— Папинька, простите меня: я не спану
этого дѣлать! Я попрошу дядюшку, чптобы
онъ простилъ *Жанетто*. —

Онъ продолжалъ еще говорить; *Матео*
приложился въ него ружьемъ, сказавъ: Богъ да
проститъ тебя! Мальчикъ въ отчаяннѣи хотѣлъ
обнять кодына отца своего, но уже было
поздно. *Матео* спустилъ курокъ и *Форту-*
нато палъ мертвый.

Матео, не кинувъ ни одного взгляда на
прутъ, пошелъ домой за заступомъ, чптобы
вырыть могилу для своего сына. Едва сдѣ-
далъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ встрѣшилъ
Гюизену, которая привлечена была ружей-
нымъ выстрѣломъ.

— Чпто ты сдѣлалъ! — вскричала она.

«Удовлетворилъ правосудію.»

— Гдѣ онъ? —

«Въ оврагѣ. Я хочу зарыть его. Онъ
умеръ по Христіански. Я закажу оппѣть
по немъ панциду. — Скажи зяпю Теодору
Біанки, чптобы онъ перешелъ къ намъ жить.»

Пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НЕВѢСТА СЪ ПРИДАНЫМЪ ВО 100,000 РУБЛЕЙ.

Друзья! хотите ли *жениться*?

Не надо счастья упускать,

Оно въ дверяхъ у васъ спучится;

Берите—коль есть случай *брать*.

Невѣста рѣдкая предъ вами,

Её не сыщете милѣй:

Сто тысячъ, подивилесь сами,

Въ приданое даютъ за ней.

Она съ семнадцатою весною,

Какъ роза нѣжная цвѣщеть,

Лицемъ прелестна и душою,

Улыбкой всёхъ къ себѣ влечѣтъ;

Скромна, щеславія не знаетъ,

Не философка, но умна;

А *умъ въ женѣ* вѣдь не *лѣшается*,

Кодъ имъ не чванится она.

Такая рѣдкость, кто-жь поспоритъ,—

Конечно *двадцать тысячъ* споитъ . . . 20,000.

Она въ хозяйствѣ сущій кладъ,

Въ расходахъ очень бережлива:

Какой же мужъ не будетъ радъ

Подругъ, столь неприхотливой?

Она не любитъ пышно житьъ,

Съ блестящимъ незнакома свѣтомъ;

Но можетъ мужа *накормить*,

Помочь и дѣломъ и совѣтомъ.

Такая рѣдкость, кто-жь поспоритъ,

Конечно *двадцать тысячъ* споитъ . . . 20,000.

Съ ума опъ моды не сойдешь,

Чптобъ на убранства разоряешь;

Скроишь обнову и сошьѣшь.

Сама, коль хочетъ наряжаться.

Не *ездитъ* любитъ, а *ходитъ*;

Её карета не прельщаетъ;

Терпѣшь не можетъ хворой бытьъ;

А Докпоръ много соспавляетъ.

Такая рѣдкость, кто-жь поспоритъ,

Конечно *десять тысячъ* споитъ . . . 10,000.

Несносенъ балный шумъ для ней,

Она до утра не танцуетъ,

Въ забаву-жь часно безъ гостей

Одна по залѣ *вальсируетъ*.

Въ шеапръ не ездитъ слѣзы липъ

Съ слѣпцомъ *Эдиномъ* или *Леаромъ*;

Для ней пріятнѣй погруститъ

И посмѣяться дома—*даромъ!*

Такая рѣдкость, кто-жь поспоритъ,

Конечно *десять тысячъ* споитъ . . . 10,000.

Не въря лести, похваламъ,

Ноги къ нимъ въ сѣни не пропянешъ,

И, моднымъ вопреки жецамъ,

Она любитъ липъ мужа спанешъ.

Къ нему всю вѣрность соблюденъ

Въ столицѣ нѣги, на свободѣ;

Она за тяжкій грѣхъ сочтетъ

Украститъ мужній лобъ *по модѣ*...

А эпа рѣдкость, кто-жь поспоритъ,

Конечно *сорокъ тысячъ* споитъ . . . 40,000.

Сто тысячъ весь ипогъ выходитъ . . . 100,000.

Гаврииль Кругликовъ.

LOGOGRIPE.

Mon tout s'emploie à calmer les élans
De la jeunesse emportée ou légère.
Mais sans mon chef, du ravage des ans,
J'imprime aux yeux la trace passagère.
Souvent alors, par un heureux retour,
Les traits charmans d'un esprit plein de grâce
Viennent du moins compenser de l'Amour
Les ornemens, dont ils tiennent la place.

Въ No 81, помѣщенная шарада значить: Я-бѣда.

MODES.

Il nous reste, pour compléter ce que nous avons entrepris dans notre dernière livraison, de dire un mot des parfums d'appartement. D'abord, par-dessus tous les autres, les fleurs en profusion tiennent la première place. L'eau connue sous le nom *d'eau à brûler de Lubin* parfume doucement et laisse quelque chose d'aromatique.

Il y a plusieurs essences destinées à être brûlées, des essences de jasmin, d'héliotrope, de tubéreuse. Ces parfums, qui se dissipent très-prompement, se brûlent dans des cassolettes à l'esprit de vin, de manière que l'eau distille goutte à goutte sur la lumière. Teissier, rue Richelieu, a le premier conçu cette idée ingénieuse, et l'a perfectionnée avec goût et grand soin.

En fait de toilettes, il nous serait bien difficile de donner dans ce moment des nouveautés un peu saillantes; car personne ne songe à des variations de formes dans un moment où la saison a donné tout ce qu'elle pouvait, et toute prête à quitter pour laisser la place aux modes d'automne.

Pour les coiffures, on parle beaucoup de revenir aux boucles de cheveux unies, point crépées. La manie de simplicité qui continue de diriger la mode pourrait bien amener ce changement, qui, du reste, ne peut être soutenu que par de très-jolies femmes, aux petits traits délicats, aux cheveux fins et soyeux. Pour ce qui est des autres, les cheveux crépés légers qui accompagnent le visage et déguisent les traits un peu saillans, siéront toujours infiniment mieux que quelques boucles plates et lourdes.

Les jeunes personnes disposent leurs papillotes en touffes qui retombent sur l'oreille et laissent le front entièrement à découvert.

Pl. No 29. Chapeau de paille orné d'un bouquet de plumes.—Robe de batiste d'ecosse garnie d'une pelérine brodée et bordées du ruches de tulle.

МОДЫ.

Намъ оспаеется, въ дополненіе начатаго нами въ последнемъ No, сказать слово о комнатныхъ куреніяхъ. Сперва, предъ всеми прочими, множеству цвѣтновъ занимають первое мѣсто. Во-да, извѣстная подъ названіемъ *d'eau à brûler de Lubin*, наполняетъ комнату пріятнымъ легкимъ запахомъ и оставляетъ ничто ароматическое.

Есть много эссенцій для куренія: жасминныя, эліотроповыя, пуберозовыя. Куренія сіи, исчезающія весьма скоро, сжигаются въ курильницахъ на винномъ спиртѣ, такъ что вода дисциплируется на огонь капля по капль. Teissier, въ улицѣ Ришельѣ, первый имѣлъ эту счастливую мысль, и усовершенствовалъ еѣ со вкусомъ и большимъ тщаніемъ.

Что касается до нарядовъ, то намъ довольно трудно бы было выдать новости немного значительныя, потому что никто не думаетъ о пере-мѣнѣ фасоновъ въ то время, когда всѣ лѣшнія моды вышли и готовятся уступить мѣсто осеннимъ.

Въ прическахъ же, кажется, хотѣвъ возвратиться къ гладкимъ, не взбихимъ локонамъ. Склонность къ простотѣ, которая продолжаетъ управлять модою, очень можетъ ввести эту пере-мѣну, которая, впрочемъ, будетъ только поддержа-на красавицами, съ миленькими нѣжными чертами, шонкими шелковистыми волосами. Что же касается до другихъ, то слегка взбихые волосы, которые прикрываютъ лице и черпы немного означенныя, украсяють всегда болѣе, нежели нѣсколько гладкихъ и тяжелыхъ локоновъ.

Молодыя дѣвцы дѣлають локоны куспиками, которые упадають на уши, лобъ оспаеется совершенно открытымъ.

Карш. No 29. Соломенная шляпка съ пукомъ перьевъ.—Платье изъ Шотландскаго бапписа, съ вышитую пелеринкою и обложенная шюлевыми рюшами.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 83.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доплаткою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Октября 15 дня, 1852 года.

Блаженъ, кто здѣсь тебя, Надежда, ис шерльзъ,
Кшо въ горестяхъ подь кровъ твоя шихъ прибъгалъ!
Ты счастье нашихъ дней, мятежныхъ, скоротечныхъ;
Ты радуга для насъ во время бурь сердечныхъ!

Н. Ивановичъ-Писаревъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ БЫТЬ НѢКОТОРЫХЪ РУССКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.

(Статья четвертая).

Макаръ не шужитъ ни о чѣмъ,
Ему покой всего дороже:
Съ всесельемъ шумнымъ незнакомъ,
Онъ незнакомъ со скукой поже;
Засплетъ онъ ночью крѣпкимъ сномъ
Едва глаза свои зажмуришь;
Поутру вспанелъ молодецъ,
День цѣлый послѣ балагурить.

Баратынскій.

Деревенскій сосѣдъ мой, вѣчный Прапорщикъ и не кавалеръ Николай Андреевичъ *Полежагинъ*, не картежникъ, не пьяница, не ябедникъ, не буянъ, не взяпочникъ, не переночникъ вѣспей, не донощикъ, не кровопроливецъ; кромѣ собственннхъ креспьянъ своихъ никого не обижаетъ, ни передъ кѣмъ не ползаетъ, никуда не ползетъ, ни на кого не навязывается, никому не надѣдаетъ, не былъ ни подь отчествомъ, ни подь сѣдспвіемъ, ни подь судомъ:

по всѣмъ вышеисчисленнымъ качествамъ, я имѣю право назвать его *дорогимъ* сосѣдомъ.

Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ преблагообразно расположилъ планъ своей жизни, п. е. былъ записанъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ Сержантомъ. Не поднявъ соломенки, не полько ружья, не сломавъ похода къ *Николу Радонежскому* (монашпырь въ 60-ти верспахъ отъ его деревни), не полько Польскаго или Турецкаго, онъ былъ бы въ день новаго 1797 года выпущенъ въ армію Кашишаномъ, и, не являясь въ полкъ, взялъ бы опспавку и Маюрскій чинъ.

Наспало вожделѣнное 1-е Января 1796 года: сверспникъ *Полежагина* (ему было 18 лѣтъ отъ роду): военные, гражданскіе, придворные, служащіе и неслужащіе, мыкались по бѣлокаменной Москвѣ съ визитами, съ поздравленіями, а мой сосѣдъ-философъ дома въ шулуфъ и шуфляхъ переваливался на пуховикахъ съ боку на бокъ.

Прикапила на росписныхъ санкахъ пройкой съ колокольчикомъ гуляка-Масляница: начали печь блины, жарить алады, печь пряженцы; разряженныя барыни, размѣванныя купчики, ухарскіе Офицеры, лихіе подъячіе, щеголи-дворянчики, расфранченныя купчики ры-

скали на иноходцахъ и рысакѣхъ изъ подъ Дѣвичьяго монастыря въ Сокольники, и съ бѣга опѣ Калужскихъ воропѣхъ въ Покровское на капанье. И моему спешенному сосѣду положили покойныя сани, возложили на него эноповую шубу, уложили его въ сани, обложили подушками, прокапали по Поварской, по Вздвигенкѣ, по Моховой, Мясницкой, Пепровкѣ, Тверской, Никитской; оспановились у крыльца, вынули его, какъ поклажу и вывалили на диванъ, какъ кулъ хлопчатой бумаги.

Пропащился по слякоти великій поспѣ, дождался православныя Христіане Свѣтлаго праздника—и загудѣли колокола къ заупрени, заспонала опѣ гула мапѣ-сыра-земля, заблещали ярко плашками извнѣ, свѣчами внутри Божіи церкви.—Чего не могли осилить ни злуполубіе, ни честолубіе: то произвела набожность. Она подняла въ полночь съ постели моего спешеннаго сосѣда; онѣ проспоялъ и заупрению и обѣдню. Такое усиліе, такое напряженіе силъ требовало отдыха—и онѣ, по Христосовавшись съ дворовыми людьми, разговѣвшись и напившись кофе, залѣгъ спать—и проспая до обѣденъ Свѣтлаго понедѣльника.

8-е Мая отслужило свои 24 часа: въ самую полночь смѣнило его 9-е число. Мой сосѣдъ оспраждновалъ свои именины.

И Троицынѣ, и Духовѣ, и Пепровѣ день прошли одинѣ за другимѣ. Сосѣдъ мой все ближе и ближе спановился къ своей цѣли.

Ужѣ вопѣ и *Мокрой Спасѣ* (*), и Августѣ наступилъ,

И на воду сходили съ образами;
Священникъ первенцы во храмѣ освящилъ,
И съ водосвящія народѣ идепѣ шолпами.
Вопѣ лѣто красное почши ужѣ опшошло!
Іюль минулъ; ужѣ къ осени пошло,
И вопѣ она не за горами!

Роняетѣ лѣсъ багряный свой уборѣ,
Сребрипѣ морозѣ увянувшее поле,
Проглянетѣ день, какѣ будпо по неволѣ
И скроепѣ за край окружныхъ горѣ.

Прошелъ мрачный Октябрь, пришелъ угрюмый Ноябрь: оспавалось шолько 55 дней до Капитанства...

(*) Праздникъ 1-го Августа.

Внезапно....

Гдѣ ризы свѣшлы, златозарны?

Гдѣ взоры голубыхъ очесъ?

Гдѣ вѣкъ *Екатерины* славный?

Ужѣ нѣпѣ ихъ!... Въ высотѣ небесъ

Явился новый годѣ намѣ въ мирѣ

И *Павелъ* въ блестящей порфирѣ.

Четпуре пысячи недорослей, гвардейскихъ унперовъ, изъ коихъ многіе вывели уже своихъ недорослятокъ, вызваны въ Пепербургъ на службу. И для моего неподвижнаго сосѣда кончилось Импаліанское *far niente*, Турецкій кейфѣ. Онѣ улегся въ рогожную кибитку, какѣ въ глубокую берлогу—и съ Коломенскимъ ямщикомъ на пропяжныхъ поплнулся въ Пепрополь. Его везли ровно двѣ недѣли, а онѣ спаялъ, спаялъ, спаялъ—и проспоялся у Царскосельской заспавы. Видѣ шлагбаумъ, погда впервые на Руси появившагося, поразилъ его. Онѣ погрузился въ думу о своей участи—и рѣшилъ, во что бы то ни спало, бросить службу, пребующую дѣяпельности.

Зная ничтожность своего званія и понудипельность обстояпельствъ, онѣ видѣлъ, что ему надлежало поспупапѣ оспорожно, что опрометчивость могла вывеспни его на сцену, гдѣ по неволѣ заспавили бы его перемѣнипѣ шагѣ на рысь и сонѣ на бѣнне. Онѣ сшилъ себѣ мундирѣ, явился въ ропу, предспавленѣ на смотрѣ полковому Командиру. Его нарядили въ караулѣ: онѣ нанаялъ за себѣ проворнаго унперѣ-офицера изъ солдатскихъ дѣпей; поспребовали на ученье: онѣ сказался больнымѣ. Въ эпо время набирали Кавалергардскій полкѣ изъ дворянѣ: мой сосѣдъ подумалъ—и опказался опѣ сей честпн. Его, какѣ одного изъ старшихъ по списку, хопѣли произвеспѣ въ Поршупей-Прапорщики—онѣ успупилъ спаршинство—молодому честполубцу, земляку своему.

Но какѣ скоро начался выпускѣ въ армію: мой сосѣдъ первый объявилъ желаніе. 17 Января 1797 года онѣ произвденѣ въ Прапорщики въ Нашебургскій мушкеперскій полкѣ, имѣвшій погда въ Москвѣ непремѣнныя свои кварпиры.

Полежаинѣ прожилъ въ Пепербургѣ всѣ деньги, и, по примѣру соппи другихъ въ Офѣ-

церы выпущенныхъ дворянъ, нанялъ до Москвы ямщика, съ пѣмъ, чтобы ему на свой счётъ поить и кормить его *Полежагина* дорого, а деньги получить по доставкѣ на мѣсто.

И онъ въ Москвѣ! Онъ явился къ Коменданту, началъ нести дѣйствительную службу; но будучи отъ природы сонливъ и мѣшкапенъ, бѣдный сосѣдъ мой частѣхонько опаздывалъ и къ разводу, и на ученье. Это бы еще сошло ему съ рукъ; но медлительность, съ какою выходилъ онъ изъ караульни, когда часовой кричалъ: *вонъ!* погубила его. Дежурный по карауламъ Штабъ-Офицеръ, Плацъ-Маіоръ, Плацъ-Адъютанты частѣхонько заставляли его безъ галстука и мундира, а ночью и безъ сапоговъ: онъ опмѣченъ въ кондуишнихъ спискахъ нерачипельнымъ. Допянувъ до Сентября, онъ подалъ челобитную въ опспавку: его исключили изъ службы за *лѣность и нерадѣніе ко оной*.

Другіе недоросли, хотя справедливо подвергнулись сей участи, огорчились. Моему *Полежагину* ни печалиться, ни хлопотать было не о чемъ. Конечно, на немъ осталась чѣрненькое пятнышко, ему запрещенъ въѣздъ въ столицу: за то, какое раздолье! спи сколько хочется, валяйся по постелѣ, сколько душѣ угодно!

Спустя съ полгода, Государь, милосердуй о сихъ заблудшихся дворянчикахъ, соизволилъ разрешить имъ вступленіе въ службу, съ пѣмъ, чтобы они пріѣзжали въ Петербургъ и были представляемы Ему лично. Почти всѣ воспользовались Вы сочайше дарованною милостью: одни приняты опять въ военную, другіе въ гражданскую службу и, будучи людьми грамотными, годными, вышли не только въ Штабъ-Офицеры, но и въ Генералы, но и въ Сенаторы.

Не изъ такова мягкаго мепалла создана душа моего спепеннаго сосѣда: это спаль закалена. Онъ и не пошевелился съ мѣста; онъ предпочелъ спокойствіе всѣмъ блестящимъ видамъ, мелькавшимъ передъ его полусонными очами: по прежнему ѣлъ жирныя щи, кулебяку, подовые пироги, сырники; по прежнему спалъ до обѣда, отъ обѣда до чая (отъ 1 до 6 часа), полулежа на диванѣ, болтала голыми ногами; а отъ чая до ужина

(отъ 6 до 10 часа) игралъ съ холопами въ дураки, въ фоханы, въ зѣваки, въ шлюшки, въ ярошки, въ горку и другія споль же замысловатыя карпочныя игры, спорилъ, сердился, обыгрывалъ за одно съ порпнымъ *Савоського* обойщика *Парамошку*.

Конечно, *Полежагинъ*, спаваясь выключеннымъ изъ службы, перялъ, какъ мы выше замѣтили, нѣкоторыя дворянскія права; но сія потеря вознаграждалась другимъ, въ смыслѣ благоразумнаго моего сосѣда, драгоценными преимуществами. Онъ не могъ бытъ выбранъ ни въ Судьи, ни въ Исправники, не могъ бытъ опредѣленъ въ опекуны, ни даже бытъ призванъ въ свидѣтели.

Конечно, Уѣздный, а паче Земскій судъ имѣли власть чинить ему, яко безгласному, прижимки; но бараны и пеляпа, коихъ посылалъ онъ Секретарямъ и подьячимъ, громкимъ голосомъ вопіяли прошивъ всякаго, намѣривавагоса обидѣть ихъ помѣщика. Прибавьте, что онъ зиму жилъ въ городѣ—и былъ знакомъ со всею публикою.

Указъ 13 Марта 1801 года, коимъ повелѣно выключенныхъ изъ службы считавъ опспавными, также не произвелъ въ жирно-водянистой массѣ моего холонокровнаго сосѣда видимаго попрясенія, кромѣ того, что онъ послалъ купить сукна и велѣлъ *Савоськѣ* сшить себѣ Губернскій мундиръ.

Чудно, что въ нашъ вѣкъ великія полиппическія событія въ Европѣ имѣли вліяніе на судьбу самыхъ мирныхъ людей, что Наполеонъ разшевеллъ всѣхъ даже въ Америкѣ и Камчаткѣ, а о насъ Европейце-Азіатцахъ и говоритъ нечего. И сосѣдъ мой не оплежался, не припался въ деревенскомъ уголкѣ своемъ. Ковчина Императрицы *Екатерины Великой* опрокинула его надежды на Капитанство; возвышеніе *Наполеона* произвело въ концѣ 1806 года въ Россійской Имперіи милцію. И Прапорщикъ *Полежагинъ* навѣрное стоялъ бы въ рядахъ ея въ рангѣ пяппидесятника: предусмотрительная прусоспъ—спасла его. Онъ ускользнулъ изъ милціи, какъ угорь ускользаепъ изъ руки неопытнаго повара. И воптъ какимъ средспвомъ: спухъ о наборѣ Московской милціи пришелъ въ—анъ прежде указа. Мой *Полежагинъ* до того прух-

нуль, что забывъ лёнъ и не докушавъ вафли, причесалъ голову, напянулъ мундиръ и пустился совѣпываться съ благопріятелями, какъ поступишь ему въ семь случаевъ. Совѣпникъ Губернскаго Правленія и Секретарь важивали съ нимъ хлѣбъ-соль: въ одинъ мигъ написано на гербовой прошеніе о желаніи опспавнаго изъ дворянъ Прапорщика *Полежагина* вступишь въ приказнослужипели —аго Губернскаго Правленія. Онъ подмахнулъ его; на немъ выставлено прошедшее число, принято и помѣчено также заднимъ числомъ—и онъ зачисленъ въ Повыпчкики сверхъ штапта.

Буря, потрясшая въ 1806 и 1807 годахъ Пруссію, прошумѣла безвредно надъ головою моего сосѣда. Опъ чего? опъ того, что

Тростъ гвѣпся, дубъ спонпшъ.

1811 годъ, спуця, сокрылся въ вѣчноспть; въ черныхъ пучахъ явился грозный преемникъ его—1812! Ужаснѣйшая буря собиралась на западъ. Она разразилась надъ Имперію *Александра*, котораго *Наполеонъ* почиталъ погда человѣкомъ посредспвеннымъ. Сей дерзкій завоеватель впоргнулся въ предѣлы Россіи съ полумилліономъ воиновъ. Опъ Нѣмана до рѣки Колымы, опъ Лены до Аракса

Возспала Русская земля

Спальной щепиною сверкал.

Въ это время *Полежагинъ* уже давно нахондился въ опспавкѣ изъ Губернскаго Правленія: ибо и самое вспупленіе его въ оную было ничто иное, какъ спратегическій манѣрръ, фланговое движеніе. Онъ жилъ въ Москвѣ. Едва почувалъ онъ, что грозитъ война, что соспавляется всеобщее Ополченіе: пошь же день ускакалъ въ открыпыхъ дрожкахъ (боясь, чтообъ не задержали его на заспавѣ, еслибъ онъ пустился въ дорогу въ коляскѣ!!!) въ Саратовскую деревню—и полько погда увѣрлся, что драгоценная особа его въ безопасности, когда оставилъ за собою Москвурѣку, Оку и Волгу. Я въ пошь же день навѣспилъ его, желая сообщипть ему погдашнія новости, полученныя изъ дѣйсвуюющей арміи. Ни пупъ-то было! И слѣдъ проспылъ! Предусомпрительный сосѣдъ такъ скоро собрался въ дорогу, что не надѣлъ карпуза, а

пустился за 2,000 версптъ въ круглой шляпѣ и покинулъ пару любимыхъ мосекъ.

Онъ прожилъ въ Царицынской спещи, на хупорѣ, до низведенія *Наполеона* съ похпщеннаго имъ прона и воцаренія Бурбоновъ. Я бы, божусь чеспью Русскаго дворянина, предпочелъ эпой жизни зимніе биваки; предпочелъ бы пяпъ разъ подспавипть лобъ въ Бородинскомъ сраженіи подъ мѣпкую Французскую пулю и спояпть на лѣвомъ крылѣ въ бригадѣ Генерала *Паскевича*. А по всечасно дрожапъ, какъ зайцу на оспрову, болтапсь земскаго Засѣдателя и Соцкаго: какой позоръ! Да и хупоръ-та самъ по себѣ спонпшъ капорги: версптъ на пяпнадцатъ кругомъ ни прупа лѣсу; спняя спечь сливается съ спнимъ небомъ; вода солѣно-горькая, жаръ Африканскій; нѣптъ человѣка, съ которымъ бы можно было промолвипть слово.

Мой сосѣдъ всё это перенѣсъ, всё выдержалъ—и, какъ папріотъ, примчался къ поржеспву мира въ —ь. Съ него, какъ съ гуся вода. Впрочемъ, кто бы въ Губернскомъ городѣ осмѣлился упрекнупть богатаго помѣщика, который всякой день посплаетъ Губернапоршѣ плоды изъ своихъ оранжерей, составляетъ партію въ виспъ съ Вице-Губернапоромъ, двоуродный братъ Губернскому Предводипелю, сватъ Прокурору, шуринъ Предсѣдателю Уголовной Палаты?

Миръ, какъ вѣмъ извѣспно, во всѣхъ городахъ Россіи празднованъ велпкомѣпно. Городъ —ь не опспалъ опъ другихъ. Дворяне сдѣлали складку. *Полежагинъ* пожертвовалъ 100 рублей и развѣспилъ бронзовую дворянскую медаль на полушпора-аршинѣ шпирокой Владимірской ленпы. Онъ былъ въ Соборѣ при поржеспвенномъ благодарномъ молебспвіи и не опказался опъ Архіерейскаго запрака. На другой день на обѣдѣ, данномъ дворянспвомъ, вѣлъ за споль Прокуроршу, а на балѣ, данномъ купчеспвомъ, панцовалъ Польской съ Ея Превосходипельспвомъ Гражданскою Губернапоршею. Это кинулось вѣмъ въ глаза,—особливо свѣхамъ. Матушки начали уже наводипть на него свои бапарен, считая его выгодною партіею для дочекъ.— «*Полежагинъ* оригиналъ, а не дуракъ!» нащепывали имъ попечительныя маменьки:

«онъ характеренъ, а не спраненъ; съ нимъ благоразумная жена проживетъ свой вѣкъ припѣваючи. Не великъ чинокъ имѣеть, да выпъ не съ чиномъ жипъ—съ человѣкомъ, въ опспавкѣ же всѣ равны. У *Полежагина* 300 душъ, да пысячь спо въ Ломбардѣ; пускай сенпиментальныя барышни птвердятъ: я выду за пого, въ кого влюблюся, а нельзя влюбитья въ человѣка, котораго не уважаемъ; мнѣ спыдно будетъ съ такимъ мужемъ въ свѣпъ глаза показатъ. Чеспъ! чеспъ! А по нашему, по спарушпчьи: что за чеспъ, когда нечего фспъ.» — — —

Но сосѣдъ мой, временно выведенный изъ своей сферы громкими побѣдами его соопечеспвенниковъ, въ одно прекрасное утро, ни съ кѣмъ не проспаясь, укапшил въ свою деревеньку, надѣлъ шулупъ, туфли—и началъ дрягатъ ногами по цѣлымъ часамъ безъ успали. Лѣнь до пого въ немъ успилилась, что онъ придумалъ, чтообы въ Свѣсплое Хриспиво воскресенъ Священникъ опслужилъ у него въ хоромахъ заупреню; онъ посылалъ вмѣсто себя креспипъ у креспьянъ дворецкаго, давая ему на всѣ попребности свои деньги; въ посаженные опцы иппи къ родной племянницѣ опказался, а прислалъ невѣспъ богапый свадебный подарокъ.

Оспальныя мѣсяцы 1814 и до 10 Декабря 1815 года прожилъ онъ въ деревнѣ безвыздно. Тупъ опяпъ демонъ подспрѣкнулъ его: онъ выскочилъ изъ своей шарелки—и поѣхалъ на выборы: памъ не согласился на предложеніе Губернскаго Предводителя (уже не родни его) небольшую сумму пожертвовать въ пользу училищъ; кричалъ о злоупотребленіяхъ, о выборѣ недоспойныхъ людей, а самъ, когда хопѣли его балопсривать, испугался и униженно просилъ, чтообъ его опъ сей чеспи уволили. Ему предложли быпъ членомъ Общеспва, попечптельнаго о ппюрьмахъ: онъ не принялъ, а подписался взносптъ по 25 рублей въ годъ на улучшение оныхъ. Мой сосѣдъ опасался новыхъ подобныхъ ему предложеній: *удалился отъ зла и сотворилъ благо!* Какъ самъ онъ послѣ мнѣ признавался.

Въ 1819-мъ попелелся онъ опяпъ на выборы; въ послѣдній разъ вылезъ изъ своей бер-

логи. Губернскимъ Предводителемъ былъ Генераль-Лейтенантъ Левъ Амспривчъ *Самопуправцевъ*, человѣкъ съ благими намѣреніями, весьма образованный, готовый для дворянспва пожертвовать всѣми премя спами пысячь своего дохода, но гордый, упрямый и спроже закона въ исполненіи должности. Мой сосѣдъ немножко не осперегся, нѣсколько увлѣкся запальчивостью: пожаръ происходипъ опъ искры. Губернскій Предводитель разсердился—и пошла куперьма. Вотъ какъ было дѣло, за которое онъ опданъ подъ Угоговный судъ и съ прудомъ опъ онаго освободился, и по подведенъ подъ милоспивый Манифеспъ. Помѣщикъ—аго увзда, Надворный Совѣспникъ Николай Леонпьевичъ *Вороватинъ*, плупъ опъявленный, продажею людей въ рекрупы нажившій 500 душъ, при балопсриваніи въ Исправники зяпъ его *Перекапти-Полева*, набралъ у бѣдныхъ дворянъ цѣлую горспъ шаровъ—и уже протянулъ руку, чтообы положищъ ихъ въ избпрапельный ящпкъ, какъ вдругъ, откуда ни взялся мой *Полежапийъ*, хватилъ его проспью по ворующей рукѣ споль спльно, что она разинулась—и краденые шары съ громомъ разсыпались по полу. Уже и въ эпомъ порывѣ гнѣва, мой, обыкновенно ко всему равнодушный сосѣдъ, нарушилъ святоспъ мѣспа; но еслибъ онъ на эпомъ оспановился: по, весьма вѣрояпно, что пѣмъ бы и кончилось. Нѣпъ; онъ влѣпилъ дясипка полпора палочныхъ ударовъ *Вороватину*.

Съ сей достопамятной и несчастной для *Полежагина* эпохи, онъ нпкуда вонъ изъ двора ногою. Распѣкъ, побагровѣлъ, оппустилъ длинныя волосы, какъ Чухонецъ, доживаспъ жизнь, какъ пуларка, которая сидипъ въ пѣспой опгородѣ и которую на убой опкармливаютъ.

Я одинъ, и по изрѣдка, навѣщаю его; деревянные хоромы его чрезвычайно вепхи, — обвалпваются, а о переспройкѣ онъ и слышашъ не хочетъ. — «*Я кое-какъ доживу въ нихъ свой вѣкъ, а послѣ меня хотъ трава не рости!*» Это его любимая присловица.

А. Кораблинскій.

К О Е - Ч Т О.

— Г. Ламартинъ не выбранъ въ депута-
ты. Оставшись свободнымъ, онъ сѣлъ на ко-
рабль въ Марсели и отправился въ Египетъ,
Палестину и Грецію. Нельзя не порадоваться
неудачѣ его въ избирательной Коллегіи.
Г. Ламартинъ, возвращаясь изъ путешествія,
вѣроятно обогатилъ новѣйшую поэзію пре-
восходными произведениями своего паланца.
Чѣмъ могъ бы онъ обогатить свое вообра-
женіе въ Палацѣ Депутатовъ?

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ АЛЬБОМЪ N.

Давно знакомый вамъ поэтъ,
Могуль и я, пѣвцамъ во слѣдъ,
Въ вѣнокъ вашъ вплескъ цвѣтны просные?...
Въ альбомѣ славныхъ сихъ именъ,
Гдѣ все поэмы вѣковые,
Могуль опъ Марсовыхъ знаменъ
Я спать подѣ знамя Апполона?—
Нѣтъ! чуждъ мнѣ пѣсней славныхъ даръ;
И у подножья Геликона
Горитъ во мнѣ военный жаръ!
Мои мечпы, мои молитвы,
Воспоминанья о друзьяхъ
И о волшебныхъ сердца снахъ
Живѣй въ часы кровавой битвы.
Солдакъ душой и ремесломъ,
Какъ появлюсь я въ вашъ альбомъ?...
Но такъ и бытъ: какъ будно дома—
(Нельзя-жъ солдапу отступать!)
Брожу я по листкамъ альбома
И собираюсь писатьъ.
Изъ края радостной весны,
Гдѣ такъ оправдентъ лучъ денницы,
Вы, возвращаясь подѣ снѣгъ сполницы,
Меня не встрѣтите. Войны
Поклонникъ жадный, Апполона
И милыхъ Грацій позабывъ,
Я буду шамъ, близъ Геликона,
Внимаю кровавыхъ битвъ яризывъ.
Тамъ пролепятъ навѣчно годы
Воспорговъ юныхъ, и мечпы

При бурныхъ вьюгахъ непогоды,
При видѣ чуждой красоты,
Подѣ небомъ яснымъ, но печальнымъ.
Проспившись съ міромъ идеальнымъ,
Я возвращаюсь въ край родной
Спарикъ и шѣломъ и душой,
И въ немъ неузнанный, забытый,
Любви не встрѣчу нѣжныхъ словъ
И милыхъ сердцу прежнихъ сновъ.
Тяжелымъ жребіемъ убитый,
Явлюся къ вамъ, какъ прежде я,
И вы узнаете меня.
Вы сосрадательнымъ привѣтомъ
Опраду подарите мнѣ,
И я, забытый скучнымъ свѣтомъ,
Свѣтъ позабуду въ пишинѣ.

Карлагофъ.

КЪ Д — У.

Насталъ давно желанный часъ!—
Ты друга съ дружбой прежней встрѣтилъ!
Твоей цѣвницы сладкій гласъ
Его обрадовалъ, встрѣтилъ!
Мой другъ! воскресія мечпы,
Мечпы фантазіи крылатой
Рисуютъ новые цвѣтны
Въ душѣ надеждами богатою!
И Музъ веселая семья
Летаетъ, вѣтша падо мною,
Чаруетъ, радуешъ меня
Изящной новой красотою!
Твой утѣшительный возвращъ
Мнѣ придалъ крылья вдохновенья.
О другъ, о сердцу милый братъ
Не дружба-ль жизни наслажденъ?
Ахъ, не она ли грѣшетъ насъ
Опъ колыбели до могилы,
Ахъ, не она-ль даетъ намъ силы
Безшрепешно ждапъ смертныи часъ?
И въ пишинѣ, и въ шумѣ свѣта
Она нашъ вѣрныи проводникъ;
Она сокровище поэта,
Души плѣнительный цвѣтникъ.

Н. Саурскій.

О М О Н И М Ъ.

Я въ Арифметикѣ показываю часпъ,
 Въ ружьѣ надъ жизнию людей имѣю власпъ,
 Изъ барабана я кричу, повелѣваю—
 И войсками распоряжаю.

Въ № 82, помѣщенный логотрифъ значить: *Bride, ride.*

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

Стихотворенія А. Полежаева.—Москва. 1832.

Собспвенныя стихотворенія г. *Полежаева*, въ сей книжкѣ собранныя, неравнаго достоинства, но болышею часпю прекрасны; а въ переводахъ онъ всегда лучше подлинника. На примѣръ: піеса *Человѣкъ, посланіе къ Байрону, изъ Ламартина*—передана такъ на Русскій языкъ, что мы желали бы имѣть побольше подобныхъ переводовъ, копорымъ всегда отдадимъ преимущество передъ романомъ собспвенной фабрики какого нибудь бездарнаго пісаки, копорый ругая *Валтеръ-Скотта* и *Карамзина*, выдираетъ изъ нихъ цѣлыя справки и вшиваетъ въ свой жалкій сборникъ; копорый выдаетъ чужія мысли за собспвенныя; копорый начинаетъ свои чѣтыре полспыхъ тома: плоскостями, пошлостями, чепухою и бессмыслицею въ лицахъ.

Предлагаемъ выписку изъ стихотворенія г. *Полежаева*.

Смерть Сократа.

(Отрывокъ изъ Ламартина.)

(*Сократъ утѣшаетъ плачущихъ учениковъ своихъ.*)

—Вы плачете друзья—и плачете въ то время,
 Когда моя душа, какъ чистый эфиръ,
 На вѣкъ освобождаясь отъ тягостнаго бремя,
 Спрямился къ небесамъ.

Когда она въ пылу священнаго восторга,
 Какъ свѣтлый, горній духъ, спрясая прахъ земной,
 Изъ царства горести паритъ на лоно Бога

И испины свяшой.

Что время и что жизнь безъ смерти въ сей юдоли?
 Почто пріятно мнѣ за испину спрадать?
 Почто моя душа оковы сей неволи
 Пымаетъ разорвать?

Что значить, о друзья, безъ смерти добродѣтель?
 Что память мудраго—въ потомствѣ оживить?
 Смерть! Смертию одной верховный Благодѣтель
 Её вознаградитъ.

Она не бичъ людей—но жребій вождельной,
 Побѣдоносный лавръ, поржеспвенный вѣнецъ;
 Копорымъ насъ даритъ рукой благословенной,
 Всевѣдущій Творецъ.

И если-бъ вопреки могущему вельню,
 Я жизнью дорожилъ и могъ её продлить,
 О други! и тогда, покорный Провидѣню,
 Я не желалъ бы жить.

Не плачьте обо мнѣ: не скорбью удрученныхъ
 Пріятно мнѣ узрѣть сподвижниковъ моихъ,
 Но съ радостнымъ челомъ и амброй окуренныхъ,
 И въ шканяхъ дорогихъ.

Какъ юноша-женихъ, увѣнчанный цвѣтами—
 Къ невѣстѣ молодой идетъ при звукахъ лиръ:
 Такъ я хочу итти, о други, между вами
 На смернный вѣчный пиръ.

Что значить умереть?—Прервать соединенье
 Небснаго луча съ презрѣнною землей,
 И снова исполнять свое предназначенье
 За дверью гробовой.

Напрасно человекъ спремился за блаженствомъ,
 Подобный узнику, спрегомому въ шюрмѣ,
 Одынный своимъ земнымъ несовершенствомъ—
 Блуждаетъ онъ во тьмѣ.

Но шонъ, кого волна низвергла въ признанъ міра,
 Кто жизни новый свѣтъ съ спокойствіемъ узрѣлъ—
 Тотъ самъ, какъ лучъ зари, во области эфира
 На небо полетѣлъ.

Онъ чуждъ уже своей презрѣнной оболочки,
 Союзъ съ землей его не въ силахъ стягннуть,
 И жизнь и смерть предъ нимъ невидимыя почки:
 Онъ снова началъ жить!

— « Но смерть естъ чаша золь—край бѣдспвій и
спраданій!»

Друзья! не можеть бышь.—Сей пляжкой переломъ
Есть спранспвія конецъ и горькихъ испыпаній,
И зло вездѣ съ добромъ.

Не зримъ ли мы, что день печеть за мракомъ ночи,
Пріянная весна за хладною землѣй;
Съ воззрѣніемъ на свѣшь блестящъ младенца очи
Невинною слезой.

Верховнаго Творца могущая десница
Сравнила море зла и море вѣчныхъ благъ:
Предшественница тьмы, безсмертія денница
И къ Богу первый шагъ.

Не знаю: съ поржествомъ иль грустью безнадежной
Ввергается душа въ объпнія ея;
Но съ чистою душой сей жребій неизбѣжной
Не спрашенъ для меня.

М О Д Е С.

Les chapeaux de moiré et de crêpe se font moins petits de passe qu'au commencement de l'été. On les orne des fleurs de la saison, de pieds-d'alouette, de balsamines, de belles-de-nuit, de reines-marguerites. Les coques de ruban, courtes, point du tout de bouts flottans.

On commence à revoir des plumes, des blondes à quelques chapeaux demi-habillés. Les très-petites passes, attachées aux calottes renversées en arrière, sont devenues tout-à-fait de mauvais goût. La moyenne grandeur, les calottes presque droites, sont ce qui se fait de plus distingué.

Pendant tout ce mois encore la paille peut se porter.

Les robes de mousseline n'ont plus qu'un moment; tout ce qui a dû paraître a déjà paru, il n'est plus besoin de s'y arrêter. Les chalys qui les remplacent si bien dans leurs dessins, dans leur tissu léger, donnent encore quelques nouveautés. Les chalys unis de couleur sont ceux qui sont fixés, comme les plus habillés. Lorsque les jupes sont brodées en soie plate, couleur sur couleur, on peut, avec une façon de corsage décolleté, mettre des manches de gaze blanche.

Les robes d'organdi sont sans comparaison ce qui se porte le plus et le mieux pour de petites réunions qui exigent quelque toilette.

Pour les robes de mousseline blanche habillées, les corsages à collerette de dentelle, des manches courtes à nœuds de couleur sont d'un goût parfait.

Les femmes qui relèvent leurs cheveux simplement, sans aucune coiffure, mettent de préférence des peignes sans galerie; on en fait pour mettre dans des cheveux noirs, en écaille, blonde comme de l'or. C'est une chose de fantaisie qui a de la distinction.

М О Д Ы.

У объяринныхъ и креповыхъ шляпокъ поля дѣлаюся менше, нежели сначала лѣта. Ихъ опдѣльваюкъ цвѣтами времени года *pieds-d'alouette*, балзаминами *belles-de-nuit* и *reines-marguerites*. Пешли изъ леншь дѣлаюкъ короткія; висящихъ концевъ совсѣмъ нѣтъ.

Опять начинаюкъ показываься перья и блонды на нѣкоторыхъ полунарядныхъ шляпкахъ. Очень мальнкія поля, съ опрокинутыми назадъ шульями, совершенно вышли изъ употребленія. Шляпки считаюся опличными: съ полями средней величины и почти прямыми шульями.

Кисейныя плащя будутъ носить весьма короткое время; все новое въ семъ родѣ уже вышло; не нужно на этомъ болѣе останавливаться. Въ шали, которыя замѣняюкъ ихъ шакъ хорошо въ узорахъ и легкости ткани, видно еще нѣчто новое. Одноцвѣтныя шали считаюся наряднѣе. Когда юбка вышита несученымъ шелкомъ, подѣ цвѣтъ и лифъ опкрытый, по можно надѣвать бѣлые газовые рукава.

Плащя изъ органди всего приличнѣе, безъ сравненія, для небольшихъ собраній, гдѣ нужно бышь понаряднѣе.

Бѣлыя кисейныя нарядныя плащя, лифъ съ кружевной оборкой, рукава короткіе съ цвѣтными баншами, чрезвычайно щеголеваты.

Дамы, которыя носятъ волосы просто безъ всякой прически, выикаюкъ предпочпимельно низкіе гребни; для черныхъ волосъ дѣлаюкъ изъ бѣлой черепахи, какъ золото. Это дѣло прихоти, копорая считаешся щегольскою.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 84.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-спавкою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, ОКТЯБРЯ 19 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Блаженъ, кто можетъ устроиться

И у кого есть уголокъ,

Куда придетъ онъ схорониться,

Столицу бросивъ на часокъ.

Князь Долгорукий.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПОВѢСА-БАРИЧЪ И БЛАГОВОСПИТАННЫЙ
ЮНОША 1792 ГОДА.

I.

Шампанскимъ вафли запиваю,
И все на свѣтъ забываю
Средь игръ, сладостей и ароматъ.

.....

Или, какъ по наскучивъ мнѣ
По склонности моей къ премънѣ,
Имѣя шапку на бекрепѣ,
Лечу на рывомъ бѣгунѣ.

Державинъ.

Молодой *Повѣса*, дворянчикъ, двадцатипрехлѣпный сержантъ гвардіи, сидѣлъ въ шубѣ на диванѣ и курилъ трубку. Онъ проспалъ до полудня. Передъ нимъ споялъ раскинутый ломберный столъ, за которымъ еще со вчерашняго дня работали друзья его: одинъ мелалъ банкъ, другой держалъ въ рукѣ мѣлъ и записывалъ, а семеро молодыхъ людей поншировали. Старичокъ, благовидной наружности, спокойно смотрѣлъ на игру, не принимая въ ней никакого участія. Одинъ

юноша спалъ на подмощенныхъ спульяхъ, другой на полу. Игроки поступали *sans façon*: безъ фраковъ, безъ шейныхъ платковъ. Въ смежной комнатѣ былъ накрытъ столъ, поставленъ завтракъ и водка. Госпи выходили пуда одинъ за другимъ и, закусивъ, возвращались къ картамъ. Офицантъ раскупорилъ бупылку Шампанскаго, налилъ въ почалы и расносилъ госпямъ. Всѣ взяли, хозяинъ опказался.

1-й *Гость*. А ты чпо жеманишься? пей, выпь ты не барышня.

Хозяинъ. Я проспудался. У меня лихорадка; Докпоръ запрепилъ мнѣ.

2-й *Гость*. Знаемъ мы, какого разбора эпа лихорадка. Чѣрпъ возьми! Я самъ спрадалъ ею полгода. И теперь еще по кожѣ подираешь.

1-й *Гость*. (*Увидя на окнѣ книги.*) Ба, ба! да ты записался въ пѣданпы; не хочешь ли сдѣлаться Профессоромъ? Чего добраго? Опъ тебя эпо спанешся. — Онъ взялъ въ руки нѣсколько книгъ и прочиталъ заглавія. Все книжки правоучительныя, чѣрпъ возьми! Вотъ вснапи: правда ли, чпо ты еще учишь-ся, двадцатипрехлѣпный ребѣнокъ?

Хозяинъ. Какъ бы тебѣ покладнѣе отвѣчать на это? Не учуся, а плачѹ даромъ деньги какому-то Чухонцу въ рыжемъ парикѣ. Опець наспомятельно пребуепть, чптобы я зналъ по Нѣмецки. Не понимаю, на что мнѣ пригоденъ этотъ кучерской языкъ, на которомъ хорошо говорить только съ лошадьми! Der, wer, Herr, mehr, leer; schwester, Meister, Vater, Mutter, Bruder: боюсь переломать зубы, испорчить человѣческое произношеніе. То ли дѣло Французскій языкъ; пропасть каламбуровъ, двусмысленностей, приспойныхъ неблагоприспойностей. Кучу можно наговорить женщинъ такого, за что, если бы сказать по Русски, иная бы глаза выцарапала, мужъ далъ бы пощечину, брагъ обрубилъ бы уши. Vive les Français!

3-й *Гость.* Я вчера при раза заѣзжалъ къ тебѣ; все нѣтъ дома; куда ны запропасился?

Хозяинъ. Поупру? Да вишь вчера было Воскресенье, ѣздилъ въ модную церковь къ обѣднѣ: тамъ бываетъ много хорошенькихъ. Я немножко опоздалъ, было *благословеніе Господне на васъ*, когда я вошелъ въ церковь. Всѣ оборотились на меня съ изумленіемъ; набожныя старичишки пожимали плечами, а ханжи-старухи бормотали про себя: *да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!* Какъ будто бы я былъ чѣрпъ.

1-й *Гость.* Что же ны: покраснѣлъ, спрятался въ толпу народа?

Хозяинъ. Ни чуть не бывало. Я радъ былъ, что отличился опъ простоподиновъ. Мнѣ надобно было опыекать одну красопочку, на которую я еще въ Троицынъ день повелъ атаку. — (Онъ оборотился ко 2-му гостю и сказалъ:) помнишь, вишь мы были вмѣспъ. Наружныя укрѣпленія взяпы; крѣпость слабо обороняется и, если не ошибаюсь, скоро сдастся. Начались уже переговоры.

2-й *Гость.* Полно, братецъ, дурачиться. Грѣхъ распроивать семейство. Я знакомъ съ нею; она жена Совѣтника, который любитъ её спраспно. — Ты сдѣлаешь её несчастною.

Хозяинъ. Сама будетъ виновата; на пощуча въ моръ, чтобы карась не дремалъ.

1-й *Гость.* То ужъ ны ходокъ! Вишь *Наталья-па Николавна* по пвоей милости развелась съ мужемъ.

Хозяинъ. Я выручилъ её изъ неволи.

1-й *Гость.* А потомъ обобралъ, да бросилъ, какъ выжатый лимонъ.

Хозяинъ. Обобралъ! Чпо у васъ за теხოлогическіе термины? Вольно было ей дарить меня; да и какъ не дарить? она такъ дурна, что её gratis никто любить не согласился. Пплюлю золопятъ, чптобы заставить проглотить её.

3-й *Гость.* А горничную-па *Княгини Звенигородской* ны погубилъ на вѣкп. Её сослали въ деревню ходить за коровами.

Хозяинъ. Я тутъ ни крошечки не виноватъ. Я её хотѣлъ купить; предлагалъ 1,000 рублей. Княгиня не согласилась. Чпо же могу я сдѣлать болѣе?» —

Слуга, вошедшій доложить о приходѣ *Квартальнаго*, прервалъ разговоръ. *Хозяинъ* вышелъ въ переднюю, пробылъ тамъ минутъ пять и возвратился къ гостямъ.

1-й *Гость.* За чѣмъ таскаются къ тебѣ эти полицейскіе крючки?

Хозяинъ. Я вчера полкнулъ локтемъ подъ бокъ въ теапрѣ старичишку *С.....*, такъ ловко, что у него глаза подъ лобъ подкапнулись. *Квартальный* покорно проситъ меня пожаловать къ *Архарову*.

Старикокъ. Генерала, спараго, взранныаго Генерала *С.....?*

Хозяинъ. Онъ былъ въ парпиккулярномъ серпукѣ, безъ орденовъ, а на лбу у него не написано, что онъ за персона. Я вѣлъ подъ руку *Вареньку* и толстую хозяйку её *Панкратьевну*, а хрычъ загородилъ дорогу въ коридоръ. Вишь я такой же дворянинъ, какъ и онъ.

Старикокъ. Позвольте доложить, что между вами есть маленькая разница: вы — недоросль, унперъ; а онъ Генералъ съ *Георгіемъ* въ пеплицѣ, съ брилланпвою шапагою за храбрость. Къ нему и *Графъ Алексій Григорьевичъ Орловъ* и *Пепръ Дмипріевичъ Ерпкинъ* запросто въ гости ѣздятъ.

Хозяинъ. Меня самага въ Новый годъ выпускаютъ въ *Кашианы* въ армію; вишь ужъ

почти двѣнадцать лѣтъ, какъ я сержантъ; линія моя идѣтъ.

2-й *Гость*. А въ спрочу не былъ ни разу, а полка своего въ глаза не видалъ.

Хозяинъ. Это по вольности дворянства.

3-й *Гость*. У тебя, помнися, и мундира нѣтъ.

Хозяинъ. И не бывало. Это по вольности дворянства. Худыя времена! и Генералы-та жалуются Оберъ-Полицейстеру. Не могъ онъ раздѣлаться со мною по честности, вишь я дворянинъ, знаю, что такое point d'honneur, опмахнулъ бы ему руку, или ногу: такъ и знай нашихъ.

Старикокъ. У него и такъ 17 ранъ. Ну, а если-бъ онъ у васъ укоротилъ ножку или ручку?

Хозяинъ. Экая бѣда. Вышелъ бы Секундъ-Маіоромъ въ чистую; забрался бы въ деревню; выучилъ бы молодыхъ бабъ плясать по цыгански, дворовыхъ мальчишекъ бречать на-гитарѣ, и зажилъ бы припѣваячи, гостей поджидаючи.» — Онъ свиснулъ: вошелъ слуга; онъ велѣлъ, чтобы заложили четверню вороночалыхъ въ карету, назади ѣхать егерю *Самошкѣ*.

Слуга доложилъ, что *Самошка* лежипъ въ чуланѣ мершвецки пьяный.

Хозяинъ. Одѣлся ты въ егерское плащье.

Слуга. Да мнѣ оно не въ пору.

Хозяинъ. Еще разумничался; будетъ въ пору, когда я надаю тебѣ пощѣчинъ. Спупай вонъ и позови ко мнѣ дворецкаго.

Дворецкой съ полспымъ брюхомъ вошелъ— и спалъ въ позицію: пальцы правой руки по кварширамъ, а лѣвая рука въ карманѣ сюртука. Благоговѣнно ожидалъ онъ приказаній *Повѣсы-барченка*.

Хозяинъ. *Самошка-егерь* пьянъ, вели конюхамъ выпаципъ его къ колодцу, раздѣпъ, вылей на него 24 бадьи холодной воды, а когда проспится: по влещи ему 500 палокъ.

Дворецкой поклонъ — и вонъ. Всѣ гости вскочили и начали упрашивать, чтобы онъ проспипъ его.

Хозяинъ. Изъ чего вы такъ расхлопотались? Вишь это Хамово поколѣніе, проклятое отъ Бога.

1-й *Гость*. Лучше сошли его въ деревню.

Хозяинъ. Бѣсъ хлѣбъ на боку лежа, да пьянствовать.

2-й *Гость*. Отдай его въ солдапы.

Хозяинъ. Покорный слуга! Онъ знаетъ грамотѣ, умѣнъ, проворенъ; отъ вина-та его памъ опучапъ—и онъ какъ разъ выдепъ въ Офицеры.

3-й *Гость*. Дай ему паспортъ; онъ будетъ плащипъ оброкъ.

Хозяинъ. Благодарю за совѣтъ. Пьяницу за дурное поведеніе оппустипъ на волю. Такому видному лакею дадутъ рублей по 10-ти на мѣсяцъ, а я своимъ крѣпоспнымъ произвожу въ годъ жалованья по 5-ти рублей. Хорошъ будетъ примѣръ для его поварщицъ: они всѣ сопыются, чтобы ихъ оппустипъ я по оброку. —

Однакожъ *Повѣса* почувствовалъ гнусность своего поступка, призвалъ дворецкаго и не велѣлъ ему ни обливать, ни наказывать пьянаго егеря. Онъ одѣлся, извинился передъ гостями необходимостью, просилъ ихъ располагать всѣмъ въ его домѣ, далъ слово черезъ часъ возвратиться. Они ждали его до четырехъ часовъ, а онъ съ порядочно-вымыпою головою обѣдалъ въ Новгородскомъ Русскомъ пракширѣ, опполѣ завернулъ къ пріятелю своему *Сорвиголдвину*. Вмѣстѣ съ нимъ опправились они къ Ипаланцу *Плутури* и сдѣлали съ нимъ *аферу*. (Выраженіе техническое, означающее мошенническую сдѣлку между двумя лицами, изъ коихъ одно щецпъ обобрапъ, а другое спарается побольше выманитъ, чтобы никогда не отдапъ. Есть въ свѣтѣ *аферы* разнаго рода; напр. собрапъ по подпискѣ знапную сумму денегъ, книги не выдапъ, а деньги прижапъ къ ногтю: это такъ же *афера*.) Мой *Повѣса*, занимая пихонько отъ отца деньги, взялъ у *Плутури* на 8,000 рублей часовъ, Англійскаго пива и шеколаду, далъ вексель и тушь же продалъ за 800 рублей на наличныя. Съ этими денежками пустился *Повѣса* по магазинамъ: за полпора паршица спальныхъ пуговицъ заплащипъ полтора рубля; за оспроконечную, похожую на сахарную голову шляпу 25 рублей; за подусапожки 25 рублей; Французу-портному уплащипъ 100, да вновь заказалъ плащья

на 500 рублей; кандиперу *Фраскети* на Кузнецкомъ мосту опдалъ 100, оспался долженъ 1,000 руб.; промѣнялъ *Татарину* двое съ эмалью часовъ, кои у покупателя себя выговорилъ, придалъ къ нимъ 300 рублей и взялъ красную Турецкую шаль для *Вареньки*. Онъ успѣлъ на полчаса войти въ театръ, оглядѣвъ самымъ наглымъ образомъ ложь, раза при зѣвнуптъ во всеуслышаніе, опдавить человѣкамъ десяти ноги, разбросать въ коридорахъ хлопущки—и скрыться. Они помчались къ *Буянову*, сговорились съ нимъ ѣхать въ *Марьяну* рощу. *Повгса* прислалъ за бѣговыми дрожками. Госпи, узнавъ объ этомъ, побранили его заочно за вѣтренность и, какъ споль былъ накрытъ: по опобѣдали и разѣхались. А *Повгса* мой, на бѣгунѣ, съ достойными его пріятелями также на бѣгунахъ, опсправился за городъ наслаждавъ красотою пракпирной природы, зеленью—биліарда, пѣвнью—запачканныхъ занавѣсокъ, пѣснями соловья—въ клѣпкѣ, журчаніемъ воды—въ самоварѣ и восхожденіемъ солнца у сердечной пріятельницы *Буянова*—аксприсы. Они короновали супочные свои подвиги пѣмъ, что напоили еѣ пьяною.

Повгса, подравшись на кулачки за биліардомъ съ *Сорвисолдвинильмъ*, забылъ на мировой о лихорадкѣ, о декопкѣ, о шлюляхъ—и разрѣшилъ на вино.

Трезвый рысакъ привѣзъ его домой по памяти.

II.

Мой благовоспитанный дворянчикъ—юноша, пзрядно обучась въ родительскомъ домѣ, въ 1788 году опсправленъ былъ въ Пепербургъ на службу въ Преображенскомъ полку, гдѣ былъ записанъ сержанпомъ. Черезъ полгода онъ сдѣланъ фельдфебелемъ и съ ротою сдѣлалъ два Шведскіе похода. По заключеніи мира, онъ за опличіе выпущенъ Капипаномъ въ армию.

И живучи въ Пепербургѣ, онъ не подражалъ молодымъ своимъ сослуживцамъ, не шатался по пракпирамъ, не спавилъ чести своей въ помѣ, чтобъ по выставкѣ играющимъ съ нимъ въ биліардъ шара, кончивъ партію не покидая кія, а славы въ помѣ, чтобъ бить бушошниковъ, имѣть ночью

спычки съ дозорами, закладывая ризы съ Образовъ, плапипть по коптыкъ на рубль проценповъ, во время спекпакля увиваптъся около аксприсъ за кулисами, а ночи проводить или проигрывая деньги въ карты, или промапывая здоровье съ прелестницами.

Проездомъ въ Полпавскій легкоконный полкъ, находившійся въ 1792 году въ Турецкой арміи, онъ испросилъ позволеніе прожить мѣсяць въ Москвѣ у родителей, имѣвшихъ собственный свой домъ на Ордынкѣ, за Москвою рѣкою. Онъ привезъ имъ письмо отъ бывшего своего Полковаго Командира *Николая Алексѣевича Татищева*. Сей почтенный Генераль свидѣтельствоваль о его усердной службѣ, хвалиль его за храбрость, за содержание роты въ исправности и поздравлялъ съ такимъ сыномъ, котораго бы и онъ не опрекся называть своимъ.

Изъ денегъ, кои присылалъ ему изъ дому на содержаніе, накопилъ онъ сполько, что привезъ сеспрамъ въ подарокъ новомодныхъ Пепербургскихъ золотыхъ вещицъ и матерій на плапья. На другой же день упросилъ онъ опца уволить спараго его дядьку, сппровождавшаго его въ походахъ, въ деревню на покой; поможиль ему, сверхъ того, пожизненную пенсію отъ себя и взялъ на его мѣсто сына его *Петрушу*. Благодарный юноша выхлопоталъ оппускную дряхлой нянѣ своей, которая выдала дочь за Комиссаріанскаго вахтера и желала у неѣ въ домѣ дожипть въкъ, нянѣча внучаптъ и упѣшаясь ими.

Кромѣ гостинцевъ сеспрамъ, онъ изъ сбереженныхъ денегъ собралъ себя весьма порядочную походную библіотечку, покуная подержаныя книги на Сѣнной за полцѣны, а иногда и дешевѣ. Онъ любиль Нѣмецкой языкъ и усовершенствовался въ немъ въ Пепербургѣ: отъ того и Нѣмецкихъ книгъ было у него больше, нежели Русскихъ и Французскихъ вмѣстѣ.

Оспаваясь споль долго въ Москвѣ, онъ нашель случай представиться спасипелю Москвы *Петру Дмипріевичу Еропкину*, испребителю Турецкаго флота при Чесмѣ Графу *Алексію Григорьевичу Орлову*, покорипелю Бендеръ Графу *Петру Ивановичу Панину*, Вице-Канцлеру Графу *Ивану Андреевичу Ос-*

терману, Митрополиту Платону и воспользовался ихъ милоспивымъ позволеніемъ посьщать ихъ.

Не теряя времени ни на пустыя знакомства, ни на карпы, ни съ прелестницами, онъ любилъ театръ, и никогда не упускалъ случая видѣть Эмилію Галоппи, Ненависть къ людямъ и раскаяніе, Опца семейства, Сына любви, Недоросля, Бригадира и оперу Мельникъ.

Вставая рано, онъ успѣлъ осмопрѣть Грановицкую Палату, Университетскіе кабинеты, сѣздитъ въ Троицкій монастырь, споль важный въ Русской исторіи и въ Воскресенскій, построенный Папріархомъ *Никономъ*; слушалъ лекціи: Русской Словесности у Антона Алексѣевича *Барсова*, Физики у Петра Ивановича *Страхова*, Русскаго Права у Захара Алексѣевича *Горюшкина*, Логику и Правспвенную Философію у Павла Афанасьевича *Сохацкаго*.

Всѣ остальные досуги посвящалъ онъ своему семейству. Скоро пропекло для него время отпуска. Напутствуемый родительскимъ благословеніемъ и молитвами сесперъ, кобыря видѣли въ немъ своего Ангела-хранителя, онъ благополучно прибылъ въ полкъ, и черезъ мѣсяць получилъ эскадронъ, съ копорымъ отличился въ походѣ 1794 года пропивъ Поляковъ, вѣроломно умертвившихъ въ Варшавѣ споль многихъ доспойныхъ Русскихъ Офцеровъ и храбрыхъ солдатъ.

Желаете ли знать имя его? Не скажу. Хотите ли имѣть свѣдѣніе о позднѣйшихъ случаяхъ жизни и службы сего благовоспитаннаго юноши? Общаюсь сообщитъ вамъ самыя вѣрныя свѣдѣнія; но чуръ до другаго раза. Теперь вы уснули слушать, а я успалъ рассказывать.

А. Кораблинскій.

КОЕ-ЧТО.

Грамматическая Полиція, Члены коей превратились въ журнальныхъ *Бедуиновъ*, пользуются забавнымъ гиболемъ ума и игривостью задумливаго воображенія, для произнесенія голословнаго обвиненія въ своихъ крипикахъ и перекритикахъ. *Зоилы* I, II, III и IV-й

не понимаютъ стихійныхъ правилъ искусства писатъ; лоно мощнаго, свѣжаго языка передъ ними не разступается; они мыслятъ ошупью.

И въ соспоаніи ли сіи полузабытыя, безразсвѣтныя души оцѣнятъ по достоинству разрывчатую, летучую прозу *Гурьянова*, *Зилулина*, *Прова-Максимовича*?

Нѣтъ, никогда не поймутъ они бытоспсаній души, сихъ горячихъ выпечатковъ минутныхъ ея ошущеній и непритворной задумливости веселости!

(Вѣрное подражаніе слогу одного писателя.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢВЦУ ПОЛУНОЧИ.

Туча пмипъ небеса;
Взоръ туманипъ слеза;
Набѣжипъ въперокъ—
Тучи скоро пройдупъ;
Вѣчно-ль слѣзы текупъ?
Вѣчно-ль пасмуренъ рокъ?

*

«Но полуночный край
Не Авзоніи рай!
Лѣпомъ розы памъ вѣпъ;
Гдѣ мятели, снѣга
Помошили луга—
Тамъ печаленъ поэтъ!»

*

Ахъ, послушай меня:
Былъ въ Авзоніи я,
Гдѣ поюпъ соловьи,
Розы долго цвѣтупъ—
Еспъ печали свои,
Также слѣзы текупъ.

*

Что природы краса,
Что лазурь—небеса
Если сердце болше?—
И Авзоніи край
Не веселый еспъ рай—
Онъ печаль не цѣлпшъ.

Л. Ялубовицъ.

С H A R A D E.

Chaque jour la foule bruyante
Se porte immense à mon premier;
J'y vois la bonne intelligente
Qui vient y remplir son panier.
Chez les Gaulois, peuples barbares,
Mon second marchait dans les camps,
Et plus puissant que les fanfares,
Animait les coeurs par ses chants.
Jadis armure meurtrière,
Mon tout servait dans les combats;
Mais aujourd'hui, moins sanguinaire,
C'est l'arme des bedeaux, pacifiques soldats.

Въ No 83, помѣщенный ономъ значить: *Дробь*.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

Стихотворенія Панкратія Сумарокова.—
С. П. б. 1832.

Панкратій Платоновичъ Сумароковъ писалъ въ ту эпоху Русской словесности, когда *Державинъ* уже обезсмертилъ себя одою къ *Фелицъ*, *Карамзинъ* плѣнялъ новою, правильною, чистою, легкою, благородною прозою (*), а *Дмитріевъ* (**) въ своихъ прелестныхъ сказкахъ и посланіяхъ покорялъ свое нравный языкъ нашъ и придавалъ ему гибкость, текучесть, живость разговорнаго. *Карамзинъ* уважалъ *Сумарокова* и въ 1804 году передалъ ему изданіе *Вѣстника Европы*.

Онъ необыкновенно оспѣръ, язвипелень; онъ забавляеть и смѣшнъ; но вкусъ его необразованъ, и каршины его, часто грязныя, оскорбляють людей хорошаго тона, людей съ чувствомъ изящнаго.

По характеру стихотвореній, съ симъ писателемъ имѣеть большое сходство А. Е. *Измайловъ*,

..... Авторъ басень,
Разсужденій, эпиграмъ,

котораго одинъ, впрочемъ плохенькой, липерапоръ справедливо опредѣлилъ въ стихъ

Теньерилъ бахаръ на пескахъ,

(*) См. Опытъ краткой исторіи Русской литературы. соч. Н. И. Греча.

(**) Гречъ и Мерзляковъ. См. ту же книгу.

и котораго другой заставилъ сказать:

Я писателъ не для дамъ;
Мой предметъ—носы съ угрями,
Ходимъ съ Музою въ иракпиръ
Водку пипъ, ѣсть лукъ съ сельдями:
Міръ пьяношекъ—есть мой міръ.

Погрѣшности *Сумарокова* можно раздѣлить на погрѣшности времени и на погрѣшности въ родѣ А. Е. *Измайлова*, имѣющія испочинкомъ грубой вкусъ и дурное общество.

Къ *первому* отношу я слѣдующія:

И такъ сказалъ онъ ей, что ежели она
Ни съ кѣмъ не спрѣжена.

Что Августъ пилъ когда, была вся Польша пѣля.

Мнѣ-ль спраспнныя пускать вздыханья.

Ей самой сильной силлогизмъ

Ничто, какъ слабый лишь софизмъ.

А онъ почувствовалъ пріятное столь время.

Когда жестокій сплинъ мнѣ ночью спать претитъ.

У него *Борей* съ бровей стрясаеть снѣжныя горы;
онъ выпускаетъ изъ сердца спраспнныя пламень;

И сверхъ того имѣлъ ту добродѣтель,

Чтобъ правду обожать и не терпѣть льстецовъ.

Онъ разсказалъ сказочку, которую бабушка его слышала отъ *Шехеразады*; жену свою поселилъ въ палапахъ, которыя были огромны и богаты; онъ божился, что знаеть двухъ мужей пакихъ,

Которы терпятъ женъ своихъ;

что двѣ влюбленныя другъ въ друга особы
пипали пипъ лѣпъ сію спраспъ,

Но къ сочепанію имѣя пѣму препонъ,

Пипъ лѣпъ сія чета пускала тлѣскій спонъ.

И не погаснеть вѣкъ къ тебѣ мое пыланье.

Сбираетъ ворожей

Подашь чтобъ помощь ей,

Сулишь за то богатство неистетно.

А пошь его спросилъ,

Являя удивленья знаки:

Какіе довели сюда тебя признаки?

Только времени не видясь съ нею.

Ко второму, или къ погрѣшностямъ à la
Александръ Ефимовичъ Измайловъ, причисляю:

Будь я кисельникъ и страмецъ,
И не купецъ,
А чушка.

Хоть рвись она въ кюльки, наплачь хоть цѣлу лужу.
И хоть сто разъ пивой песнь, или жена чихай,
Ты не моги самъ молвить: здравствуй!

Да сверхъ того еще червонецъ дамъ пяць тысячъ,
Изъ коихъ бы иной пять разъ себя далъ выстѣть.

О архитекторъ мой воздушный!
На что ты сильно пакъ лягуль?

Я просто донесу, что Ханъ скрѣпилъ зубами,
Рсвѣль, кривлялъ глазами,
Топмалъ свою чалму, и, словомъ, былъ таковъ,

Что всѣхъ Персидскихъ дураковъ
Минутъ въ пятнадцать обезславилъ.

Вчера она меня сурово приняла,
И разругавши въ прахъ, въ затѣлокъ прогнала.

Донесъ рѣшился Государю,
Хотя бы онъ за то ему расквасилъ харю.
Мудрецъ донесъ ему безъ всѣхъ обвиняковъ,
Что вмѣсто счастливыхъ, нашѣлъ онъ дураковъ.
Пускаемъ нашъ бѣднякъ такой нелѣпый стонъ,
Какъ будто бѣженъ какой объѣлся онъ.

Чьи-жъ пѣни были по? Людей пѣхъ были души,
Которыхъ врачъ побилъ своимъ лѣченьемъ туши.

Опъ сихъ нежданныхъ словъ любовникъ пакъ оз-
млялся,

Что въ рожу лѣкарю свой палисманъ пуспилъ
И въ волосы ему вцѣпилъ;
Кусалъ его, царапалъ, билъ.

Я мню, что шо сказала какойнибудь глупецъ,
Ну можно-ль мудрецу пакъ глупо завираться?
Но какъ онъ смѣлъ, дуракъ,
Такихъ напутать вракъ?

Хоть онъ и вретъ,

Но духъ пошчасъ ему спокойство возвращаетъ,
Давъ страхъ ему запитъ небеснаго кваску.

Она ему скроила
Такова труха,

Что тутъ не сотворилъ портной таво грѣха,
Котораго укрить не могутъ лугши воры.
Порѣниха, успремивъ на мужа гнѣбны взоры,
Сказала пакъ:

Съ чего ты взялъ, дуракъ!

Что я когда нибудъ женой пвоей бывала?
Я и во снѣ себя мерзавца не видала.
И какъ ты смѣлъ обидѣть пакъ меня?

Ахъ ты святошина харъ!

Мужъ оги вылупилъ....

Руками облака онъ шедши раздвигалъ,
И по двѣ мили вдаругъ шагалъ;

Да кедромъ сверхъ того Ливанскимъ чистилъ зубъ.

О пѣсь! дурацкая ты рожка!

Кричишь жена:

Конечно Сапана

Шепнулъ тебѣ по въ ухо?

Алмазовъ, яхоншовъ ты могъ бы пожелапъ;

А ты, свинья! набить желаешь брюхо,

И полько лишь смекаешь жрать!

Симъ ласковымъ словамъ супруга въ заключенье

Дала ему пуза,

И чуть не выдрала глаза.

Тотъ Царъ, что налагалъ на всю вселенну дани,

Кто лаврами топилъ торговля жогъ бани.

Какъ въ адъ изъ райа низвергашся,

Коль не безцотный я дуракъ!

За эшо-бъ мудреца не худо и постыть!

Плуповка на его окно

Наводитъ сильтыя кокетства батареи.

Эропъ мальчишка своевольной

И логика его сильтыи гораздо школьной.

Мудрецъ въ досаду самъ себя глаза подбилъ;

Но сколько онъ ни куролѣсилъ,

Эропъ однакожъ въ немъ премудрость перевѣсилъ

И въ рекрутъ его къ себѣ онъ подцѣпилъ.

Одѣлся старой нашъ дуракъ,

Какъ, по мосту мосту поюшь намъ про дѣпинку.

Окончивъ шуалешъ

И съ мудроспью просиясь, пошелъ нашъ дѣдъ

Еще страмитъся.

А пинѣ вижу самъ, что спалъ большой подлецъ.

Не на прикащика похожъ я, на скотину!

Хоть звѣзды онъ съ небесъ хвапашъ,
Какъ я, такой же скотъ!

Какой же онъ дуракъ!

Правъ изъ нихъ хопѣлъ бытъ всякой;
Чуть не кончился шумъ дракой,
Сдѣлался соблазнъ великъ.

Эрошъ сказалъ ему вопъ шакъ: дуракъ!
Но сладись съ дуракомъ, скажише, кто-бъ умѣлъ?

Опець боговъ разинувъ пасть,
Реветь быкомъ и спонешъ.

Какъ злился нашъ Зевесъ, кричалъ, спучалъ ногами,
Сбираясь перестыть боговъ встѣхъ батогами.

Попомъ пощѣтыны двѣ-три ему вѣшилъ,
Да шѣмъ и заключилъ.

Скотина!

За то, что ослѣпилъ Венерина пы сына,
Который мой любимый внукъ,
Досшоннъ пы ребромъ повшиецъ битъ на крокъ.

(*Ожоганіе въ слѣд. листкѣ.*)

М О Д Е С.

Les robes d'organdi brodées en laine, les batistes de soie brodées en soie plate, sont les plus jolies toilettes habillées du soir. On en brode d'une seule couleur sur blanc, ou couleur sur couleur, qui sont de très-bon goût.

Les corsages plats ont tout-à-fait disparu. Les tyroliennes montantes ou décolletées, les draperies croisées, sont ce qui se fait le plus.

Les plus jolis cols qui tiennent le mieux au visage, parce qu'ils garnissent le cou, sont très-bas, coupés de biais, et montés sur un col droit qui tient au fichu. La garniture se compose de deux ou trois bandes de mousseline brodée ou de dentelle à petits tuyaux, qui, ainsi placés, figurent une ruche. Le col ne retombe pas et se soutient de manière à maintenir un ruban ou une cravate placés à l'intérieur.

Les grands cols carrés, à longues pointes, sont devenus tout-à-fait communs.

On a pris, pour les bonnets du matin, toutes les formes des bonnets d'enfant; ils se font en batiste d'Écosse ou quelquefois en mousseline claire.

Les bonnets-ruches, qui se placent sous les chapeaux, ne doivent se faire qu'en tulle ou en blonde. Ceux auxquels on ajoute du ruban sont extrêmement communs, et n'obtiennent aucune faveur auprès du monde élégant.

Lorsqu'une femme ne porte pas des gants de Suède, les deux couleurs qu'elle peut choisir de préférence sont réséda ou orange foncé.

М О Д Ы.

Самыя красивыя нарядныя платья для вечеровъ изъ органди, вышитыя гарусомъ, и изъ шелковаго бапписпа, вышитыя несученымъ шелкомъ.

Гладкихъ лифовъ совсѣмъ не носятъ. Всего болѣе дѣлаютъ Тирольскіе высокіе и драпированныя крестообразно.

Самыя красивыя воротнички, которыя идутъ къ лицу, потому что прикрываютъ шею, дѣлаютъ весьма узки; ихъ выкраиваютъ изъ косаго, и пришиваютъ къ прямому воротничку, который у манишки. Ихъ отдѣлываютъ въ два или три ряда вышитой кисей или кружевомъ, сложенными мелкими прубочками, которыя, такимъ образомъ составляютъ рюшъ. Воротничекъ не опирается, а придерживается ленту или галстучекъ, надѣтые снизу.

Большіе чепвероугольные воротнички, съ длинными мысками, сдѣлались слишкомъ обыкновенны.

Для упренныхъ чепчиковъ употребляютъ всѣ фасоны дѣтскихъ чепчиковъ; ихъ дѣлаютъ изъ Шопландскаго бапписпа, иногда же изъ прозрачной кисеи.

Bonnets-ruches, надѣваемые подъ шляпки, дѣлаютъ не иначе, какъ изъ шюля или блонды. Чепчики сѣи съ лентами чрезвычайно простонародны, и никакъ не могутъ войти въ употребленіе въ модномъ свѣтѣ.

Если дама не носитъ Шведскихъ перчатокъ: по ей предоставлено два цвѣта, изъ которыхъ она можетъ выбрать, редеа и шѣмно-оранжевый.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 85.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Октября 22 дня, 1852 года.

Сколь неизбежна власть швоя,
Гроза преступниковъ, невинныхъ утѣшитель,
О совѣсть, нашихъ дѣлъ законъ и обвинитель,
Свидѣтель и судья!

А. Измайловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРАБАБУШКИНЫ КЛАВИКОРДЫ.

Осушивъ до дна бупылку Бургонскаго, я сидѣлъ одинъ, задумавшись, передъ камнемъ: «такъ почно,» разсуждалъ я самъ съ собою; «да, почно такъ! Дочери мои уже взрослыя дѣвнцы; пора имъ дать учителя музыки и купить для нихъ богатое фортепіано.»

Дѣвушкамъ нельзя не имѣть дарованій,—и потому, чепыре, или пять часовъ въ супки, должны быть непременно посвящены музыкѣ. Онѣ должны непременно знать употребленіе *ключей* (*),—не пѣть ключей, съ которыми не разсавалась моя бабушка (предобрая женщина!) и коихъ полная связка всегда висѣла у неѣ за поясомъ;—нѣтъ,—ключи, о коихъ я говорю, совсѣмъ другаго рода.

Три поколѣнія въ нашемъ семействѣ были рѣшительно не музыкальныя. Я говорю это со стыдомъ, и въ глубокомъ униженіи; но это суцная правда, и я имѣю въ себѣ довольно духу признаваться, — что въ печеніи цѣлыхъ прехъ поколѣній, семейство наше не имѣло ни голосовъ, ни ушей, ни душъ!

(*) Здѣсь разумѣются ключи музыки: дисканта, баса и пр.

Бабушка моя,—та самая, которая не могла жить безъ связки ключей за поясомъ,—почивалась цвѣпомъ и украшеніемъ всѣхъ барынь въ сосѣдствѣ. Она умѣла сохранять въ прокъ всѣ плоды на свѣтъ; умѣла солишь и приготавливать въ уксусъ всевозможныя огородныя овощи.—Она была гений въ хозяйствѣ! но объ музыкѣ не имѣла ни малѣйшаго понятія.—Въ ея ухахъ, одинъ *тонъ* ничѣмъ не отличался отъ другаго, и, вообще, всякій музыкальный звукъ казался ей несноснымъ *шумомъ*!—Запахъ вѣщны былъ для неѣ пріятнѣе всякой *галлы*; рѣшетка кухоннаго тагана занимала еѣ несравненно болѣе, нежели самымъ чиспымъ образомъ напечатанныя *ноты*; всякая проспя приправа какого либо кушанья, радовала ея сердце несказанно сладостнѣе, нежели самый блестящій *аккомпаниментъ*; вмѣсто, чпобы пѣть Итальянскія арии, она кушала, или готовила подовые пироги, и наконецъ, увы! самымъ прогательнымъ *рондо*, предпочитала бифтексъ и коклеты.

Случись ей жить въ наши времена, она была бы жалкимъ и отброшеннымъ выродкомъ общества; но, тогда, когда женщины были просты до такой степени, чпто занимались

всѣми домашними обязанностями, её всѣ уважали и любили, и что странно!— называли весьма умною и почтенною женщиною.

Дочь ея, а моя мать, впрочем не музыкальное лице между премо вышеупомянутыми поколѣніями, была смертная охотница до верховой ѣзды и всю жизнь гонялась за зайцами. Въ её время, дамы начинали просвѣщаться, и изъ кухни переходили въ конюшню,—что несравненно благороднѣе!

Само собою разумѣется, что бабушка не имѣла ни время, ни склонности заниматься домашнимъ хозяйствомъ; она проводила почти всю жизнь свою въ верховой ѣздѣ, и, кромѣ охотничьяго рожка, не знала иной музыки! Такъ приспирасна была она къ сему образу жизни, что даже и въ по упря, какъ я произошелъ на свѣтъ, она примѣрляла новое Амазонское платье, и, надѣвая уже круглую шляпу, приказывала подводить лошадь, на коей намѣревалась догонять партию охотниковъ, ускакавшихъ въ поле на правлю за лисцами (*).

Не смотря на мое внезапное появленіе въ міръ семь, я остался живъ;—горничная моей бабушки выкормила меня кашкою, и вылѣлела какъ нельзя лучше, такъ, что въ свое время, я сдѣлался весьма порядочнымъ человекомъ;—но, къ несчастію, наследовалъ бѣдственному недоспадку моего семейства: музыка, которая, какъ говорилъ одинъ поэтъ, «смягчаетъ каменные скалы и гнѣтъ гордый дубъ, какъ мягкую прость,»—музыка, не гнула и не смягчала меня!

И такъ, въ печеніи прехъ поколѣній, родъ нашъ не зналъ и не постигалъ прелестей гармоніи.—Однако, одно обстоятельство говорило въ нашу пользу,—обстоятельство важное,—искупляющее честь нашу,—въ образѣ моей бабушки! Вопрь она-то была женщина со вкусомъ, съ душою,—она играла на клавинодахъ.

Сидя передъ моимъ каминномъ, какъ я уже сказывалъ, и разсуждая самъ съ собою, на-

конецъ вздумалъ я: «за чѣмъ мнѣ покупать богатое фортепiano, которое будетъ стоить не дешево, когда клавиноды моей прабабушки, съ двойнымъ ярусомъ клавишей, стоятъ безъ употребленія на чердакѣ и, конечно, весьма удобно могутъ замѣнить самый модный инструментъ.»

Ахъ! какъ живо помню я мою прабабушку! Она была уже спарушкою, когда я былъ еще ребенкомъ; но, какъ хорошо я её помню!—Высокаго роста; пряма, какъ пополь! Талия ея была неслыханнымъ чудомъ длины и еще менѣ слыханымъ чудомъ тонны; а парчевая пикань ея плапья, соспавляла вокругъ её родъ спѣны, которая не смѣла касаться нѣжныхъ членовъ ея, и, еслибъ моей прабабушкѣ вздумалось *вышагнуть* изъ сего укрѣпленія, то все одѣяніе ея осталось бы на своемъ мѣстѣ, какъ крѣпко успроенный баспiонъ, и не пошатнулось бы ни въ которую сторону.—Узенькая ножка, на превысокихъ каблукахъ, робко выглядывала изъ подъ блестящаго глаза, а снѣжные локти скромно осыпались покровительствующею пѣнію огромныхъ кружевныхъ манжетъ. На головѣ ея возвышалось безпримѣрное зданіе изъ чистаго, бѣлаго, прозрачнаго перья, а надъ самымъ лбомъ развѣвались, какъ знамена, густые, напудренные локоны.

Прабабушка моя не имѣла понятія о различіи, которое наши современницы полагаютъ между небрежнымъ и—полнымъ нарядомъ, мнѣняя богатія Индѣйскія кисей и дорогія Брабантскія кружева упренныхъ *неглиже*, на нищенскіе газы и крепы вечернихъ одеждъ своихъ. Въ томъ вѣкѣ, когда цвѣла моя прабабушка, порядокъ общества не нарушался, какъ нынѣ; тогда нельзя было принять служанки за барыню, ни барыни за служанку!

Однако, были дни, въ которые и прабабушка моя, не то, чтобы перемѣняла, но усовершала свой нарядъ, вдѣвая огромныя брилліанновыя серги въ свои маленькія ушки, и унижая тоненькія пальчики безконечнымъ числомъ алмазныхъ перстней. Сип вѣрные помощники, въ случаѣ нужды, являлись въ мигъ на своихъ мѣстахъ; такъ, что въ какомъ бы часу дня не наѣхали гости, прабабушка моя

(*) Крѣпика сія отпосится на счетъ Англійскихъ барынь, которыя, часто до такой степени бывали приспирасны къ верховой ѣздѣ, что даже пресступали границы, предписанныя ихъ полу.

всегда была готова ихъ принять, выходя имъ на встрѣчу съ сверкающими ушами и блистающими пальцами, — разодръвая, хоть бы подъ вѣнецъ, или ко двору.

Прабабушкѣ моей извѣсны были, въ совершенствѣ, всѣ успавы хорошаго обществя того времени; она жила между людьми наилучшаго тона, и потому соблюдала всѣ приличія своего званія. На примѣръ, она бы ни за что на свѣтѣ не позволила въ колокольчикъ, чтобъ позвать слугу; это было бы слишкомъ по мѣщански! Она важно и переплыво садилась на софу, и слабымъ голосомъ вскрикивала: «кто тамъ?» пока счастливымъ случай насылалъ кого нибудь на зовъ ея.

Все блаженство ея состояло въ ея клавикордахъ! Я ничего не смыслю въ музыкѣ; но знаю, что ея инструментъ имѣлъ два яруса клавишей, на коихъ она играла попеременно, покачивая вправо и влево величавую свою голову.

«За чѣмъ, продолжалъ я разсуждать самъ съ собою, за чѣмъ покупать мнѣ фортепiano, когда у меня уже есть инструментъ, о которомъ я такъ часто слыхалъ отъ моей прабабушки, что ему нѣтъ подобнаго?»

Я впацился на чердакъ, въ темную, пыльную кладовую, и тамъ опыскалъ дву-ярусные клавикорды моей прабабушки, на боку, безъ ноги, въ самомъ жалкомъ положеніи! — Я велѣлъ перенести ихъ оспорожно въ нижній этажъ, хотя на каждомъ шагу они прещались, хрепѣли и угрожали разсыпаться въ куски. Искусный плотникъ поправилъ изломанную ножку; а я послалъ за извѣстнѣйшимъ Профессоромъ музыки въ нашемъ городѣ, прося его быть учителемъ дочерей моихъ.

Съ гордосцію показалъ я ему инструментъ, объявленный моею прабабушкою (которая была музыкальнымъ образцемъ своего времени) самымъ гармоническимъ и самымъ лучшимъ изъ всѣхъ, какіе только ей случалось слышать въ своей жизни. — Профессоръ улыбнулся.

«Вы, вѣрно, какъ любитель древности, дорожите этимъ инструментомъ?» сказалъ онъ.

— Какъ сударь? — возразилъ я.

«Я хочу сказать, отвѣчалъ онъ, что вы конечно, не почитаете его годнымъ для музыки.»

Онъ знаетъ, что я не музыкантъ, подумалъ я, и вѣрно смѣется надо мною.

— Милостивый государь! сказалъ я, сдѣлайте одолженіе, приведите только этотъ инструментъ въ порядокъ, и начните давать на немъ уроки музыки дочерямъ моимъ. —

Профессоръ шибко оборопился на моемъ музыкальномъ пабуретѣ, и посмопрѣвъ на меня недовѣрчиво съ минутой, покапился со смѣху! — Желалъ бы я только, чтобъ моя прабабушка это видѣла! —

«Милостивый государь, извините меня, сказалъ наконецъ Профессоръ; но вашъ инструментъ... я долженъ говорить съ вами опкровенно... вашъ инструментъ годится только...»

— Годится на что, сударь? — спросилъ я.

«На дрова!» отвѣчалъ онъ.

Профессоръ былъ правъ, и чтобъ доказать мнѣ это, онъ мощною рукою ударилъ по обѣимъ ярусамъ клавишей. Я оспался безъ отвѣта! — Зажавъ уши, просилъ его перестать. — Нечего было дѣлать, надо было согласиться купить новый инструментъ. Я поручилъ моему Профессору музыки выбрать для меня богатое фортепiano, со всѣми модными вычурами, прибавочными октавами, личными резонсами, чрезвычайными и сверхъ-комплектными педалями, наконецъ, со всѣми выдумками *негистаго духа*, изобрѣшенными для испребленія пищины и спокойствія во всякомъ порядочномъ домѣ.

Профессоръ музыки меня оспавилъ; а я задумался надъ симъ бѣднымъ инструментомъ, нѣкогда споль драгоценнымъ и споль рачительно берегаемымъ! — «Чтобы сказала моя прабабушка, подумалъ я, еслибъ она знала, что ея любимые клавикорды разсѣкутъ на часпи, что ихъ сожгутъ, для согрѣнія мерзлыхъ пальцевъ ея праправнучекъ!»

Инструментъ сей былъ купленъ для ней мужемъ ея, въ первый годъ ихъ супруже-

спва: подарокъ былъ доставленъ въ ея гостиной очень рано по утру, въ день ея рожденія, и она неожиданно увидѣла его, когда сошла внизъ, изъ своей комнаты, пить кофе. Это случилось за долго до моего рожденія; но старушка часто, со слезами, рассказывала сіе обстоятельство, когда я былъ ребенкомъ.

Хоть я и равнодушенъ къ музыкѣ, однако, живо могу себѣ представить радость молодой супруги, при полученіи такого подарка. Воображая, сколь часто влюбленный мужъ, облокотясь на эмпотъ инструментъ, слушалъ игру и любовался красотою милой подруги! Сколь часто, взглядывая на него съ улыбкою, наигрывала она веселые звуки, кои, она знала, ему нравились, потому, что они панцовали вмѣстѣ подъ ихъ мелодію!

Я не музыкантъ, и не имѣю ни малѣйшей привязанности ни къ старымъ клавибордамъ, ни къ новымъ, богатымъ фортепьянамъ; но признаюсь, не терплю видѣть предметы, освященные наилучшими и чистѣйшими чувствами одного поколѣнія, дѣлающимися по смѣшницею для поколѣній послѣдующихъ. Вотъ точно также и съ прабабушкинымъ портретомъ!—Здѣсь, онъ виситъ предъ моими глазами; паспущья шляпка на головѣ, горлица на впоромъ пальцѣ правой руки и полуосыпавшаяся роза въ лѣвой. Всѣ, кои видятъ эмпотъ портретъ, смѣются надъ нимъ. То же самое будетъ и съ нашими портретами, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ! Ихъ найдутъ смѣшными, *не модными*; и, право, каждому изъ насъ надо бы завѣщать оспающимъ послѣ насъ друзьямъ нашимъ, чтобъ они сжигали наши портреты, или хоронили бы ихъ съ собою, дабы не оставили ихъ на посмѣяніе нашимъ праправнучатамъ.

Когда списывали портретъ съ моей прабабушки, надо было видѣть, какого труда ей стоили взгляды ея и нарядъ; а теперь, портретъ щуповской, да и только!—Можно будетъ называть человѣколюбивымъ того, кто броситъ сіе изображеніе въ огонь, когда заперещитъ на очагъ первая связка изрубленныхъ клавибордъ моей прабабушки.

Дружба, связи, воспоминанія, дѣлаютъ черты наши, изображенные на полотнѣ, пріят-

ными для нашихъ современниковъ и для тѣхъ, кои непосредственно переживаютъ насъ; но когда сіи друзья послѣдовали за нами въ ту страну, откуда нѣтъ возврата, наши портреты дѣлаются образцами прошедшихъ модъ, а черты наши предметомъ насмѣшекъ,—иногда даже и самага презрѣнія!

Но, надо возвратиться къ дочерямъ моимъ.—Самое лучшее изъ самыхъ нарядныхъ фортепьянъ было куплено, и аршистъ-Профессоръ началъ давать на немъ уроки музыки моимъ дѣтямъ. Утро, день и вечеръ, дочери мои играютъ; и когда сдѣлаются онѣ совершенными въ семъ искусствѣ, можно надѣяться, что найдутъ жениховъ съ душою, а мнѣ, невѣждѣ, оставятъ мирное жилище.

Безъ сомнѣнія, наступитъ время, когда всѣ новости нашихъ дней состарѣются;—и можетъ спаться наступитъ часъ, въ который праправнучата дочерей моихъ изрубятъ на дрова наше богатое фортепьяно, точно также, какъ мы сами сожгли прабабушкины клавиборды.

Съ Англ. *Анна Ситникова.*

К О Е - Ч Т О .

— За кражу овецъ въ Англіи положена смертная казнь, или по крайней мѣрѣ, заключеніе въ пюрью, если не встрѣшится какихъ либо особенныхъ обстоятельствъ, уменьшающихъ пресупленіе. Одинъ бѣднякъ, по имени *Бутель*, уличенъ и посаженъ былъ въ Эссекскую пюрью. На другой день послѣ его заключенія, онъ получилъ въ пюрью извѣстіе, что ему послѣ дѣда досталось въ наследство имѣніе, стоющее 5,000 фун. стерл. (125,000 рублей). Спрашивается, приговорили-ль судьи къ висѣлицѣ, наравнѣ съ нищими ворюшками, человека, обладающаго столь блистательными достоинствами?—Конечно нѣтъ!

— Одна болтуня спросила своего медика: любезный Докпоръ! у меня всѣ зубы начинаютъ шатаваться. Чѣмъ этому помочь?—*«Надобно меньше говорить,»* отвѣчалъ медикъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Р А З Д Н И К Ъ Д Р У Ж Б Ы.

Опѣ юности и до могилы
 Всегдашній, вѣрный спутникъ мой,
 Ты, Дружба, придаешь мнѣ силы
 Бороться съ мощною Судьбой.
 Забытый прихотливымъ свѣтомъ,
 Спокрапъ я счастливъ средь друзей;
 Пусть прослыву Анахоретомъ
 Въ укромной хижинѣ моей,
 Пусть я заворникомъ печальнымъ
 Для свѣтской знапки покажусь,
 И ни съ однимъ провинціальнымъ
 Любимцемъ счастья не свяжусь!
 Но вы, сонмъ избранныхъ собратій,
 Вспѣснипесь въ дружескій приющъ,
 Пускай средь искреннихъ объятій
 Часы блаженны пропекутъ,
 Пусть разговоръ непринужденный
 Бесѣду нашу оживитъ
 И пусть Профанъ неприглашенный,
 Рабъ лестни, прочь отъ насъ бѣжитъ;
 А вы, друзья мои безцѣнны,
 Щипомъ Минервы оградясь,
 Пипомцы мудрости священной,
 Цвѣточную вяжите связь,
 И цѣпью дружбы съединясь,
 Въичайше розами другъ друга,
 И мы не выпустимъ изъ круга
 Подругу—радость нашихъ дней,
 Пока не усладимся ей!
 Пока не побѣжимъ спиреюй
 Въ сердца воспоргъ неизъяснимый
 И Дружба—Ангель нашъ незримый
 Введетъ насъ въ свѣтлый Эмпирей.

Н. Баталитъ.

Нижей-Повгородъ.

Ш А Р А Д А.

Жуковский мой нововводишель
 И покровишель.
 Въ балладахъ сыпалъ ояъ
 Слогъ *первый* мой горспями.
Второе еспъ предлинная рѣка,
 Покрыпа длинными спругами,
 И въ пѣсняхъ между нами

Она
 Славна.

А *все* не воробей, не галка, не синица,
 Но во спо разъ красивѣе ихъ пшница,
 Почти какъ попугай.
 Опгадай!

III.

Въ No 84, помѣщенная шарада значить: *Halle-barde*.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

Стихотворенія Панкратія Суларокова.—
 С. II. б. 1832.

(Окончаніе.)

Пробѣжавъ замѣченныя нами въ послѣднемъ
 листкѣ грубыя ошибки, вѣроятно, чипапелли
 съ удивленіемъ спросятъ: за что же уважалъ
 его *Карамзинъ*? За какія заслуги *Грегъ* (*),
 въ своей исторіи Русской литературы, вклю-
 чилъ его въ число писателей, споспѣшество-
 вавшихъ процвѣпанію оной? За сказки, забав-
 но рассказанныя,—за басни, оспроумно напи-
 санныя,—за эпиграммы, копорыя не уступа-
 ютъ въ колкости и силѣ эпиграммамъ Князя
Вяземскаго.

Посмотрите, какими прекрасными списками
 выкупаешъ онъ свои ошибки.

Мнѣ сдѣлашь хочешся жены моей порпшетъ:

Какъ пальма райская пряма и величава,

Спупаешъ будшо пава.

Сафиръ, что неба сводъ являетъ въ ясный день,

Предъ глазками ея, какъ передъ свѣтомъ пѣнь.

Увидя-жь бѣлизну ея прелестной шеи,

Попрячущся съ спыда нарциссы и лилен.

Эпо опрывокъ изъ сказки: *Альнаскоръ*, ко-
 порую и послѣ *Дмитріевой* можно прочеситъ
 съ наслажденіемъ. Вотъ другой изъ сказки:
Способъ воскрешать мѣртвыхъ.

Но наконецъ къ нему явился человекъ,

Который съ прежними нимало не былъ сходенъ:

Сей скроменъ былъ и благороденъ,

Сей не желалъ и не просилъ;

(*). Въ лирической и повѣствовательной поэзій, въ вѣкъ
 Александра, упражнялись съ отличными успѣхомъ:
Пшинъ, Панкратій Сулароковъ, Буринскій, Мило-
новъ. См. Опытъ краткой исторіи Русской литера-
 туры, изданіе первое, стр. 329.

О счастьи-жь своемъ онъ вопъ чпо доносилъ:
 Богатствъ я не ищу, ни пышности, ни славы,

Люблю одиѣ забавы;

По волѣ ихъ себѣ могу я доставлять;

Но ихъ умеренно привыкъ употреблять.

Я, опасаясь пресыщенья,

Доспигъ до рѣдкаго умѣнья

Совсѣмъ опказываю себѣ въ нихъ иногда

Безъ всякаго пруда.

Припомъ же я доходъ порядочный имѣю,

Котораго концы съ концами пакъ свожу,

И пакъ расположись на круглый годъ умѣю,

Что въ люди никогда объдашь не жожу.

Вседневно за столомъ своимъ я угощаю

Двухъ-трѣхъ, иль четверыхъ

Пріяшелей моихъ,

При коихъ я себя опнюдь не принуждаю;

Я принужденности, признаюсь, не перплюю.

Ни опъ кого я не завишу;

Враговъ нѣтъ у меня, иль я о нихъ не слышу;

Любовницу свою люблю

Не много и не мало,

Такъ какъ и всѣмъ бы надлежало

Любить своихъ,

И столько заниматьсѣ ими,

Чтобъ о лишеніи не сокрушались ихъ

И замѣщать пошчасъ другими.

Два опривка изъ сказки: *Амуръ, лишенный зрѣнія.*

I.

Послушайте, друзья,

Ревнивые мужья!

Совѣтую вамъ я

Не слишкомъ строгости къ супругамъ предаваться,

Когда не любите бодаться,

Не стройте изъ домовъ своихъ монастырей,

Не запирайте женъ, какъ спариць иль звѣрей;

А то, когда на часъ явился имъ свобода,

Тогда-то госпожа Природа

Свое возьмѣтъ,

II.

Дурачество всегда съ Амуромъ ходитъ.

Но это бы еще не важная бѣда,

А вопъ лишь плохо что: дурачество всегда,

Когда спрѣляетъ опъ, его руками водитъ;

Какой же можетъ быть путь ладъ?

Безвозгло божество спрѣляетъ не въ попадъ.

Ударъ любви съ шѣхъ поръ намъ въ голову приходо-
 дитъ

Почти всегда

И очень мѣтко;

А въ сердце никогда,

Иль очень рѣдко.

Вопъ двѣ басни нашего Автора. Онъ не
 успупаютъ самымъ лучшимъ извѣстнѣйшихъ
 Русскихъ баснописцевъ.

Новизна.

Въ спрану, Дурачество въ которой обитаетъ,

Зашла однажды Новизна:

Народъ на вспрѣчу ей бѣжитъ и восклицаетъ:

О, какъ же хороша она!

Младая Новизна, оспанься жипъ пы съ нами!

Кричали дѣши суемы:

Ты будешь дѣйствовашъ надъ нашими душами

Сильнѣй ума и красопы.

Согласна съ вами я, друзья мои, оспанься,

Рекла Богиня дуракамъ;

Вы завпра-жь можете со мною повидаться,

Коль пакъ мила я спала вамъ.

Лишь только день наспалъ, Богиня нарядилась

Такъ почно, какъ была вчера;

Но первый, коему она лишь появилась,

Вскричалъ: ахъ, какъ она спара!

Пыль и алмазъ.

Однажды лѣпшею порою,

Ужасная гроза возспала послѣ звою;

Завылъ жестокій въспръ, дубъ гордый запрещалъ;

Спихи межъ собой заспоривъ подралися.

Пыль, спружки, щепки, листы на воздухъ поднялися;

Взвилисъ—и бурный вихрь ко шверди ихъ помчалъ:

Съ главы красавицы, гулявшей съ пепиметромъ,

Не знаю какъ-то вдругъ Алмазъ сорвало въспромъ,

И кто-то невзначай въ навозъ его впопшалъ.

Пыль, между шѣмъ, узрѣвъ себл подъ небесами,

И видя чупъ Алмазъ внизу попруанъ ногами,

Негоднымъ подлецомъ, гордаясь, его звала.

Однако же сія надмѣнная хула

Въ Алмазъ никакой досады не рождаетъ;
 Опъ ей съ презрительной улыбкой отвѣчаетъ
 Проспанство, правда, насъ большое разделяетъ;
 Но разность больше есть еще съ побой у насъ;
 Ты пылъ—а я Алмазъ.

Мадригалъ и эпиграмма *Сумарокова* не по-
 ходи на пь, о которыхъ замѣчено:

Скучкина Егорки
 Мадригалы горьки,
 Эпиграммы сладки.

Вотъ нѣсколько примѣровъ:

I.

Прелеста! я сказалъ, что ты не хороша;
 Что одѣваешься ты со вкусомъ не умѣешь;
 Сказалъ, что ты ума ни капли не имѣешь,
 Что сверхъ того еще дурна швоя душа;
 Сказалъ, а для чего? я не запрუსь и въ эпомъ:
 Хотѣлъ для рѣдкости поспорить съ цѣлымъ свѣ-
 томъ.

II.

Жена Глупона за носъ водить,
 И часто въ гнѣвъ она приходишь,
 Что ухватишь рукой не ловко мужнина носъ,
 За пѣмъ, что онъ курносъ.
 Проспительнo-ль имѣшь такъ мало ей догадки,
 И не видишь того,
 Что у него
 Но милости ея ловчѣй есть рукояшки.

III.

Зловрава мнѣ кричишь: всѣ, всѣ мы шаковы!
 — «Увы!» —

IV.

Скончался Чужехвашъ.—«Не ужьшо?»—Въ самомъ
 дѣлѣ!
 —«Да гдѣ же умеръ онъ?»—Опъ умеръ на поспель.
 —«Ну кто бъ подумашъ могъ, чтообъ эпомъ человекъ
 Горизонтально кончилъ вѣкъ?»

V.

«За что не пернишь Клишь Дамона какъ врага?
 Что сдѣлалъ онъ ему?»—Рога.—
 «А га!»

Изъ крпкой и опично хорошо написан-
 ной жизни П. П. *Сумарокова*, въ началѣ сего
 собранія его стихотвореній напечатанной,
 видно, что онъ на 19 году испыталъ ужас-
 ный ударъ судьбы и провелъ 15 лѣтъ въ Си-
 бири. Сіе обстоятельство служивъ для него
 извиненіемъ въ недосмапкахъ, замѣченныхъ
 нами въ его сочиненіяхъ, и доказательствомъ
 благородной, сильной души его, не изнемог-
 шей подъ бременемъ бѣдствій.

III.

MODES.

Baucoup de robes d'étoffe se font en redingotes; quelques-unes sont à revers, comme des dents carrées ou pointues. La plupart sont unies, fermées par des nœuds pareils. Lors même qu'il y a des revers; le corsage doit fermer dans le milieu.

Les pélerines à pans continuent à être de mode; elles le sont aussi pour les robes décolletées, arrondies par derrière, et faisant pointes sur les épaules.

Lorsque ces pélerines sont en étoffes claires, comme de la mousseline, du tulle, on peut placer un nœud de ruban sur la pointe de l'épaule.

Les corsages à dos plat ne se voient plus du tout aux femmes élégantes, ni, par conséquent, dans les ateliers de nos grandes couturières; les draperies tyroliennes sont, sans contredit, la forme la plus adoptée.

Les manches ne changent pas; toujours simples et sans ornemens.

Les nuances d'étoffe subiront sans doute quelques changemens au renouvellement de la saison. On voit déjà pour les chapeaux, afin de remplacer le cerise si éclatant, un cerise adouci, par une légère glace de blanc. Cette couleur devrait même plutôt s'appeler rose-vif, car elle tient davantage du rose que du rouge.

Le vert-pomme, et vert-perroquet sera d'un joli effet pour les étoffes de laine. L'écrû *batiste* est une charmante nuance douce et peu voyante pour le châly uni.

Les redingotes d'étoffe à nœuds se portent beaucoup le matin en négligé de promenade. Les toiles de Smyrne, et les *toiles Médicis* sont simples et fort distinguées. Elles remplissent tout-à-fait le même but que le châly imprimé, et obtiennent sur lui, en ce moment, la préférence de la nouveauté.

Le cachemire imprimé, à dessins gothiques ou arabesques, est bien pour des toilettes de jour.

Il est à remarquer que ces étoffes, qui sont d'élégans *négligés*, seraient des *toilettes* peu recherchées. Le cachemire uni, le châly, la moire, la moire satinée, les gros-de-Naples brochés, sont les étoffes pour les robes du soir. Celles-là seulement peuvent se porter décolletées et accompagnées de blondes ou de bijoux.

Les canezous intérieurs se varient à l'infini; une nouvelle forme que les magasins de *la Balayeuse* ont exécutée avec beaucoup de soins, est entièrement plissée devant et derrière à petits tuyaux; au cou est un petit col droit, une bande de mousseline brodée, au bord de laquelle est montée une petite dentelle légèrement froncée.

De jolies pélerines, très-riches et de forme simple, sont en tulle brodées tout au tout d'une guirlande dans une dent en crête, le plain est semé d'un bouquet détaché, très-délicat et assez serré; deux cols doubles arrondis, peu tombans, sont brodés de même autour, et en plain.

Avec les robes du soir, habillées, on met beaucoup de cols de blonde.

Pl. No 30. Redingotte à colet de Velours. Gilet de Chaly. Pantalon de Casimir. Habit à boutons ciselés. Pantalon de Casimir.

М О Д Ы.

Шелковых плащевъ много дѣлають рединготами; иные съ опворошми, зубцы четвероугольные или острые; по большой части дѣлають гладкіе, схваченные бантами изъ такой же матеріи. Когда естъ и опворошны, по лиць долженъ бытъ въ срединѣ застегнутъ.

Пелеринки съ концами продолжаютъ носить; ихъ дѣлають и къ открытымъ лицамъ, сзади округленныя, съ мысками на плечахъ.

Если пелеринка изъ прозрачной матеріи, кисей или тюля, можно пришилишь на конецъ мыска бантъ изъ лептъ.

Лицовъ съ гладкими спинками совсѣмъ не видно на дамахъ, одѣвающихъ щеголеваю; слѣдовательно и въ рабочихъ первыхъ нашихъ швей; драпированные по Тирольски, безъ сомнѣнія, самые употребительные.

Рукава не пзмѣняются; все проспы и безъ опдѣлки.

Въ цвѣтахъ матерій конечно будетъ какая нибудь перемена при наспуленіи новаго времени года. Въ шляпкахъ уже замѣняютъ ярко-алый цвѣтъ не столь яркимъ, смягченнымъ бѣлымъ опливомъ. Эпитъ цвѣтъ скорѣе бы можно назвать ярко-розовымъ, потому что онъ болѣе приближается къ розовому, нежели алому.

Vert-romme и vert-perroquet очень красивы въ шерстяныхъ матеріяхъ. Для гладкаго шали приличный и не слишкомъ замѣшный цвѣтъ: не бѣленаго башиста.

Рединготы изъ матерій съ бантами въ большомъ употребленіи за-просто на прогулкахъ. Смирнскія и Мецисовы холстинки весьма проспы и отличны; ихъ употребляютъ точно какъ печатные шали, и имѣють шеперь надъ нимъ преимущество новосты.

Печатный кашемиръ, съ узорами въ древнемъ вкусѣ или арабесками, очень приличенъ для дневныхъ платьевъ.

Надо замѣшшь, что матеріи сіи весьма щеголеваты за-просто, но не годились бы въ нарядъ. Гладкой кашемиръ, шали, объяръ, апласистая объяръ, запканный узорами гроденапль, вопъ матеріи для вечернихъ платьевъ. Изъ нихъ полько дѣлають плащья съ открытыми лицами и надѣвають съ ними блонды или вещи.

Канзу, надѣваемыя подъ низъ, удивительно разнообразны; новая форма была выполнена съ большимъ пщаніемъ въ магазинахъ *la Balayeuse*: спереди и сзади сложена мелкими прубочками, около шеи маленькой прямой воропничекъ, обшиты вышпшой кисейной оборкою, у которой по краю слегка собранное узенькое кружево.

Красивыя пелеринки простой формы и весьма нарядны,—пюдевыя вышиты вокругъ гирляндой, въ зубахъ пепушными гребешками, по всей вышпшы опдѣльные букеты, весьма нѣжные, довольно часто; два воропника, не слишкомъ оппадающіе, вышиты вокругъ и по срединѣ.

Съ вечерними нарядными платьями въ большомъ употребленіи блондовые воропнички.

Карп. No 30. Рединготъ съ бархатнымъ воропникомъ. Шалевой жилетъ. Каземировые панталоны. Фракъ съ рѣзными пуговицами. Каземировые панталоны.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 86.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Октября 26 дня, 1852 года.

Все волновало лѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ вострой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ БЫТЬ НѢКОТОРЫХЪ РУС-
СКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го
ВѢКА.

(Статья пятая).

Живи—и жить давай другимъ,
Но только не на счётъ другаго.
Державинъ.

Полковникъ Василій Евграфовичъ *Улицевъ* былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ Русскихъ баръ, какихъ мнѣ когда либо видѣшь случалось.

Свой долгій, лениый вѣкъ
Еще онъ смолоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.

Я познакомился съ нимъ въ — ани, въ бытность его тамъ опкупищикомъ. Ему было уже тогда лѣтъ подъ сорокъ. Безобразный, съ полспою нижнею губою, изъ которой можно бы по нуждѣ скровить при; съ лицомъ, котораго смуглоспъ мѣстами опливалась синими и багровыми полосами; съ черными, обсприженными по козацки въ кружокъ волосами, онъ казался почти красавцемъ для его

пріятелей, для людей его круга; онъ влюблялъ въ себя. Я считаю себя въ томъ числѣ. Онъ былъ живъ, веселъ, ребячески участвовалъ въ маленькихъ играхъ, въ шалостяхъ молодёжи, любезенъ какъ царедворецъ Екѣперины Великой; оспѣръ, но не язвительнъ; мастеръ на выдумки забавъ, усерденъ на дѣйствительныя услуги, сыпалъ деньги. Когда же начиналъ онъ говорить о какомънибудь предметѣ съ жаромъ, убѣждать, доказывать: молніи сверкали, какъ изъ пучъ, изъ чѣрныхъ глазъ его; онъ гремѣлъ, онъ поражалъ, какъ громъ. Слушая его, мнѣ всегда досадно было, что человекъ съ столь обширнымъ разумомъ, съ столь глубокими свѣдѣніями, съ такимъ вѣрнымъ взглядомъ на вещи—не посвятилъ всего себя на службу Государственную.

Любя изящныя искусства, зная Россію вдоль и поперекъ, онъ въ особенноти силенъ былъ въ торговыхъ предпріятіяхъ и финансовыхъ оборотахъ. Въ продолженіе шестидесятилѣтней жизни, онъ четыре раза опъ презрѣнія къ деньгамъ упопалъ въ долгахъ и сполько же разъ всплывалъ на верхъ, проживалъ, наживалъ милліоны: жилъ, какъ владѣтельный Князь, какъ Герцогъ.

За по и причудамъ его не было счёта, и онъ часпо казался смѣшнымъ, не смотря на умъ свой. Василій Евграфовичъ зналъ это—и самъ первый, смѣясь надъ собою, говаривалъ: «меня одни уже слишкомъ злословятъ, другіе осыпаютъ похвалами выше мопхъ достоинствъ. Я независимъ, дѣлаю что хочу; зла не дѣлаю. Хочу въ бурю ѣхать по морю, нанимаю лодку, и нахожу больше, нежели сколько мнѣ нужно, мапросовъ, за плату опваживающихъ жизнь свою: чѣмъ же я виноватъ, если иной упонетъ? Вздумается мнѣ упрямъ изъ Твери поспѣть въ Москву къ обѣду: посылаю за ямщиками; ихъ является цѣлая гурьба; даю чепверные прогоны; скачу, какъ Полицеймейстеръ на пожаръ: виноватъ ли я, что ямщикъ надорветъ лошадей? Я внупренно смѣюсь, когда спавятъ мнѣ въ добродѣтель то, что я излишекъ своего золота удѣляю бѣднымъ родспвенникамъ: я дѣлаю это единственнo опъ того, чтобы не слыхатъ ихъ писка, не слыхатъ ихъ нищенскихъ элегій, ихъ тяжкихъ вздохомъ. Съ негодованіемъ рассказываютъ мои деревенскіе сосѣды, что вся дворня моя пьётъ чай; а я дѣлаю это изъ расчёта: опытомъ знаю, что слуга, которій пьётъ чай, почитаетъ себя существвомъ высшимъ того, которій пьётъ вино; онъ не поидетъ въ кабакъ изъ гордоспи. Не мало также полковъ о томъ, что я содержу дворовыхъ людей своихъ, какъ дворянъ; балую ихъ, изнѣживаю. А я спрое съ нихъ взыскиваю, чѣмъ пѣ, копорымъ обхожденіе мое съ слугами не нравится. Что я даю имъ по 200, по 300, и даже инымъ по 600 рублей жалованья и, по мѣрѣ усердія, прибавляю оное: это вѣдаютъ всѣ мои знакомые; а что вмѣсто тѣлеснаго наказанія, смириптельнаго и рабочаго домовъ, шпрафую ихъ вычепомъ изъ жалованья; за каждую испорченную и поперянную вещь взыскиваю деньги: эпаго никто знаетъ не хочетъ. Пустьъка недовольные мною помѣщики, величающіе меня Вольперіанцемъ и Франкъ-Масономъ, подведутъ годовой ипогъ; они увидятъ, что я въ барышахъ. Повѣрь мнѣ, молодой другъ!» разгорячась, продолжалъ онъ: «Русскій весьма рѣдко дѣлаетъ худо съ умысла; а всегда почти опъ того, что дѣйствуептъ *на авось*.

Слуга наберетъ въ двѣ руки столько посуды, что въ шестип держатъ нельзя и, думая: *авось* донесу! роняетъ изъ рукъ подносъ; фарфоръ и хрусталь разлетается въ дребезги! Призовите порпнаго и предложите ему обить карепу: онъ возьмѣтся, спанетъ дѣлатъ *на авось* и, можно держатъ спо противъ одного, что испорпитъ и бассанъ, и бахраму, и сукно. Посадите сапожника на козлы: онъ, опъ роду не правя однимъ воломъ, не только чепвѣркою лошадей, увѣрипельно схватитъ кнутъ и вожди, и на вопросъ: доведёшь ли пы меня исправно? будетъ опвѣчатъ вамъ: «*авось* доведу, хипростъ пупъ небольшая; *Трошка* возитъ же!» И, въ самомъ дѣлѣ, иногда иному изъ нихъ посчастливится. Не желая доводитъ Русской пылкоспи и проворства до Нѣмецкой медлительноспи, я спараюсь придатъ имъ порцію благоразумія, осмоприпельноспи — и мнѣ всегда это удавалось. Это сдѣлало, что я опмѣнно радуюсь, когда Нѣмецъ женился на Россіянкѣ, или Нѣмка выходитъ за Русскаго. Дѣпи ихъ будуптъ — до совершенства доведенная амальгама.» Такъ оригинально умспвовалъ мой Полковникъ. Онъ и жизнь вѣлъ чудную, оригинальную.

Анекдотовъ, и почти всегда Русскихъ, было у него въ запасѣ неиспощимое богатспво, и онъ ихъ пріятно рассказывалъ. Съ охоткою посмѣшу чипапелей пѣми, кои запомню, но это будетъ одна пѣнь, одна липографія.

«Со мною въ одномъ полку служилъ Поручикъ *Цукерблатовъ*;» говорилъ покойный *Улицевъ*: «я не знаю равнаго ему мастера находиться во всякомъ, самомъ крипическомъ случаѣ. Онъ былъ человекъ весьма бѣдный, припомъ же моповатый, и часпо не имѣлъ въ карманѣ ни гроша. Однажды зашли къ нему госпи, у копорыхъ онъ въ недѣлю раза по три и обѣдалъ, и чай пилъ, и ужиналъ. Ему пришла фантазія попопчиватъ ихъ въ свою очередь. Онъ кикнулъ деньщика и велѣлъ подать чаю. Деньщикъ споялъ неподвижно. «Чаю!» закричалъ *Цукерблатовъ*. Деньщикъ спонптъ какъ вкопанный. *Цукерблатовъ* вспыхнулъ и, въ досадѣ, схватя вблизи лежавшій шарфъ, бросилъ въ него. Догадливый деньщикъ схватилъ шарфъ, побѣжалъ опромепью

въ лавочку, заложилъ его, купилъ сахару и— черезъ пять минутъ разносилъ уже госпямъ чай, ромъ, сливки и сухари.

«Въ другой разъ мой однополчанинъ хотѣлъ также напоить чаемъ одного пріятеля, къ нему зашедшаго, и велѣлъ деньщику поспавить на очагъ чайникъ. Деньщикъ ушелъ и не возвращался. Прошло добрыхъ полчаса, а опъ деньщика не было никакой опповѣди. Хозяинъ бранилъ его госпю пьяницею, негодлемъ, говорилъ, что онъ вѣрно сидитъ въ кабакъ. А потъ сидѣлъ на печкѣ, и выжидаль поры, когда госпъ уйдесть восвойси. Госпю въ самомъ дѣлѣ наскучило дожидаться чаю, онъ воспользовался благопріятною минутою и ушелъ. Плущъ-деньщикъ, увидя уходъ госпя, снялъ съ огня чайникъ и, на палочкѣ принеся къ своему Поручику, сказалъ: вода гопова, что прикажете съ нею дѣлать?— *«Вьмой чайки, которыхъ ты дѣть недѣли не мылъ!»* холоднокровно отвѣчалъ ему *Цукерблатовъ*, и продолжалъ спокойно смотрѣть въ окошко.

«У него жилъ въ услугахъ Бѣлорусскій шляхтичъ *Станиславъ*, малой добрый и даже немного простовапый. Не получая опъ *Цукерблатова* круглый годъ ни плапья, ни обуви, ни жалованья, кромѣ деньщичьяго пайка, онъ принужденъ былъ искать другое мѣсто. Доложа объ этомъ своему барину, онъ просилъ его заплапить ему только 60 рублей, и, заикаясь, прибавилъ, что остальныхъ шестидесяпни онъ уже и не требуетъ.— *«Какъ ты смѣешь обижать Офицера?»* Заревѣлъ на него, кипящій гнѣвомъ, съ пѣною у рта Поручикъ: «я тебѣ заплачу всѣ сполна на сихъ же дняхъ; подожди немножко!» Это *немножко* продолжилось шесть мѣсяцевъ. Робкій Бѣлорусецъ, котораго съ каждою почпою бомбардировали изъ дому родные просьбами о присылкѣ денегъ на подушные и на заплапу оброка помѣщику, видя, что у *Цукерблатова* не добѣтса онъ никакого толку, и зная, что паспортъ его хранился въ сундукѣ у другаго, кварпировавшаго съ нимъ Офицера, разломалъ сундукъ, вынулъ паспортъ— и скрылся. Товарищъ *Цукерблатова*, возвращаясь домой и увидя разбипый свой сундукъ, испугался и вооб-

разилъ, что у него украдены деньги. Онъ бросился разбираль его и, къ удивленію, нашель и вещи и деньги въ цѣлоспи: вынутъ былъ одинъ паспортъ.— *«Не говорилъ ли я тебѣ, что онъ бездѣльникъ!»* вскричалъ *Цукерблатовъ*, услышавъ опъ своего сослуживца о побѣгѣ *Станислава*. «Нѣтъ, онъ честный малой!» потъ возразилъ ему: «онъ не допропнулся ни до денегъ, ни до вещей моихъ!»— Прошло недѣль шесть послѣ сего происшествія, въ одинъ прекрасный Майскій вечеръ въгаептъ *Цукерблатовъ* въ яроспи въ свою кварпиру и, размахивая руками, попя ногами, сверкая очами, какъ Ярбъ, обманупый Дидоною, обращается къ своему поварищу и начинаептъ передъ нимъ спраспный монологъ: *«не говорилъ ли я тебѣ, что Станиславъ бездѣльникъ? ты мнѣ не вѣрилъ, теперь повѣришь. Витъ онъ просился на родину, божился, что идетъ въ Суражъ къ больной матери, а остался здѣсь. Я сей часъ своими глазами, своими собственными глазами видѣлъ его въ ливерть за каретою.— «Я не вижу шупъ ничего худаго;» отвѣчалъ ему поварищъ. Цукерблатовъ еще больше разсердился и, почти задыхаясь, спросилъ у него: *«ничего худаго! какъ?»*— «Да, такъ! онъ прожилъ у тебя два года не получая ни полушки; ходилъ безъ сапоговъ, ѣлъ одинъ хлѣбъ, а служилъ честно, усердно.»— *«Прекрасное усердіе!»* перервалъ его *Цукерблатовъ*: *«вы философы всѣхъ людей Русскихъ перепортили; хлопнулъ дверью—и ушелъ со двора.»**

«На весь нашъ полкъ шилъ одинъ порпной, Нѣмецъ *Фриденталъ*. Поручикъ *Цукерблатовъ* задолжалъ ему рублей до чепырехъ сопъ и, въ продолженіи двухъ лѣтъ, въ при раза уплапиль припцать рублей. Зная, что мы служимъ въ одной ротѣ и видая у меня въ домѣ *Цукерблатова*, порпной просилъ меня усовѣспить его къ заплапѣ хопя части должной ему суммы. Выждавъ, чпобъ было кспапи, я заговорилъ ему объ этомъ: *«ты всегда за плутовъ вступиаешься; вскричалъ мой сердипый сослуживецъ: онъ укоропилъ мнѣ мундиръ, мнѣ сдѣлалъ мѣшокъ мѣшколм; не ему платить, а съ него бы надобно мнѣ взять 1,000 рублей штрафа.»*— «За чѣмъ же ты, примѣривъ, не бросилъ ему въ глаза мун-

дира?» — *Бросить въ глаза! а въ чѣмъ бы я потѣхалъ подѣ Новый годъ на балъ къ Губернатору? Мошенникъ принесть мнѣ его за часъ до того, какъ мнѣ надѣвать было надобно.* — «Вѣрю, что мундиръ былъ сшитъ дурно, что онъ нарочно принаровилъ принести его тебѣ тогда, какъ уже поздно было заказывать другой; но вишь ты порядочно проучилъ его за это, не платя два года денегъ;» замѣнилъ я. *Развѣ я отпираюсь отъ его долга? вскричалъ съ досадою Цукерблатовъ: денегъ у меня нѣтъ и взять негдѣ; пусть проситъ Полковаго Командира; онъ велитъ вычитать у меня изъ жалованья.* — «Что вычиталъ-та?» замѣнилъ я опять: «на тебѣ сполько долговъ, что если ты прослужишь 200 лѣтъ: по и тогда со всѣми не расплатишься.» — Мой сослуживецъ былъ убѣжденъ снѣ послѣднимъ доказательствомъ; онъ захохоталъ и сказалъ мнѣ: *у меня есть въ запасъ средство скорѣе удовлетворить моихъ заимодавцевъ. Я женюсь на богатыхъ. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени онъ женился на богатой вдовѣ, которая была только вдвое старше его.*»

Полковникъ Улицевъ любилъ сидѣть за обѣдомъ очень долго и *разтабаривать* (слово проспонародное, но во всей силѣ соотвѣтствующее Французскому Causer). «Я счастливъ на сосѣдей въ —ской деревнѣ;» сказалъ онъ однажды, вмѣшавшись въ споръ о томъ, что въ деревнѣ худой сосѣдъ въ десятеро неспособнѣе, чѣмъ въ городѣ: «ихъ бы доставило для цѣлой кунспъ-камеры. Одинъ изъ нихъ при раза сходилъ съ ума. Въ первый разъ, поперявъ жену... причина уважительная!... онъ былъ испинно жалокъ. Поправясь въ разсудкъ, онъ началъ торговать чаемъ и, развозя его по окружнымъ помѣщикамъ, подмогилъ цѣлый возъ.—Опъ эшаго сошелъ онъ съ ума въ другой разъ; но видно, что голова у него была крѣпка, потому, что меньше, нежели черезъ годъ, онъ опять набрѣлъ на здравый смыслъ. У него подросла дочь, моя крестница; спали присваиваваться женишки; одинъ изъ нихъ понравился и дочкѣ и опцу; они ударили по рукамъ—и веселымъ пиркомъ, да и за свадебку. Родилель въ нѣжности души опдалъ дочери 25 душъ, половину своего со-

споянїя. Сначала всё шло ладно, но когда зяпъ опдѣлилъ себѣ креспьянъ—и вспушилъ во владѣнїе: по спарикку-пестку показалось это очень чувствительно; нашла на него хандра—и онъ въ третїй разъ разѣхался съ умомъ, да такъ, что уже никогда съ нимъ и не встрѣчался.»

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ЗАБАВНОЕ СХОДСТВО.

«Познай себя!» пвердили древнїе—пвердали поже и спарикки наши... Но, съ однимъ самопознанїемъ, хорошо въ пустынь — а мы живемъ въ городахъ—надобно *познавать другихъ!* Какъ же быть? Спаринный рецептъ: съѣсть при пуда соли съ человѣкомъ, котораго хочише узнать, не годится для желудка новѣйшаго поколѣнїя.—Всего лучше читать *Лафатера, Галля*, и спатейки въ Нѣмецкихъ, Французскихъ и Англїйскихъ журналахъ! Читайте; и узнаете свойства каждаго человѣка по чертамъ лица его, по черепу его, по походкѣ, по смѣху, по ногамъ, по рукамъ, по комнатамъ, въ которой онъ живетъ; по платью, которое носилъ, по звуку голоса, по почерку руки. Чего же лучше? Благодарители спраждущаго человѣчества такъ ясно различили добраго опъ злаго, умнаго опъ дурака и чеспаго опъ плута, что каждый человѣкъ сдѣлался опкрытымъ листомъ! Взглянуть на человѣка поприспальнѣе, значитъ—разгадать его!

Проникнумый желанїемъ узнавать людей, я съ жадностию прочиталъ великія пайны *Лафатера, Галля* и ихъ послѣдователей, и запвердивъ малѣйшіе признаки, обличающїе душу человѣческую,—смѣло пуспился въ свѣпъ. Нѣсколько удачныхъ опытовъ опвердили во мнѣ вѣру въ моихъ учипелей. Вдругъ обспопельства увлекли меня изъ родины: дѣла, со всѣмъ несходныя съ моими вкусами, опклопили опъ любимыхъ занятїй. Потомъ пятнадцатъ лѣтъ сряду кочевалъ я по Россїи въ забытїи всего пзлїцпаго... Наконецъ я на родинѣ, я дома — осмаприваюсь — вспоминая—и, гдѣ моя Лафатерїя? Какое пораженїе моей любимой науки! Присмаприваюсь

въ модамъ — пробѣгаю въ памяти бывшее — и опречаюся опять познанія людей по книжкамъ и книгамъ благодѣтелей человечества! Осмѣлюсь ли судить о душѣ человѣка, по лицу его и другимъ наружнымъ признакамъ? Я видалъ такія сходства въ лицахъ — ужасно!

На примѣръ: въ глуши Сибири я нашелъ человѣка... Взглянувъ на его лице, спанъ, походку, вслкій, кто только видалъ портреты *Наполеона* и читалъ про него, всякій непременно скажетъ: это *Наполеонъ*! И почто, невозможно быть похоже! Но — вѣрнее же *Лафатеру*! мой Сибирякъ — не смотря на поразительное сходство съ *Наполеономъ* — глупъ какъ пробка! напуганъ предразсудками, робокъ, святоша, ненавистникъ всего печальнаго, и не знаетъ даже первыхъ чепырехъ правды артемистики!

Еще примѣръ: въ Малороссіи я долженъ былъ познакомиться съ однимъ Судьею. Взглянувъ на него, я ослѣбѣлъ опять изумленія: вмѣсто Судьи, передо мною стоялъ *Карамзинъ*! Опять скажу, невозможно быть похоже... и чпожь? вмѣсто прекрасной души, высокаго, просвѣщеннаго ума, въ Судьѣ даже не замѣтно было и признака человѣческаго разумія. Это былъ какой-то автоматъ, имѣвшій способность вѣспъ съ утра до ночи, пить по ведру въ день запеканки, молчать и подписывать все, что ему подложатъ!

Еще примѣръ: въ одномъ маленькомъ городкѣ я встрѣтилъ Горнаго чиновника, и невольно остановился, найдя въ немъ поразительное сходство съ нашимъ славнымъ *Ермоловымъ*. Но далѣе наружнаго сходства ничего не было ближняго къ оригиналу. Узнавши этаго Горнаго чиновника, я нашелъ въ немъ жалкаго человѣка, котораго бьетъ жена, а начальники нкуда не употребляютъ за негодностію! Все блаженство его: куришь табакъ, и пишешь шарады и логогрифы!

Я видѣлъ одну Цыганку — двойникъ знаменитой *Сталь*. Цыганка преглупая, пьяная, и совсемъ пить удивительно похожа на авпора *Коринны*!

Я видѣлъ одного горькаго Нѣмца... Но довольно! За чѣмъ изчислять всѣ забавныя сходства? о *Лафатеръ*!.. о *Галль*!

Нѣтъ! спарики наши вѣрнее учатъ насъ узнавать людей. — Нѣтъ! не наружный видъ дѣлаетъ родъ человѣческой на великихъ и ничтожныхъ, славныхъ и невѣспныхъ, а та внутренняя сторона человѣка, которую нельзя осязать руками и обрисовывать карандашемъ!

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГРАФЪ АЛАРКОСЪ И ИНФАНТА СОЛИЗА.

Инфанта *Солиза*, сидѣла въ Образной своей, и проливала слѣзы, о томъ, что для нея нѣтъ счастья въ замужствѣ. Нечаянно вошедшій Король, отецъ ея, узнаетъ отъ нея, что ея любилъ Графъ *Аларкосъ*, который измѣнилъ ей и за три года предъ тѣмъ женился на другой. Король призываетъ Графа, пребуетъ, чтобы онъ сдержалъ слово, данное его дочери и повелѣваетъ ему умеривши Графиню.

«Я не опречаюсь, отвѣчалъ *Аларкосъ*; я клялся въ вѣчной любви Инфантѣ, и нарушилъ свою клятву. Я опасался, что Ваше В—о не согласится отдать мнѣ руку вашей дочери; но пощадите невинное существо; не осуждайте меня на сіе гнусное злодѣйство.»

Король былъ непреклоненъ. Въ эту ночь Графиня должна умереть, или завтра опрубяетъ Графу голову. Несчастный мужъ возвращается домой печальный, при видѣ жены и проихъ дѣтей своихъ, изъ коихъ послѣдняго мать кормила грудью; ибо хотя у него были при кормилицѣ, но онъ предпочиталъ молоко матерей.

Аларкосъ увидѣлъ Графиню у воротъ съ дѣтьми. (Молодой пажъ предварилъ ея о возвращеніи супруга). «Добро пожаловать, милый другъ! сказала она; но ты склоняешь голову! Скажи, о чемъ ты плачешь?» — Ты узнаешь объ этомъ, но не теперь. Мы прежде опужинаемъ, и я все расскажу тебѣ въ своей комнатѣ. —

Подали ужинъ; Графиня садится подлѣ *Аларкоса*, блѣдная и печальная; но она не ѣсть и не ѣсть; дѣти ея безмолвно окружаютъ отца: вдругъ, облокотясь на споль, онъ залился слезами и закрылъ лице свое.— «Пора спать, сказалъ Графъ *Аларкосъ*.» Увы! онъ зналъ, что въ эту ночь сонъ опять него будетъ далеко. Супруги входятъ въ другую комнату и остаются одни съ младшимъ, груднымъ ребенкомъ. Графъ, пропивъ обыкновенія своего, заперъ двери. «Несчастливая жена! вскричалъ онъ, и я, злополучнѣйшій изъ мужей!»— Не говори такъ, безцѣнный супругъ мой! жена *Аларкоса* не можетъ быть несчастною. —

«Увы! она слишкомъ несчастна; ибо въ этомъ одномъ словѣ, побою произнесенномъ, заключается все ея несчастіе. Узнай, что прежде нашего съ побою знакомства, я любилъ другую, и клялся быть ея супругомъ. Отецъ ея Король, нашъ повелитель, которому извѣстно все, и Инфанта требуетъ руки моей. Увы! она права; я принадлежалъ ей прежде, нежели тебѣ; но за предпочтеніе предъ Инфантою, Король требуетъ смерти твоей въ эту ночь.»

— Эпал ли награда за мою покорную и нѣжную любовь? отвѣчаетъ Графиня: ахъ, не убивай меня, благородный Графъ; заклинаю тебя, лучше опощи меня въ домъ отца моего, гдѣ я нѣкогда была такъ счастлива, гдѣ я буду жить въ уединеніи и воспитываю дѣтей моихъ.—

«Это невозможно... Клятва моя была ужасна... Прежде разсвѣта ты должна умереть.»

— Ахъ, чувствую, что я одна на свѣтѣ; отецъ мой, слабый спарецъ... мать моя въ гробѣ, и храбрый Донъ *Гарсио* не существуетъ болѣе... *Гарсио* мой братъ, который погибъ по волѣ пирана. Такъ, я не имѣю опоры въ Испаніи... Не смерть, но разлука съ дѣтьми тяжела для меня... Позволь мнѣ прижать ихъ къ сердцу, обнять передъ смертію моею.—

«Обними младшаго, ты не увидишь прочихъ.»

— Дай мнѣ хоть прочесть молитву.—

«Читай скорѣе.» — Она спала на колѣни. «Всевышній! сказала она, прости мои прегрѣшенія и будь милосердъ ко мнѣ.»—Послѣ сей молитвы она сдѣлалась спокойнѣе. «*Аларкосъ*, примолвила она, храни залогомъ любви нашей и молись о успокоеніи души моей. Теперь дай мнѣ на руки ребенка, я хочу еще разъ напичать его грудью своею, пока она не оледѣла.»

«Для чего превозишь ребенка? ты видишь, что онъ спитъ. Приготовься, милая супруга; время дорого, заря уже занялась.»

— Графъ *Аларкосъ*! я прощаю тебя именемъ любви, которою къ тебѣ пылаю; но не прощаю жестокаго Короля и надмѣнную дочь его. Проклятіе небесное да постигнетъ убійцу! Умирающимъ голосомъ я призываю ихъ на судъ Всевышняго чрезъ прицѣпъ дней послѣ моей смерти.—

Графъ *Аларкосъ*, такой же варваръ, какъ *Отелло*, но болѣе его виновный, удавилъ ея своимъ плапкомъ. Онъ закрылъ ея просынею, и призвавъ служителей, рассказалъ имъ выдуманную имъ сказку о внезапной смерти Графини; но Небесная кара, воздвигнутая проклятіемъ Графини, исполнилась, и прежде истеченія мѣсяца, со дня смерти ея, при виновныхъ души предстали предъ Вѣчнаго Судію.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Н И Щ А Я,

«Мой сынъ! мой сынъ! пронишь мольбою,

«Умилосердись надо мною;

«Не откажи подъ кровъ прицѣпъ

«Свою опчальную мать,

«Я не могу опять изнуренья

«Дойти до ближняго селенья;

«На мнѣ часть рубища одна;

«Мнѣ холодно; я голодна.

«Припомни, я съ тобой, бывало;

Насущный хлѣбъ мой раздѣляла?

«Услышь ты, у своихъ дверей

«Стоитъ нищей матери твоей.

«Ужели тщетно я поскокую?
 «Ужели мать свою родную,
 — «Въ углу, — въ припворѣ, — гдѣ нибудь, —
 «Ты не допустишь отдохнуть?»

«Мой вопль перлется напрасно:
 «Не дашь ты матери несчастной
 «Подъ кровомъ пышнаго дворца
 «Холодный снѣгъ сперешь съ лица!»

«Меня бы слёзы облегчили,
 «Онъ бы мнѣ отрадой были.
 «Но слезъ не нахожу въ себѣ:
 «Всѣ выплакала по себѣ.

«Мой сынъ! какъ нищую проскую,
 «Прими ты мать свою родную:
 «Я не скажу, я упаю,
 «Съ побою, сынъ мой, связь мою.

«Кто ласкился ко мнѣ такъ нежно.
 «Ахъ! эпо ты, мой другъ надежный,
 «Мой вѣрный песъ!... Но прочь! но прочь!
 «Умру я въ нынѣшнюю ночь.

«Спѣши, мой сынъ! спѣши, мой милый!
 «Доколь хранию остатокъ силы,
 «Еще могу тебя проспать;
 «Еще могу тебя любить!»

«Но, Боже!... вьюгой снѣговою
 «Одѣта я, какъ пеленою!.....
 «Мой сынъ!... мой сынъ!»... — И смолкло все!...

Есть замокъ, — тамъ, — за Рейномъ, — далеко;
 Онъ опустилъ, перновникомъ поросъ,
 И въ немъ, въ часы полуночи глубокой,
 Зимой, когда мяшель, и вьюга, и морозъ,
 Печальный спонъ по сводамъ раздается,
 И впорипся вдоль преснувшей спѣны;
 Въспрѣ зашумитъ, мяшель грозитъ вѣпся.
 Толь спонъ — какъ будно спонъ опчаяной же-
 ны.

И пушникъ замка обѣгаетъ,
 Поспѣшишь, равняись съ нимъ, идешь,
 Несчастной матери спраданья вспоминаешь,
 И память сына онъ жестокаго клянешъ.
Платонъ Волковъ.

LOGOGRIPHE,

Je suis pour le gourmand un objet plein d'appas,
 Aussi lorsque je fume, échauffé par la braise,
 L'eau lui vient à la bouche, il ne se sent plus d'aise,
 Car je promets un succulent repas.
 Neuf pieds composent ma structure,
 On y peut trouver aisément:
 Un cheval de pesante allure;
 Ce que prend l'aigle en s'envolant;
 Une charmante fleur, dont Lisette se pare;
 Deux instrumens divers; un métal assez rare;
 Ce qui se cachant sous les flots
 Donne l'éveil aux matelots;
 Une île renommée, où reçut la naissance
 Un conquérant fameux par sa vaste puissance,
 Et dont la chute étonna l'univers.
 Ce qu'un acteur lébite en prose ou bien en vers;
 Puis un remède salutaire;
 Mais j'aime mieux t'offrir quelque mets délicat
 Que prépare en mon tout l'art de ta cuisinière,
 Et qui flatte à la fois le goût et l'odorat.

Въ No 85, помѣщенная шарада значить: *И-Волга.*

M O D E S.

Il vient de sortir des magasins de M. Gagelin, une robe d'organdi qui peut satisfaire tout ce que le luxe impose, et répondre à ce que la simplicité actuelle exige.

L'organdi, aussi fin et plus clair qu'une mousseline de l'Inde, est brodé en fil d'Ecosse; au-dessus de l'ourlet est une guirlande de grappes de floc avec leur feuillage, quelques feuilles de fraisier et leurs lignes traînantes; dans le plein de l'ourlet sont jetés de petits bouquets dont le dessin se rapporte à la guirlande; le reste de la jupe est uni. Le corsage un peu foncé, est garni d'une pélerine double, tombante; elle s'allonge sur les épaules où elle forme la pointe; le tour est brodé d'une petite guirlande, augmentée d'une double rangée de broderie dans les pointes. Chaque pélerine est garnie d'une maline à dents. Les manches longues sont brodées au bord d'une petite guirlande semblable à celles des pélerines; sur le poignet, monte un bouquet isolé; elles sont garnies également de maline; dans le bouffant, vers le haut, cinq bouquets pareils à ceux qui composent la bordure de la jupe, sont jetés à distance.

Cette robe était d'un ensemble tout particulier dans ses détails; nous nous proposons d'en donner le dessin prochainement.

Nous avons remarqué dans cette même visite de nouvelles mousselines de laine à très-petits dessins

cachemire, les *toiles Médicis*, à dessins de raies gothiques.

Les écharpes du matin et négligé du soir, qui sont de meilleur goût, sont de cachemire, avec une petite bordure autour, et talon de palmes ou en semis au bas.

Il est très à la mode de remplacer le grand schall de cachemire noir long, qui se mettait dans les corbeilles, par un schall de cachemire long, gros bleu.

Les cravates de marceline double et de gros-de-Naples sont, avec le chaly, ce qui se porte le plus et le mieux. Une petite pointe de cachemire, fond gros-bleu, jaune ou blanc, semé de très-petits bouquets, est aussi très-bien.

Les écharpes de cachemire de l'Inde continueront certainement tout l'hiver à conserver leur faveur. Elles sont, sans contredit, les plus riches, les plus élégantes, avec leurs couleurs pures et leur tissu souple et doux.

Les ceintures les plus nouvelles sont en velours broché à dessins cachemire.

En cherchant à recueillir quelques nouveautés en bijoux, notre attention a été spécialement arrêtée dans le magasin de *Chauffert*, n°. 165, Palais-Royal. Les objets de fantaisie dont il s'occupe plus particulièrement y sont d'une élégance parfaite, et toujours de mode.

Les nicolos et le grenat sont les pierres qui se choisissent le plus en ce moment. Le nicolo surtout est de fort bon goût.

Une charmante *demi-parure* qui nous a été montrée dans ce magasin consistait en nicolos gravés, placés dans de l'or brun, ciselé à jour.

M. *Chauffert* a seul le secret d'un émail d'or, qui est d'un effet ravissant.

Un joli émail pour un fond à fleurs, ou oiseaux, est opâle, transparent. Cette teinte est douce, et les fleurs vives y paraissent avec avantage.

М О Д Ы.

Въ магазинахъ Г-на *Gagelin* сдѣлано было платье изъ органди, которое можетъ удовольствоваться самой прихотливой роскоши и соотвѣтствовать пеперешней простотѣ.

Органди также понко, но прозрачнѣе Индѣйской кисеи, вышиты Шотландскими шпиками; сверхъ рубца, гирланда изъ кистей *floc* съ листьями и нѣсколько земляничныхъ листьевъ съ ихъ спелющимися усами; по всему рубцу разбросаны мелкіе букеты; узоръ соотвѣтствуетъ гирландамъ;

оспальная юбка гладкая. Лицъ немного собранъ, съ двойною опшкидною пелеринкою; она спускается на плеча мысками; вокругъ вышита узенькою гирландою; въ мыскахъ въ два ряда каждая пелеринка обшита кружевомъ *maline* съ зубцами. Рукава длинныя, вышиты внизу такою же гирландою, какъ пелеринка; по выше кисти одинъ букетъ; обшита также кружевами; вверху рукава пять букетовъ, на подобіе гирланды юбки, разбросаны въ нѣкоторомъ разстояніи.

Мы замѣтили въ этомъ же посѣщеніи новыя шерстяныя кисеи съ мелкими Турецкими узорами, холстинки Медиссъ, узоръ Голлицескія полоски.

Лучшіе шарфы для упра и за просто вечеромъ, — Кашемировые съ узенькою каёмкою вокругъ; на концахъ пальмы или мелкіе букеты.

Нынѣ въ модѣ замѣняютъ большую черную шаль, которую клали въ корзинку, такою же длиною шалью снѣга цвѣта.

Галспукъ изъ двойнаго марсолина, и гроденаплевые всего приличнѣе съ плащьями изъ шали. Маленькая Кашемировая косыночка, тѣмно-синя, жѣлтая или бѣлая, съ весьма мелкими букетами, также очень прилична.

Шарфы изъ Индѣйскаго кашемира сохраняютъ конечно во всю зиму свое преимущество. Они, безспорно, самые богатые и щеголеватые, по ихъ числимъ краскамъ и мягкой и нѣжной ткани.

Самые новѣйшіе пояса, — бархатные, запянные Кашемировыми узорами.

Спаярясь узнать что нибудь новое о вещахъ, наше вниманіе устремлено было на магазинъ Г-на *Chauffert*, въ Пале-роаль. Тамъ прихотливый вещи, которыми онъ особенно занимается, чрезвычайно щеголеваты и всегда модныя.

Nicolos и гранаты теперь всего болѣе въ употребленіи. *Nicolo* особливо счисляется весьма отличнымъ.

Прелестный полу-нарядный приборъ, который мы видѣли въ семъ магазинѣ, сдѣланъ изъ рѣзныхъ *nicolo*, обдѣланныхъ въ тѣмное золото, чеканенное прозрачно.

Г-нъ *Chauffert* одинъ имѣетъ секретъ дѣлать золотую эмаль; видъ ея прелестенъ.

Красивая грушовая эмаль, для цвѣтовъ или птицъ, сдѣлана на подобіе прозрачнаго опала. Цвѣтъ сей пріятенъ и цвѣты на немъ кажутся красивѣе.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 87.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, ОКТЯБРЯ 29 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Ты другъ мнѣ? — «Другъ.» — А чѣмъ докажешь?

— «Что ни прикажешь,

Все сдѣлать радъ.» —

— Дай денегъ мнѣ въ займы. — «Изволь, давай закладъ.» —

А. Измайловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ БЫТЬ НѢКОТОРЫХЪ РУССКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.

(Продолженіе.)

Любимыми предметами бесѣдованія у моего добраго Русскаго Полковника были Екашерина Великая и вѣкъ ея.

За обѣдомъ разсуждали о Римскомъ Императорѣ Іосифѣ II, который преисполненъ былъ оспроты ума, познаній и царскихъ добродѣтелей, а не умѣлъ вести войны съ Турками, раздулъ и не потушилъ бунта въ Нидерландахъ, возстановилъ пропивъ себя Венгровъ, Богемцевъ, Австрийцевъ неумѣстною филантропіею, несвойственными имъ нововведеніями. *Умищевъ* замѣтилъ, что Союзница его лучше знала тайну царствованья. Овладевъ вниманіемъ слушающихъ, онъ разсказалъ по крайсей мѣрѣ, двадцать анекдотовъ. Я въ скорости не записалъ ихъ; помню однакожъ нѣсколько — и съ удовольствіемъ перескажу ихъ, въ увѣренности, что угожу моимъ соотечественникамъ, всегда со слезами воспо-

минающимъ золопой вѣкъ *Матушки - Царицы.*

—скій Намѣстникъ по личной враждѣ опдалъ подъ судъ одного жившаго въ опсѣвкѣ помѣщика. Государыня, свѣдавъ о паковомъ самоуправствѣ, написала къ нему: *Я увѣрена, что преступленіе сего дворянина должно быть весьма важное; только удивляюсь, почему вы Меня о такомъ чрезвычайномъ происшествіи не уведомили, и полагая неприличнымъ для васъ оставаться въ . . . , гдѣ могутъ подумать, что вы имѣете вліяніе на рѣшеніе Уголовной Палаты, советую вамъ выѣхать до окончанія сего дѣла въ . . .*

Другому Намѣстнику, о которомъ прошла худая слава, Монархиня прислала въ Новый годъ шелковый кошелѣкъ, который укладывался въ Грецкій орѣхъ, когда же былъ вынупъ: по на сажень въ длину распягивался. Умный вельможа поспѣшь догадался, на что намѣкаетъ сей Царицынъ подарокъ: выпъ у кого что болнѣть, поспѣшь о помѣ и говорнпѣ. Онъ унялся опъ лихоимства — и послѣ сего случая 17 лѣтъ честно управлялъ ввѣренными ему Намѣстничествами.

Екатерина говорила, что *Потемкинъ* лучше всѣхъ Её понимаетъ. Это была правда.

Въ Херсонѣ Императрица съ Иосифомъ II прогуливалась по главной улицѣ; при выѣздѣ изъ города нашли они спаринный столпъ съ надписью: *здѣсь дорога въ Царь-Градъ.*

За обѣдомъ, которымъ великокопный Князь *Тавриды* угощалъ въ Херсонѣ *Монархиню*, свою благодѣтельница и Римскаго *Императора*, плапо на столѣ представляло море и новосозданный Черноморскій флотъ въ маленькомъ видѣ.

Умищевъ сопровождалъ *Императрицу* въ семь путешествій, находился во вторую Турецкую войну волонтеромъ въ Екаперинославской арміи, а въ 1799 году сдѣлалъ Италіанскій походъ съ *Суворовымъ*.

Въ главной квартирѣ *Потемкина* подружился онъ съ *Н. Н. Раевскимъ*, прославившимся геройскою обороною Смоленска въ 1812 году. Молодой, въ ту пору, *Раевскій* былъ родственникъ и любимецъ Князя *Таврическаго*, который замѣтилъ въ немъ воинскія дарованія и далъ ему случай обучаться и оплчаться. Князю вздумалось отправить его къ Атаману Донскаго войска, храброму *Орлову - Денисову* (бывшему послѣ Графомъ) учиться казацкой службѣ, а сей послалъ его на передовые посты, гдѣ взялъ онъ важные уроки объ аванпостной службѣ.

«Всѣмъ вамъ, господа, извѣстенъ анекдотъ о *Петрѣ I* и *Августѣ II*, Король Польскомъ, которые, сидя въ прѣшемъ эпажѣ дворца, заспорили о преданности къ нимъ солдатъ своихъ и положили сдѣлать опытъ;» сказалъ *Василій Евграфовичъ*. «*Августъ* велѣлъ позвать одного изъ своихъ Саксонцевъ—и приказалъ ему броситься въ окно. Въмѣсто окна солдатъ бросился на колѣни—и спалъ умоляя своего Короля о пощаду. *Петръ* призвалъ своего Русака и велѣлъ ему кинуться въ окно: гренадеръ—вернулся на право кругомъ, перекрестился и полезъ въ открытое окно; Царь удержалъ его за полу мундира, сказавъ: *мнѣ такіе молодцы дома надобны.* Въ Польскую 1794 года компанію случилось подобное сему: Сибирскаго гренадерскаго полка необстрѣленный солдатикъ, стоя подъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ, дрожалъ какъ осиноный листъ и сквозь зубъ ворчалъ, что ихъ поставили на вѣрную смерть. — *Не ты*

поставилъ, не ты и отвѣчать станешь! сказалъ ему съ досадою старый усатый гренадеръ.»

Помню, какъ будто это вчера случилось, что я привелъ тогда *Василію Евграфовичу* въ примѣръ новѣйшую черту Русскаго воинственнаго духа. Подъ Кульмомъ одинъ изъ подчиненныхъ Графу *Остерману - Толстому* Генераловъ прислалъ своего Адъютанта донести о сильномъ напорѣ Французовъ и спросить: «что онъ прикажетъ ему дѣлать?» *Стоять и умирать!* холоднокровно сказалъ Графъ *Остерманъ*. Помню, какъ это понравилось моему Полковнику, и какъ онъ въ воспоргѣ произнесъ стихи гвѣнца *Фелицы:*

О Россійскій бодрственный народъ,
Отечески хранящій правы!

Когда разслабъ весь смертный родъ,
Какой ты не причастенъ славы?

И потомъ, привелъ въ примѣръ необыкновеннаго мужества черты изъ жизни Генералъ Лейтенанта *Багговута*, погибшаго смертію храбрыхъ подъ Тарушинымъ 6-го Октября 1812 года. Онъ, будучи Маіоромъ Сибирскаго гренадерскаго полка и стоя въ 1794 году подъ Прагою на батарее, замѣтилъ одного гренадера, который нагибалъ голову слыша свистъ ядра неприятельскаго; онъ взялъ его за руку, вывелъ на брусчатку и проспоаялъ съ нимъ подъ осыпающими ихъ ядрами до тѣхъ поръ, пока выкурить подюжныя трубокъ пабаку.

Во время Тильзитскаго перемирія (1807) одинъ Русскій солдатъ, стоявшій въ цѣпи, выстрѣлилъ. Французы, принявъ это за нарушение договора, открыли пальбу по нашей цѣпи. Распространилась тревога: Генералъ *Багговутъ* вышелъ впередъ и закричалъ Французскому Шпабъ-Офицеру: «чтобъ онъ приказалъ прекратить огонь, что выстрѣлъ сдѣланъ по неосторожности и что онъ, будучи дивизионнымъ Генераломъ, беретъ всю отвѣтственность на себя; стрѣляйте; вопъ моя грудь!» Французы любящъ такія молодецкія выходки; они пронужы были великодушнымъ его поступкомъ—и доброе согласіе воспановлено.

Съ Полковникомъ *Умищевымъ* много случилось забавнаго въ Италіанскомъ походѣ;

напр: въ одномъ изъ памошнихъ Университетовъ, не могу назвать въ какомъ, дама-Профессоръ привѣстивъвала его рѣчью на Липинскомъ языкѣ; онъ при раза былъ въ Александрию—и при раза чуть не умеръ съ голода. Въ первый прїездъ онъ насиду опыскалъ въ мундирномъ карманѣ 3 червонца, провалившіеся внизъ за подкладку; во второй, нашъ полевой Коммисаріатъ, изъ котораго ему надлежало получить деньги, за супки переведенъ былъ въ другой городъ; въ третій, вся армія проходила чрезъ сей городъ наканунѣ—и не только въ прапиряхъ и у булошниковъ, но и у жителей все до чиста прїѣла.

Въ Миланѣ, ему, какъ командующему опрядомъ Россійско-Императорскихъ войскъ, идущихъ въ южную Италію, опведенъ былъ для посоя бель-эпажъ, 18 компанъ, въ великолѣпномъ домѣ какого-то Принца. Хозяинъ, желая показатъ свое вниманіе къ Русскимъ, самъ повелъ его по компанамъ, ему назначеннымъ. *Улицеву* совѣстно было мраморныхъ статуи и карпинъ, повсюду разставленныхъ, а шупъ, къ довершенію напаси, лукавый вполкнулъ пуда его деньщика, не брипаго, съ чемоданчикомъ подъ мышкой, съ сапогомъ въ рукъ и съ другимъ, надѣшымъ на деревляшку, на плечъ.

Въ Миланѣ же, въ театръ, спалъ къ нему придирающійся Французскій Офицеръ, оставшійся тамъ за ранами и сидѣвшій подлѣ него съ лѣвой стороны. Онъ прошелъ сто разъ мимо его, давилъ ему ноги, толкалъ локтями, размахивалъ надъ головой руками. Русскій долго сносилъ сіе нахальство; но не выдержавъ, обратился къ сосѣду своему съ правой стороны и громко сказалъ ему: «вы свидѣтель моего долгоперпѣнія; но ему есть граница.» Французъ усмѣхнулся—и продолжалъ еще болѣе свои наглоспи. Между тѣмъ спектакль кончился. У схода съ лѣспинцы *Улицевъ* схватилъ Француза за плеча и сбросилъ внизъ такъ, что онъ перешипалъ головою все ступеньки. Послѣ сего, онъ сошелъ и самъ, и важно сказалъ ему: *теперь мы квитъ.* — «Какъ квитъ?» заревѣлъ взбѣшенный и ушибенный республиканецъ: «мы

должны драпъся, драпъся не на живопъ, а на смерпъ. Скажите мнѣ вашу кварпирю—и я завпра въ 6 часовъ упра явлюсь къ вамъ.»—Русскій опвѣчалъ, что онъ обыкновенно спитъ до 8 часовъ, а какъ это, можетъ быть, послѣдній сонъ его: то хочетъ выспатъся до сыта, а потому проситъ его пожаловать въ 11-нѣ.

Улицевъ, также, какъ почти все погдашняго вѣка Русскіе дворяне, съ шестилѣтняго возраста скакалъ верхомъ по мхамъ, по болотамъ, черезъ рвы, черезъ колоды; за лисцами, за зайцами; съ тринадцати ежедневно упромъ дѣлалъ изъ пистолета по спу выстрѣловъ въ цѣль восковыми пулями; переплывалъ Волгу, боролся подъ ножку, билъ налепу куликовъ, объѣзжалъ въ пелегѣ дикихъ коней, ловко выкидывалъ арпикулъ, плавно маршировалъ, билъ въ барабанъ все бои, и боялся только того, что Русскіе поберупъ все города прежде, нежели онъ выроспѣтъ. Онъ убилъ на повалъ Парижскаго забіяку, когда попъ успѣлъ спустипъ курокъ.

Улицевъ вѣрилъ въ предопредѣленіе; ни какая опасноспъ его не пугала. *Кому бытъ повъшениу, тотъ не утонетъ*; говаривалъ онъ вспупая въ бой и въ сомнипельное торговое дѣло. Эпу вѣру получилъ онъ на войнѣ: чѣмъ болѣе дѣлалъ онъ походовъ, тѣмъ слѣпѣе, тѣмъ закоренѣлѣе спановился въ апомъ заблужденіи. Когда начинали съ нимъ спорипъ: онъ доказывалъ правоспъ свою примѣрами, по мнѣнію моему, ничего недоказывающими.

Подполковникъ *Барановъ* угодилъ изъ Пепербурга прямо на несчастный Рушукскій шпурмъ, въ продолженіе котораго видѣлъ около себя пысячу смерпей. Онъ, при опспуфъ, вскочилъ на батарею Полковника *Засядки*, перекреспился и сказалъ: «ну, пеперь я спасенъ; за дѣломъ скакалъ я день и ночь изъ Пепербурга!» Онъ не договорилъ еще, какъ ядро опорвало ему голову.

Въ Финляндскомъ походѣ 1808 года, Шведы подплывъ на лодкахъ по извѣспнымъ имъ только озѣрамъ и рукавамъ, ихъ соединяющимъ, внезапно напали на опрядъ Генерала

Князя — *аго*; сперва смѣшались Русскихъ, гнали версты пяты, а потомъ, подоспѣвшимъ на подкрѣпленіе баталіономъ принятыя во флангъ, сами смѣшались, въ безпорядкѣ побросались на суда — и одной только успалоспи нашихъ солдатъ обязаны своимъ спасеніемъ. Извѣстительные казацкіе пикеты, а за ними, ближе къ опряду, егерская цѣпь заняли прежніе посты; запылали костры, заварилась каша. Генералы и Офицеры съли ужинавъ за граничною скалою, въ которую всесвѣтная артиллерія, — производя пышную лѣтъ кононаду — не разспрѣляла бы и въ половину полцины ея. Пѣсельники попеременно съ музыкантами пѣшли вождей-побѣдителей. Князь всталъ, чтобы велѣть спѣть свою любимую пѣсню, какъ вдругъ бѣшеное Шведское ядро съ навѣсу ударилось о скалу, отскочило и рикошетомъ разорвало его на части.

Въ Бородинскомъ сраженіи, Генералъ П. Н. *Чоглоковъ* стоялъ невредимо на лѣвомъ крылѣ въ самомъ сильномъ огнѣ. Успавъ, онъ сѣлъ на барабанъ: земля вокругъ него была взбурблена Французскими ядрами; дымъ синимъ балдахиномъ висѣлъ надъ его бригадою; лопанье гранатъ, грохотъ ружей, бой барабановъ, крики, стоны, какъ будто бы преспавленіе свѣна. Онъ сидѣлъ невредимый и раздавалъ приказанія, какъ у себя въ комнатѣ. Къ нему, запыхавшись, подбѣжалъ его Полковникъ, прося позволить ему четверть часа отдохнуть. Генералъ уступилъ ему свое мѣсто и, не прошло двухъ минутъ, какъ съ Полковника смахнуло голову. Генералъ *Чоглоковъ* спокойно сѣлъ опять на барабанъ и сказалъ своимъ Перновцамъ: *видите, ребята, я правду самъ говорилъ, что пуля найдѣтъ виноватаго.*

Принявшись за перо не для ршенія философскихъ задачъ, я изложилъ здѣсь повѣствовательно мнѣніе Полковника *Умшцева*, предоспаляя людямъ, искуснѣйшимъ меня, написать на оное опроверженіе. Добавлю только, что не смотря на его увлекательное краснорѣчіе и силу доводовъ, казущихся несомнѣнными, я внутренно никогда не соглашался съ нимъ, считая его умствования парадок-

сами и былъ убѣжденъ, какъ тогда, такъ и теперь, что волосъ съ головы человека не спадетъ безъ воли Божіей. Нѣтъ случая: все для человека есть искушеніе, наказаніе или награда Провидѣнія.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

ЛОТЕРЕЙНЫЙ ЖЕНИХЪ.

Молодой человекъ 25-ти лѣтъ, хорошей фамиліи, прекрасной наружности, съ превосходнымъ характеромъ, отличными воспитаніемъ, скромными и пріятными приемами, однимъ словомъ, котораго природа одарила всеми возможными добрыми свойствами, но позабыла надѣлать богатствомъ, желаетъ, избрѣненнымъ имъ самимъ средствомъ, дополнить то, чего недостаетъ къ его счастью. Средство сіе будетъ пѣтъ успѣшнѣе, что обезпечивъ собственное его состояніе, устройтъ учасіе и другой особы, которая будетъ назначена судьбою раздѣлить его благополучіе. Чтобы достигнуть своей цѣли, вопре какой придумалъ онъ способъ: онъ хочетъ разыграть себя въ лотерею. Всѣ дѣвцы и молодыя вдовы порядочнаго происхожденія и съ хорошимъ воспитаніемъ допускаются къ соспязанію, на слѣдующемъ основаніи:

Цѣна билета для дѣвцы отъ 18 до 25 лѣтъ назначается 5 франковъ; для вдовъ того же возраста: бездѣтныхъ 10 фр., имѣющихъ дѣтей 15 фр.; для дѣвцы отъ 25 до 30 лѣтъ, 20 фр.; для бездѣтныхъ вдовъ тѣхъ же лѣтъ 25 фр.; для вдовъ, имѣющихъ дѣтей 30 фр. Лотерея будетъ раздѣлена на *серіи*, *акціи* и *купоны*. Время розыгрыванія будетъ объявлено заранее особыми афишами. Та, которой доспанется купонъ выигрышной акціи, получитъ и руку молодого человека. Кроме того, такъ какъ отъ продажи билетовъ должна составиться сумма въ 400,000 фр., то и сумма сія будетъ раздѣлена поровну между двумя сторонами и замѣнитъ имъ приданое. Выигравшая особа, въ самомъ короткомъ времени, будетъ ознакомлена съ *случайнымъ женихомъ своимъ*; но какъ склонности

въ природѣ споль различны, что нельзя за нихъ ручаться, и не смотря на совершенныя качества жениха, легко можетъ спастись, что владѣтельница выигрышнаго нумера не изъявитъ согласія на соединеніе съ нимъ, въ такомъ случаѣ ей предоспавляется на размышленіе при мѣсяца, по испеченіи коихъ, она имѣетъ свободу отказать опъ предполагаемаго союза, раздѣливъ 400,000 фр. пополамъ съ молодымъ челоѡкомъ, который, съ своей стороны, освобождается пѣмъ опъ обязанности жениться на дѣвицѣ, назначенной ему жребіемъ. Лоперя сія представляетъ шу выгоду, что разомъ сдѣлаетъ двоихъ счастливыми и снабдитъ значительнымъ приданымъ два существа, которыя безъ сего замысловага изобрѣшенія имѣли бы, можетъ быть, удѣломъ вѣчное безбрачіе. Это будетъ ничто иное, какъ одно изъ примѣненій *игры, любви и случая.*

Съ Франц. *Ипполитъ Глбовъ.*

К О Е - Ч Т О .

О двухъ посланіяхъ, изъ коихъ первое: къ Петру Тимофѣевичу Васнину, Русскому гражданину и Сибирскому уроженцу; второе: Орфей Саломушка, или красный плащъ, къ Николаю Алексѣевичу Полевому. Сочиненіе Сергѣя Глинки. М. 1832.

(Сообщено.)

Въщущина съ похвалъ вѣкружилась голова.

Крыловъ.

На одномъ деревѣ бывають различныя плоды; два бранпа-писателя *Глинки*—шли совершенно по различнымъ пупямъ въ Литературномъ мѣрѣ. *Федоръ Николаевичъ* избралъ—небо; *Сергѣй Николаевичъ* предпочелъ—землю. Отсюда различіе понятій, изображеній и восторговъ.

Будемъ справедливы: отдадимъ каждому свое. *Ө. Н. Глинка*—естъ одинъ изъ оригинальныхъ Русскихъ поэтовъ. Съ сердечною проспотпою младенца соединяетъ онъ мудрость вдохновеннаго старца. Его Псалмы и Аллегоріи, надъ которыми такъ непримлчно смѣл-

ся г. *Полевой*—восхищають и умиляютъ нѣжное, благородное сердце чипапеля. Въ стихопворной его повѣспи: *Карелія* найдете двѣ, при карпины, доспойныя пера великаго *Державина.*

Во многихъ альманахахъ и журналахъ помѣщаль онъ опрывки изъ исторіи войны 1812 года. Мы съ неперітніемъ желаемъ прочестъ вполне сію книгу: ибо пвердо увѣрены, что это будетъ драгоценнѣйшій подарокъ для Русской липературы: *Записки Русскаго Офицера* служапъ пому залогомъ.

С. Н. Глинка издалъ *Русскій Вѣстникъ*, въ которомъ помѣщено было много хорошихъ патріотическихъ спатей;—мы почпили въ издапелъ сего полезнаго журнала прекрасныя чувства *истаго Славянина.....*

И вопъ предѣлъ его липературнымъ заслугамъ: ибо истина заспавляетъ сказапъ, что всѣ сочиненія его, какъ лирика, историка, комика, элегика, давнымъ давно бухнули въ Лепу. Что же касается до *исторіи*, на которой, кажется, онъ *мнилъ* основапъ всю свою славу: то и она совершенно забыта; забыта не потому, чтобы была *вредна и безтолкова*, какъ говорилъ нѣкогда о ней *Николай Алексѣевичъ Полевой*, но потому, что *Сергѣй Николаевичъ* взялся не за свое дѣло, написалъ книги, въ которыхъ нѣтъ достопинствъ сочиненія ученаго: описанія событій, изображеніе характеровъ не подкрѣплены ссылками на лѣпописи; онъ пишеть на обумъ, выдумываетъ, перепначиваетъ происшествія; подкрашиваетъ, перекрашиваетъ; а липературныхъ достопинствъ и не бывало въ его исторіи. Мелкія стихопворенія его, большею частію, ниже посредственности, кромѣ разбираемыхъ нами двухъ посланій къ г. *Полевому* и къ родспвеннику г. *Полеваго—Васнину.* (Что объявилъ намъ самъ г. *Панегирвстъ*). Это прелестъ! Правда, и въ нихъ проскальзываетъ незнаніе просодіи, а также иногда чувствительное отсутствіе логики; но все это бездѣльца—въ сравненіи съ похвальною незлопамятностію, съ каковою почпленный *Сергѣй Николаевичъ* выхваляетъ опъ всего сердца и опъ всей души г. *Полеваго.* Начнемъ смачала: чипайте и восхищайтесь.

То ли дѣло Русь святая
 Въ красотѣ родной своей,
 Безъ Волтеровскихъ записей?...
 Тутъ, однако-жь, заплталъ.
 Не приходится вѣкъ на вѣкъ,
 Вѣдь шагаетъ человѣкъ,
 И умолю междуетъ время;
 Брошенде въ разумъ стѣмля,
 Хочетъ древолю возрастити
 Осѣнитъ свои пущи.
 Но и тутъ намъ должно взвѣситъ,
 Какъ бы мѣру соблюсти.—
 И ученость куралеситъ
 Такъ подъ часъ,—что не дай Богъ!
 А гордыня валитъ съ ногъ.—
 Чтобы умъ не завирался,
 Надобно, чтобы онъ справлялся
 Съ смыслолю опытнымъ прослымъ.

Вопть вамъ первые осмнадцатъ спиховъ;
 каковы?

Такъ подъ часъ,—что не дай (!) Богъ!
 А гордыня валитъ (!) съ ногъ.

Чтобы умъ не завирался, (!)
 Надобно, (и очень) чтобы онъ справлялся
 Съ смыслолю опытнымъ прослымъ.

Точно подобная справка необходима!...
 Далѣ!

И родня швой, Полевой,
 Не чужою головою (!)
 А своимъ умомъ паритъ. (?)
 Окрыляся душой (!!)
 Демосееномъ говоритъ. (???)
 И Волтера спѣсь плазаетъ, (!!!!)
 И науку жизни знаетъ:
 Самоучка—молодецъ,
 Самъ плешетъ себѣ вѣнецъ (!!!???)

Хопя чужою головою паритъ и труднень-
 ко, но ради истины, чего не проситъ по-
 чтенному Автору: Не паритъ ли г. Полевой,
 когда забылъ о своихъ званыхъ подписчикахъ
 на исторію, журналъ и романъ? — Не окри-
 ляется ли душою, когда пишеть вмѣсто ис-
 торіи—сказки, вмѣсто сказокъ—исторійки?
 Не говоритъ ли, аки Демосеенъ, ругая Ло-

моусова, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина,
 Князя Вяземскаго, Баратынскаго и всѣхъ
 лучшихъ опечеспвленныхъ поэтовъ и прозаи-
 ковъ?—Не тазаеть ли Волтера, обирая его
 кругомъ и присвоивая себѣ его мысли?

Въ заключеніе, спросимъ: какъ не повто-
 ритъ словъ почтеннѣйшаго Сергѣя Николае-
 вича:

Самоучка—молодецъ

Самъ плешетъ себѣ вѣнецъ.

Неоспоримая истина! Точно, г. Полевой
 самъ своими руками плешетъ себѣ вѣнецъ,
 восхвалявая до упаду самаго себя — въ исто-
 ріи Русскаго народа, въ Телеграфѣ и въ пре-
 дисловіи къ роману.

Вопть прибавочныя спашья къ исчисленію
 достоинствъ г. Полеваго.

Своенравнымъ оборотомъ

Все инымъ (!) пускаетъ ходомъ,

Славно!

Мнѣтъ, какъ тѣсто въ комъ сплсивца, (!)
 Крылья гордоспи кармаетъ... (спрн. 8.)

То есть: мнѣтъ, какъ пѣсно, чужія сочи-
 ненія и кармаетъ смыслъ въ свбихъ собспвен-
 ныхъ.

Всѣ по свойму (!) заболпали...

У насъ нѣтъ ни охоты, ни времени, ни
 силы выписывать спихи изъ эпига панеги-
 рика г. Полевому, пѣмъ болѣе, что должно
 бы, ради курьёзу, все переписать; но пусть
 почтеннѣйшій Сергѣй Николаевичъ по свойму
 думаетъ, по свойму сочиняетъ, по свойму пи-
 шетъ; пусть творческій геній и умъ Само-
 духъ, по есптъ г. Полевой, какъ самъ С. Н. вы-
 ражается, приводитъ его чаще въ воспоргъ;
 эпо будетъ

Ахъ! звукъ лишь пустой

Того, что не слышимъ,

Того, что не видимъ (спрн. 16)!

Терситій Кабановъ.

«Нахожу большую перемену въ свѣтскихъ
 обычаяхъ;» замѣнилъ одинъ спарикъ: «прежде
 спыдилсь обманники, пеперь спыдялся об-
 манутые.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГЛАСЬ КЪ БОГУ.

Опца и маперя я, Боже! не имѣю:
Опца и мапъ Собой Ты замѣняешь мнѣ;
И одинокъ и чуждъ въ сей чуждой мнѣ спранѣ:
Ни мыслишь, ни мечташъ, ни чувствовашъ не смѣю!
Душа какъ будио замерла:
Она умучена и спрахомъ и бѣдами;
И жизнь моя—пропа, копорая легла
На высахъ межъ спремнигъ и льдами...
И память, память мнѣ бѣда:
За чѣмъ ей говоришь о томъ, что было прежде,
Когда ужъ входъ живительной надеждѣ
Запворенъ въ душу навсегда?...
И васъ, бывлыхъ друзей, уже не спало—слѣзы!....
На темныхъ жизненныхъ пропахъ
Въ споны вонзаются занозы,
И бѣгаешь за пушниками спрахъ:
Вездѣ предашель къ крамольникъ;
Любви и Вѣры нѣтъ ни въ комъ!
И малодушный оглагольникъ
Язвишь, какъ аспидъ, языкомъ!...
Ө. Глинка.

Г Р О З А.

(1831)

Посмотри: нависли пучи,
Слышишь грохотъ громовой?
То гигантъ идешь могучій
Въ битву съ дряхлою землею!
*
Гдѣ найдешь ты оборону,
Съ чѣмъ, земля, ты выйдешь въ бой?
Онъ сорветъ съ тебя корону,
Онъ преломитъ скипетръ швой!
*
Родъ Славяновъ, родъ могучій,
Ты ли грозный сей гигантъ,
На врага, какъ громъ изъ пучи,
Землю подперъ, какъ Аплантъ?
*
Гуль побѣдъ и битвы клики,
Пѣснь любимая швоя,
Въ пеленахъ народъ великій
Прибаюкала тебя.

Ты возросъ и юный мощью,
Ты окрѣпъ и возмужалъ,
И владычество полночью
Твердый дланію сдержалъ.

*

Распадается на часпи
Крѣпко скованный булапъ;
Вопреки уму и власпи
Возспаешь на брапа брапъ.

*

Но не дилпса заблуждене,
Вѣченъ правды перевѣсъ:
За измѣну—мщене, мщене
Человѣковъ и Небесъ.

Лукьянъ Якубовичъ.

РЫБАЧЬЯ МЕЛОДІЯ.

Сог. С. Шира.

(Съ Нѣмецкаго.)

Валы упишакуютъ,
Замолкъ дальній лѣсъ;
Въ шуманѣ небесъ,
Лишь звѣзды сіяютъ.
Какъ шихо и нѣжно грудь дышетъ! когда
Валъ плещетъ спокойно въ морскіе берега?...
Въ жилищѣ пуспынномъ,
На голыхъ скалахъ;
Теряюсь въ мечпахъ
При свѣтѣ звѣздъ дивномъ!
Далече отъ свѣта, далече людей
Лишь сердце довольно судьбою своей.
Пусть нѣжностью сладкой
Намъ радость въ пиши,
Свободу души,
Исполнишь украдкой...
Коль сердца волненью приходишь чреда,
Душа что-жъ на свѣтѣ желаетъ погда?...
Валы упишакуютъ,
Запахъ дальній лѣсъ;
Въ проспранствѣ небесъ
Лишь звѣзды сіяютъ.
Топъ прелестъ природы и жизни пойметъ,
Съ любовью кѣпо въ хижинѣ, съ дружбой живетъ!
Ө. Дьяковъ.

Ш А Р А Д А.

Когда играешь ты въ слогъ *первый* мой:

То не распахивай *второго*;

Или останешься съ сумой,

И *цѣлымъ* будешь ты для праздника шагаго.

III.

Въ No 86, помѣщенный логогрифъ значить: *Casserole*, изъ коего можно составить слова: *rosse, essor, rose, soc, or, roc, corse, rôle* и *casse*.

М О Д Е С.

Chapeaux. Bonnets. — On fait de jolies capotes en crêpe cerise adouci, entourées d'une ruche en blonde. La tête de ces capotes a la forme *casque*, c'est-à-dire que tous les plis de l'étoffe se réunissent au sommet sous un nœud; dont les bouts retombent par-derrière. Un second nœud est placé de côté sur le devant de la passe.

Quand les chapeaux n'ont d'autres ornemens que des nœuds, les rubans qui les forment sont très-riches. Le plus souvent brochés.

Sur le tulle à maille double, que l'on emploie pour bonnets; on applique des fleurs en blonde, comme on applique des dessins d'Angleterre sur le tulle. On a soin de mettre sur le bord des garnitures, des fleurs formant des rosaces, dont la moitié dépassant la garniture, forme écaille.

On voit beaucoup de petits bonnets garnis en rubans vert-pomme ou lilas tendre.

Avant de poser leurs chapeaux, il est des femmes qui font traverser sur leur front une petite ruche de tulle qui forme bandeau, et que l'on dispose ainsi à la distance qui sied le mieux. Nous en avons remarqué qui étaient presque contre les sourcils. Cela va très-bien aux jeunes femmes.

Robes. — Le satin *Sylphide* est une jolie étoffe souple comme le cachemire, ayant le brillant de la gaze *donna Maria* que l'on emploie pour modes et robes habillées. Elle fera cet hiver de charmantes toilettes de soirées. On en fait à lignes ou *dessins-rubans*, d'autres brochés en petits bouquets détachés.

Sur le tulle de soie à maille double, on fait des applications en crêpe blanc, qui produisent des dessins

en relief d'un charmant effet. Le tour des feuilles et des fleurs est maintenu par un petit cordonnet brodé en soie blanche; les queues sont faites de la même manière. Ceci sera parfait pour robes de bal.

М О Д Ы.

Шляпки. Чепчики. — Дѣлають красивые креповые капоты не яркаго алаго цвѣта. Тульи у сихъ капотовъ сдѣланы на подобіе каски, по есць: всѣ складки собраны кверху подъ бантъ; концы висятъ назадъ. Другой бантъ пришпигленъ сбоку на переди поля.

Когда шляпки отдѣлываются одними только бантами: по' лентѣ должны быть дорогія, по большой часпи зашканныя.

На чепчики изъ блондоваго шюля накладываютъ блондовые цвѣты, какъ на шюль накладываютъ Англійскія кружева. По краю оборки спарываются класъ цвѣты, составляющіе кружки; они спущены вполонину ниже оборки, въ видѣ чешуйки.

Видно много чепчиковъ, отдѣланныхъ лентами свѣтло-зелѣнаго (*vert-pomme*) и нѣжно-лиловаго цвѣтовъ.

Нѣкоторыя дамы, прежде, нежели надѣнутъ шляпки, кладутъ по лбу узенькой шюлевой рюшъ въ видѣ повязки, который располагають, какъ кому лучше пристало. Мы замѣтили на ниныхъ положенный почти надъ бровями. Это очень идетъ къ молодымъ дамамъ.

Платъя. — Атласъ *Sylphide*, красивая мягкая ткань, какъ кашемиръ, имѣетъ блескъ газа *Донна-Марія*, который употребляютъ для уборовъ и нарядныхъ платьевъ. Нынѣшней зимою онъ будетъ прелесненъ для вечернихъ нарядныхъ платьевъ. Его дѣлають съ полосками, съ ленточными узорами и зашканными небольшоими отдѣльными букемами.

На блондовый шюль накладываютъ бѣлые креповые узоры; они выходятъ возвышенны, и имѣють прелесный видъ. Вокругъ лиспки и цвѣты прихвачены обводкомъ, вышитымъ бѣлымъ шелкомъ; корешки также сдѣланы. Это прелесно будетъ для бальныхъ платьевъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 88.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинами модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, НОЯБРЯ 2 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Какъ много ручейковъ текутъ такъ смрно, гладко,

И такъ журчатъ для сердца сладко,

Лишь только оны шого, что мало въ нихъ воды!

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ БЫТЬ НѢКОТОРЫХЪ РУССКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.

(Продолженіе.)

Въ 1811 году я долго прогоспиль въ Тверской деревнѣ у Полковника *Улищева*. Нужда завела меня къ нему, а радушность его удержала гораздо долѣе, нежели какъ предполагалъ я.

Внутреннее расположеніе дома его напоминаетъ загородные чертоги *Лукумовъ*.

Такъ, вихорь дѣлъ зыбывъ для Музы и пѣни праздной,
Въ пѣни порфирныхъ банъ и мраморныхъ паламъ,
Вельможи Римскіе вспрыскали свой закапъ.

И къ нимъ издалека по воинъ, по орапоръ,
То Консулъ молодой, то сумрачный Диктаторъ
Являлись день-другой роскошно опдохнуть,
Вздохнутъ о пристани и вновь пуешинься въ путь.

Съ крыльца вошелъ я въ преольшую офиціантскую, изъ неѣ въ залу, которая отдѣлена съ одной стороны отъ госпоиной, а съ другой отъ хозяйскаго кабинета колоннами и живописно развѣшенными занавѣсами. Изъ залы двѣ двери ведутъ внизъ по круглой

лѣстницѣ въ оранжерею, отдѣленную стеклянною спѣною отъ неѣ, отъ госпоиной, отъ кабинета. Печи складены гробами, изъ коихъ въ одномъ липовая Русская баня, въ другомъ гранишная купальня. Библиотека помѣщена въ Гопической баннѣ съ стекляннѣмъ куполомъ; книги разставлены въ пяпъ ярусовъ: одинъ отъ другаго не отдѣляются ни пополкомъ, ни сводомъ. Къ каждому изъ нихъ ведетъ ушпкообразная желѣзная лѣстница; а кругомъ спѣнъ каждого яруса переходы съ перилами, какъ вѣнки, одинъ выше другаго. Видъ величественный, показывающій прихотливое, но не холодное; спранные, но не безвкусное воображеніе строителя.

Я объѣхалъ 29 Русскихъ губерній, видѣлъ роскошныя лѣстныя приюты нашихъ бояръ, неуступающіе въ великолѣпнн чертоговъ и красотѣ садовъ ни Трианону, ни Бездѣлкѣ, ни Бленгейму; но разительная противоположность огромныхъ каменныхъ паламъ, ихъ колоннъ; ихъ балконовъ, ихъ мезонинновъ, съ крыпыми соломой, вросшими въ землю, сырими, черными избами креспьянъ, во многихъ мѣстахъ мѣшала мнѣ наслаждаться первыми, разочаровывало меня.

Не то въ Савинскомъ у Сенатора *Ивана Владиміровича Лопухина*, не то у Полков-

ника Василья Евграфовича *Улицева*. Прогулка въ село Савинское описана А. О. *Воейковъ* и напечатана въ *Новостяхъ Литературы*. Я сдѣлаю здѣсь легкій очеркъ села Успенскаго, мѣстопребыванія Полковника *Улицева*. Въ немъ 300 душъ мужескаго пола: оно раздѣлено на двѣ слободы. По срединѣ господскій домъ съ краснымъ дворомъ; черезъ дорогу, такъ называемый *Верхній садъ*. Три широкія липовыя алеи, насаженные дѣдомъ нынѣшняго помѣщика, ведутъ къ величественной каменной церкви въ два этажа съ полу-круглою колонадой и двумя по концамъ колонады колокольнями. За церковью кладбище съ каменною оградой: оно обсажено подсприженными берѣзками и акаціями. Отъ дома, внизъ къ Волгѣ, Англійскій садъ, называемый *Нижнимъ*. Крестьянскія избы построены въ одинъ рядъ, гнѣздами по двѣ избы; ихъ раздѣляютъ два широкіе двора; между каждымъ гнѣздомъ или двумя избами—осьмисаженный переулокъ, забранный красивымъ часпаколомъ и составляющій огородъ двухъ смежныхъ съ нимъ семействъ; огородъ, единственно назначенный помѣщикомъ подъ картофель, какъ такой овощъ, который, въ случаѣ неурожая хлѣба, можетъ замѣнить его и спасти крестьянъ отъ голода. Вдоль наружной стѣны крайнихъ избъ и дворовъ посажены въ два ряда разнородныя деревья. Это сдѣлано не для одной красоты, а для того, что стѣнныя вершины ихъ, во время пожара, предохраняютъ ближнія строенія отъ галокъ (лепающія головки съ огнемъ и пуки горящей соломы), кои садятся на ихъ вѣтвяхъ. Отъ одного конца села до другаго проведены—всегда сухія, сбитыя изъ песку съ глиной дорожки для пѣшеходцевъ. Вода и грязь стекаютъ въ прорытые по обѣ стороны улицы широкіе каналы, содержимые въ чистотѣ и обкладенные дѣрномъ. По другую сторону улицы крестьянскіе сады изъ яблонь, грушъ и вишенъ. За ними, по оплогости горы, гумна, а за гумнами овины, довольно дадеко внизъ опнесенные.

Помѣщикомъ учрежденъ для крестьянъ заѣмный банкъ, ссужающій ихъ деньгами на 1 мѣсяць безъ процентовъ, на 2 и на 3 за $\frac{1}{4}$, на должайшій срокъ за $\frac{1}{2}$ процента въ мѣ-

сяць. Къ исправнымъ плапельщикамъ усиливается довѣренность; пѣмъ же, кои 3 раза не внесли въ срокъ должную сумму, выдача денегъ прекращается временно или навсегда.

Лѣса раздѣлены широкими просѣками на 75 учаспковъ. Каждый годъ для помѣщикаго и крестьянскаго обихода срубается одинъ учаспокъ. Дубъ, клѣнъ, вязъ, илимъ рубить запрещено безъ важной надобности.

Каждая десятина пахотная и луговая оцѣнена: крестьяне платятъ оброкъ съ того количества земли, какимъ владеютъ, или зарабатываютъ сіи деньги господину. За рабочій день, за подводю положена плата, смотря по времени года.

Владелецъ завелъ до 100 Холмогорскихъ коровъ: онъ отдастъ ихъ ежегодно на откупъ желающимъ. При мнѣ были торги: ничего не можетъ быть смѣшнѣе сего. Мѣстомъ сцены была Рига; въ неѣ до свѣта еще набилась куча бабъ всякаго разбора: и церковнослужительскихъ женъ, и дворовыхъ, и крестьянокъ. Въ одномъ углу оралъ во все горло, бранился, укоряли, проклинали одна другую; въ другомъ шептались, вели переговоры, блили по рукамъ, отступались, обманывали, выпытывали одна другую; составляли компаніи, брали срывы;—одна побудительная причина производилъ одинакія явленія. Въ 9 часовъ утра поставили въ Ригѣ спулъ для писаря, кресла для управителя; прочтены условия, начались торги: откупщицы блѣднѣли, краснѣли, потѣли, поминутно пили холодную воду; просили дозволенія подумать; отходили въ спорону, совѣповались, думали, передумывали и надбавляли—рубль!!! Уполномоченный отъ другой откупной компаніи провозглашалъ *гривну верховъ*; пономариха ъхриплымъ голосомъ визжала: *моя полтина!* Эта церемонія продолжалась до полудня. Наступилъ часъ обѣда—и я ушелъ, не дождавшись конца. За споломъ весельчакъ-хозяинъ и накормилъ насъ по горло и распотѣшилъ анекдотами о Вице-Канцлерѣ Графѣ О...., который былъ извѣстенъ самой Императрицѣ *Екатеринѣ Второй* по своей разсѣянности. Случилось ему быть на свадьбѣ. Онъ заснулъ, пока совершался

обрядъ бракосочетація, въ своихъ креслахъ, которые всегда носили за нимъ: ибо онъ страдалъ подагрой. Проснувшись, онъ обратился къ своему сосѣду и просподушно спросилъ его: «вы будете провожать до самого кладбища?—Ему въ просонкахъ показалось, что онъ присутствуетъ на похоронахъ.

Въ другой разъ, играя въ бостонъ, вмѣсто своей ноги онъ спалъ чesать ногу своего повариха. Топъ долго терпѣлъ изъ уваженія къ столь знаменитой особѣ, но какъ Графъ продолжалъ чesать всё крѣпче и крѣпче: то онъ, не стерпя боли, оподвинулъ ногу. Тогда и Графъ очнулся—и много извинялся въ безпокойствѣ, имъ сдѣланномъ.

Пріѣхавъ въ гости къ одной дамѣ, Графъ О..... вообразилъ, что онъ дома и что дама сія къ нему пріѣхала. Сидитъ часъ, другой, третій, начинаеть сердиться на безотвязную гостью, которая не знаетъ времени; хозяйка ничего не понимаетъ и, съ своей стороны, сама очень изумлена столь продолжительнымъ посѣщеніемъ. Наконецъ, спарикъ перьяетъ перьяніе, выходитъ изъ себя. Надобно было рѣшиться вывести его изъ заблужденія. Тогда спыдясь своей разсѣянностію, онъ позабылъ и о подагрѣ, и скорыми шагами пошелъ къ своей каретѣ, раскланиваясь и извиняясь передъ хозяйкою.—

Потомъ рѣчь зашла объ опкупахъ и винныхъ заводахъ, и, *Василій Евграфовичъ* въ свою очередь, рассказалъ намъ, какъ красноносый скаредъ *Стакановъ* вздумалъ попрунить надъ опкупщикомъ *Фалелъевымъ*, и какъ эпопъ—(справленая лисица!) перемудрилъ его. Тому и другому хотѣлось подцѣпить одинъ значительный опкупъ; оба знали свой горячій нравъ: спомло ихъ раззадорить, то зарѣзали бы одинъ другаго. *Стакановъ* предложилъ значную сумму *Фалелъеву* за то, чтобъ онъ, набавя тысячу, другую, отступился. Последній свято исполнилъ условіе, и на претршемъ торгу губернія оспалась за *Стакановымъ*. Въ тотъ же день, послѣдній приглашенъ былъ къ одному опкупщику *Тугоухову* запивать магарычи. *Стакановъ* падохъ былъ до Шампанскаго; эпо доказывалъ багровый носъ его

съ мохрами, какъ у Индѣйскаго пѣпуха: спарика взвели градуса на три выше, нежели на-веселье, раззамали—и онъ похвалился, что провѣлъ дѣльца—*Фалелъева*. Хотя было около полуночи, однакоже нашлись охотники, которые передали эпо уже спавшему спокійно дома на постель *Фалелъеву*. Онъ вскочилъ, одѣлся, поскакалъ въ присутствіе, нашель дежурнаго и подписался, что желаетъ еще надбавить опкупную сумму и просить перепоржки. По правиламъ, изданнымъ для опкуповъ, нельзя было опказашъ ему: онъ пребовалъ законнаго. На другой день назначена перепоржка: какъ неприятно удивленъ былъ *Стакановъ*, получа о семъ повѣспку. Явились оба соперника: другіе опкупщики и толпа любопытныхъ безмолвно ожидали, чѣмъ эпоа куперьма кончится. Скромно выступилъ *Фалелъевъ* и надбавилъ 10 рублей; *Стакановъ* крикнулъ: десять тысячъ! *Фалелъевъ*, не возвышая голоса, наднесъ 20 рублей; *Стакановъ* крикнулъ: двадцать тысячъ! *Фалелъевъ* примолвилъ: и 50 рублей! *Стакановъ* раззадорясь, подхватилъ: споты тысячъ! *Фалелъевъ* взглянувъ на него презрительно, усмѣхнулся и сказалъ: «*Федуль Федуловичъ*, ты, кажешся, меня запугашъ хочешь, да не на робкаго напашъ: надношу миллионъ рублей!—*Стакановъ* побагровѣлъ до ушей, носъ у него посинѣлъ, губы задрожали; онъ поклонился и объявилъ присутствующимъ, что болѣе надбавить не можетъ ни гроша. *Фалелъевъ* одержалъ блиспательную побѣду. «*Еслибъ на сойку да не свой языкокъ!*» воскликнулъ онъ вслѣдъ удаляющемуся со спыдомъ *Стаканову*.

На другой день *Василій Евграфовичъ* званъ былъ въ гости къ своему бурмистру, куда и меня пригласилъ съ собою. Сребробородый съ умною физиогноміею бурмистръ встрѣпилъ насъ у воропъ съ хлѣбомъ и солью. Мы вошли въ чистую Русскую избу съ большими окнами, изразцовою печью; передній уголь обипъ былъ обоями: мы сѣли подъ образами. Бурмистрова жена, при сына и двѣ невѣспки, одѣшья по праздничному, поклонились въ полсъ помѣщику. На сполѣ, на крыпомъ опряшною скатертью, спояли овощи: изюмъ, черносливъ, винныя ягоды, фини-

ки, разнаго рода орѣхи, ковришки, зелѣный соповой мѣдъ и конфекты. Угощеніе началось чаемъ, за нимъ поспѣшь поданъ кофе и черезъ минушу шеколадъ. Погодя съ полчаса—явился хозяинъ съ Шампанскимъ, а хозяйка съ подносомъ. Вино было доброе—и мы съ удовольствіемъ опорожнили покалы. Хозяинъ неопступно просилъ выкушать по другому: мы осушили по другому. Но когда началъ онъ раскупоривать еще бутылку: по баринъ его сказалъ, что больше пить не спанеть. Онъ успѣлъ со всѣми поговорить, всѣхъ приласкать, всѣхъ восхищать своимъ участіемъ и удивить тонкимъ знаніемъ крестьянскаго жипья-бытья.

Къ Успеневу дню, храмовому сельскому празднику, пріѣхали изъ Москвы двоюродный братъ его, Генералъ *Коломенскій*, зять Камергеръ *Пегерскій* и человекъ двадцать поспороннихъ. Домъ Полковника сѣмался разливанымъ моремъ: до 100 лошадей и около 50-ти лакѣевъ и кучеровъ надлежало накормить и размѣстить. И сосѣды спали чаще посѣщая его, оставались ночевать, госпили супокъ по прое. Съ 4-хъ часовъ упря самоваръ кипѣлъ до полуночи: одинъ гость вспавалъ до солнечнаго восхода, просилъ дать ему чашку чаю и уходилъ на весь день спрѣлять дичь; другой въ 5 часовъ бѣжалъ въ купальню—и приказывалъ слугѣ, чтобы черезъ полчаса принесть ему шуда кофе; для прѣпяго стояла осѣдланная лошадь: онъ въ 8 часовъ велѣлъ разбудить себя. Съ перваго по пятый часъ за полдень, то есть, влопъ до обѣда, завпракъ не сходилъ со стола: официанты переменяли только тарелки, приносили свѣжія блюда съ кушаньемъ и уносили порожнія бутылки. Въ 4 часа звонъ колокола сзывалъ разсѣянныхъ госпей къ обѣду, и не припши къ столу—значило огорчить хлѣбосола-боярина.

Въ первые дни по своемъ пріѣздѣ, Московскіе посѣпшпеліи распрачивали у *Василья Еврафювича* о его сосѣдахъ.—«*Тверь городокъ—Москвы уголокъ!*» отвѣчалъ онъ имъ. Здѣшняя губернія лежитъ между двумя столицами; въ Твери всегда жилаи Генералъ-Губернапоры; а при Ея Высочесствѣ, Великой

Княгинѣ *Екатериѣ Павловнѣ*, она была почпи столицей. Насъ избавилъ Господь Богъ также и опъ ябедниковъ. Я до плябъ такой неохопникъ, что готовъ успупить свое родное, лишь бы опъ нихъ избавилъ; однакожъ у меня самага была пляба, которая началась въ 1757 году у моеи прабабки съ Графами *Радомысловыми* о наслѣдственномъ недвижимомъ имѣнн; пляба, достойная бытъ внесенною въ книгу *Causes célèbres*. Ба! воскликнулъ онъ: семь часовъ; мы при часа просидѣли за столомъ... цора вспавалъ; я расскажу вамъ это въ другое время.

Съ сими словами онъ оподвинулъ стулъ; всѣ съ громомъ послѣдовали его примѣру, поблагодарили Бога, а попомъ хозяйна за хлѣбъ-соль и пошди на терасу пить кофе.

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ.*)

ПРИНЦЕССА БОРГЕЗЕ И ЗУБНОЙ ВРАЧЬ.

Однажды Принцесса *Боргезе* (*Полина*, сепра Наполеона, вдова Генерала *Лѣклерка*) велѣла призвать зубнаго врача своего, и когда онъ явился; сказала ему: «Вырвите у меня зубъ, господинъ *Борге*, двѣ недѣли, какъ я опъ него спрадаю.»

Зубной врачъ послѣдовалъ за Принцессою въ ея спальню, гдѣ увидѣлъ муцину весьма пріятной наружности, котораго, судя по его короткому обхожденію съ Принцессою, онъ счелъ за самага Принца *Боргезе*. Между тѣмъ, когда настала минуша операціи, Принцесса начала опговариваться, и всѣ спаранія красавца-муцины убѣдиль еѣ были напрасны.

«Боже мой, сказалъ онъ наконецъ, какъ ты ребячилъ, милая! Ты забываешь, что эта минушная боль избавитъ тебя опъ другою, гораздо спльнѣйшей и болѣе продолжительной.»

— Говорить объ этомъ очень легко, опвѣчала Принцесса; ты, мнѣ кажется, самъ жаловался прѣпяго дня на зубную боль, подай мнѣ примѣръ, такъ и я не спану упрямпсья.—

« Дашь ли ты честное слово? »

— Даю. —

Снисходительный незнакомец сѣлъ въ кресла, и когда операція надъ нимъ кончилась, онъ снова спалъ уговаривая Принцессу сдерживать слово. После нѣкотораго упорства, она согласилась. Обрадованный Принцъ открываетъ письменный столъ, вынимаетъ свертокъ золота, и не считая, отдаетъ его лекарю.

Въ ночь же вечеръ нашъ зубной лекарь былъ въ одномъ многолюдномъ обществѣ, гдѣ между прочимъ зашла рѣчь о знатныхъ дамахъ, которыя имѣли любовниковъ. Въ числѣ ихъ не разъ называли и сестеръ *Наполеона*. Говорили особенно, что Принцесса *Боргезе* всѣхъ болѣе позволяла себѣ свободы въ этомъ отношеніи.

« Я надѣюсь, вскричалъ доверчивый врачъ, что Принцессу *Боргезе* вы исключите изъ этого числа. Я сегодня упрямъ имѣлъ случай видѣть её въ домашней жизни; нельзя вообразить, какъ эти супруги любятъ другъ друга. Какія нѣжныя заботы! Какое вниманіе! Не спыдно ли вамъ бытъ до такой степени несправедливыми? — Чѣмъ болѣе *Боргле* разсыпался въ похвалахъ, тѣмъ болѣе улыбались его слушатели. Чтобы убѣдить ихъ, онъ рассказалъ упренною сцену и описалъ снисхожденіе мужа, который далъ выдернуть у себя здоровый зубъ для того только, чтобы подать женѣ примѣръ рѣшимости. Громкій хохотъ прервалъ наконецъ слова бѣднаго рассказчика. Опишите намъ вашего Принца; сказалъ одинъ изъ гостей. При каждомъ словѣ его смѣхъ усиливался. Когда же онъ кончилъ, то ему объяснили, что Принцъ *Боргезе* съ давнихъ поръ живетъ въ Италіи, и что тотъ, кого онъ видѣлъ, былъ господиномъ *Кан*, походный комедіантъ.

К О Е - Ч Т О .

Одинъ Италіанецъ просилъ своего приходскаго Священника сочинить ему упренною молитву, такую короткую, чтобы она могла удержаться въ его слабой памяти. — Свя-

щенникъ совѣдовалъ ему читать: « *Отче нашъ* » и « *Богородице* », а потомъ: сохрани меня, Всевышній, отъ друга-попрошайки, отъ увѣщаній ханжи, аптекарской ошибки, и крючкотворной недомолвки.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П О З Д Н О .

Qu'importe au lis mourant la tardive rosée.

Lamartine.

Альбина была младенцомъ; на лицѣ ея изображался одни только невинныя удовольствія и крошечная радость. Время пропекало для неё съ беспроптою; цвѣтокъ, пшичка дѣлали её счастливою на цѣлый день; только вечеромъ легкій вздохъ вырывался изъ юной груди ея, когда Графиня Б., взявъ её на колѣни, говорила ей: *Альбина*; видншь ли какъ солнце скрывается за горою; слышишь ли звуки папущей свирли? давно уже пѣтухъ молчитъ, соловей начинаетъ пѣть и перепелъ скликаетъ дѣтей своихъ: что все это значитъ? — Младенецъ *Альбина* бросала вокругъ себя грустный взоръ и говорила: *Альбинтъ* пора спать. . . . поздно!

Комнаты были блистательно освѣщены; пышный оркестръ разыгрывалъ темы изъ изящнѣйшихъ произведеній нашихъ великихъ художниковъ. Молодые и разряженные красавицы украшали собою праздникъ. Прекраснѣйшая изъ нихъ однако же еще не являлась. Лестный ропотъ возвѣспилъ о ея приближеніи. Вошла Графиня Б., ведя за собою молодую дѣвушку, прелестную своею простотою и чистосердечнымъ видомъ. Бѣлое креповое платье, жемчужная повязка въ черныхъ волосахъ, составляли все её убранство. Длинные, опущенныя рѣсницы *Альбины* освѣчаютъ крошечный взоръ её; но эта робость, не отнимая у неё прелестей, еще болѣе украшаетъ ихъ. Красота увлекаетъ, работаетъ насъ, но робость, но застенчивость молодой дѣвицы, вступающей въ свѣтъ, представляетъ что-то нѣжное, прогательное. Изъ толпы мужчинъ, окружившихъ *Аль-*

бину, слышать былъ гулъ удивленія; молчалъ одинъ *Эдуардъ*; за то большіе, выразительные голубые глаза его неподвижно вперились на юную красавицу, копорая, кажется, сама не знала всей своей прелести.

При первыхъ звукахъ конпраданса молодые люди бросились къ *Альбинѣ*: они добивались счастья танцовать съ нею; но *Эдуардъ* уже предупредилъ ихъ и овладѣлъ рукою красавицы. *Альбина* смотрѣла на мать свою и улыбалась. На балѣ ей было весело; голова ея, сначала немного наклоненная, приподнялась, щеки оживились румянцемъ, глаза одушевились: обворожительная прелестъ господствовала во всѣхъ ея движеніяхъ, и вѣтреный *Эдуардъ* увѣрилъ себя, что онъ влюбленъ на всю жизнь.

Но полна рѣдѣеть, залы пустѣютъ; праздникъ спановится менѣе оживленнымъ; люстры не изливаютъ уже такого блеска; госпи начинаютъ скучать; пакъ человекъ упоминается всѣмъ, даже и наслажденіями... *Графиня Б.* и дочь ея исчезли. *Эдуардъ* удалился вздыхая... поздно!

Букесть померанцовыхъ цвѣтовъ колеблется на головѣ ея, а бѣлыя розы, приколанныя на поясъ, вздымаются опъ сильнаго бѣенія сердца. Въ душѣ ея владычествуетъ смѣсь счастья, безпокойства, любви и страха. Она ожидаетъ, прещетъ, и не смотря на то, она любитъ.

Эдуардъ смотритъ на часы; медленное движеніе стрѣлки раздражаетъ его непрерывнѣе; все, окружающее его, для него несосно. Это пѣніе, эти рукоплесканія раздраютъ слухъ его; онъ желалъ бы лучше слышать одно слово, произнесенное нѣжнымъ голосомъ *Альбины*, и внушенное ей ея сердцемъ. Онъ съ восхищеніемъ оспанавливаетъ взоры на этой дѣвущкѣ, копорая, въ то же утро, обѣщала ему все, вѣрила ему счастье всей своей жизни... За минушимъ молчаніемъ въ комнатѣ послѣдовало легкое движеніе. Бѣлое платье *Альбины* мелькнуло, она удалилась съ своего маперью.... Поздно!

Она лежитъ на диванѣ; глаза ея омочены слезами; слабый свѣтъ восковой свѣчи оза-

ряетъ комнату. *Альбина* внимательно прислушивается: ей слышится спукъ экипажа. Тщепная надежда! все тихо. Она вспаетъ, входитъ въ ближнюю комнату: тамъ пусто; огонь, разложенный въ каминѣ, давно уже погасъ. Холодно, *Альбина* дрожитъ; оспанавливается передъ своимъ порплетомъ, на копоромъ она изображена въ бѣломъ платьѣ и въ жемчужной повязкѣ. «Да, тогда я была прекрасна, говоритъ она, а теперь?..» И горестно отвернулась, увидѣвъ себя въ зеркалѣ. Вопъ, отворились главныя ворота и на дворъ въѣхалъ экипажъ. «Это онъ;» воскликнула *Альбина*: «ахъ! надо скрыть опъ него терзающую меня ревность; любовь нераздѣляемая возбуждаетъ одну жалость.» — Она возвратилась въ свою комнату и опять начала прислушиваться. Несчастливая! она вообразила, что дверь, ихъ раздѣляющая, будетъ снова имъ отворена: но въ комнатѣ *Эдуарда* все тихо. *Альбина* упала, изнуренная горестью; голова ея поникла, рѣсницы смѣжались... Поздно!

Альбина потеряла свѣжестъ, красоту; рука желѣзная, рука несчастья оплгопѣла надъ нею. Лице ея увяло, взоры угасли, она умираетъ. Её выносятъ на балконъ. Передъ нею садъ; она желала въ послѣдній разъ взглянуть на цвѣты и насладиться ясною погодою. Вечерніе Зефиры принесли на балконъ розовый листокъ... «Бѣдный листокъ! сказала *Альбина*, сей часъ ты блиспалъ вмѣстѣ съ другими, но вихрь умчалъ тебя—и ты уже увялъ. Бѣдный листокъ, ты кончишь жизнь свою на холодномъ камнѣ! Если бы, по крайней мѣрѣ, благодѣтельная роса оживила тебя, ты позабылъ бы на минушу все тобою претерпѣнное и возвратилъ бы свою упренную свѣжестъ.» Такъ говорила *Альбина*, съ кропкою, печальною улыбкою. Но вдругъ дыханіе ея стѣснилось, краска выступила на лице, угасшіе взоры просіяли необыкновеннымъ блескомъ. Успа ея произнесли чье-то имя; это онъ, онъ у ногъ ея; онъ, копорый ея покинулъ, онъ плачетъ и въ спенаніяхъ распочаетъ нѣжнѣйшія имена и ласки пой, копорую любитъ. *Альбина* съ прудомъ приподняла ослабѣвшія руки свои и обвила ими шею *Эдуарда*: «я опять счастлива, говоритъ

она: одинъ взглядъ любви уничтожаетъ споль-
ко бѣдспвй. Вечерняя роса оживила бѣдный
листокъ. *Эдуардъ*, не покидай меня!» Она
хотѣла встать, вскрикнула, снова упала опъ
безсилія, и грозный, пайный, голосъ сказалъ
Эдуарду: .. уже поздно!

Пер. *Ип. Г—въ*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОСЕНЬ ЖИЗНИ.

Прокашилось время младоспи,
Какъ игривая спруя;
Измѣнили сердцу радости,
Какъ невѣрные друзья!
Близкой спароспи предвѣспница
Мнѣ волосы ужъ серебришь;
Какъ опцвѣшшая прелеспница,
Сердца жизнь не веселишь!
Но въ душѣ воспоминаніе
Сохранилось юныхъ лѣтъ;
Дней любви очарованіе
Въ ней оставило свой слѣдъ.
Такъ ладья, лепя порывисто
Вдоль Невы на парусахъ,
Оспавляетъ слѣдъ извивистой
За собою на волнахъ.

Словъ.

Н О Ч Ь.

Отривокъ.

Ночь; ни мѣсяца, ни звѣздъ
Нытъ на цѣломъ небосклонѣ;
Будто саванъ, мгла окреситъ
На земномъ проспеклась лонѣ;
Эпо часть, какъ вопли совѣ
Выкликають мерпвецовъ,
Опверзаются могилы:
Тѣни блѣдныя встають,
Ихъ приемлютъ враньи крылы
И къ предаелямъ несуть,
Чпобъ злодѣевъ и во снѣ
Вспайнѣ мучили онѣ!

Эпо часть, какъ бурной пучей
Въ молнѣяхъ вѣспелъ гнѣвный Торъ,
Или Сильяъ звѣздой, падучей
Пробѣживъ по скаму горъ:
Сѣмя оновъ, онѣ на долины
Сыплелъ темные рубины—
Зрѣеть вмигъ его посѣвъ:
Сны встають съ земнаго лона
И вѣнчаютъ спящихъ дѣвъ
Ихъ волшебная корона!
Эпо часть, какъ на хребетъ
Скаль, гдѣ вѣченъ снѣгъ нагорный,
Сходятъ царспвенныя Норны
На торжеспвенный совѣтъ.
Гласъ ихъ въ споръ войдетъ съ громами,
Очи ихъ мрачнѣе мглы,
И дрожатъ подъ ихъ спонами
Неприспунныя скамы!...

А. Подолнскій.

К І Е В Ъ.

О Кіевъ грозный, злапоглавый!
Покрытый пылью вѣковой,
Свидѣтель древней Русской славы;
Когда настанетъ часть ночной,
Какой-то духъ печально бродитъ
По дряхлой Кіевской спѣнѣ,
И пѣснь унылую заводитъ
О славной Русской старинѣ!...

Делидовъ.

С Н А РѢ А Д Е.

D'un vif éclat réplendit mon premier,
Heureux vainqueur de sa rivale antique.
Mystérieux parfois est mon dernier,
Mot familier et cher au romantique,
A qui plus cher peut-être est mon entier;
Mais non, il trouve un charme singulier
A tous les deux chaque fois qu'il s'explique
Sur son amour, et tous deux les applique
A la beauté, rare objet de ses feux,
Et chaque fois les compare tous deux.

Въ No 87, помѣщенная шарада значитъ: *Банкъ-ротъ.*

M O D E S.

Pour porter avec des redingotes ouvertes, à corsages décollés, on voit des guimpes en mousselines brodées en chevrons ou en brandebourgs, qui correspondent avec le dessin formant échelle sur le devant du jupon. Cette toilette de dessous est charmante. Une redingote en cachemirienne, ou mousseline de laine à dessins turcs, est très-bien pour compléter ce costume.

Les redingotes d'étoffe à nœuds se portent beaucoup le matin en négligé de promenade.

L'étoffe de laine appelée simplement *Thibet*, sera beaucoup employée cet hiver pour manteaux et redingotes négligés. On voit déjà beaucoup de ce tissu à larges raies mates et satinées; les broderies en laine y font dessus un très-joli effet.

Déjà on prépare de jolies fantaisies d'hiver. Les grands collets en moire brodés, que l'on jette sur les épaules pour aller au spectacle, sont de très-bon goût. Nous en avons vu en moire blanche, ornés tout autour de bouquets brodés en soie de couleurs nuancées; d'autres en cachemire, également brodés. Ces collets, aussi grands que ceux des manteaux, ont un second petit collet carré et rabattu. Ils s'agraffent ou se nouent sur le devant. La manière de les porter est ce qui en fait la grâce. Sur une toilette habillée ils sont d'un joli aspect.

Pélerines.— Toujours des pélerines, les unes carrées, les autres rondes, celles-ci dentelées, celles-là découpées à grands festons; tantôt sans pointe aucune, tantôt à pointes courtes et fixées dans la ceinture, ou à pointes longues, arrondies ou carrées, passant sous la ceinture et figurant le mantelet.

Pl. No 31. Derniers costumes de Paris.

M O Д Ы.

Для открытыя рединговыя съ низкими лафами видны гладкія манишки, вышитыя шевронами или брандбурами, которыя соотвѣствуютъ узору юбки, идущему лѣсплицею спереди. Эта нижняя одежда прелестна. Рединговыя изъ кашемиріана или шерстяной кисеи весьма приличны въ дополнение сего костюма.

Шелковые рединговыя съ банпами въ большомъ употребленіи за-просто на прогулкахъ.

Шерстяная матерія, называемая просто Тибетъ, будетъ нынѣшней зимою въ большомъ употребленіи для плащей и рединговыя за-просто. Видно много уже сей ткани съ широкими маповыми и апласисными полосами; вышиванье по ней шерстью весьма красиво.

Къ зимѣ пригошьяютъ уже нѣкоторыя прихотливыя вещи. Большіе объяринныя, вышитыя воротники, которыя накидываютъ на плеча, вѣхши въ спекпакль, въ большомъ употребленіи. Мы видѣли бѣлыя объяринныя, вышитыя вокругъ разноцвѣтными шелками; другіе Кашемировыя, также вышитыя. У воротниковъ сихъ, которыя также велики, какъ у плащей, есть небольшой четверугольный опложной воротничекъ. Они застегиваются или завязываются спереди. Они щеголеваты или нѣтъ, смотря поному, какъ надѣшы. На нарядномъ платьѣ они весьма красивы.

Пелеринки.—Всѣ пелеринки, однѣ четверугольныя, другія круглыя, нынѣ съ зубчиками, другія вырѣзаны крупными городками; иногда совсѣмъ безъ концевъ, иногда же съ коропкими кончиками, спрянанными подъ поясъ, или съ длинными концами, округленными или четверугольными, положенными подъ поясъ и составляющими манишку.

Карп. No 31. Съ послѣднею почтою привезенныя Парижскіе костюмы.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду будутъ издаваться и въ наступающемъ 1833 году. Плакъ останется прежній, но есиль: каждую Среду и Субботу будетъ выходить по листу печатному, а весь въ годъ 104 листа или нумера. Каждые 10 дней, т. е. 3 раза въ мѣсяцъ, господа подписчики получаютъ по маршиякъ новѣйшя, съ посылкою заграничною почтою полученныхъ модъ; весь же каршинокъ въ годъ 56.

Исправность съ какою выходили *Новости Литературы* и *Славянинъ* до 1831, и *Литературныя Прибавленія* въ 1831 и нынѣшнемъ 1832 году, ручаеня почтенной Отечественной Публикъ за вѣрное и своевременное получение листовъ сей газеты саширической, критической, модъ, театровъ и словесности. — С. П. Бургъ. 18 Октябрия 1832. — Издатель А. Воейковъ.

С. П. Бургъ. — Въ Типографіи Главнаго Управленія Ц. С. — Печатанье позволено: 22 Октябрия 1832 года.

Цезарь Гавейскій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 89.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 5 ДНЯ, 1832 ГОДА.

«Объдай у меня; какую для ухи
Досталъ я сперлядь, ты-бъ отвѣдалъ.»
— Благодарю. — «Прочтешь мои списки.»
— Благодарю... я ужь объдалъ. —

И. Мичевскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ БЫТЬ НѢКОТОРЫХЪ РУС-
СКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го
ВѢКА.

(Окологнѣ.)

Куря на перасѣ табакъ и приклебывая кофе, любовались мы Волгою, по которой плнудись бичевою барки, плыли на вѣслахъ и порхали на парусахъ лодки. По желтымъ берегамъ ея зеленѣлся боръ, разбросано было нѣскольکو деревень, барскихъ домовъ, рыбацкихъ шалашей и изывалась большаѧ Тверская дорога. Изрѣдка звенѣлъ колокольчикъ—и михал пройма проносилась мимо насъ въ облакъ пыли; помѣщичья коляска на шестпѣржъ спанныхъ коней мчалась большою рысью, или пащился обозъ съ бочками заморскихъ товаровъ. Вопѣ показалась бричка и за нею нѣскольکو заводныхъ лошадей; спуспя съ полчаса, другая бричка и пакже кони въ красивыхъ попонахъ; ихъ вели въ поводу конюха. Это были скаковыя лошади съ завода Генерала Коломенскаго и Камергера, коихъ, по предварительному соглашенію, велили они привезти въ деревню своего родспвенника *Ули-*

щева, спраспнаго охотника и конскаго заводчика. Всѣ бросились имъ на встрѣчу: разсмащивали шапки, гладили по мордѣ, пренали по гривѣ, назначали на другой день праздника, п. е. 16-го Августа, скачку и призы. Это происходило, какъ теперь помню, въ субботу.

Въ Воскресенье всѣ мы опслушали обѣдню; вечеромъ ѣздили править волчицу, у которой нашли въ дачахъ *Улищева* нору съ волчатами, но она не появлялась. Въ понедѣльникъ захватили еѣ въ норѣ—и молодецки заправили. Люблю охоту дикихъ звѣрей; спуть есть опасность, слѣдспвенно и слава; напропивъ, перпѣть не могу зайчей: двадцать борзыхъ собакъ гоняпся за маленькимъ звѣркомъ, прусливымъ, какъ Персіане, и разрываютъ его въ клочки.

Во впорникъ, когда сняли со стола кушанье, десертъ, приборы и оставили на немъ однѣ бутылки и рюмки, мы напомнили Генералу, а Генералъ просилъ хозяина, опъ имени всѣхъ собутыльниковъ, досказатъ о любопытномъ фамильномъ процессѣ его.

«Бабушка моя;» началъ онъ: «была баба—не промахъ; она принадлежала къ тому раз-

ряду женщинъ, которыхъ, въ случаѣ надобности, могли бы предводительствовать арміею— и не уступили бы самому храброму мужику въ неустрашимости. Видя, что дѣло ея тянется по прояскамъ повѣренныхъ *Радомыслова*, она явилась въ приемную къ Генераль-Фельдмаршалу Графу Петру Александровичу *Румянцову-Задунайскому*, и между военными дождалась его выхода. Церемонный и до крайности вѣжливый предъ дамами побѣдивъ Турокъ, мимо всѣхъ Генераловъ подошелъ къ бабушкѣ и спросилъ: какому счастливому случаю обязанъ онъ тѣмъ, что имѣетъ честь видѣть у себя въ приемной, гдѣ обыкновенно толпящаяся одни суровые сыны Марса, даму? Бабушка моя была роста высокаго, стройная, очень недурна собою, ловка, одѣвалась со вкусомъ и говорила складно. Она не потерялась и объяснила Фельдмаршалу, что подавъ письмо на имя Императрицы, по плябному дѣлу, отъ рѣшенія котораго зависитъ благосостояніе ея семейства, она осмѣливается надѣяться, что Его Сіятельство не откажется попросить Графа *Безбородку* ускорить докладомъ. Надѣнный герой Кагула отвѣчалъ: *До сихъ поръ я никогда ни одной дамы не отказывалъ въ ихъ просьбахъ, а вамъ принужденъ буду отказать: ибо я привыкъ не просить Безбородку, а ему приказывать.* — —

Черезъ два дня пріѣхалъ курьеръ отъ Графа *Безбородки* просить еѣ къ нему пожаловать для объявленія ей Высочайшей резолюціи. Это подвинуло впередъ наше дѣло; но недодвинуло: лишь 10 собирались справки; послѣ же перваго доклада Сенату, поребовано допущеніе и поясненіе: прошло еще 15 лѣтъ, а всё по дѣлу нашему оставалось нѣсколько неполученныхъ справокъ. Не судите о тогдашнемъ ходѣ дѣлъ, милоспивые государи, по нынѣшнему. Бабушка сказывала мнѣ, что одна бумага, изъ Саранской Дворянской опеки пущенная чрезъ Нижегородское Губернское Правленіе въ С. Петербургское, а изъ онаго чрезъ Управу Благочинія и Полицію той часи города, гдѣ жила она, была въ дорогѣ 9-ть мѣсяцовъ!!! Вышедъ изъ терпѣнія, бабушка рѣшилась ѣхать въ Гатчинно, бросившись къ ногамъ Цесаревича *Павла Петровича* и просить Его высокаго предстатель-

ства пропивъ сплныхъ соперниковъ. Его Императорское Высочество милоспиво отвѣчалъ ей, что ему неприлично входить въ дѣла и по нимъ ходатайствовать, но онъ объясняетъ ей, что если Богъ приведетъ его Царствовать: то Онъ о ней вспомнитъ. И дѣйствительно, едва вступилъ на престолъ Императоръ *Павелъ I*, какъ изволил прислать фельд-егеря къ Нижегородскому Гражданскому Губернатору и повелѣлъ объявить моей бабушкѣ, чтобы она ѣхала въ Петербургъ— и представилась Государю. Вы догадаетесь, что дѣло было потчасъ рѣшено, справедливость воспоржествовала—приказано деревни отобрать отъ *Радомысловыхъ* и отдать во владѣніе бабкѣ моей и ея наследникамъ.

Оказалось, что Графскіе управители, упавъ о плябѣ, одно село съ 400-ми душами продали; послѣ того, оно было перепродано и дошло въ одиннадцатые руки къ Бригадирю Петру Алексѣвичу *Рыжелю-Конскому*. По силѣ уложенія, покупщчку велѣно вѣдаться съ продавцемъ.

Въ это время бабушка скончалась. Мнѣ съ брапьями доспалось ея имѣніе. Зная, что онъ не виноватъ въ сей плябѣ ни душой, ни тѣломъ, я прежде, чѣмъ приступилъ къ отобранію отъ него имѣнія, самъ поѣхалъ къ нему съ предложеніемъ, чтобы онъ, вмѣсто деревни передалъ намъ право на полученіе удовольствованія отъ наследника *Радомысловыхъ*, который, съ своей стороны, соглашался удовольствовать насъ деньгами, или отдавалъ на выборъ любую свою деревню. А за нимъ состояло 28,000 душъ.

Что-жь бы вы думали? Бригадиръ на это не согласился! О соперникъ нашемъ нельзя сказать: *жилъ-былъ*, нѣтъ, онъ ябедничалъ и плягался. А какъ наша пляба представлялъ ему счастливое средство умножить и продлить сей родъ наслажденія: то онъ съ нами завелъ споръ о землѣ, а съ благодушнымъ *Радомысловымъ* началъ съ того, что разослалъ во всё его вѣдчины повѣренныхъ, списалъ ревизскія сказки, выправилъ планы на земли, пустоши, лѣса, купчія на мѣльницы, на рыбныя ловли. Я уже васъ предуведомилъ, что у *Радомыслова* было 28,000 душъ, по вооб-

разите себя: какой огромной суммы преобладало сумасбродное предприятие *Рыжого-Конского!* Сколько нужно было времени! Короче, он вошел в неоплаченные долги, в продолжении четверти века не получил никакого за убытки свои вознаграждения—и умер, оставя состояние, чрезвычайно раздробленное.

Et pour finir enfin par un trait de satire,

дочку его изображение черпую его достойно: он до того был спрашен к процессам, что обуча 12-ть дворовых мальчиков грамоте, роздал всех крапивным-спряжкам и дьякам-Секретарям для обучения *юриспроденции*. Из них вышли самые отчаянные плутоны, самые безсовестные ябедники, самые нахальные адвокаты. И их-то, как наездников, насылал он на меня миролюбиваго гражданина, и на снисходительнаго *Радомыслова!*»

Генерал *Коломенский* замечил, что благодаря Бога, разорительная, низкая спраша к плябам на св. Руси примытно уменьшается, и что найдены средства старинную запутанность дѣлопроизводства теперь сдѣлать простѣе, яснѣе, удовлетворительнѣе.

«Выпьем здоровье Петра Васильевича *Хавского!*» предложил хозяин: он своимъ благодарственнымъ проектомъ о составленіи свода запретительныхъ и разрешительныхъ книгъ — оказалъ незабвенную услугу Отечеству, нанеся смертельный ударъ ябедѣ, искоренилъ одно изъ важнѣйшихъ злоупотребленій!»—Закрило Ап: всѣ гости, съ чувствомъ благодарности поднявъ вверхъ поклоны, спукнулись имъ и воскликнули: *да здравствуетъ Хавский*, да провалятся сквозь землю ябедники, крючки, пролазы, взяточдатели и взяточбратели!—«Здоровье Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора Князя Дмитрія Владиміровича *Голицына!*» вскричалъ Камергеръ: «онъ первый ободрилъ *Хавскаго* въ семъ важномъ трудѣ, онъ сильною рукою поддерживалъ его.» Искрокипящее вино запѣнилось и каждый отъ искренняго сердца пожелалъ прожить сто лѣтъ мудрому Градоправителю.—«Здоровье *С...*» провозгласилъ дѣйствительный Станскій Совѣтникъ *Кирсановъ*, пмѣющій въ

пеплицѣ знакъ за пятидесятилѣтнюю безпорочную службу: «*С...* славно совершившаго мудрое предначертаніе Императора; изданіемъ полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи, положившаго краеугольный камень Русскому уложенію!»—Сей постъ принятъ съ восторгомъ.—«Здоровье» началъ было долго и честно служившій Совѣтникомъ въ Тверской Уголовной Палатѣ, Торжковскій помѣщикъ *Устиновъ*; но хозяинъ остановилъ его, сказавъ: «если мы спанемъ пить здоровье всѣхъ Государственныхъ людей, съ пользою, честію и славою трудящихся надъ улучшеніемъ, сокращеніемъ и упрощеніемъ судебной части на святой Руси: то мы обопьемся, не дойдя до половины!»

Наступилъ Успенный день; готовился пиръ горою. Экипажей спояло около церкви, хотя бы и въ сполчномъ городѣ, а молебниковъ нашло изъ сосѣднихъ селеній сполько, что и въ оградѣ церковной всѣ не могли умѣститься. Послѣ обѣдни и молебна, мы разсматривали четыре мѣстные Образа, — незадолго передъ тѣмъ изъ Пестербурга привезенные и извѣстнѣйшими Русскими Художниками, по заказу хозяина, написанные. Возвращаясь домой, мы нашли всѣ комнаты набитыя гостями. Подали завтракъ; споль былъ накрытъ въ палаткѣ, въ саду, на сто приборовъ. Меня, прожившаго 18 лѣтъ почти безвыѣздно въ —ани, болѣе всего удивляло спокойствіе хозяина, который не суетился, не выбѣгалъ каждую минутоу въ лакейскую отдавать приказанія, а все у него шло какъ по маслу. У насъ бывало, если пріѣдутъ пять человекъ гостей, то хозяинъ и хозяйка какъ на иглахъ: подаютъ ли лакей чай—хозяйка указываетъ ему глазами почтеннѣйшаго гостя, которому поднесши поднось прежде, потомъ всѣхъ другихъ по старшинству чиновъ, богатства и лѣтъ; хозяинъ толкаетъ офицанта подъ бокъ, чтобы не прозѣвалъ принять чашку у гостя, допивающаго оную. *Улицевъ* былъ подобенъ пашуху, который игралъ на свирѣли, обнимался съ пашухою и не заботился объ овцахъ, кои разбрелся по лѣсу, потому, что

Онъ выбралъ добрыхъ псовъ.

Слуги его были намёпаны, вѣжливы, пре-
дупредительны.

Послѣ обѣда мы вышли на балконъ—и уви-
дѣли, что посреди двора поставленъ длинный,
намазанный саломъ шестъ, а на верху лебедь,
держащій въ носу, какъ мнѣ объявили, коше-
лёкъ съ 500 рублей въ награду тому, кто пер-
вый шуда вскарабкается и сниметъ сверху ле-
беда. Ближе къ намъ, на возвышенномъ дере-
вянномъ помостѣ, жареный быкъ съ золотыми
рогами, покрытый пунцовою тафтою, а кру-
гомъ всего двора развѣшены были армяки, по-
лушубки, сапоги, копы, рукавицы, кушаки,
калачи, пряники, коврижки, кренделя, баран-
ки, морковь, рѣпа, яблоки, груши, сливы, го-
вадина, ветчина, пироги. Восемь огромныхъ
чановъ налипо было виномъ, пивомъ и мѣ-
домъ. Хозяинъ махнулъ бѣлымъ плапкомъ:
ворогца распворились—и народъ хлынулъ бур-
ною рѣкою; заревѣло: ура! Въ одинъ мигъ
всѣ съѣденное было сорвано, разорвано; по-
дарки также. Опоздавшіе вырывали ихъ изъ
рукъ у тѣхъ, кои успѣли чтонибудь до-
быть себѣ: началась драка; кулаки спучали
по зубамъ и по скуламъ. Переднихъ, подбѣ-
жавшихъ къ чанамъ, задніе спихнули въ хмѣль-
ную влагу: они тамъ хозяйничали, наливали
напипки въ шляпы, въ рукавицы—и разноси-
ли кругомъ. На быка, за голову котораго хо-
зяинъ обѣщаль 100 рублей, пошли крестьяне
разныхъ деревень шайками. Выбранный ими
силачъ, для опорванія и несенія бычьей голо-
вы, шель въ срединѣ дружины, сберегая силу—
и попрахиваясь въ знакъ неперѣнїя. Сшиб-
ка была ужасная: подбитые глаза, расквашен-
ные носы, разбитыя челюсти свидѣтельствова-
ли о храбрости Русскихъ, шпыкамъ копо-
рыхъ въ рукопашномъ бою, ничто въ свѣтѣ
проливустать не въ состоянїи. Тафта, по-
крывавшая быка, изорвана въ такїе мелкіе кус-
ки, что изъ неѣ нельзя было выкроить ладонки
на крестъ. Бычья голова схвачена съ рожна,
надѣпа на шестъ, поднесена въ прїумфѣ го-
сподину, который вышелъ на крыльцо—и,
похвала сорвавшего еѣ хвата съ поварищи
за удалство, за молодечество, вынулъ со-
спенную бумажку и вручилъ принесшему го-
лову.

Между тѣмъ дѣланы безчисленныя попыш-
ли взлезть на длинный шестъ и достать ле-
беда; но всѣ обрывались. До тѣхъ поръ раз-
ные предметы развлекали зрителей. Когда же
съѣденные припасы были съѣдены, чаны осу-
шены, кушаки и рукавицы распасканы, ко-
гда золоторогій быкъ не служилъ приманкою,
ни для похвальбы, ни для корысти: тогда
любопытство сосредоточилось на лебедѣ.
Явилось нѣсколько мапросовъ опставныхъ и
оппускныхъ: они сговорились сорвать бога-
тую добычу: ошмыгали сало и, подсаживая од-
ного на плеча другаго, составили изъ себя
довольно высокую лѣспницу. Вдругъ одинъ
маленькій ростомъ, согнувшійся въ дугу ма-
просъ, съ головою вроспшею въ плеча, съ
руками, которыя были согнуты какъ крюки,
выскочилъ впередъ—и перепрыгивая съ голо-
вы на плеча и съ плечъ на голову сихъ жи-
выхъ подмопковъ, проворно очутился на
верху оныхъ, обхватилъ шестъ—и въ смо-
ляныхъ своихъ шараварахъ, босикомъ, караб-
кался какъ обезьяна по шесту—выше, выше
и выше и, менѣе, нежели въ 5 минуть—си-
дѣлъ уже на кругу—и держаль въ рукъ же-
ланнаго лебеда. Громогласное: ура! огласило
воздухъ; тысячи голосовъ привѣтспвовали
удалаго молодца. Насладясь своимъ прїумфомъ,
мапросъ привязаль лебеда поперегъ себя, спу-
стился на землю—и явился передъ балкономъ,
какъ древнїе рыцари, побѣдившіе на шурни-
рахъ, для полученія вѣнка побѣднаго. Царь
праздника сошелъ внизъ, поднесъ ему изъ соб-
спвенныхъ рукъ серебряную чару зелена ви-
на, подарилъ ему еѣ на память, поздравилъ и
поцѣловаль.

Между тѣмъ уже смерклося; тучи заволо-
ли небо. Взлетѣла вѣсповая ракета, за нею
другая, третья; заверпѣлись огненныя колѣ-
са, забили искрами фонпаны, заблсптали бри-
лланшовыми огнями пирамиды, полетѣли подъ
облака ракеты; пошло лопанье, хлопанье:
тѣмное небо вспыхивало и попухало, звѣзды—
минушное созданіе минушнаго человека—оза-
ряли небо и угасали; щупихи шнырили и пу-
гали народъ; наконецъ, букетъ съ спраш-
нымъ шумомъ поднялся въ видѣ огненнаго
столпа къ облакамъ—и разразился безчи-
сленными выспрѣлами, звѣздочками, огнен-

ными змѣйками—и всё умолкло, и всё покрылось дымомъ и пьюмою. Народъ гулялъ до разсвѣта — и мы, взявшись рука за руку, долго прохаживались по улицѣ, любуясь живописными группами крестьянокъ и слушая ихъ пѣсни. — —

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ старымъ Екаперининскимъ слугою, Полковникомъ *Умичевымъ* въ Москвѣ на праздникахъ по случаю коронаціи. Онъ спрдадалъ безсонницею, опъ копорой и скончался въ 1830 году.

А. Кораблинскій.

Орфей-Самоучка, или дванадцать эпиграммъ, выбранныхъ изъ послѣднихъ стихотвореній *Сергѣя Николаевича Глинки.*

I.

Честь ему! есть даръ природный,
Опъ *схолластики* свободный,
Баловни у счастья еспъ;
Повтора: «Имъ слава, честь!»
Но плоды ума, науки,
Умудряющъ мысль и руки.

II.

Ремесла нѣпъ за плечомъ,
Но, какъ будно бы, съ ружьёмъ,
Съ нимъ *хлбъ-соль* себѣ добудешъ;
Тунеядцемъ съ нимъ не будешъ.

III.

Русь разрусилась сваяая;
Нашъ beau monde и нашъ bon ton
Умъ по модѣ покуая,
Задали уму шрезвошь.

IV.

Богъ далъ смыслъ: сберечь умѣй.
Не сердися и на змѣй,
Если лѣзипш къ нимъ ногою.
Умъ и сердце промопавъ
Самъ сошелся пы съ сумою:
Глупоспи—на чпо Успавъ?

V.

Скрыпачъ-самоучка
Подъ лѣсомъ дремучимъ

Звукъ скрыпки услышалъ...

И спруны вспорхнули,
И спруны взвились
И съ лѣсомъ спмелися,
И съ моремъ слились.
И радужнымъ блескомъ
Въ эфиръ сіяющъ;
И въ молніи вьющся,
И въ громъ звучащъ.

VI.

Орфей-самоучка

Воспоргомъ пылаешъ;
Чпо слышипъ, не знаешъ;
Какъ будно сквозь сонъ
Прошедшее онъ
Душой призываетъ.

VII.

Онъ хочешъ съ *Орфеемъ*
Міръ двигашъ земной.
И чпо-жь? Онъ играешъ
Круженья для ногъ...
А нечего дѣлашъ!

VIII.

Орфей-самоучка

Услышалъ призыванье,
Земное созданье,
Онъ скрыпку разбилъ,
Себя позабылъ;
Пришелъ въ онѣмѣнье,
И смерпи паренье
Простерлось надъ нимъ.

IX.

Облешѣлъ спрану злапую,
Оглядѣлъ спрану родную;
Взвѣсилъ все и все расчѣлъ,
Въ мѣру вѣрную привѣлъ:
Какъ въ дѣлахъ не пощашнупшься?
Какъ въ расчѣпахъ не спощкнупшься?

X.

Модныя взвились запѣи,
Злапомъ облеклисе *лакеи*;
Одолѣлъ пщеславья бѣсъ.

Барская носъ вздёрнувъ спесь,
Въ *фазтонъ*, въ *лондо* засъла;
«Je suis tout!»—она зашъла.

XI.

Чего на землѣ,
На прахѣ ничпожномъ,
Чего ждашь пому,
Кто слышалъ Небесный
Ошъ неба призывъ?
Орфей-салоузка

Туда перешель,
Гдѣ душъ совершенъе,
Гдѣ духа вѣнецъ,
Гдѣ шща сердцецъ.

XII.

Орфей-салоузка
Съ цѣпями земными
Боролея швой духъ.
Въ шѣлесной шемницѣ
Твой духъ гореваль.
Наспаль часъ призванья
Жизнь сердца и знанья
Твой духъ поглосшилъ.

III.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Б А Р А Н Ы.

Мы обыкновенно обвиняемъ пигровъ, волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей въ лопоспти и прожорливости; осыпаемъ всѣми возможными проклятіями ихъ кровожадность и ненасытность, и, право, можемъ показаться полусвятыми, поржественно возставая прощиву ихъ за то, что они мало дорожатъ жизнью созданий Божіихъ. Ахъ! ежели бы звѣри умѣли говорить, ежели бы волки имѣли адвокатовъ, а барсы философовъ, какъ бы легко было имъ уличить насъ въ лицемѣрныхъ восклицаніяхъ! «Да, сказали бы они, мы укрощаемъ свой голодъ мясомъ другихъ земныхъ обитателей; мы хватаемъ безъ разбора всякую добычу, предлагаемую намъ для пищи природою; но сн жерпвы, приносимые голо-

ду, не могутъ, по крайней мѣрѣ, укорять насъ въ предапельспивѣ. Мы дѣйствуемъ прощивъ ихъ добросовѣстно, и умерщвляемъ ихъ въ опкрытой войнѣ. Вы же усыпляете ихъ вѣроломными ласками, кормите съ самою опеческою нѣжностью, а попómъ, перерѣзываете имъ горло въ шу минушу, когда они лижутъ вамъ руки. Нѣтъ ни одного честнаго леонарда, который не успѣдился бы поспупать такимъ образомъ, ни одной рыси, которая не почла бы этаго низостью!»

Я никогда не дѣлалъ размысленій сихъ съ такимъ прискорбіемъ, какъ пеперь, при видѣ невинныхъ барановъ, которыхъ ведутъ на бойню, а они, въ продолженіи роковаго перехода, выпягиваютъ еще дружески головы къ своему проводнику, привѣтспивая его признапельнымъ бляньемъ, какъ будто бѣдняжки сами въ жеспокомъ заговорѣ прощивъ своей жизни.

Увы! сіе-то самое смиреніе и невинность ягнѣнка были первоначальною причиною его несчастія. Первые люди, спремься умплоспвивъ Небо, раздраженное ихъ грѣхами, и чувспвуя, что только чистая и непорочная жерпва была доспойна закланія Всевышнему Сущеспву, ясно видѣли, что между ними не найдется шребуемыхъ качеспвъ. Выборъ ихъ палъ на юный плодъ овцы, который и заплапилъ за нашъ родъ, и возложенъ былъ на коспѣръ за чужіе грѣхи. Паръ жаренаго мяса коснулся обонянія жрецовъ, и показался имъ пріятнѣе запаха молока и плодовъ. Побуждаемые непреодолимымъ искушеніемъ, они поднесли кусокъ мяса ко рпу. Новое это кушанье до такой степени понравилось имъ, что всё оно перешло въ ихъ желудокъ. Вскорѣ и прочіе люди послѣдовали ихъ примѣру, и, въ послѣдствіи, спали закалывать ягнѣтъ, овецъ и барановъ, уже не за грѣхи свои, а для удовлеспворенія обжорспва.

Ягнѣнокъ слылъ у всѣхъ народовъ жерпвою, наиболѣе пріятною богамъ. Самое имя его, по Гречески: *agna*, значить непорочный или чистый. По мнѣнію другихъ, оно происходитъ отъ Латинскаго глагола *agnoscere*, значить,—и сіе происхождение также показываетъ въ ягнѣнкѣ одну изъ его добродѣтелей.

Его, какъ говорятъ, назвали такъ потому, что онъ скорѣе всѣхъ животныхъ узнаётъ свою мать, и всѣхъ къ ней привязаніе.

Ягнёнокъ, не прежде какъ черезъ нѣсколь-ко мѣсяцевъ, спановится годнымъ для упо-ребленія обжорства людей, безъ вреда ихъ здо-ровью, то есть тогда, какъ опстаесть опъ матерьяго молока и начинаесть ѣсть пра-ву. Рапѣ того, его мясо сыро, жестко и мало имѣесть пипательности. Испанскія па-жпші сь благовоинными правами придають бараньему мясу особенную нѣжность.

Овцы ягнятся дважды въ годъ: зимою и весною. Ягнятся зимніе крѣче весеннихъ.

Прежде, нежели ввелось между людьми упо-ребленіе драгоценныхъ металловъ, бараны часто представляли деньги въ мѣнѣ и торговлѣ; ими плащли дани, подати и добровольные поборы. Авраамъ далъ семь барановъ Герар-скому Царю *Авилелеху*, въ залогъ ихъ сою-за. *Иаковъ* заплащилъ спо ягнятъ *Закоровымъ* дѣпямъ, за купленное имъ у нихъ обширное поле. Моавскій Царь *Мисса* доставлялъ Царю Израильскому ежегодно по спу тысячъ ба-рановъ, въ родѣ подати.

Баранина считалась самымъ лакомымъ ку-сомъ у восточныхъ народовъ. Чрезмѣрное ея употребленіе было, сказывають, въ числѣ не-умѣренностей, въ коихъ одинъ изъ Пророковъ упрекалъ Самаритянъ.

Греки не менѣе были пристрастны къ ба-раньему мясу, и *Авней*, Профессоръ гаспро-номіи своего времени и Исторіографъ Элли-ническихъ пировъ, причислаесть баранину къ самымъ вкуснымъ яствамъ.

И сѣверные народы всегда очень любили сіе кушанье. *Олай* описываесть подробно всѣ мѣры, которыя принимали они, чпобъ захва-пить въ свои руки весь поргъ баранами, предоставляя другимъ однихъ медвѣдей и вол-ковъ лѣсистыхъ горъ Скандинавскихъ.

Употребленіе баранины не уменьшилось и между новѣйшими народами, и должно ду-мать, что бараній родъ, до скончанія вре-мени, будесть всегда покровительствуемъ.

Пер. И. Покровский.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

M A R I E.

Alors elle était belle, heureuse et recherchée:

Elle croyait encore que vivre est un bonheur,
Et pourtant, sur son front, une cause cachée,

D'un chagrin long et doux répandait la langueur.

Comme attendant quelqu'un, elle errait dans la vie,

Et son regard au loin se promenait sans but;
Près d'elle, dans le monde, un jeune homme parut!...

Pauvre Marie!

Il vint, il lui parla: sa voix était de celles

Qui dans un coeur aimant réveillent des échos,
Qui font trouver bientôt des absences cruelles;

Rendent les jours plus longs et les nuits sans repos;
Le vice avait souillé sa jeunesse flétrie,

Mais dans son regard pur il n'avait rien laissé,
Et sous les traits d'un ange il cachait le passé. . .

Pauvre Marie!

Une nouvelle vie alors s'ouvrit pour elle;

Elle connut le poids de l'un de ces secrets
Que l'âme d'une vierge avec effroi recèle,

Et qui font lentement mourir dans les regrets.

Plus pâle chaque jour, dans la foule attendrie,

Son œil mourant, encore à lui seul s'adressait;
Mais sans voir sa pâleur, auprès d'elle il passait:

Pauvre Marie!

Bientôt on ne la vit qu'aux endroits solitaires;

Elle allait écouter sous les sombres rameaux
Les vents tristes du soir soufflant dans les clairières,

Ou la cloche tintant au loin dans les hameaux.

Dans la chapelle, aux pieds de sa sainte chérie,

Elle priait souvent, mais sans se consoler,
Et Dieu même jamais ne vit ses pleurs couler!

Pauvre Marie!

Moi, j'entendais parler de sa douleur mortelle:

De ses plus jeunes ans, hélas! j'avais pris soin;
Plaintive, j'accourais pour pleurer avec elle,

Et sa porte déjà m'apparaissait de loin! . . .

— Mais j'y vis s'agiter la pâle draperie;

Deux fossoyeurs assis attendaient sur le seuil;
Et le bouquet de vierge ornait un blanc cercueil!

Pauvre Marie!

ЛОГОГРИФЪ.

Когда безъ головы бываю
 Всѣ опъ меня бѣгущъ,
 Тогда я пламень свой
 Волнистой пеленой
 По всюду расплещаю,
 И огненной спруей
 Окрестность запопляю...
 Напрошивъ же, ко мнѣ идушъ
 И жершвуютъ собою,
 Когда бываю съ головою.

М. Д—ва.

Москва.

Въ No 88, помѣщенная шарада значить: *Gas-elle*.

MODES.

Les façons de corsages des robes habillées sont, comme nous l'avons déjà dit, presque toutes à draperies croisées, par devant; les dos doivent être ou plats du bas, et drapés à la *Tyrolienne*, ou plats des épaules, et légèrement froncés du bas. Les draperies croisées par derrière, habillent fort mal.

Les formes de chapeaux n'ont pas encore subi de grands changemens; les formes d'automne restent celles de l'été; si ce n'est qu'elles augmentent, au lieu de diminuer. En attendant le velours et le satin, la moire est ce qu'on peut porter de mieux. Les plumes ne s'étaient pas, elles se ramassent de manière à se confondre en une touffe. Les *geranium* sont de jolies fleurs, délicatés et légères, bien portées.

Les passes des chapeaux ne peuvent plus se garnir à l'intérieur que d'une ruche de blonde figurant un bonnet; les rubans en traverses, en nœuds, sont de gothiques modes de province.

Les passes sont petites et relèvent sans retrousser. Cette mode, que l'on a essayée il y a plusieurs mois, n'a pas réussi; et au moment d'adopter les formes d'hiver, il est essentiel de rappeler qu'elle n'est pas d'un bon choix.

Les chapeaux faits avec trois crêpes de même couleur sont d'un ravissant effet lorsque le crêpe est rose ou blanc; la nuance est plus prononcée que lorsque l'étoffe est simple; elle est plus douce que ne le serait

une étoffe de soie. C'est véritablement une mode de saison, et qui est on ne peut plus comme il faut. Il ne faut pas que les crêpes soient doublés de Marli, ni de grosse gaze, l'étoffe se soutient assez d'elle-même.

On continue à faire les passes de capotes sans hourlelet autour; c'est plus léger et plus délicat.

Les belles de nuit sont fort bien sur des crêpes blancs.

МОДЫ.

Покрой лифовъ у нарядныхъ плащевъ, какъ мы уже говорили, спереди почти всегда крестообразною драпировкою; спинки должны быть или снизу гладкія и драпированы по *Тирольски*, или опъ плечъ гладкія и слегка собраны книзу. Лифы крестообразно драпированные, сзади, совсѣмъ не красивы.

Въ формѣ шляпокъ нѣтъ еще большой перемѣны; лѣтніе фасоны продолжаютъ носить осенью, только вмѣсто шого, чпобъ уменьшать, ихъ дѣлаютъ побольше. Въ ожиданіи апласа и бархата, самая приличная матерія обьярь. Перья не разкидываютъ, но собираютъ вмѣстѣ на подобіе кустика. Гераніумъ, красивые цвѣты, нѣжные и легкіе, въ большомъ употребленіи.

Поля у шляпокъ снизу не опдѣлываютъ иначе какъ блондовымъ рюшемъ въ видѣ чепчика; поперечныя ленты съ бантами, спарыя провинціальныя моды.

Поля маленькія и немного приподняты. Мода сія, которую пробовали нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, была неудачна; и нужно замѣтить, что она совсѣмъ нехватали при ожидаемыхъ зимнихъ фасонахъ.

Шляпки креповыя, сдѣланныя впрое изъ одного цвѣта, прелесны, если крепъ бѣлый или розовый; цвѣтъ ярчѣ, нежели когда матерія въ одинъ рядъ; она нѣжнѣ шелковой матеріи. Это мода истинно по времени года, и весьма отличная. Крепъ не нужно подкладывать марлею или полспыимъ газомъ, онъ самъ собою хорошо поддерживается.

Поля у капотовъ продолжаютъ дѣлать безъ обручиковъ вокругъ; это нѣжнѣ и легче.

Цвѣты *Belles de nuit* очень идушъ къ бѣлымъ креповымъ шляпкамъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 90.

Цѣна годовому изданію, сосполчену изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-сважкою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, НОЯБРЯ 9 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Пусть грозный Океанъ клокочетъ подъ валами;
Пусть буря черными крылами
При блескѣ молній восшумитъ:
Мудрецъ на брань стихій спокойно съ берега зреть.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КАБИНЕТЫ ЧТЕНІЯ ВЪ ПАРИЖѢ.

Въ настоящее время чтеніе не есть уже одна только склонность, или потребность ума образованнаго; оно сдѣлалось какою-то необузданною, неудовлетворимою страстію. Теперь читаютъ всегда, вездѣ, и рано и поздно: просыпаясь читаютъ, засыпая также, изъ дома выходятъ читать *журналы*, а возвращаются читать *записки*. На улицахъ, на площадяхъ, среди публичныхъ садовъ, мы видимъ читающихъ, на загородныхъ гуляньяхъ—читающихъ, въ экипажахъ и сзади экипажей—читающихъ. Словомъ, Парижъ какъ будто бы превратился въ обширный кабинетъ *библіофаговъ*.

За то, *библіофагія*, какъ и всѣ современныя глупости, не избѣжала вліянія промышленности. Со всѣхъ сторонъ являюся литературные поставщики, которые какъ будто вырастаютъ изъ земли, чтобы предлагать безпрестанно усиливающемуся аппетиту читателей пищу ежедневную, еженедѣльную, ежемѣсячную.

Пойдемъ въ Пале-Рояль. Видите ли вы мѣсто, гдѣ прежде былъ храмъ обжорства, за-

лы, гдѣ прежде угощали вкусными обѣдами *et campos ubi troja fuit!* Не оспанавливайтесь память, но взойдите выше, шуда, въ литературное собраніе. Взгляните на эти разбросанные листки: Англійскіе, Нѣмецкіе, Французскіе, Русскіе, на сіи обозрѣнія, брошюрки, книги всѣхъ вѣковъ, всѣхъ государствъ! Мнѣ кажется, что даже людямъ, участвовавшимъ въ Вавилонскомъ сполпопвореніи, нашлись бы здѣсь собесѣдники.

Посмотрите на эпаго одушловатаго, полстаго, коропенькаго челоуѣчка, по видимому, заклапаго врага молчанія. Ему непременно надобно или говорить, или спать. Померщите, *Монитёръ* недалеко.—Далье, бросьте взоръ на того поспоаннаго чпеца, который углубился въ *Journal des Débats*, потому что онъ издавна привыкъ углубляться въ него по уши.—Любопытно знать: кто сей грозный мужъ, который поднявъ голову, смѣло шагая, опполкнулъ двадцать посьпипшелей, повалилъ двадцать спульевъ, и не внимая ни глухому ропоту, ни просьбамъ, успѣлъ завладѣть всѣми журналами? Онъ набралъ ихъ подъ мышки, на колѣна, въ карманы, за пазуху!!! Воюя безпрестанно съ мальчикомъ, который оспориваетъ у него добычу, онъ отдаётъ одну

книжку журнала, попомъ одумавшись, снова берётъ её назадъ, и, если наконецъ уступаетъ, то не иначе, какъ бросивъ ужасный взглядъ на своего сосѣда, который просилъ у него сію книжку. Впрочемъ, почтенный сосѣдъ представляетъ собою примѣръ рѣдкой умѣренности: изъ воздержанія, онъ читаетъ не болѣе одного журнала; правда, что за то онъ читаетъ его отъ доски до доски, не пропуская ни объявленія о продажныхъ фортепіано, ни благодарности за излеченіе, ни пышныхъ возгласовъ шарлатана о жизненной эссенціи, ни другихъ новостей, которыя онъ каждый день читаетъ наизусть. Вотъ бѣтъ одиннадцать!... Освѣщеніе дорого, и хозяинъ заведенія учтиво выпроваживаетъ за дверь своихъ посѣпителей. Они медленно приподнимаются и, какъ бы не хотя, бредутъ къ своимъ постелямъ, съ блѣдными лицами, со впалыми глазами, съ головами набитыми политическимъ и конспиріуціоннымъ соромъ.

Вотъ входъ въ щегольски убранный либературный кабинетъ, въ которомъ председательствуетъ вѣчноулыбающееся божество здѣшняго храма. Въ физиогноміи, которую вы видите тамъ въ углу, заключается цѣлый курсъ политики. — Сюда щеголи приходятъ узнавать кулисные и закулисные новости, ломаютъ голову надъ спашьею о модахъ, завязываютъ жаркіе споры о политикѣ и зашверживаютъ новыя анекдоты изъ *Gazette des Tribunaux*. Они порхають, какъ легкіе мопыльки, громко разговариваютъ, хохочутъ и, попомъ, собравъ порядочный запасъ либературныхъ вѣстей и политическихъ бредней, отправляются блистать умомъ своимъ въ гостиныхъ, и спарашься кспати вкленъ въ разговоръ эпиграмму изъ *Korsara* и оспроту изъ *Фигаро*.

Теперь взгляните сюда, здѣсь ссужаютъ умомъ каждаго, смотря по его деньгамъ. Умъ, заключающійся въ одномъ листкѣ, спонитъ десять копѣекъ. Заплатите вдвое и получите все, что издается въ Парижѣ пріятнаго, глубокомысленнаго, оспраго, отъ Монитѣра съ огромными сполбцами, до нѣхъ лёгенькихъ листковъ, которые касаются слегка всего; важно разсуждаютъ о пустякахъ, и говорятъ шути о дѣлахъ важныхъ. Прибросьте еще

десять копѣекъ, и васъ завалитъ памфлетами, записками, брошюрами, словомъ, всѣми новостями. Если же и послѣ того вы не научитесь полковать о политикѣ, какъ *Сіесъ*, о финансахъ, какъ *Лау* (*Law*), о липературѣ, какъ *Викторъ Гюго*: это уже собственная ваша вина. Такъ, Мм. Гг., придаютъ копѣекъ (санпимовъ) платится за цѣлое засѣданіе, а засѣданіе продолжается 12 часовъ, если только вы въ состояніи столько вытерпѣть. Вотъ чтецы самые неупомимые: какъ художавы, угрюмы, грустны ихъ лица! Они наводятъ хацдру! Кабинетъ чтенія замѣняетъ имъ родное пепелище. Они съ утра до вечера, какъ будто прикованы къ своимъ скамейкамъ; обходятся съ слугою и домашними животными на самой корошкѣ ногъ, и если лавка продается, то и они поступаютъ въ продажу, какъ часъ подвижности.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ЗАМКѢ АРВЕЙЛЕРЪ.

(Повѣсть *Эмерентіа Сцеволи*).

I.

«Вотъ наступаютъ и зима съ своими долгими, скучными вечерами!» Сказала молодая Графиня *Оттилія*, когда небольшое семейство усѣлось вокругъ кипящаго самовара, и осенняя буря стучала въ окна: «ахъ, скоро ли пройдутъ эти безконечные пять мѣсяцевъ!»

— Знаете ли, что нашъ спранникъ къ намъ возвратился? — подхватила дѣвица *Гедвигъ*, бросивъ улыбающійся взглядъ на молодого Графа *Эмса*, который, сѣдъ подлѣ своей невѣсты, вовсе не замѣчалъ осенней бури: теперь-то поведетъ онъ насъ по мирповымъ, лавровымъ и лимоннымъ рошцамъ райскаго Неаполя! —

Старый Рейхсграфъ вмѣшался въ разговоръ: «поведетъ онъ васъ! какъ бы не шакъ!» сказала онъ, шути: «развѣ не видите, что онъ дорогою поперялъ и голось и глаза и уши?»

— Извините, бапюшка! онъ привезъ ихъ съ собою, — прервала Графиня *Анна*, и вѣжно прижалась къ своему жениху: но всѣ чувствва его только мною заняты! —

«Да если-бъ онъ былъ и сговорчивъ,» сказала меньшая Графиня: «что *наль* опъ эпаго? Не успѣемъ оглянуться, какъ онъ уѣдетъ въ свой замокъ Ромгофъ, и въ добавокъ еще увезетъ опъ насъ сесприцу.»

— Мы будемъ прїѣзжать къ вамъ каждую недѣлю по два раза. *Карль* общалъ мнѣ это, возразила невѣста, упѣшая горюющую сестру: и столько же разъ будемъ видѣть басть у себя! Вѣдь до Ромгофа не болѣе полумили. —

«Что-жь мы спанемъ тогда дѣлать?» спросила *Оттилія*.

— Вы будете цѣловаться, а мы — будемъ смотрѣть и зѣвать; — подхватила *Гедвигъ*.

«Вы будете чипать бапюшкѣ газеты,» сказалъ Графъ.

— Это самое лучшее, усыпительное средство! опвѣчала, невольно зѣвнувъ *Оттилія*; послушайте: я вамъ предложу лучшее занятіе, которое превратитъ самые скучные зимніе вечера въ Майскіе. —

«Какое на примѣръ?» спросила сестра.

— При каждомъ посѣщеніи, продолжала *Оттилія*: мы будемъ задавать другъ другу извѣстные слова для составленія на оныя повѣсти, которую всякой обязасть прочесть при слѣдующемъ свиданіи. —

«Прекрасно!» вскричалъ Графъ *Карль*: «но эти повѣсти непременно должны быть спрашныя, какъ напр: о духахъ и привидѣніяхъ.»

— Къ чему связывать воображенія! — замѣтила *Гедвигъ*.

«Ваша правда!» сказалъ Графъ: «всякой долженъ быть воленъ въ выборѣ предмета. Пусть одинъ сочинитъ повѣсть, другой маленькую драму, третій исторію о привидѣніяхъ, четвертый расскажетъ какое нибудь занимательное истинное происшествіе, которое онъ можетъ украсить, какъ ему угодно. Однимъ словомъ, здѣсь не предписывается никакихъ законовъ. — Я беру на себя обязанность рецензента.»

— Согласны! согласны! — вскричали всѣ въ одинъ голосъ, и *Оттилія*, цѣлуя у опца руку, пожелала всѣмъ писателямъ имѣть такого свисходительнаго крипика.

— Графъ! вы для *шестаго* вичего не назначили, — сказалъ непримѣтно вошедшій и спав-

шій позади его новый гость. Дѣвцы вздрогнули. — «И онъ шупъ?» шепнула *Гедвигъ* *Оттиліи* на ухо: «я совсѣмъ не замѣтила, какъ вошелъ эпопъ смиренникъ.»

«Маркизь! — опвѣчалъ Графъ: у насъ, Германцевъ, почищается обязанностью хозяина: занимать гостя.»

— А обязанность гостя во всѣхъ спранахъ бытъ признательнымъ, подхватилъ гость: и такъ позволѣ мнѣ, пока я буду имѣть счастье пользоваться вашимъ гостепрїимствомъ, бытъ членомъ вашего литературнаго общесства. Хотя я плохой писатель, и долженъ просить у дамъ снисхожденія къ иностранному произношенію моему, но благодаря своему пупешествію, я собралъ достаточный запасъ матеріаловъ, чтобы занять общесство на одинъ или на два часа. Можетъ спаться, я вспрѣчусь съ Графомъ *Элсомъ* въ какомъ нибудь мѣстѣ, чрезъ которое онъ проѣзжалъ, и даже въ сосполніи буду поправить маленькіе промахи. — При сихъ словахъ *Ипаліанецъ* бросилъ пронзительный взглядъ на Графа *Карла*.

Всѣ молчали. — Появленіе иностранца дѣйствительно разспроило веселое расположеніе семейсства. Дамы потупили глаза въ свою работу; Графъ *Карль* изъ подлобья разсмаптривалъ мужесственно-прекрасныя, но мрачныя черпы молодаго Маркиза. — Наконецъ, Графъ *Арвейлеръ* прервалъ пугостное для всѣхъ молчаніе. — «Что намъ по пустому терять время?» сказалъ онъ: «если хопимъ удивляться паланту нашего гостя, то намъ нечего мѣшкапъ: онъ грозитъ скорымъ опѣздомъ. По моему мнѣнію, лучше всего назначить какъ можно ближайшій срокъ первому литературному вечеру; — какъ вы думаете сударыня?»

— Я думаю завпра! — сказала *Оттилія*.

«Такъ скоро?» спросила Графиня *Анна*: «видно у тебя есть въ запасѣ цѣлая дюжина повѣстей и драмъ?»

— Здѣсь у меня доспанетъ ихъ на цѣлый годъ! сказала *Оттилія* съ лукавою улыбкою, указывая на свою кудрявую голову: а въ супки можно ко-чпо написать! — —

«За исключеніемъ ночи!» возразила *Гедвигъ*.

— Трудлюбивая писательница не оставляет пера и ночью, — продолжала молодая Графиня съ комическою важностью, которая очевидно къ ней приспала: и такъ рѣшено! Завтра въ первый разъ будемъ имѣть честь и удовольствіе собраться на литературный вечеръ! — Прошу задать слова; по порядку! Пусть начнетъ невѣста! —

«Годятся ли имена собственныя?» спросила невѣста.

— Все равно, все равно! — отвѣчала ея сестра: я напередъ знаю свое слово. —

«Ты угадываешь мои мысли!» подхватила Анна. «Мое слово: Карлъ!»

— Карлъ! — повпортила Оттилія, и серебрянымъ грифелемъ записала это слово на пергаментномъ листочкѣ. — Ну, господинъ женихъ, сказала она обращаясь къ Карлу: васъ не спрошу, ибо увѣрена, что вы не упустите вашей невѣсты въ учтивости. —

Графъ Карлъ поцѣловалъ у Анны руку и произнесъ ея имя.

— Анна! — повпортила Оттилія, диктуя сама себя; — что вы скажете, бабushка? —

«Дитя природы!» сказалъ сей: «такое дитя не испортишь никакого романа.»

— Я задамъ шрепше: собственное имя, — подхватилъ Маркизь, предупредивъ вопрошающій взоръ Оттиліи: «Аннели!»

«Все имена!» вскричала Графиня, записывая: «такимъ образомъ всѣ герои и героини будутъ походить другъ на друга въ каждой повѣсти.»

— Не всѣ карлы между собою схожи, — сказалъ госпъ: и мое имя Карлъ, а я не имѣю ни малѣйшаго сходства съ Графомъ Эмсомъ. —

«Мое слово: монастырь,» сказала Гедвигъ. — А я, примолвила Оттилія: въ заключеніе прибавлю слово: революція. — Она прочитала: Карлъ, Анна, дитя природы, Аннели, монастырь, революція! — Теперь каждый изъ васъ получитъ списокъ эпическихъ словъ! —

Она побѣжала къ письменному столу, и пока писала, слуги приняли чайный приборъ.

«Спихопворныя вольности однакожь позволяются?» спросила Гедвигъ: «по еспь: не нужно спрого придерживать порядка сихъ словъ?»

— Если только угостите насъ чѣмъ нибудь изящнымъ, — сказалъ Графъ Арвейлеръ: по рецензентъ не замѣшитъ такого рода погрѣшностей. —

«Будьте увѣрены, что въ этомъ не будетъ недостатка, сколько позволитъ возможность!» сказала Оттилія; потомъ обращаясь къ своимъ сопридникамъ и сопридницамъ; прибавила: «осмѣлюсь предложить любезному обществу одинъ только законъ: не слишкомъ давать волю воображенію. Совершенно вымышленныя испорціи, конечно, заставляютъ удивляться пворческой изобрѣтательности расказчика; но онѣ перяютъ главную заманчивость опъ увѣренности слушателей, что этого никогда не случалось! Какъ вы думаете, не лучше ли для каждаго разказа, болѣе или менѣе занимательнаго, принять намъ основую истину и ограничиться одними былями? Само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ позволено украшать истинныя происшествія вымыслами!»

Всѣ согласились съ мнѣніемъ милой законодательницы, которая вслѣдъ за тѣмъ раздала списки заданныхъ словъ собесѣдникамъ. Пріѣзжій, который познакомился съ семействомъ подъ именемъ Маркиза *ди Романтти*, получивъ свой листокъ, подошелъ къ лоспрѣ Оттиліи, помахивая на него, повела Гедвигу къ камину. Шепотъ ихъ явно относился къ госпю. — Вчера, когда спало смеркаться, Маркизь прислалъ слугу просить у Графа ночлега, потому что опъ дурной дороги у экипажа его переломилась рессора. Такого рода просьба доспапочно извинилась худымъ состояніемъ гостиницы того мѣспечка, и при извѣстномъ гостепріимствѣ Графа, не была рѣдкостью. Но при всемъ томъ, сіе неожиданное посѣщеніе не могло быть приятнымъ; ибо за два только дни предъ тѣмъ возвратился изъ дальняго путешествія Графъ Эмсъ, обрученный женихъ Графини Анны. Сколько вещей, о которыхъ еще оставалось имъ переговорить, сколько разказаать другъ другу новаго! При сихъ обспоятельстввахъ присупствіе доспороняго чловѣка не могло не быть всѣмъ въ тягость; особенно присупствіе Маркиза. — Его открытій, смѣлый, даже пронзительный взоръ составлялъ рѣзкую

противоположность съ несвязностью его рѣчей. Ловкость свѣпскаго челоѵка, которой нельзя было у него опнять, нерѣдко успу пала мѣсто какой-то непонятной заспѣнчивости. Вообще, видна была въ немъ какая-то странная смѣсь искренности и скрытности. Въ особенностях же былъ онъ проивенъ Графиня Анна: ибо она замѣтила, что его сверкающій взоръ, выражая и соспраданіе и угрозу, очень часто успремлялся на ея жениха. Точно такъ споялъ онъ и тогда, посмапривая черезъ бумагу, которую держалъ въ рукѣ, на молодаго Графа. Графиня Анна случайно опворотилась опъ сего послѣдняго, содрогнулась, вспрѣпшившись со взоромъ Итальянца.

«Тише, онъ идетъ!» шепнула *Гедвигъ Оттилліи*, и Маркизь медленно подошелъ къ камину.

— Васъ не пугаетъ сѣверная зима?—быспро спросила молодая Графиня.

«Я проведу еѣ въ Спокгольмѣ,» опѣчалъ онъ: «а тамъ, говорясь, менѣ злбунуть, чѣмъ въ Миланѣ.»

Разговоръ что-то не клеился, и для всѣхъ пріятно было, когда десятый часъ позвалъ къ ужину.

II.

«Проваль возьми! Какая бѣда!» проворчалъ Графъ Эмсъ, возвращаясь въ свою уединенную спальню, и бросилъ съ досадою смятое имъ письмо съ черною печашью.—«Всѣ эти кровопійцы, Жиды и Христіане, только и ждали моей свашьбы, а теперь одно препашствие за другимъ! Сперва вообразилось спарикку, что я еще слишкомъ молодъ, что долженъ года два путешествовать, а теперь, когда я возвратился, мой злобный геній отпраляетъ на топъ свѣпъ спаруху-пѣтку. Если смерть ея сдѣлается гласною здѣсь въ домѣ,—а этому нельзя воспрепятствовать, ибо мой будущій пестъ читаетъ газетны опъ первой до послѣдней спрочки,—то, по случаю праура, опять опложатъ свашьбу; тогда жестокіе заимодавцы, пожалуй, сочтутъ мою женишью за злымъсиль и прямо обратятся къ опцу невѣсты. Если же узнаетъ спарикъ, что наследственное имѣніе я порядочно об-

ременилъ долгами, то чего добраго, все свашество мое пойдетъ къ чѣрпу; тогда кспашпи, пусть онъ и меня побересть!—Можно ли при такомъ расположеніи духа писать мнѣ повѣсти, исторіи о привидѣніяхъ?—Да, еслибъ спарая пѣтка не оставила послѣ себя шестерыхъ дѣшей, если-бъ я былъ единспвеннымъ наследникомъ!—Или, если бы она теперь явилась, и указала мнѣ кладъ!—Браво, вопъ прекрасная исторія о духахъ, да и самый предметъ такъ новъ!—Не выдай же меня, беззубая пѣпушка! Ты будешь привидѣніемъ; покойный дядя заклинапелемъ; сподопъ полько прибавишь еще колдунью или что нибудь подобное, и—планъ мой готовъ.»

Онъ сълъ за письменный споль.

Въ положеніи Графа дѣйспвительно не легко было предаваться веселымъ мечпамъ. Служа въ гвардіи одного сильнаго Монарха въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ не опказывалъ себѣ ни въ одномъ изъ наслажденій, къ которымъ неограниченный кредитъ доставлялъ ему способы въ блестящей сполитцѣ. Спирогая бережливостъ опекуна, вмѣстѣ опго, чтобы ограничить молодаго Графа, полько содѣйспвовала къ совершенному разспройспву его имѣнія; ибо проценты, которые онъ плашилъ лихоопцамъ, далеко превышали получаемую имъ на содержаніе сумму, и вмѣстѣ опго, чтобы по выходѣ изъ опеки сдѣлаться господиномъ значительнаго наследства, онъ съ совершенною потерею онаго еще оппался много долженъ заимодавцамъ. Вскорѣ послѣ опго, смерть дяди доставила ему помѣстье Ропгофъ, и сдѣлала его близкимъ сосѣдомъ Графа *Арвейлера*, коего спаршая прелеспная дочь вскорѣ зажгла постоянную спрасню въ сердцѣ молодаго Графа.

Мы познакомили съ ними нашихъ читателей, какъ уже съ обрученною чѣпою:

Прописавъ часа два, Графъ вскочилъ, и съ сердцемъ бросилъ въ спорону бумагу.—«Нѣтъ, не годится! Тѣпка скучна!—Еще скучнѣе эта мораль!—Рука не подымаетъ ея!—Давно ли мое воображеніе такъ опшло, что не могу придумать чего нибудь другаго лучшаго?» Подумавъ немного, онъ взялъ бумагу съ заданными словами и пробѣжалъ еѣ.—«*Аннели!* Не такъ ли называлась моя Швей-

царка?» спросил онъ самъ себя. — «Точно такъ! — Ну, *Аннели*, ты хотѣла навѣспить меня, если я не возвращусь къ тебѣ! Явись же, дитя пастушьей хижины, позабавь собою шптомцу замка!»

Онъ спалъ прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, приводя на память одно изъ пріятнѣйшихъ походовъ во время своего путешествія. — «Что спалось съ этой дѣвушкой? — Премное существо, она спитъ пого, чтобы провести съ нею нѣсколько Аркадскихъ дней! — На что мнѣ другой романъ? Тутъ истина и вымысль! — Дѣвушку опишу въ напурѣ, но себя выставляю въ другомъ видѣ; — представляю себя романтическимъ героемъ! Спасеніе моей жизни будетъ завязкою, хотя и устарѣлою, но за то она истинная, и слѣдственно на своемъ мѣстѣ. — Я скажу, что мое спасеніе, странность этого похода, милость молодой Швейцарки, невольно заставили меня влюбиться въ неё по уши, и что *Аннели* сдѣлалась моей женою. — Тутъ слѣдуетъ картина подобныхъ браковъ: эта сельская простота, это смѣшное суевѣріе, почтенные крестьяне, родственники невѣстны; однимъ словомъ, съ одной стороны всѣ особенности деревенскихъ жителей, а съ другой упорность, ловкость, высшій взглядъ на жизнь и образованность свѣтскаго человека. — Сія противоположныя обычаи и привычки я подчиню одной формѣ, попомъ кончу исторію, какъ водится! — И такъ, добро пожаловать, *Аннели!*» — Онъ сѣлъ, и перо его едва успѣвало за окрѣпленными мыслями.

Вокругъ его спановилось тише и тише. Одна только буря бушевала въ обнаженныхъ деревьяхъ парка, да слышались скрипы пера и однообразный стукъ маятника спѣнныхъ часовъ — ничто живое не шевелилось.

«Прекрасно!» воскликнулъ Графъ, съ улыбкою перечитывая изображеніе Альпійской пастушки, только что излившееся изъ его памяти и богатой фантазіи: «это она, или лучше сказать, она могла бы быть такою.» — Онъ вскочилъ, смѣясь и спалъ придумывать развязку для своей повѣсти. — Вдругъ, остановясь, призадумался. — «Конечно, вскричалъ онъ: послѣдствія должны быть печальны; она

должна умереть и умереть отъ него!» — Тутъ онъ умолкъ и спалъ прислушиваясь: странный, чуть слышимый шорохъ въ бумагахъ на его письменномъ столѣ прервалъ его размышленіе. — «Вѣроятно, мышенокъ,» сказалъ онъ тихо: «лптературный мышенокъ!» и на цыпочкахъ подкрался къ столу.

Какъ будто вздуваемые сквознымъ вѣтромъ, разбросанные листы бумаги закружились; въ особенности слышанъ былъ шорохъ подъ послѣднимъ исписаннымъ листомъ. — «Вотъ я тебя!» прошепталъ Графъ; осторожно приподнявъ руку, и сильно ударилъ по шевелившемуся листу, — въ это мгновеніе погасли восковыя свѣчи на столѣ, листы разлетѣлись, дивное сіяніе, похожее на отблескъ молніи, освѣтило комнату, и въ слабыхъ очеркахъ явился предъ оцѣпенѣвшимъ Графомъ — чело-вѣческой образъ.

Графъ, вздрогнувъ, отшатнулся; онъ съ изумленіемъ началъ различать черты, только что занимавшія его воображеніе. Блѣлая, длинная одежда, обогрѣнная кровію, облекала почти прозрачное тѣло молодой женщины; вокругъ ея блѣдой шеи плыла узкая кровавая полоса. На правой рукѣ лежалъ мертвый младенецъ, облитый кровію, на лѣвой, обращенной къ Графу, живой, который, какъ бы съ ужасомъ отъ него отворачиваясь, скрывалъ свою кудрявую голову на персяхъ видѣнія, къ коимъ, какъ градомъ убитый цвѣтокъ, прикила мертвая голова другаго младенца. — Графъ лишился чувствъ. Глубокая тѣнь его окружала, когда онъ опять открылъ глаза; и, вперя дико блуждающіе взоры въ мракъ ночной, онъ, весь облиный холоднымъ потомъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ, силится выйти изъ безпамятства. «Огня! огня!» съ трудомъ произнесъ онъ; медленно приподнялся, спалъ на ноги и оцупью побрѣлъ къ двери. Онъ снова запрепалъ, и едва опять не упалъ въ обморокъ, почувствовавъ подъ ногами шуршанье разбросанной бумаги. Наконецъ онъ дошелъ до двери, поспѣшно отворилъ её, и лампы, горѣвшія въ передней залѣ, освѣтили комнату его слабымъ мерцаніемъ. Онъ вздохнулъ свободнѣе въ искусственной сплхн жизни, смѣле принялся искать свѣчку; зажегъ её и возвратился въ

свою комнату. Задумчиво подошел онъ къ письменному столу.

«Что сдѣлалось со мною?» спросилъ онъ себя, и послѣ минушнаго молчанія самъ отвѣчалъ на паиспственный вопросъ: «это бредъ! глупая игра раздраженнаго, распроеннаго воображенія! И это меня такъ напугало? — Самъ вспавляю каршины въ волшебный фонарь, и ужасаюсь, когда онъ являющся мнѣ въ искаженномъ и преувелченномъ видѣ? Но что значить эпопъ безпорядокъ? — Бумаги на полу, погасшія свѣчи — она сама — нѣтъ, это было болѣе, чѣмъ сновидѣніе!» —

По всему тѣлу его снова пробѣжалъ судорожный препенъ; но, преодолевая себя, онъ опразилъ новый припадокъ спрахъ, и проптивъ волн спарася улыбнулся; — «глупецъ!» сказалъ онъ самъ себѣ: «не я ли, какъ бѣснующійся въ лихорадочномъ жару, ударилъ такъ сильно по столу, что право удивительно, какъ еще успояли подсвѣчники, мудрено ли что только свѣчи погасли!» — Онъ наклонился, чтобы поднять бумаги, но опскочилъ назадъ съ выраженіемъ жесточайшаго ужаса. — «Нѣтъ, я не въ силахъ!» проспоналъ онъ, и съ минушю споялъ какъ вкопанный; — «не въ силахъ!» повторилъ онъ потомъ, передразнивая самъ себя; — «а что я буду отвѣчать, если завпра меня спросятъ, за чѣмъ я пришелъ съ пуспыми руками? — меня првожили привидѣнія, я трусилъ. — Прекрасно! напередъ читаю насмѣшки на лицѣ *Оттиліи*, вижу, какъ *Гедвигъ* вздернула носикъ!» — Быстро собравшись съ духомъ, онъ подобралъ листы, и черезъ нѣсколько часовъ другая повѣсть, составленная изъ былей и небылицъ, была готова... Онъ бросилъ, нераздѣтый, на кровать.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТАНСЫ.

Умолкни, пѣснь моей любви,
Утихнѣ спрась былая;
Ты не волнуй моей крови,
Прелеспица младая!

*

И до меня пвердилъ всѣмъ Флакъ:
Любовь есть жизни радость,
Но съ ней не могъ, никпо, никакъ
Сдружись покоя сладость.

*

Бывало я, моей весной,
Любилъ души волненья,
И бурю спраспи мнѣ родной,
И пайныя помленья.

*

Но вопъ давно я охладѣлъ,
И позабылъ влюбляться;
Вѣкъ горевашь не мой удѣлъ,
Мнѣ-ль съ радостью разешашься?

*

Пускай умолкнешь пѣснь любви,
Утихнѣ спрась былая;
Пусть не волнуешь вновь крови,
Прелеспица младая.

*

Но я клянусь не позабышь,
Что жизнь мнѣ усладило,
Чѣмъ вѣкъ бы счастливымъ могъ быть,
Что рано измѣнило.

*

Эпиллогъ.

Давно ужъ цвѣшь послѣдній съ дола
Бурливый вихрь съ собой умчалъ;
Давно ужъ снѣгъ съ брады Дола
Какъ пыль сребристая лешалъ;
Одна Нева, какъ бы весной,
Снѣтешь въ снѣжныхъ берегахъ;
Такъ памяшь юности, игрою,
Мечпой объ улетѣвшихъ дняхъ,
Еще живишь воображене,
Возобновляешь сны любви,
Тогда, какъ въ насъ разувѣренъ,
Ужъ остудило жаръ крови! —

Кар

КОРАБЛЬ И ЧЕЛНОКЪ.

Невѣрнымъ парусамъ судьбу свою вѣряя,
Корабль, какъ исполни, по пропаснямъ шечѣшь —
И лодочка къ нему привязана проспая!
Не такъ ли Дружба неземная
Влзка и въ счастья къ намъ и въ бурю непогодъ?

П. Др — въ.

Е N I G M E.

Quand j'en parcours une à grand pas,
 J'en roule une autre dans ma tête;
 De mon gousset trop plat, hélas!
 A s'échapper l'autre s'apprête:
 De celle-ci quel est le bruit?
 Malheur peut-être à plus d'un brave.
 Ciel! j'en vois trois à mon habit,
 Oui, mais j'en ai six dans ma cave.

Въ No 89, помѣщенный логогривъ значить: *Слава, лава.*

M O D E S.

Les robes de mousseline blanche dominent encore. Jusqu'aux premiers froids, cette étoffe sera préférée à toute autre pour les demi-toilettes.

Une jolie robe est de mousseline de laine à dessins cachemires sur fond blanc, à corsage décolleté et caché par une double pélerine de crêpe, brodée en soie plate, avec des applications de tulle à jour; un velours noir très-large serre, autour du cou, par une agrafe en or toute unie, et s'attache sur la poitrine par une épingle semblable.

Les garnitures de bonnet, au lieu de relever en auréole comme précédemment, retombent un peu comme une passe de capote. On y met fort peu de rubans.

Les fleurs qui se placent le plus ordinairement sur les chapeaux d'étoffe sont les soucis et un dalhia; sur du crêpe, on ne peut rien choisir de mieux qu'une rose unique, entourée de feuillage, avec un bouton. Celles de Nattier sont d'une fraîcheur et d'une vérité merveilleuses.

Pour le matin, les cravates de gros de Naples sont les mieux portées. Les nœuds de cou en ruban de satin chiné, sont bien en demi-toilette.

Les chalys les plus à la mode sont à fond de couleur noire ou foncée, et dessins de cachemire imitant les tapis turcs.

М О Д Ы.

Бѣлыя кисейныя платья все еще въ большомъ употребленіи. До перваго холода, эту матерію будутъ предпочиташаь всякой другой, въ полу-нарядѣ.

Весьма красиво платье изъ шерстяной кисей съ Турецкими узорами по бѣлому грунту, съ открытымъ лифомъ, прикрытымъ двойною креповою пелеринкою, вышитую несученымъ шелкомъ, съ прозрачными накладками изъ шюля; широкой черной бархатъ прихваченъ, около шеи, гладкою золошою пряжкою, и пришилленъ на груди шакою же булавкою.

Оборки у чепчиковъ, вмѣсто того, чшобъ подыматься сіяньемъ, какъ прежде, наклоняются немного, какъ капошныя поля; ленпъ мало накалываютъ.

Цвѣты, которые накладываютъ всего болѣе на шляпки изъ матерій: soucis и одинъ dalhia; на креповыя шляпки ничего нельзя лучше выбрать, какъ одну розу съ листьями и одною распулкою. У Напье поддѣльныя розы чрезвычайную имѣютъ свѣжесть: шакъ, что нельзя распознать съ настоящими.

Для упра, гроденаплевые гаспучки всего приличіе. Гаспучки изъ апласныхъ волнистыхъ ленпъ хороши въ полу-нарядѣ.

Самыя модныя *шали* по черному или шѣмному грунту; Турецкіе узоры на подобіе Турецкихъ ковровъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду будутъ издаваться и въ наступающемъ 1833 году. Планъ остается прежній, то есть: каждую Среду и Субботу будутъ выходить по листу печатному, а всѣхъ въ годъ 104 листа или пумера. Каждые 10 дней, ш. е. 3 раза въ мѣсяцъ, Господа подписчики получаютъ по картинкѣ новѣйшихъ, въ послѣднюю заграничную почтою получаемыхъ модъ; всѣхъ же картинокъ въ годъ 36.

Исправность, съ какою выходили *Новости Литературы* и *Славянинъ* до 1831, и *Литературныя Прибавленія* въ 1831 и нынѣшнемъ 1832 году, ручается почтенной Отечественной Публикѣ за вѣрное и своевременное полученіе листиковъ сей газеты сатирической, критической, модъ, театровъ и словесности. — С. П. Бургъ. 8 Ноября 1832. — Издатель А. Восковъ.

С. П. Бургъ. — Въ Типографіи Главнаго Управленія. П. С. — Печаташь позволяется: 2 Ноября 1832 года.

Цензоръ Гаевскій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 91.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104. №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ дошпавкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 12 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Коль есть преграды къ наслажденью,
Надеждою, мой другъ, живи:
Опдай печали всѣ—забвенью,
А жизнь свою — любви.

Д. Глбосъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

РАЗДРАЖИТЕЛЬНОСТЬ.

De Paris au Pérou, du Japon jusqu'à Rome,
Le plus sot animal, à mon avis, c'est l'homme.

Boileau.

«Я увѣренъ, что если бы мнѣ досталось писать книгу объ этомъ предметѣ, то нашлось бы чѣмъ её наполнить. Не знаю, нарочно ли Небо посылало мнѣ *ихъ* на встрѣчу въ жизни, но справедливо то, что я видалъ ихъ всякаго рода, всякаго вида, всякаго цвѣта. И мнѣ вездѣ случалось встрѣчаться *ихъ*, потому, что я долго и много скипался по свѣту. Рѣчь идетъ о раздражительныхъ людяхъ.

«Родясь безпріютнымъ Евреемъ, я объѣздилъ всю вселенную; посѣщалъ попеременно зеленые дуга жаркой Бразиліи, пестрые пагоды благоразумнаго Кипая, многолюдные города старой Европы, блестящіе пески пустынной Африки, можетъ быть, еще спаррѣйшей; я видалъ Гоппенпоповъ и Ирокезцевъ, Японцевъ и Марабуповъ; купался въ пещловатыхъ водахъ Ганга, гдѣ едва успѣлъ ускользнуть отъ пасти крокодила, и въ волнахъ Сенегала, гдѣ удавъ чуть было не про-

глопилъ меня живаго. Наконецъ, я гонялся за фазанами въ дикихъ лѣсахъ новой Голландіи и спрѣлалъ шюленей на не менѣе дикихъ берегахъ Шпицбергена.—Вездѣ я видалъ людей вблизи и изучалъ ихъ; правда, что изученіе это часто угрожало мнѣ опасностію: ибо въ Конспаншинополѣ меня хотѣли посадить на колъ, въ Пекинѣ побить палками, въ Римѣ повѣсить, въ Томбукину съѣсть; но характеръ мой отъ этого не измѣнился. Я увидалъ, что родъ человѣческой вездѣ одинаковъ, съ неважными только измѣненіями, и для опривленія челоуѣка на попъ свѣтъ, топоромъ или верхомъ на колъ: разница не великая.

«Возвращаюсь къ моему предмету, или справедливѣе, оспаюсь при немъ, потому, что мнѣ кажется, я отъ него и не удалялся.

«Въ самомъ дѣлѣ, за что, думаете вы, хотѣли поколотить меня палками въ Пекинѣ?—Одному раздражительному Мандарину вздумалось на меня прогнѣваться за то, что я выхвалялъ ему прелестъ и чистое дыханіе нашихъ Европейскихъ женщинъ.—Къ бѣдѣ моей, я и не зналъ, что дочь его горбата, а у его любезной, какъ и у всѣхъ Кипайскихъ женщинъ, курящихъ табакъ, дыханіе пренеряпное.

«Одинъ Томбуктскій вельможа, еще болѣе раздражительный, возмечпаль, что я нарушилъ почтене, подобающее сану его, чихнувъ въ его присутствіи, какъ будто бы можно запретить себѣ чихать, когда хочется? ... Я сказалъ вамъ, что меня хотѣли съѣсть; я видѣлъ уже, какъ раздували уголья, на которыхъ мнѣ должно было жариться.»

«Въ Римѣ попалъ на меня одинъ Аббатъ: я говорилъ ему о першмостии ученія *Конфуціява*, а онъ вообразилъ, что я ему полкую о *Кальвинѣ*, который не опмичался першмостію. Раздражительнось его вспревожилась до чрезвычайности, и Аббатъ донесъ на меня, какъ на хулиателя Римской религіи.»

«Короче, я бы никогда не кончилъ, если бы спалъ вамъ рассказывать о раздражительносьи разнаго рода, которая вспрѣчалась мнѣ въ путешествіяхъ моихъ изъ одного конца свѣта въ другой.»

Что касается до нашихъ Европейскихъ женщинъ: по раздражительнось ихъ увеличивается по мѣрѣ ихъ припязаній на вниманіе мужчинъ, попому, что онѣ ни чѣмъ не хотятъ быть обязаны нашей слабости. Безобразнѣйшая изъ нихъ увѣрена, что плѣнитъ своего любезнаго, и будь она отвратительнѣе *Нурмагалы Рыжей* (1) и глупѣе *Абрикотины* (2), все не усумнится въ могущество своего ума и прелестей.—За то, берегитесь выговорить при ней слово, которое бы намѣкнуло, что ей можно бы пожелать болѣе совершенства, или горе вамъ въ такомъ случаѣ!—Потому-то, никогда не осмѣливайтесь говорить о ракахъ при женщинѣ, у которой носъ усыпанъ рубинами; о спройной пальмѣ при той, которой палия искусственно соспавлена изъ киповыхъ усовъ, резины, пружинъ и подушечекъ, набитыхъ вапою; но не спанемъ входить въ исчисленіе подробностей; оно было бы безконечно; заключимъ лучше однимъ примѣромъ.

«Вы едва ли пому повѣрите; недавно еще, я говорилъ о слонѣ *Лелана* съ одною дамою, которой ноги не опмичаются спройностию.»

(1) Смопри *Les Orientales*; В. Гого.

(2) См. *Le Petit-Poulet*.

И за это, она назвала меня грубіяномъ, увѣряя, что ея ноги не похожи на слоновьи!...

«Послѣ этого, пусть еще кто нибудь скажетъ мнѣ, что люди не видятъ своихъ недоспатковъ... Я почти готовъ назвать ихъ раздражительнось добродѣтельно, хотя бы она должна была измучить еще сонню такихъ бѣдняковъ, какъ я: по крайней мѣрѣ, раздражительносьи человекъ опдаетъ себѣ справедливостъ, и, говоря опкровенно, я думаю, что люди еще не довольно раздражительнось.»

Пер. *Ил. Г—въ.*

К О Е - Ч Т О .

Ученый еспествоиспытатель *Копъ* издалъ книгу, въ которой изложилъ испорію развитія животной жизни на земномъ шарѣ. Изъ глубокихъ изысканій автора слѣдуетъ, что двуногое животное, называемое человекомъ, ведетъ свою генеологію отъ ппичъ; слонъ происходитъ отъ пюленя, лошадь отъ черепахи, соболь отъ крокодила, а ласпочка (*belette*) отъ лягушки.—Кому бы пришло это въ голову? Вотъ плоды глубокой Германской учености!!!

У Прусаковъ и Англичанъ, самоубійцы предпочтительнѣе избираютъ пеплю; Французы охотнѣе бросаются съ крыши дома, съ моста, или предаются смерти болѣе прагической, кидаются внизъ съ Соборной колокольни, съ обелиска. Во всѣхъ земляхъ самоубійства чаще случаются между мужчинами, нежели между женщинами. Прекращенія жизни посредствомъ огня было только при примѣра: *Философъ Эпедокль*, бросившійся въ жерло Эпны; одинъ Французъ, послѣдовавшій его примѣру на Везувіи въ 1820 году, и молодая Англичанка, которая лѣтъ двадцать тому назадъ бросилась въ кузнечный горъ.

Въ сочиненіи г. *Винбруха*, изданномъ въ Лейпцигѣ, напечатано, что внутри земнаго шара заключается пустота; что входъ въ сію пустоту изъ Польши, и что она содержитъ въ себѣ огонь, воздухъ, воду, земноводныхъ рыбъ, насѣкомыхъ, ппичъ, четвероно-

гихъ и людей. За тѣмъ сочинитель сообщаетъ нѣкоторыя подробности о подземной жизни, и оканчиваетъ свое твореніе описаніемъ дорогъ, которыя пересѣкаютъ воображаемый нѣмъ міръ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ЗАМКѢ АРВЕЙЛЕРЪ.

(Продолженіе.)

III.

Пробиваясь сквозь туманъ и облака, дневной свѣтъ печально освѣщаль комнату, когда Графъ пробудился болѣе изъ безпамятства, нежели опъ живительнаго сна.—Предъ нимъ стоялъ его камердинеръ. «Который часъ?» спросилъ онъ;—слуга отвѣчалъ: девятый въ исходѣ.—«Неужь-то такъ поздно?» возразилъ Графъ: «поди сей часъ къ Графинѣ Аннѣ, и скажи, что желаю ей добраго утра и что я приказалъ спросить, какъ она почивала.—Погоди!» вскричалъ онъ уходящему слугѣ: «подай мнѣ прежде со стола бумаги.»—Камердинеръ подалъ ихъ, пошелъ, и Графъ началъ перелистывать произведеніе прошлой ночи.—«Съ этимъ нельзя показаться!» сказалъ онъ про себя: «путь много надобно перемѣнить.» Онъ продолжалъ читать, и на каждой строкѣ встрѣчались ему такія мѣста, которыхъ никакъ нельзя было читать въ присутствіи невесты. Онъ бросилъ опъ себя тетрадь съ досадою, и взялъ свою прежнюю повѣсть.—Въ ней недоставало только конца; пробѣжавъ её, онъ рѣшился кончить сію повѣсть и прочесть на липерапурномъ вечерѣ.—Вошедшій въ это время камердинеръ доложилъ, что Графиня Анна провела ночь очень дурно, и теперь еще почиваетъ.—

Графъ вскочилъ съ постели, сѣлъ за письменный столъ, и не прежде оставилъ перо, какъ по совершенной опдѣлкѣ первой повѣсти. Потомъ, послѣшно одѣлся въ щегольское упреннее платье, и узнавъ, что Графиня встала, отправился къ ней.

— Можно ли войти?—спросила *Оттилія*, отворивъ нѣсколько дверь.— А! пшичка ужъ

вспорхнула! сказала она, обратясь къ *Гедвигъ*: мы немного опоздали; но плоды прудовъ нашего мудреца лежатъ на столѣ; не посмотрѣть ли намъ, что такое онъ написалъ.— Съ сими словами она, взявъ за руку *Гедвигъ*, вбѣжала въ комнату.

—Смотри пожалуй! сказала *Оттилія*, путь двѣ повѣсти! Мой будущій зять преплодовый авторъ!—

«Двѣ повѣсти?» подхватила *Гедвигъ*: «такъ онъ можетъ со мною подѣлиться! У меня еще нѣтъ ни одной.»

— Нѣтъ! ты еще успеешь написать!—возразила *Оттилія*: одну изъ сихъ тетрадей онъ долженъ уступить нашей бѣднейшой больной. Въдъ *Анети* не успѣла написать ни строчки; у неё всю ночь ужасно болѣла голова. Послушай, мнѣ пришла въ голову прерабавная мысль: возьмемъ одну тетрадку; онъ не замѣнитъ; я поспараюсь такъ сдѣлать, что онъ до самаго вечера не войдетъ въ свою комнату.—

«Ты забыла, напомнила *Гедвигъ Оттиліи*: что эпопѣ щеголь умретъ съ опчаянія, если ты помѣшаешь ему въ другой разъ передѣться.»

— Это правда!—сказала *Оттилія*: нельзя запереть его комнату; но я запру письменный столъ; ключъ возьму къ себѣ; пусть онъ подумаетъ, что куда нибудь засунулъ его; когда будетъ нужно, ключъ его опять явится. Представь себѣ удивленіе молодого Графа, когда невеста угоститъ его произведеніемъ его собственннй Музы.—

«За эту шутку неужь-то онъ разсердится?» спросила *Гедвигъ*. *Оттилія* увѣряла, что женихъ никакъ не можетъ сердиться до свадьбы; потомъ взяла тетрадь, заперла письменный столъ, и попрыгивая, вбѣжала изъ комнаты. *Гедвигъ* послѣдовала за нею.

Какъ скоро наступили сумѣрки осенняго вечера, *Оттилія* приказала закрыть ставни и освѣтить комнату.—«Ну, милосивые государи и государыни, прошу представитъ намъ образчики вашего таланта!»

Графъ *Эльсъ*, сидѣвшій подлѣ *Анны*, всталъ и хотѣлъ принести свою тетрадь; *Оттилія*

заградилъ ему дорогу: «Боже сохрани меня разлучать любовниковъ! Я схожу сама за вашимъ сочиненіемъ!»

Графъ увѣрялъ, что она не найдетъ пепради, между многими другими бумагами, и что онъ даже забросилъ куда-то ключъ отъ письменнаго стола. Все напрасно; *Оттилія* спрѣлою побѣжала впередъ, и съ бумагою въ одной, со свѣчею въ другой рукѣ встрѣпила Графа въ ту самую минушу, когда онъ былъ у двери своей комнапы. — «У меня лежали тамъ разныя бумаги,» сказалъ онъ въ замѣшательствѣ: «позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, выбрать.» — Но рѣзвая дѣвушка быспро повернула его, и помирая со смѣху, поащала его за собою съ лѣспницы.

Между тѣмъ, Графиня *Анна* въ коропкихъ словахъ рассказала опцу о похищеніи повѣспи; но скорое возвращеніе сеспры не допуспило еѣ кончить рассказъ.

— Ну, кто-жь начнетъ? — неперпѣливо спросила *Оттилія*.

«Мнѣ кажется, что эта честь принадлежитъ дамамъ;» сказалъ Графъ *Карль*.

— Нѣтъ! — возразила *Оттилія*: въ липературной, какъ и во всякой другой республикѣ, всѣ пользуются одинакими правами. Пусть рѣшишь жребій, кому доспанется прежде очередь! Сколько соспрудниковъ, сполько же нумеровъ! — Она взяла пяшь карпъ изъ колоды. — Прошу покорно: *Анна* вынула туза, *Карль* чепверку, *Гедвигъ* двойку, гостъ шессперку, а у неѣ оспалась въ рукѣ спройка; невѣста начала чипать.

IV.

Похитители наслѣдства.

«Какъ?» спросилъ Графъ *Эльсъ*, спараясь заглянуть въ пепрадь: «*Похитители наслѣдства?*»

— Да, да! *Похитители наслѣдства* — заглавіе! вскричала *Оттилія*: прошу сидѣть спирно, сударь! —

Анна, улыбаясь, продолжала чипать:

— Пышныя похороны медленно птянулись по главной улицѣ сполиты. Длинный рядъ

экипажей поржеспвенно слѣдовалъ за богатымъ гробомъ Графини *Орпельсбургъ*. Съ любопытспвомъ народъ заглядывалъ въ карепы, но одни только плапки, закрывавшіе лица, бѣлѣлись сквозь опущенные зеркальные спекла. —

«Нѣтъ, ужъ это черезъ чуръ!» вскричалъ Графъ *Эльсъ* съ принужденною улыбкою, подъ которою онъ спарался скрыть свое негодованіе и даже замѣшательство: «это моя повѣспь слово въ слово!»

— Брапецъ! — подхвасила *Оттилія*: я удпвляюсь! Вы говорите, что эта повѣспь вашего сочиненія? — Послѣ этаго, кто спанетъ оспоривать симпатическое слияніе душъ! Въ одно и то же время *Карль* и *Анета* спдпль за письменнымъ споломъ, одинъ вверху, другая внизу: но магнетическая сила проникаетъ сквозь ошпукатуренный пополокъ — она думаетъ объ одномъ съ нимъ — чувспвуетъ его чувствами. — —

— «И продолжаетъ чипать!» подхвасилъ опець. — *Анна* продолжала:

— Наконецъ, оспановился блестящій рядъ экипажей, и съ головы до ногъ одѣтые въ черномъ, вышли изъ передней карепы *Детлобъ* и *Аврелія Вильдербанъ*, братъ и сеспра, наслѣдники Графини по духовной.

— Лишь только приступили къ опущенію гроба въ фамильный склепъ, какъ спройный молодой человекъ, рыдая, быспро пробрался сквозь густую шопу народа, кинулся на гробъ, схвасилъ судорожно дрожащими руками серебряныя скобы, и заливаясь слезами, воскликнулъ съ глубочайшею скорбію: о мой благодѣтельница! моя вторая мапъ! — — Это былъ Графъ *Карль Бюндингенъ*, единспвенный сынъ единспвеннаго брата покойницы.

— Какая несносная навязчивость! — сказалъ Графъ *Вильдербанъ* съ сердцемъ, опвороя презрительно взоръ свой отъ плачущаго. Сеспра его досказала оспальное, и не спотрп на слѣзы молодаго человека, приказала опущить гробъ въ могилу. *Карль* посмопрѣлъ на неѣ умоляющимъ взоромъ, но слезные глаза его встрѣпились съ бездушными взорами. Онъ опворопился съ тяжкимъ вздохомъ, и безмолвно псчезъ въ толпѣ.

«Бѣдненькій!» сказали вслѣдъ ему нѣкто-рые изъ участвовавшихъ въ процессіи.

— Эпопъ неблагодарный заслужилъ свою участь!—говорили другіе.—За чѣмъ онъ привязался къ дѣвчонкѣ бѣдной, безродной? Объ немъ нечего жалѣть!—

— Поздно возвратился *Карль* въ городъ; неодолимая сила влекла его къ тому дому, въ которомъ онъ, подѣ надзоромъ благороднѣйшей и попечительнѣйшей воспитательницы, провелъ счастливое младенчество. Онъ остановился пропивъ дома, у фонарнаго столба, простѣрая объятія къ ярко-освѣщеннымъ окнамъ, подобно изгнаннику, который съ пышного оспрова слезнымъ взоромъ ищетъ своєю родины. Чувство грусти становилось въ немъ сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ доходили до его слуха звонъ покаянь и громкіе голоса пирующихъ.—Такъ-то чтятъ своєю память, добрая душа! сказалъ онъ со вздохомъ; потомъ воскликнулъ горестно: Боже мой! И ты кончила жизнь не простивъ меня!—

— Онъ медленно побрелъ по улицѣ, и наконецъ постучался въ дверь небольшого ветхаго домика: «Эпо *Карль!*» раздался извнутри радостный голосокъ; дверь отворилась, и онъ кинулся въ объятія *Анны*. Свѣтя ему на лѣспницу, она сказала съ упрекомъ: злой человекъ! Въ пять дней не побываешь ни разу у своєю *Анны!*—Но ради Бога, на кого ты похожъ?—Мапушка посмотри-ка! Въ испугѣ посмотрѣла на него старая Оберфорстмейстерша, и объ. приступили къ нему съ вопросами, что съ нимъ случилось?—«Я сей часъ былъ на пѣпушкиной могилѣ—сказалъ Графъ;» мать и дочь вскрикнули съ ужасомъ: она скончалась?—Графъ продолжалъ: «пять дней тому назадъ, въ послѣднее упрое ея жизни, она прислала за мною; на ея кровати лежали два документа; она подала мнѣ оба, приказала прочесть и выбрать. Обѣ бумаги содержали въ себѣ ея послѣднюю волю. Въ одной имѣніе ея разделено было на при равныя доли: между *Детлофомъ*, мною и *Аврелиєю*, съ прежнимъ условіемъ, чтобы я женился на *Аврелии*. Другою бумагою я исключался отъ участія въ наслѣдствѣ. Я выбралъ послѣднюю: она подписала её, уничтожила другую

въ моихъ глазахъ, и—я теперь остаюсь лишеннымъ наслѣдства!» —

— Долго мать и дочь безмолвствовали; наконецъ изъ груди послѣдней вырвалось горестное восклицаніе: лишень наслѣдства! и для меня!—*Карль*, поцѣловавъ её въ наполненные слезами глаза, спарался успокоить её вѣрою въ милосердіе Божіе.—«Кто не безъ познаній, сказалъ онъ: попь не умретъ съ голоду. Я не безъ способностей, и пока Богъ мнѣ» — — пупъ спукъ у дверей перервалъ его рѣчь; *Карль* отворилъ.—Не здѣсь ли Графъ *Бюндингенъ?* спросилъ нѣкто, оставаясь на дворѣ,—и получивъ утвердительный отвѣтъ, вручилъ Графу записку; *Карль* узналъ въ подапель слугу своєю двоюроднаго брата, велѣлъ ему подождать, развернулъ записку и прочелъ слѣдующее:

«Любезный братецъ! судьбы несповѣдимаго Промысла нерѣдко водятъ насъ по запутаннымъ спезямъ; ты спойшь теперь у входа въ лабиринтъ, гдѣ искренній, добрый совѣтъ можетъ тебѣ служить спасительнымъ пушеводилемъ. Оскорбленіе, нанесенное побою нашей покойной пѣпушкѣ на смертномъ одрѣ, заграждаетъ тебѣ, какъ ты самъ вѣрно знаешь, всякій пупъ къ счастливой будущности въ нашемъ опечесствѣ; я съ удовольствіемъ предлагаю тебѣ средства искапъ счастья въ чужбинѣ. *Революція* Испанскихъ колоній и возстаніе Грековъ представляютъ тебѣ многоразличные случаи соспавить себѣ счастье; а дабы ты могъ дѣйствовать въ Америкѣ или Моревѣ, прилично своему званію, я готовъ снабдить тебя 200 лундоровъ, какъ скоро увѣрюсь, что ты примешь мой брапскій совѣтъ и рѣшишься отпрапиться въ одну изъ помянутыхъ странъ. Если же будешь упорствовать и захочешь непременно оспавиться въ Германіи, или даже здѣсь въ столицѣ, по къ крайнему моему прискорбію, ничего я не могу для тебя сдѣлать, и нахожусь принужденнымъ опказать тебѣ даже въ моемъ ходапайствѣ. Обрадуй меня въ скорѣйшемъ времени своєю рѣшимостью, достойною нашего званія и нашего рода! Искренно тебѣ любящій братъ

Графъ Детлофъ *Вильдербанъ*.

П. С. Если невѣста своя не захочетъ пе-
бѣ сопутствовать, по я съ удовольствіемъ
поспашу опредѣлить её въ хорошій домъ
компаньонкою, гувернанткою или ключни-
цею.»—

«Опвѣта не будетъ!» сказалъ *Карль* хо-
лодно, обратясь къ слугѣ: поклонись опъ
меня.—

— Эпо, кажется, ливрея Графа *Вильдер-
бана*?—спросила Оберфорспмейстерша: вѣр-
но непріятныя вѣспи?— «Графъ предлагаетъ
мнѣ единовременное пособіе, съ тѣмъ, чпобы
я оставилъ отечество,» опвѣчалъ *Карль*, и
спряталъ письмо въ карманъ: «теперь ужъ
поздно; я пойду въ свою новую квартиру;
завтра приду пораньше, а тамъ посовѣтуем-
ся.»— Трөгательпо было прощаніе любовни-
ковъ.

— На улицѣ онъ остановился. Гдѣ ему было
пріюпиться? Возвратиться въ домъ, его из-
гнавшій? Онъ вздрогнулъ при сей мысли.—
Нанять комнату въ гостиницѣ? Тошій ко-
шелекъ его пребовалъ спрожайшей бережли-
вости.— Онъ машинально сдѣлалъ шагъ, мед-
ленно побрелъ, самъ не зная куда, и черезъ
нѣсколько времени очутился за городомъ.—
На право передъ нимъ простиралось кладбище,
въ холодной землѣ коего покоилось сердце его
благодѣлельницы, споль жарко его любившее.

— Онъ не могъ воспрививиться чувству,
копоре влекло его туда неодолимою силою;
онъ преклонилъ колѣна у позолоченной рѣ-
шепки, опдѣлявшей его опъ могилы доброй
пѣпки.— Все мннувшее представилось его
воображенію. Рано осиротѣвъ, и разными не-
счастными случаями лишась родительскаго
имѣнія, онъ въ пѣпкѣ своей нашелъ впоруку
мать. Ему было тогда семь лѣтъ опъ роду;
общая благодѣлельница раздѣляла попеченія
и любовь свою между нимъ и двумя равно-
мѣрно осиротѣвшими дѣтьми своей сеспры.
Карль съ самага дѣтства искренно любилъ
своихъ родственниковъ; но они не перпѣли
его, и овладѣли въ послѣдствіи материнскимъ
сердцемъ, какъ змѣя своей добычею. Тѣснѣе и
пѣснѣе спановилось въ немъ мѣспо для *Кар-
ла*.— Юноши возраспали вмѣспѣ, и безсовѣсп-
ный воспитатель, предвидя, чпо лицемѣрство
Детлофа одержитъ верхъ надъ сердцемъ доб-

рой Графини, спарался опклонитъ любовь
ея опъ прямодушнаго *Карла* и обратить къ
коварному *Детлофу*.— И въ Университетѣ,
гдѣ сей воспитатель имѣлъ надзоръ надъ обо-
ими юношами, онъ питалъ пристрастіе Гра-
фини къ *Детлофу*; одно только желаніе ея,
сохранить, сколько можно, имѣніе свое опъ
разграбленія, напоминало ей о *Карлѣ*: пбо
она все еще надѣялась соединить его съ *Ав-
реліею* узами брака.— По возвращеніи племян-
никовъ изъ Университета, она избрала для
нихъ дипломатическую часть, и по своимъ
связямъ со многими знатными домами, въ ско-
ромъ времени успѣла опредѣлить ихъ въ кан-
целярію Министра иностранныхъ дѣлъ. Съ
величайшею похвалою опзывался Министръ
о способностяхъ и ловкости *Детлофа*; на-
противъ, говоря о *Карлѣ*, только пожималъ
плечами. Всѣ начальники были согласны въ
помъ, чпо онъ имѣетъ дарованія, но не мо-
жетъ быть хорошимъ дипломатомъ; чпо
работы его дѣльны, но къ сожалѣнію онъ
слишкомъ много походитъ на адвоката, за-
щищающаго одни только правыя дѣла.— По-
слѣдній опзывъ не повредилъ ему въ глазахъ
доброй пѣпки, и учаспъ его, можетъ быть,
приняла бы еще счастливый оборотъ, еспдѣ
связь, копорую завелъ онъ въ эпо время, не
разлучила его навсегда съ *Авреліею*.—

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИЗЪ АЛКОРАНА, ГЛАВА ХСІ.

Клянуся солнцемъ и луною,
Клянуся ноцію и днемъ,
Клянуся небомъ и землѣю,
Клянусь ослицей и конемъ,
Клянуся Тѣмъ, Кто намъ опъ вѣка
Способность умственную далъ,
Кто создалъ все—и человека
Для наслажденія создалъ:
Что будетъ, пошь блаженъ на вѣки,
Кто правду здѣсь всегда любилъ,
Хранилъ законъ, молился въ Меккѣ,
И жизни въ блпвахъ не щадилъ.

Тамудъ-Колѣно почитало
 Лжецомъ Пророка своего,
 И гдѣ-жь Тамудъ-Колѣно? Пало...
 Алахъ сожегъ до одного,
 За то, что злобный нечестивецъ
 Кедаръ, Пророку не внималъ,
 За то, что Вышняго любимецъ,
 Верблюды, оны рукъ убійцы палъ.

Луш. Якубовичъ.

ВЪ АЛБОМЪ

къ П. П. С. ой.

Счастливы спокрасть, кто лиры звучной
 Перебѣгалъ по струнамъ,
 Умѣешь дать ей звукъ послушный,
 Знакомый пламеннымъ сердцамъ.

Я не могу стихами славить
 Суешь мирскихъ нескромный шумъ;
 Не можешь ихъ шпета забавить,
 Въ душѣ моей унылыхъ думъ.

Люблю я лучше шумъ дубравной,
 Чѣмъ вздохи сердца воспѣвать;
 Люблю въ часъ ночи горевать
 Съ природой дикою и туманной.

И часто я, склонясь на брегъ,
 Споюль у быспраго ручья,
 Искаль красотъ въ его побѣгъ,
 Внимая пѣснямъ соловья.

Я не влагалъ въ стихи искусства,
 Во мнѣ мечпанья родились,
 И сердца пламенные чувствва
 Невольнымъ покомъ издмались.

Д. Св. в.

ОСЕЛЬ-СМОТРИТЕЛЬ.

(Басня.)

Ослу поручено смотрѣнїе имѣть
 Надъ богатѣйшимъ садомъ,
 Со сладкимъ, зрѣлымъ виноградомъ;
 Съ условьемъ: чпобъ ему ѣсть виноградъ не смѣть.
 Но оны Осла добра хотѣлъ!
 Осель того же дня забылъ условье;

И—на здоревье,
 Оны виноградъ весь съѣлъ!

*

Мнѣ кажется, не виноватъ Осель;
 Виновенъ доверитель.
 Какъ полагаешься на Осла?
 Богачъ, доверившій Ослу свои дѣла,
 Не плачься, если управитель
 Надѣлаешь тебѣ и кучу зла:
 Ты своего добра былъ самъ губитель!
 Крестьянинъ Сухановъ.

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ дреколїе просное,
 Чпобъ огородъ огородить,
 Заборомъ дворъ свой окружить—
 Оны средство вѣрное, припомъ не дорогое.
 Второй обручникъ сколопитъ
 Вамъ можешь изъ досокъ, скрѣпитъ ихъ обручами;
 Бываетъ водяной,
 Бываетъ и пивной.
 Все носить за спиной
 Башкирецъ—съ мешками спрѣлами.

III.

Въ No 90, помѣщенная загадка значить: Рїссе.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ 1831-мъ году карнавалъ или Театраль-
 ный годъ начался 27-го Апрѣля, то есть, на
 Оминой недѣль, непосредственно послѣ Свя-
 той, и кончился, по обыкновенїю, въ Воскре-
 сенье на Масляницѣ, которое было 21-е Фев-
 раля 1832 года. Свирѣпствовавшая съ 14-го
 Юня до глубокой осени въ Санктпетербур-
 гѣ холера остановила всѣ веселости. Театры
 открылись 7-го Октябрия, послѣ четырех-
 мѣсячнаго закрытїя.

Въ эшошъ годъ представлены въ 1 разъ.

Трагедїи:

1. Анрей и Оїеспъ, въ пяти дѣйствїяхъ;
 сочиненїе Крабильона. Съ Французскаго,
 шестиспосонными и дяписпосонными ямбами
 съ рїемами и безъ рїемъ, перевелъ М. П.
 Сорокинъ.

2. Антоній, въ 5-ми дѣйствіяхъ.
3. Елисавета и Графъ Эссексъ, въ 5-ми дѣйствіяхъ.

И того, три.

Драмы:

1. Мадринъ, Апаманъ разбойниковъ, въ 5-ми дѣйствіяхъ, передѣлана съ Французскаго.
2. Бомарше въ Испаніи, въ 3-хъ дѣйствіяхъ.
3. Одинъ годъ, или женильба по любви, въ 3-хъ дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
4. Моцартъ и Салиери, драматическія сцены; сочиненіе А. С. Пушкина.
5. Упро столѣпняго старика; опечесственное представленіе, въ 1 дѣйствіи.

Примѣчаніе. Это собственно не драма, не комедія, не водѣвиль, а *нѣчто*.

И того, пять.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

М О Д Е С.

On remarque beaucoup de robes de moire. Les plus habillées sont *marguerite* ou *dahlia*. Quelques-unes, fond gris, marbrées de plusieurs couleurs.

Les coiffures en cheveux ont un mélange de grecque et de *Sévigné*, les touffes se rapprochant des oreilles, et tombant à mi-joues. Pour les demi-toilettes, des nœuds de rubans placés de côté, contre la tête.

Beaucoup de femmes portent des colliers de velours; attachés au cou par un coulant de jais ou d'or, les deux bouts quelquefois flottans, ou tenant une croix de jais.

Les robes de mousseline blanche et les chapeaux de paille de riz se voient aux femmes les plus élégantes.

Avec une robe d'étoffe de couleurs pâles, montante, terminée par une ruche, on voit beaucoup d'écharpes de gaze satinée blanche.

Des chapeaux de crêpe, avec un bouquet de soucis ou d'anémones, une seule rose mousseuse, ou un bouquet de plumes.

On imprime, pour les manteaux, du superbe mérinos à dessin mosaïque.

Les rubans de ceinture qui conviennent à toutes toilettes, à toutes les étoffes, sont moirés, à trois raies de satin, couleur sur couleur.

En très-simple négligé, on peut porter de très-petits sautoirs de cachemires en cravates; on fait un double nœud, et les bouts se fixent au-dessus de la poitrine.

Pl. No 32. Coiffure ornée de rubans en fil d'écosse. — Robe de mousseline brodée.

М О Д Ы.

Замѣтно много обьяринныхъ плащевъ. Самые нарядные цвѣта *Маргаритки* или *далии*. Иные по сърому грунту съ разноцвѣтными разводами.

Въ прическахъ изъ волосъ видна смѣсь Греческихъ причесокъ и *à la Sévigné*; кустики приближаются къ ушамъ, и упадаютъ до половины щекъ. Въ полу-нарядѣ, накальваютъ банпы изъ ленты съ боку въ упоръ головѣ.

Многія дамы носятъ бархатныя ожерелья, схваченныя около шеи кольцомъ изъ агатокъ или золотымъ; иногда концы распушены, иногда же на нихъ крестъ изъ агатокъ.

Бѣлыя кисейныя платья и басповыя шляпки видны на самыхъ щеголеватыхъ дамахъ.

Съ шелковыми платьями свѣтлыхъ цвѣтовъ, съ высокими лифами, вверху рюшь, видно много бѣлыхъ шарфовъ изъ апласистаго газа.

Креповыя шляпки дѣлають съ букетомъ *soucis* или анемоновъ, одной моховой розой, или букетомъ перьевъ.

Для плащей печатають прекрасный меринось узорамъ мозаики.

Пояса, приличные ко всякому наряду, ко всякой матеріи, обьяринные, съ преме апласными полосками, подъ цвѣтъ.

Весьма за-просто можно надѣвать небольшіе Кашемировыя шарфики гаспукомъ; дѣлають двойной банпъ, а концы прищипываютъ надъ грудью.

Карт. No 32. Прическа съ лентами en fil d'écosse. — Кисейное шиповое платье.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 92.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, НОЯБРЯ 16 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Завистники на что нѣ взглянуть,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою спускай:
Палаютъ, да опстанутъ.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

АРАБСКОЕ ПРАВОСУДІЕ.

Однѣ изъ послѣднихъ Намѣстниковъ Тангера, отправляясь, по нѣкоему важному дѣлу, во внутренность государства, поручилъ правленіе, на время своего отсутствія, какому-то изъ главныхъ купцовъ или торговцевъ въ городѣ. Купецъ очень хорошо обошелся бы и безъ этой милости; но отказавшись отъ оной было невозможно. Паша, при отъѣздѣ своемъ, далъ заступившему его мѣсто росписаніе суммъ, копорыя сей послѣдній долженъ былъ собрать къ его возвращенію. Назначенный срокъ, а слѣдовательно и представленіе отчета, приближались. Не смотря на всевозможныя старанія и хозяйственность, недопавало еще въ счетъ опредѣленнаго сбора, пятидесяти червонцевъ. Бѣднаго купца, предвидѣвшаго, что надо будетъ пополнить недоборъ собственными своими деньгами, пронудило за живое, и было ему о чѣмъ порядочно подумать. Въ такомъ его горѣ привели къ нему двоихъ раненыхъ, копорыя, поссорясь, подрались между собою на улицѣ. Сполъ важный просупокъ пребоавъ спрогаго наказанія, что не мало обрадовало временнаго на-

шего правителя: ибо онъ думалъ, что зачинщикъ ссоры, заплавивъ шпграфъ, дастъ ему способъ пополнить денежный недопавокъ. Къ несчастію, у виновнаго не было ни подушки. Ни побоями, ни всѣми на свѣтѣ средствами не добыли бы отъ него гроша. Но, при допросѣ свидѣтелей, открылось, что одинъ весьма богатый человекъ, случайно, былъ при дракѣ. Временный правитель позвалъ его, ужасно разсердился и грозилъ ему люрьмою за то, что онъ оспавался спокойнымъ зрителемъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ могло послѣдовать смерпоубійство. Обвиняемый предспавилъ въ оправданіе свое, что онъ не имѣлъ возможности развеспи ссорившихся, и припомъ боялся, чтобы не обратили они кинжаловъ своихъ пропивъ самаго его, ежели бы онъ вмѣшался между ними. Всѣ доводы не имѣли успѣха; пресупленіе проспипъ было невозможно. «Другъ мой, сказалъ ему судья въ замѣшательствѣ, ты хорошо сдѣлаешь, ежели потчасъ заплавишь шпграфъ, потому что, разсуди самъ, Паша можетъ возвратиться завтра; ну, ежели онъ найдетъ, что я не исполнялъ, какъ слѣдуетъ, своей должности, то, можетъ быть, вздумается ему посадить на мое мѣсто тебя, а это, не сомнѣ-

вайся, будетъ такимъ наказаніемъ, которое гораздо поважнѣе того, къ какому я тебя теперь приговорилъ!

Пер. И. Покровский.

К О Ё - Ч Т О .

Листомъ Англійской газеты Times, *время*, можно накрыть сполъ, за которыми могутъ 8 человекъ объѣдать. Въ немъ до полумилліона буквъ. Изъ одного листа можно соспавить двѣ книги въ осьмушку: въ каждой изъ нихъ будетъ по 640 страницъ, въ страницъ по 24 спроки, а въ спрокъ по 36 липеръ.

Эта великанская газета выходитъ ежедневно.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ЗАМКЪ АРВЕЙЛЕРЪ.

(Продолженіе.)

— Онъ работалъ въ кабинетѣ Министра, когда сему послѣднему доложили о вдовѣ Оберфорспмейстера *Далинга*. *Карль*, получивъ приказаніе узнать о причинѣ ея прихода, принялъ отъ неѣ просьбу, изъ которой увидѣлъ, что она имѣетъ право на пособіе Правительсва. Недавно умершій мужъ ея находился прежде въ военной службѣ, отъ которой уволенъ былъ за тяжкою раною Поручикомъ, и опредѣлился фельд-егеремъ въ Министертво иносранныхъ дѣлъ. Въ одной изъ поѣздокъ онъ былъ опрокинутъ съ экипажемъ и сильно ушибся. Тогдашній Министръ исходатайствовалъ ему мѣсто по лѣсной части, снабдивъ его письменнымъ свидѣльствомъ, въ которомъ сказано, что Министертво не оставитъ упрочить будущую участь его семейства. На семь-то актъ г-жа *Далингъ* основывала свою просьбу о пенсіи.— Министръ улыбнулся довольно колко, замѣтивъ ревность, съ какою молодой Графъ вспуался за просипельницу, и рѣшительно отказалъ, говоря, что онъ не можетъ сдер-

жать обѣщаній своего предмѣспника, что есть чиновники заслуженнѣйшіе, о которыхъ Правительство должно заботиться. Онъ приказалъ Графу безъ околичностей возвратить просьбу вдовѣ.

— Это было невозможно для *Карла*: онъ обнадѣжилъ вдову, что просьба ея будетъ удовлетворена, и возвратился къ своей работѣ. Въ первую свободную мину, онъ рассчиталъ сколько можетъ удѣлить изъ получаемой имъ отъ пѣпки на годовое содержаніе свое значительной суммы, и чрезъ нѣсколько дней увидомилъ г-жу *Далингъ*, что онъ имѣетъ приказаніе производить ей ежемѣсячно денежное пособіе, превышавшее ея ожиданія.— При семъ случаѣ въ первый разъ увидѣлись *Карль* и *Анна*, и хотя въ послѣдствіи они видѣлись очень часто, но ни робкій юноша, ни милостивая дѣвушка не находили словъ для незнакомаго имъ дополъ чувства. *Детлобъ* успѣлъ выведать пайну любви, имъ самимъ почти невѣспную, и вскорѣ донесли Графинѣ, будто *Карль* завелъ разорительную для себя и поспыдную любовную связь. Старуха сильно разгнѣвалась, и преобвала отъ племянника немедленнаго разрыва сихъ позорныхъ узъ, чѣмъ еще болѣе раздула пламя въ юныхъ сердцахъ. Послѣ сего Графиня значительно уменьшила сумму, опредѣленную ею на содержаніе племянника; онъ ограничилъ свои расходы, для того только, чтобы мать его возлюбленной не перпѣла нужды.— Вотъ исторія Графа *Карла* до того дня, въ который скончалась Графиня, его пѣтка. —

— Скорбь и ея кропкія спутницы, слѣзы, мало по малу успокоили втпревоженныя чувства *Карла*. Глубокій сонъ крѣпко держалъ его въ своихъ объятіяхъ; но душа его дивною силою возносилась къ Эмпирею. Ему снилось, будто онъ упопалъ въ моръ невыразимаго блаженства. Все, что привязывало его къ землѣ, казалось, окружало его своимъ присутствіемъ и услаждало сердце; однимъ словомъ, какъ будто жизнь, сливъ всѣ свои радости въ одну каплю, поднесла еѣ къ уснамъ своего любимца. Рука въ руку съ своею *Анною* парилъ онъ высоко надъ дремлющею землею, и сонные цвѣты возсылали къ нему свои

лучшіе ароматы. Таинственный мракъ простирался вокругъ него, но вдругъ небо будто бы озарилось отблескомъ всѣхъ свѣтилъ; млечное облако, подобно бѣлому парусу, всплыло на воспокъ; всѣ мерцающія звѣзды поплыли къ нему на встрѣчу, и улеглись въ его нѣдрѣ. Изливая море лучей, облако сіе выше и выше подымалось къ темносинему небу, покуда наконецъ остановилось опѣсно надъ головами любовниковъ. Тутъ оно раздвоилось, залило весь шаръ земной розовымъ моремъ благоуханій, и на дальнемъ горизонтѣ вспыхнула одинокая звѣздочка. По мѣрѣ приближенія, она увеличивалась, расширлась и, наконецъ, приняла человѣческой образъ. Съ неописаннымъ воспоргомъ спящій узналъ незабвенныя черты своей покойной благодѣтельницы.—«Эпо она!» воскликнулъ онъ радостно: «она меня проспала; она хочетъ благословить насъ!»—«Да, эпо я!»—вѣщало привидѣніе: милые дѣти мои! я васъ благословляю! — И когда оно простерло руку и опустило её на чело благословляемыхъ, по сплщему казалось, будто на темя его упала холодная капля. Онъ, вздрогнувъ, открылъ глаза.—«Боже милосердый! эпо не греза!» воскликнулъ онъ вскочивъ, ибо въ слабыхъ, но довольно еще явственныхъ очеркахъ носился предъ нимъ образъ его возлюбленной пѣтки. Онъ кинулся къ ней съ распростертыми объятіями, но призракъ исчезъ изъ глазъ его, и, кромѣ упѣшительной ясности въ душѣ, ничего не осталось опъ сладостнаго сновидѣнія.—«Она проспала меня!» воскликнулъ онъ, прислонивъ голову къ рѣшеткѣ могильной.—«Она проспала тебя!» повпорилъ знакомый ему голосъ изъ глубины могилы.—Ночные спражи въ эпо минупу возвѣспили первый часъ наступающаго дня, и какъ будто дивно возрожденный, Карлъ снова палъ въ объятія живительнаго сна.—

— «Царю Небесный! что я вижу?»—Пробужденный симъ восклицаніемъ, Графъ открылъ глаза; предъ нимъ стояла старая *Аннелиза*, или, какъ *Аврелія* её называла, *Аннели*, старая служительница покойной Графини.—Какъ вы сюда попали? Ахъ, Боже мой! кто могъ вообразить, чтобы нашъ Графъ—ахъ, за чѣмъ я говорила! Теперь исчезла вся сила волшеб-

ства, я и забыла, что при заклинанціи духовъ не надобно говорить ни слова.

— Графъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на спаруху.— Ахъ, добрый баринъ! вскричала она: вы вѣрно думаете, что я помѣшалась въ умъ; но если бы вы знали, что происходило у насъ въ прошлую ночь; вообразите себѣ: наша покойная Графиня не имѣетъ покоя въ могилѣ! — Да, да, вы удивляетесь, но эпо такая правда! — Послушайте только, что у насъ случилось ночью: когда бывшіе на похоронахъ развѣхались, то молодой Графинѣ спало скучно; вѣхавъ въ гости ей не хотѣлось, ибо эпо было неприлично въ день погребенія родной пѣтки, и потому приказала приготовить для себя спальню покойной Графини. Вамъ извѣстно, какъ ей нравилась ниша въ эпой спальнѣ. Я очень помню, какъ она сказала однажды Графу *Детлофу*: «если сего дня пѣпушка умретъ, то я завтра сюда переселюсь!» — Однимъ словомъ, она приказала перенести кровать свою въ нишу; однакожъ видно сердце у неё было не на своемъ мѣстѣ, ибо мнѣ вельно было спать въ боковой комнатѣ, и оспавивъ дверь оппертою. Мы легли еще до полуночи. Я уже засыпала, какъ вдругъ раздался крикъ молодой Графини; я вскакиваю, бѣгу къ ней, и вообразите себѣ какія спраспи: у спѣннаго шкафа, что подлѣ ниши, стояла покойница, какъ живая; она опперла шкафъ, взяла изъ него Библию, и раскрывъ, пальцемъ указала Графинѣ на Спрах. гл. 42, стихъ 26. Спыдипеся опъ объятія часпи и даянія.

— Тутъ мы обѣ вскричали въ ужасномъ испугѣ шакъ, что приближалъ Графъ *Детлофу*, и когда онъ вошелъ, по покойница, перевернувъ нѣсколько листовъ, указала слѣдующее мѣсто: Луки глав. 19, стихъ 21. Бояхся бо тебе, яко человекъ яръ еси; вземлещи, его же не положилъ еси, и жнеши, его же не посѣялъ еси.

— Графъ замертво грянулся на полъ, Графиня лежала безъ чувствъ въ постель, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Но призракъ медленно возвратился къ шкафу, и поставивъ Библию на прежнее мѣсто, заперъ шкафъ и вышелъ. Теперь только господа послали за докторомъ;

но я знаю средство, которое надежнее всех лекарств в свѣтѣ. Да и можетъ ли какойнибудь Докторъ прогонять мертвецовъ? Иное дѣло, еслибъ послали за Паспортомъ! Но и поэтъ вѣрно не знаетъ, что я знаю: надобно взять на зарѣ, не говоря ни слова, при горсти земли съ могилы умершаго, и посыпать ею порогъ двери; тогда духъ не можетъ войти въ комнату.—У нашей покойницы хопя могила выложена камнемъ, но мнѣ кажется, все равно, если взять горсти при земли у самой рѣшетки. Сегодня ужъ нельзя; я проговорила; надобно оплошиться до завтра.

— Ты грезишь, спарушка! сказалъ Графъ; но *Аннелиза* клялась всеми святыми, что все сказанное ею справедливо. Она удалась, обѣщая уведомить его и о происшествіяхъ будущей ночи, если онъ опкрепитъ ей мѣсто своего жительства. *Карль* велѣлъ ей придти въ домъ Оберфорспмейсперши, оставшись одинъ въ самомъ спранномъ расположеніи духа. Его сновидѣніе, рассказъ спарухи о призракѣ, наведемъ пакой ужасъ на похиппелей его наслѣдства, сильно взволновали его сердце. «Что значить мой сонъ, вскричалъ онъ: какъ не голосъ чистой совѣсти; и кто говорилъ сердцу виновныхъ, какъ не голосъ опятченной совѣсти. И я видѣлъ сонъ; но за двойное наслѣдство не помѣнялся бы я съ ними грезою.»—Онъ возвратился въ городъ.

— *Карль!* радостно вспрѣтила его *Анна*: посмотри, какой кладъ мы нашли! Сегодня маменька, роясь въ спарыхъ бумагахъ, нашла письмо пвоего дяди къ моему опцу.—*Карль*, взявъ письмо, спалъ чипапать:

— «Чувствуя свою близкую кончину, я не могу покинуть землю, не возблагодаривъ пого великодушнаго человека, который готовъ былъ пожертвовать собственною жизнью, чтобы спасти меня изъ непріятельскаго плѣна. Я видѣлъ, какъ мой избавитель палъ, но слава Богу, слышу, что вы еще живы, и что имѣете надежду выздороветь. Покажите—заклинаю васъ—это письмо моей женѣ, съ которою скоро разлучитъ меня смерть, и доставьте ей случай въ лицѣ вашемъ познакомиться съ однимъ изъ благороднѣйшихъ

людей. Будьте счастливы, мой великодушный избавитель.»

Полковникъ Графъ Оптонъ *Ортельсбургъ*.

—Боже мой! вскричалъ *Карль*: избавителемъ моего дяди былъ пвой опецъ! О неисповѣдимыя судьбы Промысла, за чѣмъ не равне попалось намъ это письмо? — Попадись оно за пять дней, и мы были бы счастливы! Сколько разъ покойная Графиня изъявляла горестъ свою о томъ, что не знаетъ даже имени послѣдняго благодѣтеля ея возлюбленнаго супруга!—Что же препятствовало пвоему бапюшкѣ исполнить послѣднюю просьбу умирающаго?

— Мой покойный мужъ былъ чуждъ малѣйшаго щеславія и всякой корысти,—опвѣчала г-жа *Далингъ* съ благородною гордостью.— Въ это время спукъ у воротъ опять вызвалъ Графа. Ему вручили другое письмо опъ двоюроднаго брата, коимъ сей обѣщалъ ему ежегодный пенсіонъ въ 400 палеровъ, съ условіемъ, чтобы онъ проживалъ сію сумму въ опечества, и письменно опказался бы опъ всѣхъ дальнѣйшихъ припзаний. — *Карль* оппустилъ посланнаго безъ опвѣта.

— День прошелъ въ приготовленіяхъ къ опѣзду. Графъ подалъ прошеніе объ опспавкѣ, и опспался ночевать въ простой гостинницѣ. Ему опвели небольшую комнату, мрачную какъ келья *монистыря*; окна ея обращены были на пснозаспвоенный дворъ. Онъ бросился нераздѣльный на спаринное канапе и вскорѣ заснулъ. Пріятныя розы полпились вокругъ его изголовья: онъ увидѣлъ себя перенесеннымъ въ счастливое время младенчества. Ему казалось, что поздно вечеромъ, когда пѣтка его обыкновенно занималась чтеніемъ Священнаго Писанія, онъ забылся дѣтскимъ сномъ на колыняхъ почтенной своей благодѣтельницы; что она опсторожно подымаецъ ему голову, вспаецъ, вынимаецъ изъ шкафа Библию, раскрываетъ её, долго смотришь на него съ умиленіемъ, садится опять подлѣ него, и благоговѣнно чипаецъ 36-й псаломъ. Дошедъ до 11-го стиха, она пересталъ чипаать, и сонъ перенесъ его въ объятія его возлюбленной *Анны*.

— Высокая спѣна передъ окнами прапирной комнапки служила приспанищемъ для безчисленной снаи воробьевъ, шумныхъ въспниковъ дня, которые своимъ громкимъ чирканьемъ наконецъ пробудили *Карла*. Пропянувъ руку къ часамъ, лежавшимъ на сполѣ, онъ невольно опдернулъ её назадъ, и съ удивленіемъ посмоирѣлъ на лежащую подлѣ оныхъ раскрытую Библию. Онъ зналъ, что наканунѣ её вовсе не было. Но еще болѣе удивился онъ, замѣтивъ, что это была та самая Библия, которую пѣпка его обыкновенно читывала по упрямъ и вечерамъ, и когда взоръ его упалъ на ту же главу, которую, какъ ему снилось, читала покойница. Едва переводя духъ, онъ обернулъ Библию, и что же? — На черномъ переплетѣ золотыми липерами изображено было имя его пѣпки. Библия выпала изъ рукъ его, но въ паденіи она опять раскрылась на 36-мъ псалмѣ. — «Нѣтъ, это уже не случай!» вскричалъ онъ; подошелъ съ Библиею къ окну и читалъ: престани опъ гнѣва и остави ярость; не ревнуй, еже лукавновати, зане лукавнующии попребятся; перпящии же Господа, шии наследятъ землю. И еще мало, и не будетъ грѣшника, и възщещи мѣсто его, и не обрящещи. Кропщии же наследятъ землю и насладятся о множествѣ мира.

— «Нѣтъ, это не случай! — повторилъ онъ закрывъ Библию; это рука сверхъ-естественной силы! — Если только не рука человѣческая!» — примолвилъ онъ задумавшись, и позволилъ. — Явился служитель; но ни онъ, ни хозяинъ гостинницы ничего не знали про Библию. Графъ взялъ её подъ плащъ, расплапшился съ хозяиномъ, и пошелъ къ своей *Аннѣ*.

— Скорѣе, скорѣе! кричала она ему издали, здѣсь около двухъ часовъ тебя дожидаются! — То была *Аннелиза*. — Ахъ, баринъ! возопила она дрожащимъ голосомъ: вчера мы перпѣли страхъ, но въ прошлую ночь страха было впрое болѣе! Извольте выслушать: молодая Графиня во весь день была, какъ будто не въ своемъ умѣ; она безпрестанно кричала: отдайте ему все! — Графъ *Детлофъ*, выведенный изъ перпѣнія, грозилъ запереть её въ особую комнапу, какъ сумасшедшую; она нѣсколько утихла; когда спало смеркашся,

Графъ *Детлофъ* не разлучался съ сестрою; я также оспалась при ней, а егерямъ *Готтлибу* и *Гансу* велѣно было споятъ на спорожѣ въ ближнемъ залѣ. Едва пробило полночь, какъ вдругъ слышались въ залѣ крикъ и бѣгопня. То были *Гансъ* и *Готтлибъ*. Дверь распворяется насрежъ, входитъ покойница, вынимаетъ Библию изъ шкафа, спановится посреди комнапы и начинаетъ читать: *Иезекіля* глав. 23, ст. 28 и 29. Тако глаголетъ *Адоиаи* Господь: се азъ предаю пя въ рудъ, ихже ненавидиши, опъ нихъ же опспуши душа пвоя. И сотвориши въ себѣ въ ненависти, и возмупъ вся пруды пвоя и дѣла пвоя. —

— Тутъ Графъ *Детлофъ* вскричалъ: это обманъ! Кидается на духа, такъ что у меня волосы вспали дыбомъ; но призракъ проспираетъ къ нему руку, опъ чего Графъ, какъ бы окаменѣвъ, оспался неподвижнымъ на своемъ мѣстѣ; послѣ сего покойница продолжала читать 31-й спихъ. У меня потемнѣло въ глазахъ; не помню, что она читала, но вѣрно что нибудь страшное, ибо, когда я очнулась, то Графъ и Графиня лежали замертво на полу.

— «*Иезекіля* глава 23, ст. 31? спросилъ Графъ, и вынулъ Библию изъ подъ плаща: посмопримъ, что она читала.» — Опыскавъ помянутое мѣсто, онъ прочелъ: Въ пупи сестры пвоея ходилъ еси, и дамъ чашу ея въ рудъ пвоя.

— Господи помилуй! возопила *Аннелиза*: что я вижу? Вѣдь это Библия покойной Графини; та самая, которую она читала въ прошлую ночь! — *Карлъ* поблѣднѣлъ; но, вскорѣ оправясь, возразилъ: ты ошибаешься, спарушка! переплеты только схожи, и поспѣшно спряпалъ свою Библию подъ плащъ.

— Опъ зѣркаго взора любви не долго упайлось, что душа возлюбленнаго заняпа чѣмъ-то чрезвычайнымъ; мать также не могла скрыть своего удивленія, замѣтивъ нерпительность Графа. Еще на канунъ онъ составилъ планъ, намѣреваясь искапъ счастья въ чужбинѣ, и даже доспалъ себѣ важныя рекомендапельныя письма. Сегодня онъ говорилъ рпщительно: надобно оспаться въ отечествѣ, и приобрѣпая себѣ хлѣбъ честнымъ образомъ! Но какъ? — При этомъ вопросѣ думы

его спановилпсь мрачнѣе и мрачнѣе. Наконецъ разными ласками любезная его выманпла у него тайну послѣднихъ приключеній. Разсказъ и тысяча вопросовъ удержали его долѣе обыкновеннаго; было уже за полночь, когда онъ отправился домой.—Ради Бога спупайте за мною! сказала ему охриплымъ голосомъ *Аннелиза*, встрѣпившая его на улицѣ. У насъ случилось большое несчастіе! Духъ опять появился, и лишь только онъ вспуилъ въ комнату, молодая Графиня, какъ бы въ припадкѣ сумасшесствія, спремипельно опворила окно и мпгомъ бросилась внизъ.—

— «И убиласъ?» вскричалъ *Карль*.

— Тупъ же испустила духъ!— опвѣчала старуха: и какъ, упавши съ трепьяго яруса, не убишься до смерти.—

— Еще Графъ стоялъ, какъ вкопанный, а старуха, упомленная скорою ходьбою, тяжко переводила духъ, какъ двоюродный братъ его, будпшо гонимый фуріями, прибѣжалъ къ нему съ воплемъ: возьми! вопъ настоящая духовная; чптобы устрашишь тебѣ, шѣпушка только для виду подписала другую.— Настоящая была уже въ рукахъ Нотаріуса; но я его подкупилъ. Поди и возьми свое наслѣдство; живи счастливо; я не могу долѣе жить!— И прежде, нежели *Карль* успѣлъ удержатъ его, онъ выхватилъ изъ подъ плаща пшполетъ, и проспрѣлил себѣ грудь.— Онъ жилъ еще двѣнадцать часовъ; Немезида хранила жизнь его для крапкаго, но горькаго раскаянія; уже онъ лишился языка, какъ увидѣлъ Библию *Карла*; онъ просилъ податъ её, но смерть прекратила жизнь его въ то самое мгновеніе, когда онъ раскрылъ: Іереміи глав. 22, стихъ 13. Горе создающему домъ свой съ неправдою, и горницы своя не въ судъ!—

Нѣсколько минулъ общесство безмолспровало; попомъ невѣста прижалась къ груди жениха, выхваляя его знаніе Библии и нравспвенную цѣль повѣспи.

«Нимало не сомнѣваясь въ набожностп пшого жениха, сказалъ спарый Графъ: я долженъ однакожь замѣнитъ, чпто ему не мудро было птвердо запомнитъ прриведенныя имъ изъ Библии мѣста, когда кормилца и бабка, върояпно, каждый день его опимъ занима-

ли. Мнѣ пзвѣспно, чпто въ фамилии *Эмсъ* случилась подобная исторія. Не правда ли, Графъ, чпто разсказываютъ, будпшо одна Графиня *Эмсъ* съ Библиею преслѣдовала похиппшелей оспавшагося послѣ нея имѣнія до тѣмъ поръ, пока они возврапили его законнымъ наслѣдникамъ?»

Графъ *Карль* признался, чпто по преданіямъ, подобное событіе случилось въ его фамилии лишь двѣспи тому назадъ, и чпто оно послужило ему основаніемъ сей повѣспи.

«Но гдѣ же конецъ?» подхватила *Гедвигъ*: «чпто спалось съ *Карлоль* и *Анною*?»

— Они обвѣнчались, само собою разумѣспся,—возразилъ Графъ *Эмсъ*.

«Куда-жь дѣвалось дитя природы?» спросила *Оттилія*.

— Мнѣ кажется, нельзя найши прелестнѣе пшого, которое меня теперь спрашиваютъ,— опвѣчалъ Графъ; но *Оттилія* не обольспилась вѣжливостью будущаго зятя, и спала доказывать, чпто онъ не рѣшилъ задачи: ибо не умѣлъ внесши въ свою повѣспь одно изъ заданныхъ словъ.

Графъ *Арвейлеръ* прекратилъ ихъ споръ словами: «поберегите ваши доказательспва до ужина; теперь слушаемъ, чпто сообщитъ намъ Но 2-й.»—*Гедвигъ* начала чиппать:

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

6 ДЕКАБРЯ 1829.

Она вошла—и взоры къ ней

Мои прильнули въ изумленъ!

Недвпжимый въ полпѣ гостей,

Я препепалъ, я весь былъ зрѣнъ...

Въ ней все воспоргъ и упоенъ!

Легка какъ лань, какъ снѣгъ бѣла,

Спройна, какъ пальма молодая,

Тиха, какъ лунный вечеръ Мая,

Какъ дня разсвѣтъ она мила!

Какъ двѣ звѣзды во мракѣ ночи,

Изъ подъ рѣспницъ блиспають очи!

Какъ говоръ пшхаго ручья,

Пріятенъ звукъ рѣчей ея!

Какъ золотой зари багрянецъ
 Пылаешь упромъ въ облакахъ,
 Такъ на ея горитъ щекахъ
 Святой невинности румянецъ!...
 Съ тѣхъ поръ о ней, и въ шумъ дня,
 И ночи въ тишинѣ опрадной,
 Не покидаешь мысль меня;
 И образъ юный, ненаглядной
 Вездѣ, всегда въ моихъ глазахъ,
 Какъ свѣтлый мѣсяцъ въ небесахъ!
 Глубоко-въ душу мнѣ, глубоко
 Запалъ взоръ дѣвы черноокой:
 И память сердца бережешь
 До той минуны взоръ сей милый,
 Какъ вѣспникъ сердца отпорешь
 Мнѣ двери въ пѣсный домъ могилы!
 Такъ на корѣ хранишь Чинарь
 Спихи—завѣшь счастливой спраспи,
 Доколь молни ударъ
 Не разобѣшь его на часпи.

Силновъ.

РУЧЕЙ И РѢКА.

(Басня.)

Ручей журчалъ рѣкѣ: «Рѣка! Рѣка!
 За чѣмъ шумишь, кипишь, за чѣмъ ты глубока?
 Съ меня примѣръ: я шакъ, чуть зыблюсь подѣ
 цвѣтами!»
 Ему рѣка: мой другъ! есть разница межъ нами:
 Чуть видимый, какъ бисерная нить,
 Ты, правда, ни цвѣпка, ни правки не превозишь;
 Но ужъ за то и никогда не можешь
 Ни попоишь, ни напоишь!

Ө. Глинка.

CHARADE.

Mon premier, préposition,
 Caractérise plus d'un nom.
 On obtient mon second de celle qu'on adore.
 Mon tout n'existe pas encore,
 Mais il est sans doute en chemin,
 Il va venir, lecteur.—Quand?—Ce sera demain.

Въ No 91, помѣщеная шарада значить: *Колчанъ.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

(Продолженіе 1.)

Комедіи, въ первый разъ игранныя:

1. Проказы ревнивыхъ, или Урокъ передъ свапьюбою, въ одномъ дѣйствіи, въ спскахъ.
2. Фарисѣвъ, или Лщемѣръ, въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ спскахъ.

Примѣчаніе. Это изрядный переводъ *Мольерова* Тарпюфа. По пословицѣ: на безрыбѣ и ракъ рыба, сей новый переводъ оспроумнѣйшей изъ комедій славнаго Французскаго комика, можетъ быть терпимъ до новаго, лучшаго.

Число Русскихъ поэтовъ, писавшихъ хорошиими спсхами комедіи, весьма ограничено. *Княжнинъ, Кокошкинъ, Грибодовъ, Хлѣвницкій, Офросимовъ*—и всё пупъ. Если я и обчѣлся: то не болѣе, какъ двумя.

3. Другой годъ, или Хорошо, что во время спохватился, въ одномъ дѣйствіи.
4. Первое Апрѣля, или Новый домъ Сумасшедшихъ, шутка, въ одномъ дѣйствіи.
5. Фанни, или Мать и дочь соперницы, въ пяпи дѣйствіяхъ.
6. Бѣдовый Маскерадъ, или Европейство Транжирина, въ чепырехъ дѣйствіяхъ, съ водѣвильными куплетами.
7. Адольфъ и Клара, въ одномъ дѣйствіи.

Комедіи возобновленныя:

8. Нечаянный закладъ, въ одномъ дѣйствіи.
9. Любовь и Случай, въ прехъ дѣйствіяхъ, изъ сочиненій *Мариво*. Пьеса занимательная и очень пріятная.

И того, девять.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

MODES.

L'hiver approche, et les grandes toilettes vont revenir; déjà de belles *toques à l'italienne*, à grands bords et à calotte ronde ou à jours ont été faites pour le spectacle. Ces *toques*, en velours vert, nacarat ou rose,

сont échanсréеs en V sur la tenpe droite, et les pointes de cette échanсrure sont relevées ou recourbées. Elles ont pour ornement 3 plumes blanches ou un bel oiseau de paradis.

Les turbans en satin broché et en gaze satinée sont aussi fort à la mode. Un grand esprit blanc à tête noire ou un héron à queue recourbée, est implanté dans la torsade du turban, ou semble agraffé par une large épingle en pierreries.

Les chapeaux en velours plain, vert, violet, noir et grenat, ou aventurine, commencent à devenir nombreux. Des fleurs en satin, à larges pétales et à grandes feuilles, servent d'ornemens à ces chapeaux, ainsi qu'à ceux en satin de mêmes couleurs.

Sur beaucoup de chapeaux de satin on met des scabieuses cultivées, à longues tiges, et réunies en bouquet. Sur ceux en velours, on place souvent une branche d'œillets d'Inde.

Les nouveaux *bibis* sont, par leur petitesse exagérée, parvenus au dernier degré du ridicule et du laid. Tant mieux, les modistes vont s'efforcer de revenir au gracieux et à l'élégant.

— Les robes en croisé rouge Andrinople, pois; dessins et ramages noirs, deviennent chaque jour plus à la mode. Ces robes du matin ont une très-grande pélerine à longs bouts arrondis, et croisés par devant sous la ceinture, ou bien deux pélerines très-longues et carrées. La première fermée, la seconde échanсrée sur le devant.

En toilette, les robes de moire, de popeline, de satin ou de velours, ont des manches courtes, ou plutôt des mancherons découpés en très-grandes dents arrondies ou aiguës, qui recouvrent le haut de manches longues en blonde de soie, brodées à bouquets ou à colonnes, très-amples jusqu'au coude, puis justes jusqu'au poignet.

— Les brодеquins en satin turc, et les souliers en peau couleur hanneton, sont les seules chaussures du matin.

М О Д Ы.

Зима приближается, и скоро покажутся большие наряды; уже красивые шюки à l'italienne, с большими полями и круглою или прозрачною шубею, деланы были для спектаклей. Токи сн,

изъ зелёнаго *nacarai* или розоваго бархата, вырзаны фигурою V у праваго виска; концы этой вырзки заворочены или пригнуты. Ихъ отдѣлываютъ тремя бѣлыми перьями или красивою райскою пшичкою.

Тюрбаны изъ зашканныа апласа и апласистага газа также въ большомъ употребленіи. Большой бѣлый султанъ съ черной головкой или цапля съ пригнутымъ хвостомъ, вложенъ въ тюрсаду тюрбана, или кажется пристегнушимъ большою булавкою съ камнями.

Шляпки изъ неразрѣзнаго бархата, зелёнаго, фиолетоваго, чернаго и гренатоваго, или авенпуриноваго цвѣта, весьма распространяются. Апласные цвѣты съ широкими пестиками и большими листьями употребляются для отдѣлки сихъ шляпокъ, также и апласныхъ, тѣхъ же цвѣтовъ.

На многія апласныя шляпки накалываютъ выработанныя скабіозы, на длинныхъ стебляхъ, связанныя букетомъ. На бархатныя часто прикалываютъ вѣтку Индѣйскихъ гвоздикъ.

Новыя *биби*, бывъ чрезмѣрно малы, достигли послѣдней степени спранныи и безобразія. Тѣмъ лучше, модистки будутъ стараться возвратиться опять къ прелестному и щеголеватому.

Платья изъ Андрианопольской красной матеріи, съ горошкомъ, узорами и разводами чернаго цвѣта, день ото дня входящъ болѣе въ употребленіе. Сн упреннія платья дѣлаютъ съ большими пелеринками съ длинными округленными концами, положенные спереди крестообразно подъ поясъ, или двумя пелеринками четвероугольными, весьма длинными. Первая заспегнута, а вторая вырзана спереди.

Въ нарядѣ, платья изъ обьяри, попелина, апласа или бархата, дѣлаютъ съ коропкими рукавами, или лучше сказать, съ рукавчиками, вырзанными весьма длинными оспрыми или округленными зубцами; они прикрываютъ верхъ длинныхъ рукавовъ изъ шелковой блонды, вышишитыхъ букетами или колоннами, весьма полные до локтя, а шамъ до коспи въ обпьяжку.

Сапожки изъ Турецкаго апласа и башмаки изъ кожи цвѣта hanneton, одна шолько обувь, употребляемая упромъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 93.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №0. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 19 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Росъ ландышь — не доросъ; зачахъ, упалъ и сгнилъ:

Его опъ солнышка репейникъ заслонилъ!

Не то ли-жь самое съ палантами мы видимъ,

Когда..... но замолчимъ: кого нибудь обидимъ.

Остолоповъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ФИЗИОГНОМІЯ ЖЕНЩИНЪ.

(Посвящается А. Ф. Л—ву.

Слово музыка у насъ женскаго рода, а потому всякая женщина музыка. И такъ, физиогномія женщинъ можно раздѣлить, подобно музыкѣ, на 12 дурныхъ и 12 мольныхъ поновъ, на примѣръ:

1. C. dur . физиогномія лица
безъ креспа	открытая, веселая,
дружеская.
2. C. moll . съ 3 бемолями	печальная и болѣз-
ненная.
3. Cis dur или Des dur съ
5 бемолями	вспыльчивая.
4. Cis moll . съ 4 креспами	фантасмическая,
идеальная.
5. D. dur . съ 2 креспами	веселая, рзвая, свое-
вольная, кокешная.
6. D. moll . съ 1 бемолемъ	неудовлетворенное
желаніе.
7. Es dur . съ 3 бемолями	важная и серьезная.
8. Es moll . съ 6 бемолями	опочайнно-влюблен-
ная.
9. E. dur . съ 4 креспами	повелишельная, вну-
шающая уваженіе.

10. E. moll . съ 1 креспомъ	спрашная и приви-
дѣнью подобная.
11. F. dur . съ 1 бемолемъ	скромная и добрая.
12. F. moll . съ 4 бемолями	печально-сумрачная.
13. Fis dur . съ 6 креспами	брюзгливая, вздор-
ная.
14. Fis moll . съ 3 креспами	задумчивая и жалоб-
ная.
15. G. dur . съ 1 креспомъ	просподушная и
плушовапая.
16. G. moll . съ 2 бемолями	несчастно-влюблен-
ная.
17. Cis dur . съ 4 бемолями	благородная, возвы-
шенная.
18. Cis moll . съ 5 креспами	г л у б о ч а й ш а я
скорбь.
19. A. dur . съ 3 креспами	легкая, роскошная.
20. A. moll . безъ креспа . .	безумно-влюбленная.
21. B. dur . съ 2 бемолями	гордая, угрюмая.
22. B. moll . съ 5 бемолями	набожная, смиренная.
23. H. dur . съ 5 креспами	бурная, раздражи-
пельная.
24. H. moll . съ 2 креспами	унылая.

Если чипапелъ меня спроситъ: какое лице у такой-то дамы, копорую онъ не знаетъ лично, но только по имени, то я въ свою очередь спрошу чипапеля: знаетъ ли онъ музыку?—Если онъ скажетъ *знаю*; то въ па-

комъ случаѣ, я назову тонъ ея физиогноміи, опишу цвѣтъ глазъ, волосъ—и чипапель еѣ узнаеть.—Понятія о красотѣ очень различны.—Иной любитъ женскія лица изъ *S. moll*, другой изъ *B. dur*. De gustibus non est disputandum. Чпо касается до меня, по я предпочитаю всѣмъ лицамъ физиогномію изъ *B. moll*. Если женюсь: по выберу себѣ жену изъ *S. dur* или *A. moll*. — Почему? спроситъ чипапель: попому, чпо съ женою не возьму въ придачу креста.

Самыя худыя жены съ лицами *Fis dur*.—Кпо женился на *Fis*—дурной женѣ, попомъ возьметъ за нею въ приданое не одинъ, а шесть крестовъ.

Женщины кромѣ того имѣютъ большое сходство съ музыкою. Женщины и музыка соспавляютъ нашу упѣху и лекарство отъ скуки; женщины и музыка увлекаютъ души наши въ міръ идеальнѣй; онѣ обворожаютъ, облагораживаютъ наши чувства!—Какъ въ музыкѣ, такъ и съ женщинами, много зависитъ, или почти все отъ *вѣрнаго такта*. Въ музыкѣ и съ женщинами часпо встрѣчаешь паузы.

Всякая женщина подобна большой оперѣ. Лице ея — увертюра, глаза — инпродукція, взглядъ—речитативъ, выраженіе лица—арія, языкъ—хоръ, поцѣлуй—романсъ, рука—рондо, финаль—бракъ.

Чпобы была жизнь наша безъ женщинъ?—Женщина безъ жизни! Чпобы была жизнь безъ музыки?—Музыка безъ гармоній, балъ безъ танцевъ, вечеринка безъ чаю.

Г. Круг... въ.

К О Ё - Ч Т О .

Извѣстный Англійскій историкъ *Гиббонъ*, прѣхавъ въ Женеву и горя неперпнѣемъ увидѣтъ *Вольтера*, поспѣшилъ явиться въ замокъ его, чпобъ имѣть честь ему предсавиться. По несчастію, *Вольтеръ* былъ увѣренъ, чпо *Гиббонъ* нападалъ на него въ своихъ сочиненіяхъ, а попому и не захопѣлъ прінять его. *Гиббонъ* пришелъ отъ этаго въ крайнюю досаду; онъ улопребилъ всѣ сред-

ства для удовлетворенія своего желанія, и наконецъ успѣлъ подговорить слугу, который рано утромъ провелъ его въ садъ и спрягалъ за деревомъ. *Вольтеръ* не замедлилъ туда прийти. Въ ту минуту, когда онъ проходилъ мимо того мѣста, гдѣ скрывался *Гиббонъ*, сей послѣдній бросился къ нему на встрѣчу, осмопрѣлъ его пристально съ ногъ до головы, и попомъ ушелъ, не сказавъ ни слова. *Вольтеръ* возвратясь домой, призвалъ секретаря своего и сказалъ ему: «подите въ садъ, *Ваньеръ*, вы увидите тамъ одного Англичанина; попребудьте отъ него двѣнадцать су за то, чпо онъ смотрѣлъ звѣря.» *Ваньеръ* идетъ, обращается къ *Гиббону* и пребуетъ съ него двѣнадцать су.—Вопъ вамъ двадцать чепыре, равнодушно отвѣчаетъ *Гиббонъ*: я хочу еще разъ видѣть звѣря.—

На другой день онъ получилъ отъ *Вольтера* весьма учтивое приглашеніе къ обѣду.

Воображеніе—каква, дарованія — шерсть. Одинъ понокю и хорошо окрашенною шерстью вышиваетъ и криво, и косо, и на спорону. Другой изъ грубаго матеріала выводитъ узоръ и чисто, и гладко, и красиво. Одинъ маляръ, другой живописецъ; у одного—смакъ, у другаго вкусъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ЗАМКѢ АРВЕЙЛЕРЪ.

(Продолженіе.)

V.

Пророческіе сны.

— Весело раздавался рѣзкій зыкъ трубы у опушки лѣса, изъ котораго послушные зову его, подобно зыбкой радугѣ, поплянулись песпрые флаги эскадрона спройныхъ уланъ. Деревенская молодежь высыпала на встрѣчу воинамъ; одни только угрюмые взгляды хозяевъ домовъ напоминали о непріятельскомъ поепомѣ. Тяжко вздыхая, споялъ на крыльцѣ, во ожиданіи незваныхъ гостей, помѣщикъ се-

ла, г. фонъ *Франъ*. Веселѣе его выглядывала изъ окна кудрявая головка; она принадлежала дѣвицѣ *Аннѣ*.

— Слава Богу! — сказала мать своей дочкѣ, которая, казалось, для того сберегла оспалокъ юности и красоты своей, чтобы произвести выгодное впечатлѣніе на сердца Марсовыхъ сыновъ: слава Богу! У насъ остановился только Поручикъ и человекъ 20 рядовыхъ; прочіе пойдутъ въ Ревель и Бланкенгофъ. И сей часъ узнала объ этомъ отъ Вахмистра. —

— Домъ наполнился людьми и лошадьми. — «Слезай!» скомандовалъ Поручикъ, котораго дѣвица *Анна* разсмотрѣла подробнѣе. — «Не дурень собою, говорила она сама себѣ: жаль только, что волосы рыжеваты, а впрочемъ физиогномія у него довольно значительная.» — Между тѣмъ каждый хозяинъ принялъ своего гостя, а вождь *Ценшавровъ* пошелъ вслѣдъ за помѣщикомъ, который въ лицѣ его представилъ своему семейству Поручика *Фонъ Аренберга*.

— Гость казался почитателемъ женской красоты, и до того обнаруживалъ впечатлѣніе, произведенное на него живыми глазами *Анны*, что на претій вечеръ послѣ его прибытія, отецъ схватилъ руку своей дочери, когда она, поцѣловавъ у него руку, пожелала ему доброй ночи. — «Подожди немного *Анета!*» — сказалъ онъ: «во весь день нельзя промолвить съ тобою двухъ словъ, потому, что Поручикъ словно къ тебѣ прикованъ; — это мнѣ не нравится, и вообще этотъ человекъ мнѣ вовсе пропивень.» — Мать выпучила на него глаза. — Почему же пропивень, мой другъ? — Онъ красивый, спеленный мушкетеръ, и имѣетъ честные виды на нашу *Анету*. — «Честные виды? повторилъ спарикъ: почему ты это знаешь?» — Да, мой другъ! — продолжала мать: на это у насъ женщины глаза зорки! Волокиты насъ не обманутъ; нѣтъ, г. фонъ *Аренбергъ* имѣетъ честные виды; иначе какая была бы ему спать развѣдывавъ о нашемъ имѣніи? — Вчера спрашивалъ онъ писаря, не потерпѣли ли мы отъ войны, претпятаго дня прикащика, сколько десятинъ земли у насъ засѣяно, сегодня лѣсни-

чаго, много ли у насъ лѣсовъ, а Пастора, не заложено ли наше помѣстье, и единственная ли наследница *Анна*? — Видишь ли, это достаточно доказываетъ, что онъ зацѣвываетъ женишбу, и что онъ человекъ разсудительный, который не женился на обумѣ, а хочетъ знать, есть ли что за невѣстою? —

— «Который влюбился въ наши деньги, а не въ нашу дочь! возразилъ съ досадою г. фонъ *Франъ*: все то, что ты ни говоришь въ его похвалу, увеличиваетъ только мое къ нему отвращеніе! Это купеческая расчепливость, это низкое спрашиванье слугъ объ имѣніи ихъ господъ! — Нѣтъ, душа моя, сохрани меня Богъ отъ такого зятя! — Еслибъ и не было въ немъ ничего подозрительнаго, то я все таки не выдалъ бы своей единственной дочери за человека, о которомъ ничего болѣе не знаю, кромѣ его фамиліи.»

— Тутъ мать съ негодованіемъ покачала головою. Да ты и фамилію его находишь предосудительною! Что же въ ней дурнаго? *Аренбергъ*, какая древняя фамилія! Можетъ быть, онъ еще дальній родственникъ Князей того же имени! — Я когда нибудь объ этомъ спрошу его. Онъ говоритъ откровенно о своихъ отношеніяхъ. Онъ уроженецъ Берлинскій, служилъ во Франціи, а потомъ перешелъ въ Прусскую службу. — «И скоро перейдетъ въ Турецкую, Китайскую или Японскую! Я выдалъ ужъ этакихъ вроддохъ! — подхватилъ г. фонъ *Франъ*, перервавъ свою супругу: нѣтъ, пускай онъ какимъ хочетъ называется именемъ, и по мнѣ происходитъ хопъ отъ великаго Могола, — въ моихъ глазахъ, при всей его ловкости, онъ человекъ подлый, навязчивый! — Сегодня послѣ обѣда, на примѣръ, — я, право, не хопѣлъ въришь ушамъ своимъ, — онъ изволилъ называть нашу дочь запросто, какъ мы еѣ зовемъ; только и слышишь: *Анелъ*, да *Анелъ!* — Возможно ли, такая наглость! — Нѣтъ, любезная дочь, сердись на меня сколько хочешь, а я тебѣ скажу, что если молодой въпрогонъ позволяетъ себѣ такія вольности, то виновата ваша сестра; — еслибъ ты умѣла удерживать его въ предѣлахъ вѣжливости: то во всю жизнь не сорвалось бы у него съ языка слово *Анелъ!*»

— Балюшка! сказала дочь въ свое оправданіе: онъ называетъ меня не *Анелю*, а *Аннели*, говоря, что я называлась бы такъ въ Швейцаріи, гдѣ онъ долго находился. —

— «Вопъ еще! возразилъ отецъ: ты Германка, а не Швейцарка; ты благовоспитанная дѣвица, а не *дитя природы*, выросшее среди горъ и привыкшее съ малолѣтства къ такому проспонородному имени. Однимъ словомъ, для Поручика ты не имѣешь другаго названія, какъ дѣвица фонъ *Франъ*, и скорѣе вѣчно оспанешься ею, чѣмъ допущу я, чтобы ты называлась г-жею фонъ *Аренбергъ*. Теперь я кончилъ. Покойной ночи!»

— Дочь легла спать, но отецъ и мать еще не думали о снѣ. Старикъ нужно было время, чтобы успокоить внутреннее волненіе, безъ чего онъ не могъ заснуть, а старуха горѣла нетерпѣніемъ узнать, что такъ вооружило ея мужа пропивъ ласковаго, услужливаго Офицера. Она снова завязала разговоръ о Поручикѣ, и такъ искусно, что старикъ предупредилъ ея желаніе: «На другой же день, по прибытіи въ замокъ, этакъ человекъ мнѣ опротивѣлъ, и это опвращеніе къ нему внушено мнѣ спраннымъ сномъ: мнѣ чудилось, будто я былъ въ зеленой комнатѣ. Положеніе мое было самое мучительное. Не могу почно сказать, лежалъ ли я, или сидѣлъ, только не споялъ, и не могъ шевелить ни руками, ни ногами. Казалось, будто въ этой комнатѣ собрался Польскій сеймъ или буйное народное скопище изъ временъ Французской *революціи*: такой шумъ, спукъ и превога, что хопъ бѣги вонъ. Я по прежнему оспавался безъ движенія. Тутъ переважно входилъ рыжій Поручикъ, держа въ одной рукѣ горшокъ съ темно-желтоваюю краскою, въ другой кисть, и вообразилъ себя, начинаеть пачкаеть мнѣ эпизъ соспавомъ роупъ, глаза и уши, такъ, что изъ лица моего вышла опврапительная карриатура. Попомъ вы вошли съ *Анетого*, схватили меня, и не говоря ни слова, попарили чѣрпъ знаетъ куда. Тутъ я пробудилея, и повѣришь ли, я все еще воображалъ, что лице мое перепацкано.—Я не вѣрю снамъ; они ничего не значають, — суцїе пуспакки; но скажи сама: что я долженъ чув-

спсвоавать къ будущему зяпю своему, когда при каждомъ взглядѣ на него, онъ предспавляется мнѣ въ семъ непрїзненномъ положенїи, все еще опизывается эпизмъ мерзкимъ соспавомъ!»

— Жена опъ удивленія всплеснула руками. Такъ вопъ что причиною пвоей непрїзизнї?— Сонъ, глупый сонъ, который ничего не значить! Да и что за бѣда, во снѣ видѣть лице свое раскрашеннымъ?— Спарая госпожа испустила въ длинныя разсужденія о семъ предметѣ, который вывели его изъ перпѣнїи.— «Довольно!» вскричалъ онъ, вскочилъ и побѣжалъ въ спальню; жена тихо пошла за нимъ; онъ провелъ всю ночь безъ сна опъ внуспренпего безпокойства; она не могла уснуть опъ неперпѣнїа сообщилъ своей дочери сонъ опца.

— Спуспя нѣсколько дней, повторилось явленіе того бурнаго вечера. — Другъ мой! говорила г-жа фонъ *Франъ*: ты всегда желалъ имѣть зяпемъ опытнаго сельскаго эконома; Поручикъ знаетъ это дѣло совершенно! Припомни-ка, какъ хорошо онъ располковалъ тебѣ сегодня послѣ обѣда возмозность возвысить цѣну на хлѣбъ, даже при самомъ лучшемъ урожаѣ и безъ вывоза сего продукта!— Съ какою почностью вчера предспавывалъ онъ цѣну шерспи, которую сегодня предлагалъ тебѣ прїззїей скупщикъ. Какого нужно еще мужа для нашей *Анеты*!—

— «Жена!— вспыхнувъ сказалъ старикъ: о чемъ ты мнѣ напоминаешь? Зачѣмъ она не вышла за любовь изъ молодыхъ помѣщиковъ, которые за неѣ свавались? Она разбирала, да разбирала, опказывала да опказывала, куда наконецъ до неѣ дошла очередь искаеть самой жениховъ. Я никогда не забуду, какъ мнѣ было больно, что она опказала молодому *Гротгаузену*! Этакъ человекъ дворянинъ, пригоеть собою, воспитывался въ Универспетѣ, служилъ въ военной службѣ, украшенъ орденомъ, имѣлъ прекрасное помѣспье подлѣ нашего, — и ему опказала наша дура, а почему? попому, что онъ не Графъ! Она вообразила себя, что гладенькое личико, и порядочное соспавнїе дають дѣвицѣ право неспремѣнно быеть Графиней!— Сама виновата! Теперь она ви-

дипть, что ей скоро придется закрывать морщины румянами, и думаетъ пакъ: лучше вый-ти за перваго вспрѣчнаго, чѣмъ вѣчно оспать-ся въ дѣвцахъ! — Но по моему не пакъ! Клянусь вамъ Богомъ, скорѣе запру её въ *монастырь* и завѣщаю все имѣніе мое бѣднымъ, чѣмъ выдамъ её за эшого мерзавца! —

— Но супруга спарика не переставала вооружаться всѣми средствами для склоненія его на свою сторону. Каждый день она умѣла чтонибудь сказать въ похвалу Поручика. — Нѣтъ, эптокъ человекъ во всемъ имѣетъ свѣдѣнія! сказала она въ одинъ вечеръ: помнишь ли, мой другъ, медальонъ съ спаринною оправою? Онъ достался намъ по Гессенскому наслѣдству; ювелиръ въ то время объявилъ намъ, что камни поддѣльные, и давалъ намъ за него сущую бездѣлицу. — Сегодня эпу спаринную вещь я нечаянно опыкала въ своемъ комодѣ. Въ эпу минути подходилъ ко мнѣ Поручикъ, беретъ медальонъ; удивляется, оборачиваетъ и разсматриваетъ его со всѣхъ сторонъ; глаза у него такъ и засверкали, и вообрази себѣ мое удивленіе, когда на мой вопросъ: что вы эпо такъ приспально разсматриваете? онъ мнѣ говоритъ: эпо золото—червонное, а камни сполтъ не менѣе тысячи палеровъ! —

— «Онъ говорилъ эпо для того, чтобы сказать себѣ чтонибудь пріятное, возразилъ угрюмо г. фонъ *Франъ*: за чѣмъ ты не попросила его, чтобы онъ купилъ эпу вещь по его оцѣнкѣ?»

— Я пакъ и сдѣлала, подхватила она: недѣли черезъ двѣ онъ принесетъ мнѣ деньги! —

— «Право? отвѣчалъ спарикъ: ну, мнѣ любопытно знать, во первыхъ: въ соспоянїи ли эптокъ господчикъ запланилъ тысячу палеровъ? Во вторыхъ: рѣшился ли онъ пакъ дорого запланилъ за пвое къ нему благорасположеніе? — А если онъ запланилъ, не будетъ ли эпо служить доказательствомъ, что онъ человекъ богатый?» — Спарикъ на сей разъ не противорѣчилъ, и давно ужъ пакъ спокойно не засыпалъ, какъ въ сей вечеръ.

Поручикъ оплучился на нѣсколько дней. Вскорѣ послѣ его возвращенія, онъ получилъ

пакетъ съ деньгами, и немедленно отнесъ къ г-жѣ фонъ *Франъ* 200 Фридрихсдоровъ, за вычепомъ десяти процентовъ. Велико было поржество ея, но не менѣе велико изумленіе ея супруга, который уже другими глазами спалъ смотрѣлъ на Поручика. Вскорѣ потомъ, когда г-жа фонъ *Франъ* сообщила ему важную новость, что Господинъ фонъ *Аренбергъ* формально проситъ руку *Анны*, онъ согласился на сей союзъ, но съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы Поручикъ подробно объяснился съ нимъ о своемъ имѣніи и семейственныхъ отношеніяхъ. — При всемъ томъ, спарикъ не чувствовалъ того, что обыкновенно чувствуетъ отецъ при счастливомъ выборѣ жениха для своей дочери. Въ эпомъ увѣрилась его супруга на другой день, когда она, послѣ осмотра хозяйства вмѣстѣ съ Поручикомъ и возвращаясь домой, радостно воскликнула: нѣтъ, мой другъ, нашъ г. *Аренбергъ*, насмѣящая рѣдкость! Сію минути онъ открылъ мнѣ особенный способъ опкармливать гусей, отъ чего гусиная печень дѣлается величиною въ половину самаго гуся! Не худо и себѣ узнать эптокъ способъ, *Анета!* Надобно запереть гусей въ самый тѣсный уголъ, пакъ, чтобы они не могли пошевеливаться, и намѣсивъ густое песто, раскрыть имъ клевы. — «И обмазать ихъ съ головы до ногъ, не исключая глазъ! вскричалъ спарикъ, вспомнивъ свой сонъ: я бы сказалъ спасибо тому, кто потрудился бы замкнуть твой языкъ въ такую тѣсную гусятню, чтобы онъ не могъ шевелиться.»

— Съ сими словами онъ бросился вонъ изъ комнаты, а супруга его всплеснула руками. — О, мужчины, мужчины! — со вздохомъ сказала она въ слѣдъ уходящему: ты ему говоришь о средствахъ опкармливать гусей, а онъ ужъ воображаетъ себѣ, что глупый сонъ его сбывается, и что зяпъ начиняетъ его; какъ гуся! — Слава Богу! ты не будешь знать моихъ спраданій! Твой *Карлъ* совсѣмъ другой человекъ: кропкъ, терпѣливъ и припомъ уменъ! Все знаетъ! Онъ знаетъ въ хлѣбѣ, шерспи, лошадажъ, драгоценныхъ камняхъ. — Но я забыла про гусей: вепъ видишь ли, дочь моя, пмъ раекрываютъ... «Боже мой! что эпо за шумъ? — Чу, эпо голосъ батюшки;

худой признак! Онъ никогда не кричитъ такъ громко, развѣ тогда, когда бываетъ сильно разсерженъ!»

— Въ эту минуту спарикъ вбѣжалъ въ комнату; глаза у него закатились, лице посинѣло; дрожащимъ голосомъ вскричалъ онъ: «вопъ тебѣ на! мой дорогой зяпъ.....» голосъ у него замеръ.

— Умеръ?— вскричала, ужаснувшись, жена; но несчастный не могъ уже отвѣчать; колѣна у него дрожали; лице искажено было судорогами; пораженный ударомъ, онъ упалъ въ кресла. — Черезъ два часа его не спало. — Ужасный испугъ убилъ его, но какой? Писарь видѣлъ, какъ онъ въ саду разговаривалъ съ однимъ Уланомъ, котораго послѣ никакъ не могли отыскать. — Причина его внезапной смерти осталась загадкою.

— Въ день погребенія пришла радостная вѣсть о заключеніи мира, и нѣсколько времени спустя, госпожа фонъ Франъ благословила чепу любовниковъ. Въ день обрученія они помѣнялись кольцами, на которыхъ сверкали драгоценные камни.

— Приданое лѣтъ десять уже лежало въ сундукахъ и комодахъ, отъ чего многіе наряды вышли изъ моды; чѣобы замѣнить ихъ новыми, мать съ дочерью рѣшились ѣхать въ сосѣдственный значительный городъ. Женихъ не могъ получить отпуску; и такъ, они безъ него отправились въ путь.

— «Мнѣ снился удивительный сонъ;» сказала Анна своей матери, пробудясь въ гостиницѣ. — Ну, рассказывай, моя милая, возразила мать: вѣдь говорятъ, будто первый сонъ, который намъ снится въ чужомъ домѣ, непременно сбудется; и мнѣ снилась всякая всячина. — Анна стала рассказывать:

— «Мнѣ снилось, будто я превратилась въ свой порплетъ, который виситъ въ зеленой комнатѣ подлѣ порплетта бапюшки, и была такъ списнута въ рамѣ, чѣо не могла и шевельнуться.» — При сихъ словахъ мать привспала на постель; и внимательно вслушиваясь, сняла ночной чепчикъ. — Помилуй, дочь моя, ты видѣла одинъ сонною сонъ! — воскликнула она въ испугѣ: чѣобы это значило? — Раз-

сказывай далѣе! — Анна продолжала съ нѣкопорымъ безпокойствомъ: «въ то время, какъ я висѣла за стекломъ, отворилась дверь, вошелъ Карлъ съ двумя Евреями, снялъ съ пальца обручальное кольцо, и показалъ его Евреямъ. Они разсмапривали его со всѣхъ сторонъ, на солнцѣ и въ тѣни; одинъ изъ нихъ даже пошелъ съ нимъ въ альковъ, желая разсмотреть его въ темнотѣ. Когда онъ возвратился, то всѣ прое заговорили между собою какимъ-то гадкимъ, испорченнымъ языкомъ. Одинъ изъ Евреевъ вынулъ изъ ларчика кольцо, которое походило на кольцо Карла, какъ двѣ капли воды; Карлъ надѣлъ его на палецъ, а наше оспалось у Еврея; сей послѣдній снялъ съ себя длинный, кожаный мѣшокъ съ деньгами, коимъ обыкновенно опоясываются скупщики скота, и опсчиталъ ему на столѣ нѣсколько кучекъ червонцевъ.

— «Карлъ вышелъ, принесъ крошечные вѣски, и началъ вѣсить червонецъ за червонцемъ. Потомъ Еврей далъ ему старый запачканный кошелекъ; Карлъ, положивъ въ него червонцы, опоясался имъ, какъ кушакомъ. Мнѣ пропивно спало смотреть на это, но я сидѣла, какъ будто въ клѣткѣ. Тутъ Еврей близко подошли ко мнѣ, и одинъ изъ нихъ спросилъ: «эта ли пвоѣ невѣста?» — Карлъ отвѣчалъ: да! — Но въ эту минуту бапюшкинъ порплетъ возразилъ: нѣтъ! — Карлъ и Еврей, съ воплемъ бросились вонъ изъ комнаты, и я проснулась.» —

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М У З А.

Восходомъ утра пробужденный,
Я поднялъ очи: надо мной,
Склонясь главою вдохновенной,
Вѣнкомъ лавровымъ осыщенной,
Стояла Муза. Тишиной
Лице богини озарилось,
Улыбка мѣла на устахъ,
И въ ясныхъ голубыхъ очахъ

Олимпя небо отражалось.
 Изъ устъ волшебницы текли
 Очаровательные звуки...
 Они къ Поэту въ грудь прошли
 И, какъ цѣлебныя струи,
 Въ ней утолили сердца муки...
 И очарованный упалъ
 Ницъ предъ богиней вдохновенной,
 И на привѣтъ ея священной
 Слезой воспорга опивчалъ...
 И съ гаснущимъ огнѣмъ денницы,
 Какъ вздохъ любви, какъ спонъ цѣвницы,
 Помчалась Муза въ небеса...
 Уже исчезла... но слеза
 Досель свѣжитъ мои зѣницы,
 Какъ животворная роса...
 Къ Поэту въ грудь, какъ небо въ волны,
 Тѣснятся мѣръ и красота,
 И полны словъ, и звуковъ полны,
 Дрожащъ опроверсныя уста.

М. Деларю.

ВЕЧЕРЪ.

(Изъ Гейера.)

Уже солнце скрылось; все молчишь,
 Двурогая луна сіяетъ;
 Лишь водопадъ вдали журчишь.
 И шшисшь камни осребряешь.
 Вотъ соловей, пѣвецъ любви,
 Защебеталъ въ глуши дубравной,
 И пѣсню нѣжной и опрадной
 Излилъ весь лдъ своей пѣсжи.
 Зефиръ струишь ручей кристальной,
 Колеблетъ зрѣлыя плоды,
 И бора мрачныя красы
 Тревожишь свиситъ совы печальной;
 Сілетъ червь струей златой
 И ночь со звѣздной пеленой
 Прохладный вечеръ ужъ смѣняетъ.
 И вдохновеніемъ святымъ
 Поэта душу наполняетъ.

Съ Шведскаго А. Гренъ.

О М О Н И М Ъ.

Въ боспонѣ между игроками
 Весьма извѣстна я;
 Моими милыми сеспрами
 Устѣяны всѣ бранныя поля.

Въ № 92, помѣщаящая шарада значить: *De-main.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

(Продолженіе 2.)

Оперы и водѣвилы, въ первый разъ игранныя.

1. Женни, опера въ прехъ дѣйствіяхъ.
 2. Воспитанникъ любви, комедія - водѣвилъ въ чепырехъ часпяхъ.
 3. Горе безъ ума, водѣвилъ въ одномъ дѣйствіи.
 4. Духъ времени, комедія-водѣвилъ въ пяпи дѣйствіяхъ.
- Примѣчаніе.* Нечистый духъ, весьма худо принятый Публикою.
5. Ченеренпола (Сандраліона, Дѣвка-Чернавка), комическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ. Во время существованія въ С. Петербургѣ Италіанской оперы, Ченеренполу Русскіе арписпы не представляли.
 6. Госпинница, водѣвилъ въ одномъ дѣйствіи.

Примѣчаніе. Безъ всякаго соображенія; хопя и сочиненъ Авторомъ нѣсколькихъ пріятныхъ водѣвилей, изъ копорыхъ довольно назващъ комедію-водѣвилъ: *Братъ за брата* и *Актёръ и Музыкантъ.*

7. Братоубійца, оригинальная опера въ прехъ дѣйствіяхъ.
8. Колдуны, Русскій національный водѣвилъ въ одномъ дѣйствіи. *Колдуны* въ близкомъ родспвѣ и свойспвѣ со всеми *Филатками* и *Мирошками.*
9. Малъ, да удалъ, водѣвилъ въ одномъ дѣйствіи.
10. Элиза и Клаудіо, опера въ двухъ дѣйствіяхъ.

И шого, десятъ.

Оперы и водёвилы, возобновленныя.

1. Приключеніе на спанціи, водёвилъ въ одномъ дѣйствіи.
2. Севильскій Цирюльникъ, опера въ двухъ дѣйствіяхъ.
3. Дядя на прокапъ, комедія водёвилъ въ одномъ дѣйствіи.
4. Деревенскія Пѣвицы, опера въ двухъ дѣйствіяхъ. Превосходная опера *Le cantatrice villane* не была играна Русскою труппою во время существованія здѣсь Италіанской оперы. Госпожа *Шоберлехнеръ*, которую многіе спавили ниже пѣвицы *Меласъ*, восхищала въ ней Публику своимъ соловьинымъ пѣніемъ.
5. Ворожея, водёвилъ въ одномъ дѣйствіи.
6. Меркурій на часахъ, или Парнасская заспава, въ одномъ дѣйствіи.

И того, шесть.

Всего же, новыхъ и возобновленныхъ оперъ и водёвилей, представлено въ 1831 году: *шестьнацать.*

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

M O D E S.

Il est tout-à-fait de rigueur d'abandonner nos modes de la saison qui s'éteint, pour celles de la saison qui commence. On remarque dans ce qui naît de ce moment de transition un mélange qui laisse place à la bizarrerie.

Des capotes en reps africain, avec des ornemens de velours.

Le gros-de-naples, doublé de velours, assemblage hasardé qui ne peut convenir qu'à quelques semaines de froid qui ne sont pas encore l'hiver. Celui que nous pouvons citer comme plus étrange était eu gros-de-naples dahlia, doublé de velours vert, une branche de roses trémières simples, vertes, était posée un peu élevée. Le ruban de satin dahlia était velouté en vert.

En satin lilas foncé, doublé de velours noir, une seule plume noire tournant en arrière.

Une seule plume noire sur un chapeau de velours est simple avec élégance.

Il faut bien revenir aux bonnets de blonde pour les toilettes négligées. Des garnitures peu hautes doubles; une guirlande de très-petites roses, ou de bruyères, ou enfin de petites fleurs très-déliçates, se pose encore sur le devant contre les cheveux.

Les foulards de Bruxelles sont une charmante étoffe pour des robes du matin; fond chamois ou Nankin, à dessins vifs, rouges, violets ou verts.

М О Д Ы.

Необходимо должно оставитьъ моды исчезающаго времени года, для засыпающихъ ихъ мѣсто. Въ томъ, что появляется въ минушу сего перехода, замѣтна нѣкоторая смѣсь; она приближается къ спранныости.

Капоты изъ Африканскаго репса, съ опдѣлкою изъ бархата.

Гроденаплъ, подложенъ бархатомъ; смѣлое сближеніе, которое можетъ быть прилично-только въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль холода; а холодъ не есть еще зима. Самая спранныя, какую мы видѣли, была изъ гроденапля, цвѣта *далиа*, подложена зеленымъ бархатомъ; вѣтка весеннихъ розъ, одинакихъ, зеленыхъ, припишена была немного къ верху. Ленпы апласныя, цвѣта *далиа*, были съ зеленымъ бархатомъ.

Изъ тѣмнолиловаго апласа, подложена чернымъ бархатомъ; одно черное перо завернуто назадъ.

Одно черное перо на бархатной шляпкѣ просто и щеголевато.

Необходимо возвратиться къ блондовымъ чепчикамъ для одежды за-просто. Оборки двойныя, не высокія; гирланда изъ мелкихъ розъ, или зелени, или изъ мелкихъ нѣжныхъ цвѣточковъ кладутся спереди къ волосамъ.

Брюссельскіе фулары прелестная пиканъ для упренныхъ плапьевъ; цвѣтъ верблюжій или Нанкиновой, съ яркими красными, фиолетовыми или зелеными узорами.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ *

№ 94.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинами модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, НОЯБРЯ 23 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Премудрости Боговъ, о ты! залогъ прекрасный,
О женщины! какой не любишь вась несчастный?
Пря вась я и крохамъ сухова хлѣба радъ;
Безъ вась не падо мнѣ и мраморныхъ палатъ.

Князь Долгорукій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НАБАТНЫЙ КОЛОКОЛЬ.

9-го Августа 1832 года, въ день бракосочетанія Принцессы Луизы съ Королемъ Бельгійскимъ, двѣ дамы пріѣхали изъ Вуззе (въ Арденскомъ Департаментѣ) въ Реймсъ за разными покупками; онѣ оставили свой экипажъ въ одной гостинницѣ подъ присмотромъ слуги. *Жанъ-Баптистъ*, ихъ кучеръ, на роду своемъ не видывалъ другихъ рѣдкостей, кромѣ колоколовъ на своей сельской колокольнѣ. Ему вздумалось обозрѣть городскія рѣдкости. Вскорѣ, нашъ чудакъ,

Разинувъ ротъ, развѣся уши,

пустился бродить по мирнымъ улицамъ Реймса, толкая въспрѣчнаго и поперечнаго, и пожирая изумленными глазами дома и лавки. Соборная церковь есть первый предметъ, привлекающій любопытство иностранцевъ. Возможно ли было *Жанъ-Баптисту* возвратиться въ свой окопъ, не выдавъ эшаго чуда? Онъ пробрался въ церковь и, пожертвовавъ двумя су, даже открылъ себѣ входъ на колокольню.

Спустя довольно времени послѣ сего мало-важнаго обстоятельства, ужасная тревога смѣнила тишину, коею наслаждался городъ

Реймсъ. Мѣшаясь съ звономъ колоколовъ, громкіе вопли вызываютъ устрашенныхъ жителей изъ домовъ; барабаны бьютъ сборъ; національная гвардія спѣшитъ на площадь; пожарные въ своихъ каскахъ бѣгаютъ, какъ угорѣлые, стараясь прежде другихъ явиться на мѣсто пожара, чтобы заслужить назначаемую отъ города награду тѣмъ изъ нихъ, которые подадутъ первую помощь.

Между тѣмъ, полиція тщетно искала во всѣхъ частяхъ города пожара, о которомъ такъ быстро разнесся слухъ. Чудная вещь! ни зарева, ни дыма нигдѣ не было. Однакожъ, споль внезапно наведенный на цѣлый городъ ужасъ, имѣлъ свою причину, которой нельзя было оставить безъ изслѣдованія. Прежде всѣхъ ударили въ набатъ на колокольнѣ Соборной церкви, а потомъ раздался звонъ и въ другихъ мѣстахъ. При семъ открытіи ужасное подозрѣніе взволновало народъ, который хлынулъ къ Собору: мятежники, безъ сомнѣнія, хотѣли воспользоваться днемъ бракосочетанія Бельгійскаго Короля, чтобы развернуть знамя бунта! Это новый заговоръ *des tours Notre-Dame!*... Национальная гвардія съ трудомъ отстояла Соборную церковь отъ нападенія черни.

Тутъ только церковный спорожъ вспомнилъ, что часа за два передъ тѣмъ взошелъ какой-то человекъ на колокольню, за которымъ онъ заперъ дверь безъ всякаго умысла. Тотчасъ произведено слѣдствіе: несчастнаго *Жанъ-Баттиста* нашли въ углу, едва живаго отъ ужаса. Его отвели въ тюрьму посреди проклятій и угрозъ черни. При допросѣ, сдѣланномъ ему Судьею, онъ простодушно объявилъ, что забытый спорожемъ на колокольнѣ, онъ хотѣлъ напомнить ему о себѣ звономъ. . . Нашъ чудакъ случайно выбралъ для сего набатный колоколъ, и этою поспушокъ, въ которомъ онъ не находилъ ничего мудренаго, привелъ въ движеніе 35,000 жителей города.

Вообразите себѣ изумленіе дамъ, когда онѣ узнали отъ Жандармовъ, что ихъ кучеръ былъ причиною всей суматохи. Показанія ихъ совершенно разсѣяли подозрѣніе, которое прежде падало на несчастнаго *Жанъ-Баттиста*; онѣ поспѣшили съѣсть въ повозку; *Жанъ* изо всѣхъ силъ гналъ лошадей, клянясь, подобно вóрону Лафонпеновой басни, впередъ бытъ оспорожнѣе.

Цер. В. Соловѣ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ЗАМКѢ АРВЕЙЛЕРЪ.

(Продолженіе.)

— Мать безмолвно опустила на подушку голову. Это было знакомъ рѣшительнаго ея отказа на просьбу дочери, разсказавъ ей свой сонъ. Будучи спрошена, въпреножена, она поручила дочери всѣ нужныя закупки. Передъ отъѣздомъ своимъ вздумалось г-жѣ фонъ *Франъ* поговорить съ тѣмъ ювелиромъ, который объявилъ поддѣльными камни, украшавшіе старинный медальонъ. Она отправилась къ нему вмѣстѣ съ дочерью; но вмѣстѣ старика, прежняго хозяина, встрѣпилъ ихъ молодой человекъ; сей послѣдній на вопросъ ихъ о жительствѣ прежняго содержателя магазина, объявилъ имъ, что опецъ его, Соломонъ *Герцъ*, умеръ уже назадъ тому два года. Между тѣмъ молодой ювелиръ не сводилъ глазъ съ руки *Анны*. — «Позвольте спро-

сить, сударыня, что вы заплашили за этою перспень? сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, указывая на подарокъ Поручика: онъ взялъ изъ моей лавки; я далъ его въ придачу къ купленной у меня вещи.» — Спало бытъ, вы продали товаровъ гдѣругъ на весьма большую сумму, — подхватила г-жа фонъ *Франъ*: когда могли придачь такую вещь. — «Не продалъ, а купилъ на довольно значительную сумму, — возразилъ ювелиръ: но эта придача ничего не спомнитъ; камни поддѣльные. Я купилъ старинный медальонъ, украшенный превосходными брилліантами, за 300 фридрихсдорговъ, и далъ въ придачу этою перспень.» — А кто вамъ продалъ его? — спросила дѣвица *Анна* дрожащимъ голосомъ. — «Одинъ изъ моихъ факторовъ доставилъ мнѣ эту драгоценную вещь, — отвѣчалъ ювелиръ: мнѣ сказывали, что она принадлежала непріятельскому Офицеру; другому я бы долженъ былъ заплащивъ за неѣ подороже.» — Не можете ли вы намъ показатъ этою драгоценный медальонъ? — спросила *Анна*. — Ювелиръ объявилъ съ сожалѣніемъ, что камни уже вынуты, и обратился къ другимъ покупателямъ.

— Мать съ дочерью, на возвратномъ пути, ѣхали задумавшись: объ чувствовали нужду во взаимномъ обмѣнѣ мыслей. Дѣла были въ такомъ положеніи, что трудно было различнымъ образомъ разорвать сію связь: *Анна* уже слишкомъ многимъ отказывала, и попому, по справедливости, опасалась, что сей домогатель ея руки будетъ послѣдній! — «Лучше все снеси, чѣмъ разошпсь!» вздохнула дочь. — «Лучше этого зпя, чѣмъ никакого,» подумала мать, и объ пріѣхалъ домой, не облегчивъ другъ другу сердечной скорби. — Съ лицемъ, на которомъ не выражалась радость свиданія, принялъ ихъ женихъ, и послѣ многихъ околичностей, съ примѣтнымъ замѣшательствомъ сообщилъ дамамъ извѣстіе, что онъ, желая обрадовать ихъ сюрпризомъ, велѣлъ привести живописца, который успарѣвшую живопись зелѣной компапы замѣнилъ новою, болѣе соотвѣтственною вкусу вѣка. Мать поблагодарила за внимательность головы; но и она и невѣста вздрогнули, увидѣвъ дикообразное украшеніе комнаты. — Лазурна-

го цѣпа карнизъ отдѣлялъ розовый потолокъ отъ свѣтло-зелѣныхъ стѣнъ, на которыхъ величались желтыя колонны, обвитыя розами и огнецвѣтными лиліями.— «Но скажите мнѣ, ради Бога, куда дѣвался папенькинъ порпретъ?»—спросила госпожа фонъ Франъ, и Поручикъ въ крайнемъ замѣшательствѣ признался, что съ порпретомъ случилось несчастіе.— Неловкій живописецъ, рассказывалъ онъ, уронилъ его, стекло разбилось въ дребезги, и весь порпретъ обезображенъ пятнами лака.— Она приказала принести картину; дамы громко вскрикнули, ибо сонъ покойника сбылся.— Румянецъ ланиный такъ пожелтѣлъ, правый глазъ такъ посинѣлъ; лѣвая сторона губъ такъ покривилась, что обѣ удосповѣрились въ невозможности оная его повѣсипъ;—и такъ порпретъ покойнаго Франа преждевременно подвергся участи, предстоящей всѣмъ нашимъ порпретамъ, и. е. понесли его на чердакъ.

— Поручикъ на другой день отправился къ своему Командиру для подавнн просьбы объ отспавкѣ, а дѣвица Анна, воспользуясь его отсутствіемъ, вздумала осмапривать его гардеробъ; но какъ описать ея ужасъ, когда между платьями наша она запачканный кожаный кошелекъ, совершенно похожій на топъ, которымъ, какъ ей снилось, опоясывался женихъ.— Съ сею находкою она немедленно побѣжала къ мапери.— Дверь зелѣной комнаты была только слегка притворена; Анна тихонько подошла на цыпочкахъ, и спала подслушивать разговоръ, происходившій въ ближайшей боковой комнатѣ. Вскорѣ она удосповѣрилась, что разговоръ сей касался до нея и Поручика.— «Послѣ эшаго,» слышался ей голосъ мапери: «скажите же мнѣ откровенно, господинъ Паспоръ, ваше мнѣніе, бываютъ ли сны пророческіе? Повѣрьте мнѣ: самъ Аренбергъ такъ безбожно обезобразилъ порпретъ моего возлюбленнаго покойнаго мужа, слѣдспвенно сонъ его сбылся, да сверхъ того сбылся и сонъ моей дочери, какъ сей часъ увидите: представьте себѣ, сегодня поуспру, будучи въ кладовой, я слышу, какъ подъ окномъ егеръ рассказываетъ управителю слѣдующее: въ моемъ отсутствіи Аренбергъ имѣлъ въ зелѣной комнатѣ свиданіе съ двумя Евреями;

вдругъ въ этой комнатѣ сдѣлалась сильная превога, всѣ прое выбѣжали, во все горло крича: онъ гонится за нами, онъ схватилъ меня!— Одинъ изъ нихъ даже вопилъ: картина ужъ сидитъ у меня на шеѣ.— Послѣ Аренберга произнесъ кляпву, что до испребленія порпрета нога его не будетъ въ околдованной комнатѣ.— Это ясно доказываетъ, что онъ для того только послалъ въ ближайшій городокъ за живописцемъ, чтобъ имѣть удобный случай замарать картину масляными пятнами.— Однимъ словомъ, господинъ Паспоръ, вопъ два сна, которые сбывлись, и теперь послушайте мой: мнѣ снилось, будто однимъ упромъ вхожу я въ зелѣную комнату, и взглянувъ на оба порпрета, вижу, что они какъ бы другъ къ другу придвинулись поближе; я кличу Анну, чтобъ спросипъ еѣ, не она ли сняла картины съ прежнихъ мѣспъ, и какъ я кличу: Анюта! то порпретъ ея мнѣ отвѣчаетъ: маменька, я тупъ!— Въ испугъ оглядываюсь, и вижу явспвенно, что оба порпрета подвигаются другъ къ другу все ближе и ближе, пока наконецъ слились въ одинъ.— Тупъ рама превратилась въ гробъ, а стекло въ крышу. Я возопила во всю мочь, и проснулась.— Теперь скажите мнѣ, господинъ Паспоръ, что это такое значипъ? Скажите, бываютъ ли сны пророческіе?»

— «Есть пророческіе сны!— вскричала Анна, бросаясь къ бесѣдующимъ, и показывая перепугавшейся мапери пустой кошелекъ, который она отъ спрахъ и омерзѣнія держала только двумя пальчиками: посмотрите, въ этой гадкой вещи хранились деньги, вырученныя за мое обручальное кольцо!»—

— Дамы рѣшились отказать жениху, въ поступкахъ коего находили онѣ споль много подозрительнаго; но духовникъ полагалъ, что не должно осуждать человека по случайно, можетъ спаться, сбывшемуся сну, но совѣтовалъ сперва разспрѣспъ кольцо Поручика, и если удосповѣрится, что оно подмѣнено, то попребовать отъ него отчета.— Совѣспъ его былъ принятъ; но съ каждымъ часомъ, который проходилъ, Анна становилась расположена къ прощенію. До двадцатаго года она все надѣялась выпспъ за Графа съ генеральскимъ чномъ.— Съ двадцатаго года она

дѣлала прпязанія гллько на Графское до-
стоинство, безъ генеральскаго чина. Когда
минуло двадцатидцатилѣтне ея жизни, она до-
вольствовалась Барономъ, и наконецъ, когда
ей спукнуло тридцать лѣтъ, обѣими руками
взяла Поручика; ибо справедливо заключала:
если его удушу, то вѣкъ мнѣ не выпши за
мужъ! И такъ, лучше имѣть подозрительнаго
мужа, нежели никакого. Правда, что грозный
сонъ еѣ превожилъ, и въ особенности пре-
вращеніе рамы въ гробъ, но сколько ужъ пу-
спыхъ сновъ не снилось еѣ мапері?—Въ такіа
думы она была погружена въ по самое вре-
мя, когда Поручикъ на красивомъ конѣ своемъ
примчался на дворъ.

—Мать приняла его весьма угрюмо и холод-
но.—«Не угодно ли вамъ, сударь, сказала она:
показать мнѣ ваше-обручальное кольцо!»—По-
ручикъ, покрасѣвъ по уши, подалъ ей оное.—
«Вѣдь это не по кольцо, продолжала она:
которое вы получили отъ моей дочери. На
немъ были вырѣзаны литеры: F и G; на
этомъ ихъ невидать. Сверхъ того и рабо-
та не та самая, и брилліанты похуже.»

—Замѣшательство Поручика увеличивалось;
онъ не отвѣчалъ. Госпожа фонъ Франъ про-
должала: «господинъ Аренбергъ! въ нашемъ оп-
супспвіи вы производили торгъ съ двумя
Жидами, здѣсь, въ этой комнатѣ. Вы прода-
ли имъ драгоцѣнное кольцо моей дочери, и
вмѣсто его купили другое похожее, ничего не-
спіоющее. Теперь, къ сожалѣнію, вижу ясно,
что я слишкомъ довѣряла вашей бережливос-
спіи, и что имѣніе моей дочери въ вашихъ
рукахъ находится въ опасности, иппи пою
же дорогою, кторою пошли деньги, выру-
ченныя за кольцо.»—Тутъ лице Поручика
прояснилось. Милая маменька! сказала онъ,
вынимая бумажникъ: вы сей часъ удосповѣ-
рипесь, что я не заслуживаю упрека въ мо-
повспствѣ. Препнее кольцо не только не при-
носило процептовъ, но имѣло еще пу невы-
году, что хозяйка домовъ и геспинницъ, смо-
пря на іпакую богашую вещь, вездѣ сдирали
бы съ меня вдвое. Эппи бумаги—онъ раскрылъ
бумажникъ—приносятъ шесть процептовъ.
Онъ наша обоюдная собспвенность. Правда,
я 'продалъ кольцо, но это новое не хуже
его, и сверхъ того преврапило мертвый ка-

пипаль въ живоі. Госпожа фонъ Франъ иѣ-
сколько секундъ молчала, изумленная отпѣ-
помъ Поручика; попомъ начались другаго ро-
да допросы.—«За чѣмъ же вы, спорговавшись,
такъ посѣшно вы бѣжали изъ комнаты? И за
чѣмъ Евреи кричали, что картина сидитъ у
нихъ на шеѣ?»—

—Поручикъ не зналъ что отвѣчать, но
вскорѣ оправался, сказалъ: мерзавцы Жида
вздумали издѣваться надъ Аннинымъ портре-
помъ, за что я выгналъ ихъ вонъ изъ комнаты;
впрочемъ не помню, чпобы они кричали, что
картина ихъ преслѣдуетъ, и если это дѣй-
спвительно случилось: то сей безумный
спрахъ должно почивпять праведнымъ нака-
заніемъ за дерзкій опзывъ ихъ о божеспвен-
номъ изображеніи моей несравненной Анны.—
Мать въ дальнѣйшихъ допросахъ своихъ ко-
снулась и масляныхъ пяпенъ мужнина пор-
трепа; но будущій запъ клялся и божился,
что онъ ни сколько не виноватъ въ искаженіи
портрепа. Эппимъ все еще не удовольспвова-
лась госпожа фонъ Франъ.—«Вы получили
300 Фридрихсдоровъ за мой медальонъ, ска-
зала она: за чѣмъ вы удержали претью долю?»—
Милая маменька! возразилъ Аренбергъ: мы усло-
вилпсь. Я давалъ вамъ 1,000 талеровъ, вы со-
гласилпсь и получили эту сумму. Чпо я бо-
лѣ выручилъ, еспъ мой барышъ; вы не мо-
жете обвинять меня въ обманѣ; я ничего не
сдѣлалъ пропивузаконнаго. Впрочемъ, сей ба-
рышъ не достапется мнѣ одному; вѣдь все,
что я имѣю, будетъ принадлежать и вашей
дочери.—

—Сіи доказательства казались мапері не-
опровержимыми; она замолчала. Тутъ Анна ска-
зала: маменька! я вижу, что господинъ фонъ
Аренбергъ не промолкаетъ моего имѣнія, но
за по боюсь, что назначитъ мнѣ слишкомъ
скудную сумму на мои собспвенные расходы;
уговоръ лучше денегъ; пусть онъ опредѣлитъ
мнѣ сумму на бездѣлки.—«А сколько вамъ
угодно въ годъ?» спросилъ женихъ.—«Восемь
сотъ талеровъ,—быстро отвѣчала Анна.

—«Восемь сотъ талеровъ?»—спросилъ По-
ручикъ съ удивленіемъ,—мнѣ кажется, что
при готовомъ содержаніи 300 талеровъ очень
довольно на туалетные расходы.»—При сихъ
словахъ глаза Анны засверкали.—Милый Карлъ!

сказала оскорбленная невеста съ достоинствомъ: ты говоришь, какъ будто бы нанимаешь кухарку; такъ по Жидовски не поругается женихъ съ невестою, — давай три, гдѣ просишь восемь! — Ты забылъ, что возьмешь за мною. — При посредничествѣ маперы дѣло сіе кончили тѣмъ, что *Анна* опредѣлено въ годъ 600 палеровъ на собственные расходы, и контрактъ на то, какъ слѣдуетъ, былъ записанъ у маклера.

— Свадебный день насталъ. Опставной Поручикъ, въ щегольскомъ паррикулярномъ платьѣ, принималъ сосѣдственныхъ помѣщиковъ, не примѣчалъ опсупствія Паспора, который, для повпоренія своей рѣчи, выпросилъ себѣ особую комнату. — Госпи собрались, и женихъ только что хотѣлъ взять невесту подъ руку, чтобы вести ея въ вѣнчальную залу, какъ слуга ему доложилъ, что пришелъ Уланъ, который непременно хочетъ съ нимъ поговорить наединѣ. Изумленный *Аренбергъ* вышелъ, и ужаснулся, увидѣвъ незнакомаго гостя. — «Спусти за мною,» сказалъ онъ ему, и повелъ его въ комнату, смежную съ пою, въ которой Паспоръ затверживалъ свою рѣчь. И такъ, сей послѣдній невольнымъ образомъ подслушалъ весь ихъ разговоръ, который навелъ на него такой ужасъ, что онъ долго не могъ опомниться, и не зналъ, на что рѣшиться. Тутъ слуга, вошедъ, попросилъ его въ вѣнчальную залу. Машинально послѣдовалъ онъ приглашенію, и вопль ужъ онъ споллъ предъ споломъ, замѣнявшимъ алтарь; уже стояла предъ нимъ чета рука въ руку, и смотрѣла съ удивленіемъ на разброшеннаго. Тутъ взглядъ на обручальныя кольца, казалось, вывелъ Паспора изъ безпамятства, и возвратилъ ему языкъ. Но вѣсть по того, чтобы чинить молитву, онъ уронилъ Библию и служебникъ, и вскричалъ: «помоги мнѣ, Боже! не могу! Онъ Еврей!» — Мать и дочь вскрикнули въ одинъ голосъ. — «Еврей!» — опоздалось въ полкъ изумленныхъ гостей, и когда всеобщій ужасъ минулъ, по жениха уже не было.

— Опыщайте Улана, который былъ тутъ недавно! вскричалъ Паспоръ: онъ намъ все объяснитъ!» — Улана опыщали, и онъ спалъ рассказывать: мы оба, Поручикъ и я, уро-

женцы Берлинскіе; отецъ его назывался Ааронъ; но когда Берлинскіе Евреи вдругъ сдѣлались Баронами и Графами, по Исаакъ переименовался *Исенбургомъ*, Ефраимъ *Эйленбургомъ*, Лампертъ *Дилалбертомъ*, а нашъ Ааронъ *Аренбергомъ*. Онъ сдѣлался банкротъ и бѣжалъ, и я долго шатался по свѣту, пока наконецъ опредѣлился въ эполтъ Уланскій полкъ, и кого тамъ нахожу? моего господина Аарона Поручикомъ. Онъ меня не узналъ, и я очень осперегаялся напомнить ему наше прежнее знакомство. Разъ только я съ нимъ объ эполтъ заговорилъ, но чуть было не нажилъ себѣ большой бѣды. Поручикъ взялъ меня съ собою въ городъ, и я тамъ замѣтилъ, что онъ связался съ Евреями для составленія плана, какъ обмануть здѣшняго помѣщика и эпу барышню. Спарика надобно предостеречь, подумалъ я про себя, и заставъ его однажды въ саду, рассказалъ ему всю правду; но къ несчастію, онъ умеръ отъ испуга, и я не такой былъ глупецъ, чтобы прежде времени разглашать, что между нами обоемъ происходило. Но какъ я не могъ воспрепятствовать бракосочетанію, то рѣшился, по крайней мѣрѣ, извлечь для себя пользу изъ моей тайны. Поручикъ вышелъ въ опставку, и такъ мнѣ нечего было его бояться; я пришелъ сегодня сюда и сказалъ ему: если дашь мнѣ 1,000 палеровъ, я буду молчать. Онъ далъ мнѣ вексель на 500, чѣмъ я и былъ доволенъ. —

— Поручикъ, собравъ между тѣмъ свое имущество, навсегда исчезъ; мать падала изъ одного обморока въ другой; невеста была въ опчаяніи; жестокое паденіе ея съ высоты Графскаго достоинства до низости корыстоплюбиваго Еврея, изъ блестящаго круга Придворныхъ въ чадную атмосферу Жидовскаго родства, по прошествіи года свело ея въ могилу. Стоя предъ гробомъ ея, госпожа фонъ *Франъ* не имѣла другаго выраженія для своей горести, какъ почти безумный вопросъ: бываютъ ли сны пророческіе?

— Опставной Поручикъ Ааронъ фонъ *Аренбергъ* нынѣ встрѣчается на всѣхъ окрестныхъ ярмонкахъ. Никто не пройдетъ мимо его, не услышавъ запроса: нѣтъ ли чего гандловать?

«Теперь принесите чаю для нашей милой, упомянутой чиппательницы!» сказалъ Графъ *Арвейлеръ*, когда *Гедвига* положила въ спорону свою красивую шепраду.

Подали чаю. — «Ну чипожь, спросила *Оттилия*: изъ эпихъ двухъ повѣстей, которой дадимъ преимущество?» — «Тупъ, Графиня *Анна*, возведя кропкіе глаза свои, сказала: не почитайте меня приспрасною, если рѣшу въ пользу *Карла*: ибо мораль его повѣсти меня подкупила. — «Мораль?» подхватила *Оттилия*. — Конечно въ ней проповѣдуется мораль: ты не долженъ домогаться чужаго наслѣдства! — «Очень хорошо, но развѣ основаніемъ *Гедвигиной* повѣсти также не служишь спасительный урокъ: будь разборчивою невѣстою по крайней мѣрѣ не долго, а по женихи-Графы разбѣгутся, и лявтся презрѣнные Евреи, — но это разберемъ послѣ, а по не успѣемъ прочитывать наши оспальныя при повѣсти.» —

— Двѣ! — подхватилъ Графъ *Эмсъ*: моя уже чипана! — «Извините, братецъ, по была *Анна* повѣсть! — Вопль ваша!» — и быстро, какъ молнія, ручка ея схватила ридикюль, въ которомъ хранилась его другая шепрада. Шалуныя выпатила её и крѣпко прижала къ себѣ.

«Она оспанется у меня, пока до васъ доидеть очередь, и если вы не захопите читать, по я прочту ваше сочиненіе; за что намъ перьятъ одну повѣсть.» — Молодой Графъ, закусивъ губы, съ принужденною улыбкою покорился своей неоправимой участи. — *Оттилия* начала чипать:

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НЕУГАСАЕМЫЙ СВѢТЪ.

Угаснулъ знойный лѣтній день,
Прохлада вѣетъ мнѣ на вѣжды;
Но вдвое ярче свѣтъ надежды:
Его не гаситъ ночи тѣнь.

Душа инымъ согрѣна лѣпомъ,
Иныхъ причастная лучей,
Не распается съ сладкимъ свѣтомъ
И подъ завѣсою ночей!

Она полна злыхъ видѣній,
И, веселясь въ своихъ бѣдахъ;
Лепишь превыше преволненій,
Какъ лёгкій парусъ на водахъ.

О. Глинка.

М. М. П—Н—ВУ.

Какъ часто звѣздочка, блистая
Между подружекъ въ небесахъ,
Вдругъ понесется, утопая
Въ дымчатыхъ сизыхъ облакахъ!
Не по жель дружба? Нынѣ вмѣстѣ
Мы дѣлимъ сладкія мечты
О прошлой жизни, о невѣстѣ,
А завтра понесешься ты
Отъ насъ въ далѣкую дорогу,
И — можешь — скажешь между словъ:
«Ну, ускакалъ я, слава Богу!»
О нѣтъ! я лгу. Ты не шаковъ.
За чѣмъ напрасное ропшанье?
Не позабышь тебѣ друзей,
И сохранится разсаванье
Надолго въ памяти твоей.
Вдали, въ шуму, въ забавахъ міра,
Гдѣ сердцу вѣчный недосугъ,
Бышь можешь, дружеская лира
Не оскорбитъ твоей строгій слухъ,
Припомнитъ нѣжныя объянья
Друзей, разсавшихся съ тобой,
И дни, когда они, какъ братья,
Тебя любили всей душой.
Ты передъ ними не шайлся,
Отъ дружбы сердце не скрывалъ,
И съ ними вмѣстѣ ты рѣвился,
И вмѣстѣ въ операхъ зѣвалъ.
Но часто, часто, одинокой,
О чемъ-то, молча, ты грусишь,
Съ какой-то думою глубокой
Ты отъ веселья уходилъ.
Видалъ я тайное спраданье
Души разспроганной твоей,
Слыхалъ я тихое шепшанье:
«Когда-жъ увижуся я съ ней?»
И вслѣдъ за мыслію, поскливо
Ты пѣснь печали запѣвалъ,

И такъ порывисто и живо
 Въ напѣвахъ грусть изображалъ.
 Теперь, шюмимъ въ душѣ желаньемъ,
 Ты въ пунь далекій полетншь,
 И съ неко радостнымъ свиданьемъ
 Надежду сердца уполншь.
 Просни же, милый, незабвенный!
 Найди веселье и покой;
 Да счастья въбокъ неплѣнный
 Совьется надъ нвоей главой;
 Да увнчаешь Провидѣнье
 Твои желанья и мечпы —
 И новой жизни наслажденье
 Да не въ мечпахъ узнаешь пы!

А. Елизвѣ.

Вяпка.
 23 Юня 1852.

E N I G M E.

Nous sommes deux freres jumeaux,
 Destinés à servir deux soeurs aussi jumelles;
 Les freres sont plus ou moins beaux,
 Et les soeurs sont plus ou moins belles.
 Quand certain chevalier d'honneur
 Jette l'un de nous sur la place,
 S'il s'y trouve un homme de coeur,
 Tout aussitôt il le ramasse,
 Et contre l'ennemi qui l'ose défier
 Signale sa valeur au combat singulier.

Въ No 95, помѣщенный омонимъ значить: *Дробь*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

(Окончаніе.)

Интермедія, въ первый разъ представленія.

1. Филапка въ маскарадѣ, или Мипавская ярмонка.
2. Возвращеніе Филапки изъ путешествія.
3. Филапка съ дѣтми.
4. Филапка и Мирошка соперники.

И того, четыре.

Благословенное семейство *Мирошекъ* и *Филапокъ* размножилось на св. Руси, какъ знаменитое племя *Выжигинныхъ*. Нашъ псапръ имѣетъ своихъ *Александровъ Анфимычей, Зи-*

мулинныхъ, Сиговыхъ, Соловѣвыхъ, Сельтинныхъ, Кобылинныхъ.

Въ No 268 Сѣв. Пчелы 1831 года, по случаю представленія Публикѣ *Филапки*, возвратившагося изъ путешествія, было напечатано: «Давнымъ давно гулялъ по Русскимъ сценамъ *Филатъ Терентьевичъ*. Эта олицетворенная деревенская глупость нравилась тогда и образованной Публикѣ, потому, что была выведена и умно и во время. Прошло это время, сошелъ съ псапра *Филапка* — и мы надѣялись проспитъся съ нимъ навсегда. Не спитъ-по было. Нашелся какой-то проказникъ: пригладилъ, приходилъ *Филата Терентьевича*, и снова насильно вспащилъ его на Петербургскую сцену. Сперва отправилъ онъ его путешествовать на Мипавскую ярмонку; попомъ, то естъ, въ нынѣшній разъ, заставилъ его возвратиться изъ этого путешествія, и сосваталъ его на пошлой дурѣ, *Улитъ*, не смотря на то, что *Филапка*, двадцать лѣтъ назадъ, былъ женатъ на *Федорѣ*. Можеть быть, онъ съ пѣхъ поръ оводовѣлъ, не знаемъ: это дѣло Автора *Филапки*. Намъ неизвѣстно, одинъ ли и тотъ же пворецъ создалъ *Филапку на Митавской ярмонкѣ* и *Возвращеніе Филапки изъ путешествія*; но чувство состраданія къ нашей бѣдной Драмапической липературѣ заставляеть насъ думать, что даже, если *Аполлонъ* и гнѣвается на неѣ: то и во гнѣвѣ своемъ не пошлетъ ей двухъ казней вмѣстѣ — двохъ писателей для ярмоночныхъ фарсовъ. И такъ, мы увѣрены, что оба новые *Филаты Терентьевичи* — дѣпища одного *Терентья*, и, вѣроятно, пошли по бапюшкѣ. *Яблоко оега дерева падаетъ не далеко!*»

Балеты и дивертисементы, въ первый разъ представленныя.

1. Павелъ и Виргинія, балетъ въ трехъ дѣйствіяхъ.
2. Влюбленный Баярдъ, балетъ въ пяти дѣйствіяхъ.

И того, два.

Возобновленія.

1. *Федра*, балетъ въ чепырехъ дѣйствіяхъ.
2. Приключеніе на охотѣ, балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ.

3. Семикъ, или Гулянье въ Марьиной роуцѣ, диверписеменпъ.
4. Нина, или Сумасшедшая отъ любви, балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ.
5. Неожиданное возвращеніе, или Вечеръ въ саду, диверписеменпъ.
6. Гулянье на Крестовскомъ оспровѣ, диверписеменпъ.

И того, *иметь*.

Всѣхъ же пьесъ новыхъ и возобновленныхъ представлено было 45.

III.

MODES.

Manteaux. — Manteau Caméléon. Il a l'avantage de former de grands bouquets très-élégans à l'endroit, et des rayures à l'envers. L'étoffe n'a pas besoin d'être doublée, et le manteau est fait de manière à être porté des deux côtés.

Manteau Macabre. Étoffe légère, soie et laine, à petits dessins; il est entouré de riches bordures à fleurs ou gothiques.

Manteau Buridan en étoffe de soie à grandes bandes. Grenat sur grenat foncé, vert sur vert foncé, etc., etc., avec dessins satinés et de la même couleur.

Manteau Persan en thibet, broché comme le cachemire, ayant des dessins parfaitement imités des schalls de l'Inde.

Manteau Turc en étoffe de soie brochée, à dessins très-riches.

Manteau de satin à colonnes couleur sur couleur. Ce tissu est le plus beau qui se soit encore fait pour cet usage.

Manteau Jeanne d'Albret. Genre et nuance tout-à-fait distingués.

Manteau Mahrata. Rien de plus original, de plus baroque et cependant de meilleur goût: ils ressemblent à des tapis persans.

Manteaux Arabesques en soie: ils ont l'avantage de se laver sans ménagement et d'être d'un porté très-léger.

Manteaux du matin. Pour cet usage quantité de tissus de laine brochée, dessins détachés, et à colonnes d'une seule nuance; flanelle anglaise à carreaux, écossais nouveaux, etc., etc.

Pl. No 33. Habit de chasseur.

МОДЫ.

Плащи. — Плащъ Хамелеонъ. Выгода его состоятъ въ томъ, что сверху весьма красивые букеты, а изнанка полосатая. Матерію сію ничѣмъ не нужно подкладывать; плащъ сдѣланъ такъ, что его можно носить на обѣ стороны.

Плащъ Макабрской. Легкая матерія, изъ шелка съ шерстью, съ мелкими узорами; вокругъ богатая кайма съ цвѣтами, или въ Готическомъ вкусѣ.

Плащъ Buridan. Изъ шелковой матеріи съ широкими полосами. Гранатовыя по тѣмно-гранатовому, зелѣныя по тѣмно-зелѣному, и проч., и проч., съ апласными узорами подъ цвѣтъ.

Плащъ Персидскій изъ пибета, зашканнаго какъ кашемиръ, съ узорами, совершенно подражающими Индѣйскимъ шалямъ.

Плащъ Турецкій изъ шелковой зашканной матеріи, съ весьма богатыми узорами.

Апласный плащъ, съ столбами подъ цвѣтъ. Это самая красивая тканьъ, какая до сихъ поръ дѣлалась для сего употребленія.

Плащъ Jeanne d'Albret. Цвѣтъ и фасонъ совершенно отличные.

Плащъ Mahrata. Ничего необыкновеннѣе, ничего страннѣе, однакоже весьма въ отличномъ вкусѣ; сѣи плащи походятъ на Персидскіе ковры.

Плащи Арабесками шелковые: они имѣютъ по преимуществу, что можно безъ оспорожности, и весьма легки.

Упреніе плащи; для сего употребляется множество зашканныхъ шерстяныхъ матерій съ отличными узорами, съ столбами подъ цвѣтъ; Англійская фланель клепчатая, новыя Шотландскія шкани, и проч., и проч.

Карп. No 33. Охотничье платье.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 95.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Ноября 26 дня, 1832 года.

Мудрецъ! на свѣтѣ семь, межъ добрыми и злыми,
Чѣмъ зацлпъ ты, я знать хочу?
«Въ большой больницѣ сей я слезы лью съ больными,
А съ дураками хохочу.»

Иллитескій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВОСКРЕСЕНІЕ ИЗЪ МЕРТВЫХЪ АНГЛІЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ КАРОЛИНЫ.

Жена одного Шотландскаго офицера, бывшаго въ службѣ Индѣйской компаніи, имѣла почти все, что нужно для счастья; мужъ ея былъ богатъ, пользовался общимъ уваженіемъ, оказывалъ ей нѣжность и снисхожденіе; домъ ея починялся однимъ изъ лучшихъ, и она не отказывала себѣ ни въ какомъ удовольствіи.

Одно только нарушало ея благополучіе. У нея былъ носъ, совершенно схожій съ носомъ покойной Королевы, супруги покойнаго Англійскаго короля *Георга IV*, споль извѣстной по плясбѣ, въ которую былъ замѣшанъ *Бергалии*.

Кому-то вздумалось однажды сдѣлать ей замѣчаніе на счесть этаго сходства. Сначала она посмѣялась тому, но послѣ, думая и думая, забрала себѣ въ голову, что большая часть воспоминаній перемѣшалась въ умъ ея послѣ болѣзни, которою она была одержима незадолго предъ тѣмъ; что отъ этаго она не имѣла основательнаго понятія о прошедшей своей жизни, и что могло быть весьма возможнымъ, что она дѣйствительно ко-

ролева, гоненіями короля *Георга* вынужденная распустишь слухъ о своей смерти, и удалиться на островъ *Цейланъ*, гдѣ одинъ вѣрный служитель, чтобы избавить ея отъ непріятной молвы, выдавалъ себя за ея мужа.

Со дня, въ который эта мысль утвердилась въ умъ ея, она стала выше поднимать голову.

Съ эпихъ поръ начала она говорить: подайте *намъ* супу; *мы* желаемъ знать о нашемъ здоровьи; *мы* худо спали ночь.

Она сообщила свои сомнѣнія на сей счесть своему мужу, который рѣшительно запретилъ ей кому либо открывать это. По кончинѣ его, ей открылось свободное поле сумасбродствованья. Она неперпѣливо спѣшила возвративъ себѣ королевскія права при Дворѣ. Въ припадкѣ своемъ назначила она поваренка своимъ пайнымъ совѣтникомъ, министромъ финансовъ, внупреннихъ и военныхъ дѣлъ; другому дворовому мальчишкѣ поручила юстицію и иностранныя дѣла; ему же предоснавила она пипуль генералиссимуса, на то время, когда у неѣ будущъ войска. Послѣ того, обративъ богатое свое имѣніе въ деньги, она вмѣстѣ съ вельмо-

жамп своими перебралась на корабль *Минерву*, который из Восточной Индіи опправлялся прямо въ Лондонъ.

Едва только опплыли они на достаночное разстояніе опъ береговъ, какъ она велѣла позвать къ себѣ капитана корабля, г. *Робертсона*, и повелительнымъ голосомъ сказала ему: посмотрипе на меня!

Г. Робертсонъ взглянулъ на неё.

«Ну!»

— Ну, сударыня? —

«Вы меня не узнаете?»

— Какъ не узнавать! —

«Я въ этомъ не сомнѣваюсь.»

— Вы прерпьяго дня приходили нанимать у меня на корабль мѣсто для себя и для двухъ своихъ сопутниковъ. —

«И только?»

— И только! —

«А, понимаю; почно, вы правы; вы боитесь, чптобы насъ не подслушали, и думаете, чпто лучше сохранишь тайну до прибытія нашего въ Лондонъ.»

— Какую тайну? —

«Переспаньте прпшворяться; вы очень хорошо знаете нашу тайну, великую тайну... Но вы правы, переспанемъ говорить объ этомъ. Позаботьтесь только, чптобы ваши люди не отказывали мнѣ въ почтеніи, которыми они обязаны моему сану и высокому происхожденію.»

— Исполню все, чпто можетъ быть вамъ угодно, сударыня, — сказалъ сильно изумленный капитанъ.

«И такъ, прикажите же имъ, какъ и слѣдуетъ, служипъ мнѣ на колѣняхъ.»

Капитанъ почель её безумною; когда же слуги принесли обѣдъ, по застали её одну, съ двумя служителями, сидящею за столомъ, уставленнымъ золотомъ и серебромъ.

«Ну, сказала она имъ; поклонитесь мнѣ пониже, вы получите за это крону. О! такой поклонъ никуда не годится, онъ не стоитъ и шести пенсовъ. Кланяйтесь ниже, я

пожалую вамъ полторы кроны. Хорошо; вотъ полторы кроны. Теперь спаньте на колѣна, и прислуживайте мнѣ такъ. (*Слуги отказались.*) Ну, на колѣна за одну гинею. (*Они медлили.*) На колѣна, за двѣ гинеи!»

Они бросились на колѣна, и исполнили все, чпто покойной королевы Англійской угодно было повелѣть имъ.

Когда корабль пришелъ на мѣсто, она написала къ *Лорду-Меру*, прося его прислать немедленно почетную спражу, дабы ей можно было показаться въ Лондонъ, прплично ея сану.

Она приготовилась къ торжественному шествію въ свою столицу и къ публичнымъ увеселеніямъ; опсчитала сорокъ гиней для зъвакъ, которыми должны были останавливаться, собираясь и толпиться около ея кареты; полтораспа гиней для пѣхъ, которые должны были кричать: да здравствуетъ королева; двѣсти прирцапъ для пѣхъ, которыми надлежало говорить въ полкъ: я узнаю её; она почти не перемѣнилась; однако-жъ, на лицѣ ея прибавилось немного морщинъ... О! она была добрая, великодушная государыня!

Послѣ этого, она поплакала съ часъ о своихъ прошедшихъ несчастіяхъ; потомъ посвяпила нѣсколько минутъ воспоминанію о прекрасномъ *Бергалли*, и готовилась уже выпити, какъ явился полицейскій чиновникъ, посланный за нею опъ *Лорда-Мера* съ экипажемъ и почетною спражею, состоявшею изъ 8 или 10 полицейскихъ. Её посадили въ карету и съ подобающими почестями опвели прямо въ домъ сумасшедшихъ.

Пер. *Иль. Г—въ.*

КОЛДУНЪ.

Я знавалъ колдуна, который почно былъ добрый колдунъ.

Онъ носилъ очки, чесалъ свои волосы только въ день шабаша, ѣздилъ верхомъ на помель, говорятъ; хотъ я и не видалъ этого собспвенными своими глазами; словомъ, колдунъ этотъ былъ весьма свѣдаущій колдунъ своего

времени. Онъ вѣрно предсказывалъ Марповскіе холодные дожди, Генварскую саночную ѣзду и осеннія жатвы; а при сватъбахъ качалъ головою съ грозно-значительнымъ и таинственнымъ видомъ.

Когда колдунъ нашъ показывался на улицѣ, пономари закрывали себѣ лица, дѣлчки крестились, малые ребята, которые были посмѣлье, кричали ему вслѣдъ: эй, ты колдунъ! вотъ колдунъ! собака колдунъ!

Правду сказать, онъ былъ не промахъ, и казался какъ сыръ въ маслѣ. Жизньница его всегда была полна. Осправлялся ли въ путь корабль, умиралъ ли дядя, заболѣвалъ ли дитя, возвращался ли изъ полка черноглазый молодецъ, всѣ бѣжали къ нему узнавать заранее:— шастливо ли будетъ плаванье, колдунъ? умретъ ли дядя, колдунъ? выздоровѣетъ ли ребѣнокъ, колдунъ? вѣренъ ли желанный, колдунъ? Онъ отвѣчалъ: путь шастливъ, спарику могила, ребѣнокъ оправится, желанный вѣренъ;—и всѣ прыгали отъ радости: купецъ, племянникъ, мать, дѣвушка, и наполняли карманъ колдуна. Но дѣлалась гроза, спарикъ выздоравливалъ, дитя умирало, у разгульнаго солдата была другая. Какая нужда колдуну? онъ свое дѣло сдѣлалъ и не даромъ. Не славно ли быть колдуномъ?

Но увы! сколько бѣдъ претерпѣлъ онъ въ печеніи долгой своей жизни! День, въ который положили, чтобы колдуновъ болѣе не жечь, былъ гибельнъ для его ремесла; день, въ который рѣшили, что колдуновъ не существуетъ, довершилъ его несчастья. Съ сего времени, онъ спалъ колдуномъ обыкновеннымъ, колдуномъ горничныхъ, кучеровъ и деревенскихъ бабъ. Колдунъ просился съ полищикой, не могъ предсказывать ни смерти важныхъ особъ, ни нападений, ни вѣчныхъ войнъ, оспался при однихъ семейныхъ ссорахъ, волшебныхъ замкахъ приврапника, честолюбій прихожихъ. Последнимъ прибѣжищемъ ему любовь, суевѣрная повсюду, вездѣ, большой чародѣй, который не можетъ обойтись безъ вѣры въ чародѣевъ, слѣпое дитя, которое хочется видѣть. — Я буду жить предсказаніями своими въ любви, говорилъ колдунъ.

«Любовь старая побасѣнка, перепроверженная, однообразная, всегда нравоучительная и за-

нимательная; однако я спаяну повпорять эту побасѣнку. Во всякомъ случаѣ, эпимъ можно прожить еще лѣтъ двадцать.»

И вотъ приходили, не въ какомъ множествѣ и не такіе неперпѣливые, старые поспиптели и поспипельницы. Мнѣ скучно, дядюшка, говорила дѣвушка; мнѣ шестнадцатъ лѣтъ, не спипся, всё объ чѣмъ-то думается, чего-то хочется; дядюшка, посмотри мою руку.

Какая рука! черпы слегка означенныя, дыханіе вѣпра на золотой браздѣ; вѣперъ, сгибающій цвѣшущія сирени, оспавляеть слѣды болѣе глубокіе. Рука нѣжна и шелковиста, пканъ совсѣмъ нова, роковое *А* едва замѣпно на этой хорошенькой ручкѣ. Дитя мое, сказалъ гадамель, спраданіе твое кончится. Ты поллюбишь пригожаго молодого человека, который придетъ съ востока или запада, но придетъ непременно, будь въ томъ увѣрена. Онъ придетъ. Ты впрѣпишься съ нимъ весною или лѣтомъ, а можеть быть, зимою, на веселомъ праздникѣ. Ты узнаешь его по его улыбокѣ, по звуку его голоса, по его нѣжному взгляду, по всей его осанкѣ. Тебѣ покажется, какъ будто ты его гдѣ-то уже видала, когда-то любила; тебѣ покажется, что онъ твоей старій знакомецъ, и ты скажешь: это онъ! Таковы были предсказанія любви для юношества. Шастлива женщина, когда она еще довольствуется для своего убора простымъ газомъ, волосы украшаетъ только розою; когда еще нѣтъ у ней ни колечка на рукѣ, ни жемчужины на шеѣ, ни рубина на головѣ, ни спаринной каменъ въ волосахъ ея браслетахъ. Богатая проспота, величественный нарядъ, справедливая принадлежность пятнадцатилѣтняго возраста твоего, младая дѣва, заставляющаго тебя носить пощъ же нарядъ, какимъ украшена *Идиллія Денрео*.

Бѣдное дитя, полное вѣры въ слова колдуна, уходитъ съ твердою надеждою. Она ожидаетъ; она поетъ. Гдѣ же пощъ, которому должно явиться? Она ищетъ его на воспокъ, на западъ, при собираніи винограда во время осени, подъ сиренями весны, въ благовонныхъ куреніяхъ зимнихъ праздниковъ. Она должна

узнать его, пакъ сказалъ колдунъ, узнать по его голосу, пѣлодвиженіямъ, взгляду. Она ищетъ его вездѣ, и не признаетъ. Она не можетъ сказать: это онъ! Она въ такомъ неперпѣннѣ, въ такомъ безпокойствѣ! Она мучится безсонницей, а по вечерамъ озирается въ страхъ. У неѣ ли не маленькая спройная ножка, у неѣ ли не очаровательный спанъ, не всё ли существо ея какъ бы небесное, и что же? всё бесполезно; она одинока, при всѣхъ своихъ прелестяхъ, при всей своей свѣжести. И вопъ идѣтъ она оплпть на чердакъ къ колдуну. — Ты обманулся, опецъ мой, я ничего не видала ни на воспокъ, ни на западъ, ни лѣтомъ, ни зимою, я никого не узнала, я всё одна и въ скукѣ. Сдѣлай милость, погляди еще мою руку.

И колдунъ оплпть смотритъ руку, и на рукѣ этой нѣсколько морщинъ, и морщины лпть не глубже слѣдовъ, которые собака, въ *Задигъ*, дѣлала на песокъ двумя своими ушами, и колдунъ не придумывалъ уже что говорить: искусство его было всё испощено. Какъ! не находится никого ласкать это маленькое личико! никого броситься на колѣни у эшихъ колѣнъ, споль юныхъ! никого обнять эту руку! никого заставить биться это сердце! Въ какомъ вѣкѣ мы живѣмъ, Боже мой! въ какомъ свѣпѣ? Колдунъ не могъ довольно надивиться.

О колдунъ! мѣръ любви совсѣмъ распроился; оба пола врознь между собою. Гдѣ наши молодые люди? Я вижу надменныхъ полппиковъ, воинновъ, учёныхъ, бородастыхъ; а влюбленныхъ, какъ будто и въ заводъ не бывало. Прежде арпистъ, мучимый безпокойствомъ, намечпавшись, надумавшись или начппавшись, и изгопоя свою работу, взбирался иногда въ ппный эпажъ къ колдуну. — Обращитъ ли на себя взоры нарисованный мною церковный припворъ? достоинъ ли мой образъ Преображенія Господня своего предмета? моя поэма будетъ ли плодомъ вдохновенія? И на такіе вопросы колдунъ, читавшій *Винкельмана* и опца *Буфье*, и никогда даже не слышавшій о предисловіи *Кромвелля*, опвѣчалъ безъ смущенія: пвой припворъ будетъ прекрасенъ, ежели онъ великъ и легокъ, ежели воздухъ дышетъ, волнуется въ его очеркахъ; ежели

украшенія въ немъ исполнены прелести; ежели онъ и не обременѣнъ ими и не слишкомъ просптъ.—Твой образъ Преображенія будетъ превосходенъ, ежели напомнишь Преображеніе *Рафаэлево*, не будучи его копіею. Твоя музыка будетъ извлекаетъ слѣзы цѣлое спольпие, ежели ты пойдешь по стопамъ *Моцарта*. Такъ говорилъ колдунъ — и арпистъ, просподушный баловень, восклицалъ, выходя оптъ колдуна: *какой угадчикъ!*

Но въ наши времена, въ изящныхъ искусствахъ всё измѣнилось, все перепначилось и въ судьбѣ молодыхъ дѣвушекъ, въ будущности спарушекъ. Въ искусствѣ уже не *Мишель-Анжъ*, не *Рафаэль*, не *Моцартъ*, а Богъ вѣсптъ, кто первенствуетъ. Искусство нынѣ въ очкахъ и парикѣ, красное, сѣрое, блѣдно-голубое; оно всѣхъ цвѣпновъ. Нынѣ засмѣютъ колдуна, когда онъ заговоритъ о любви, вѣрѣ, поэзіи, прехѣ великихъ словахъ, поруганныхъ, забытыхъ и упраченныхъ.

Опкуда и слѣдуетъ, что колдуновъ болѣе не существуетъ.

Съ Франц. И. *Покровский*.

К О Ё - Ч Т О .

Въ журналѣ *The age* напечатанъ слѣдующій акроспихъ, который будто бы сочиненъ въ то время, когда состояніе Наполеона и его семейства достигло высшей степени знаменитости, и который, если вѣрится этому, заключаетъ въ себя пророчество, скоро сбывшееся:

N—aroles (*Наполеонъ*, Императоръ Французовъ.)

I—osephus (*Иосифъ*, Король Испанскій.)

H—ieronymus (*Иеронимъ*, Король Веспфальскій.)

I—oachimus (*Иоахимъ*, Король Неаполитанскій.)

L—udovicus (*Лудовикъ*, бывший Король Голландскій.)

Если соединить пять начальныхъ буквъ: по выдетъ Латинское слово: *nihil*—ничто, или *нигилизмъ*.

Правиломъ прежней Лондонской полиціи было ни въ чемъ не затруднять свободы дѣйствій; правило, служившее къ выгодѣ бездѣльниковъ, но къ обремененію мирныхъ гражданъ, которые не находили покровительства въ законѣ. Вновь успроенной полиціи поставлено въ обязанность не только наказывать пресупленія, но еще предупреждать оныя. Для сего выбраны люди спепенные, бдѣтельные и гораздо болѣе свѣдающіе, нежели прежніе. Число ихъ проспирается до 825 человекъ, какъ чиновниковъ, такъ и простыхъ служителей.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ЗАМКѢ АРВЕЙЛЕРЪ.

(Продолженіе.)

VI.

Царица Лилипутовъ.

— Рейхсграфъ Рейергорстъ съ семействомъ своимъ сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ. Главнымъ предметомъ разговора былъ новый сосѣдь: ибо майорансиво фамиліи Верри, Грюнгофъ, смежное съ помѣстьями Графа, послѣ смерти бездѣпнаго владѣльца, недавно досталось молодому племяннику, который, какъ пронесся слухъ, за нѣсколько дней предъ шѣмъ пудомъ прибылъ. — «Онъ служилъ въ конной гвардіи,» сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ; — «онъ тамъ порядкомъ прожилъ,» замѣпилъ другой; — «онъ красавецъ, стройный, ловкій молодой человекъ!» примолвилъ третій. — Не безъ вниманія вслушивались Анна и Оттилія, дочери Рейхсграфа. —

Красивъ и улыбаясь, невѣста зажала рукою розовыя уста чиппательницы. — Болшунья, ты рассказываешь намъ, что мы давно уже знаемъ, и что Карлъ и я каждый день, но только наединѣ, другъ другу повпоряемъ! — Молчи, сдѣлай одолженіе! Ты своими похвалами избалуешь моего жениха. —

«Не мѣшай мнѣ рассказывать, сестрица!» — воскликнула Оттилія: «онъ не возгордится, если услышитъ, что это похвальное слово

красотъ его испекало изъ устъ экономіи Директора.» — Она продолжала чиппать:

— Не безъ вниманія Анна и Оттилія, дочери Рейхсграфа, вслушивались въ привлекательное описаніе молодого пришельца, и въ шушку начали изображать его портретъ.

— «Благородный, спройный спанъ, живописала Анна; — вездѣ соразмѣрность, присовокупила умственна кисть Оттиліи; — волосы каштановые, кудрявые, примолвила первая; — ямочка на подбородкѣ и на щекѣ, и лице нѣскольکو загорѣвшее отъ солнца, прибавила послѣдняя; — и желѣзный крестъ на груди, — довершила Анна.»

— Лишь только вспали изъ-за стола, какъ егеръ въ богатой ливреѣ примчался на дворъ и доложилъ Графу о пріѣздѣ Карла фонъ-деръ Верро. — Дѣвицы, подшучивая одна надъ другою, полетѣли къ окну. — Гордый вороной конь, пляшущи, несъ спатнаго всадника по аллеѣ, ведущей къ Графскому замку. Лучи солнечные ярко отражались на золотой каскѣ и на воинственномъ палашѣ. — Графъ ескочилъ съ лошади.

— «Онъ не высокаго роста, — шепшала Оттилія; однакожь и не малаго! увѣрляла Анна: и какая пюнкалая палія! Посмотри. — Не натурально пюнкалая, какъ будно зашпанушая корсенномъ! говорило изъ устъ Оттиліи обманупое ожиданіе. Желѣзнаго креста также нѣтъ на немъ, и мундиръ безъ всякаго вкуса, составленъ изъ осени и зпмы: выше шарфа какъ снѣгъ, внизу какъ поблекшая зелень. — Опойдемъ отъ окна; онъ ужъ на лѣспинцѣ.» — Дверь распворилась, и вошелъ молодой, нѣскольکو блѣдный мущина, съ живыми, черными глазами и весьма пріятными чертами лица.

«Наконецъ, каплю нектара въ море горечи!» воскликнулъ женихъ съ принужденною улыбкою. Но Оттилія возразила небрежно: «что же дѣлать? Не моя вина, что испшина горька,» — и продолжала чиппать:

— «Ваши порпшепы, положенные въ одну раму, произвели бы превосходное сліяніе свѣпа и пѣни,» шепнула Оттилія сестрѣ своей на ухо: «свѣжій румянецъ пвоихъ щекъ, его

нѣжная близна.»— Сіе замѣчаніе, казалось, глубоко заронилось въ сердце *Анны*, ибо, по прошествіи мѣсяца, соеѣдка и соеѣдъ сдѣлались невѣстою и женихомъ.— Тутъ въ образѣ отца желѣзный рокъ спалъ между любовниковъ, прозносъ надъ ними разлуку, по крайней мѣрѣ, двухлѣпную, разлуку жестокою!— Тщепно плакала невѣста, тщепно умоляла женихъ,—рокъ былъ неумолимъ!

— Въ утро прощальнаго дня прелестная *Анна* проснулась отъ тяжкихъ сновидѣній, и желая прохладить жаръ заплаканныхъ глазъ, протянула руку къ спакану съ водою, спотывшему на сполникъ подлѣ ея кровати—и, о чудо!—съ волнами въ спаканѣ боролась карлица—дѣвица чудной красоты, спройнѣ пальмы, ростомъ менѣе соснава мизинца, и была въ опасности, подъ тяжестью алмазной короны и горноспаевой мантіи кануть на дно обширнаго бассейна.

— Изумленная невѣста не замедлила подать помощь утопающей; она всунула два пальчика въ спаканъ, выпатила крошечную царевну и, чтобы бѣдненькую обсушить и отогрѣть, положила её между подушекъ.—«Прелестнѣйшая изъ земныхъ обитательницъ!» сказала тогда дивное существо: я *Ангели*, царица *Гномовъ*, и нынѣ вздумала сойтти съ моего престола, алмазные колонны коего подъ твоею спальнею поддерживаютъ своды моего дворца, единственно для того, чтобы самой посмотреть на прелестную дочь Графа; которой красоту и добродѣтели воспѣваютъ поэты моего царства!—Я вскарабкалась къ тебѣ, увидѣла тебя, но, увы! когда ты зашевелилась и я хотѣла быстро удалиться, то упала съ твоей подушки въ пучину этаго кристальнаго сосуда.— Ты вырвала меня изъ влажной могилы, ты спасла моему государству царицу,—пробуй, повелительница моей жизни, пробуй отъ меня жертвы признательности. Требуй, чего хочешь! Я могущественна!»

— Тутъ милая невѣста сказала: «если ты дѣйствительно меня полюбила, царица *Гномовъ*,—то сопутствуй моему возлюбленному въ его странствіяхъ, ибо сегодня онъ отправился въ чужбину, и дважды земля должна совершить свое печеніе вокругъ солнца,

прежде, нежели ему позволено будетъ возвратиться въ объятія *Анны*!—Сопутствуй ему, храни его, бодрствуй надъ нимъ!—Посмотри, сей золотой кружокъ содержитъ въ себѣ на одной сторонѣ мое изображеніе, на другой одицъ изъ моихъ локоновъ! Ты можешь помѣститься между обоими. Вползи, и возврати мнѣ благополучно возлюбленнаго, которому нынѣ повѣшу на шею эту драгоценность.»

— Карлица-царица отвѣчала: «моя жизнь твоя!—Твое желаніе есть повелѣніе! Позволь мнѣ только оплутиться часа на два, чтобы назначить регента въ моемъ царствѣ.»—Спрыгнувъ съ кровати, она исчезла.—Еще не прошелъ выпрошенный для устройства регенства срокъ, какъ крошечная вѣнценосица опять явилась къ горящей невѣстѣ.—«Съ нимъ—или никогда не буду!» сказала она, и вползла въ золотую *келью*.

—«Никогда?» спросила невѣста съ выраженіемъ ужаса;—«никогда!» былъ отвѣтъ: «какъ скоро твоей женихъ пойдетъ спезею, по которой не можеть за нимъ слѣдовать безпорочное *дитя природы*!»—Оправа медальона заперлась.

—«Носи его на твоемъ сердцѣ!—умоляла *Анна*, повѣсивъ порплетъ свой возлюбленному на шею: носи его съ неизмѣнною любовію, ибо онъ предастъ тебя, когда не будешь мнѣ вѣренъ!»—Они распались.—

— Два года посковала невѣста; подобно солнечнымъ лучамъ, которые изрѣдка проглядываютъ сквозь туманные облака, письма далекаго друга, увы, слишкомъ скудно озаряли печальный мракъ разлуки, чтобы осушить ея слѣзы.— Но теперь она ужъ не плачетъ. Аврора счастливой любви сіяетъ на ея щѣкахъ! Это уже не скорбь разлуки, отъ которой она попеременно блѣднѣетъ и краснѣетъ! Любовники другъ другу возвращены!—Но ходилъ ли нашъ странникъ хотя разъ спезею, по которой безпорочная царица *Лилипутовъ* не могла за нимъ слѣдовать? Или *революція* позвала её обратно въ ея подземное государство? Или она навсегда заключена въ *монастырь* медальона?— Кто рѣшитъ намъ эту загадку!—Хотя возлюбленный и возвратился, но порплетъ возлюблен-

ной уронилъ онъ съ сердца, и *Аннели* не являлся, чтобы дать опчетъ въ его поступкахъ! — — —

Оттилія, закрывъ шепрадь, лукаво поклонилась жениху.— «Вы слишкомъ жестоко наказываете меня за неоспоримость, сказали сей послѣдній со вздохомъ: слишкомъ горько упрекаете меня въ поперѣ сего драгоценнаго порпирета.— Правда, я потерялъ его, но чтобы предохранить его отъ сильнаго дождя, насквозь меня промочившаго, мнѣ оспалось только одно средство: снялъ его съ груди, и положилъ въ бумажникъ. По случаю, несчастный бумажникъ непонятнымъ для меня образомъ выпалъ изъ кармана, однакожь не дасть еще, кажется, права обвинять меня въ невнимательности.»

— Шупку, любезнѣйшій Графъ, не надобно принимать такъ серьезно,—сказалъ Графъ *Арвейлеръ*: шупите и вы, но прежде всего позвольте намъ шеперь прослушать вашу повѣсть. —

Лице молодого Графа вспыхнуло.— «Безъ извиненій, безъ опговорокъ!» воскликнула *Оттилія*; и вынула его шепрадь: «или я саам буду чпшпать!»

— Позвольте, сказалъ Графъ, запинаясь: вы успали;—я самъ прочту!— Оправдась, съ примѣрнымъ усиленіемъ, онъ спалъ чпшпать:

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧЕРКЕСЪ.

Какъ вихрь полей или соколъ ясный,
Козакъ на гордомъ скакуитъ
Одинъ въ глубокой тишинѣ
Вдоль берега мчитъ.— Думой вращной
И дикимъ мщеньемъ полонъ онъ.
Во тьмѣ ночной Черкесъ проворный,
Грабитель, хищникъ, врагъ упорный,
Конемъ чрезъ Терекъ пронесетъ
Въ станицу тихую спокою
Прокравшись, свѣлъ его коней,
И предалъ смерти двухъ дѣтей.
Потомъ, вновь прежнюю спезѣю

Съ своей добычей глубь рѣки
Онъ миновалъ—и кони мчатся...
Уже въ горахъ сосѣднихъ зрится
Пикетовъ ближнихъ казаки...
Успѣхъ споль дерзкаго набѣга
Его молодой и гордый умъ
Волнуетъ счастьемъ новыхъ думъ;
И жизни вольной спрасть и нѣга
Его маятъ подъ сѣнь шапра,
Гдѣ онъ съ Грузинкой черноокой
Въ полночный часъ, во тьмѣ глубокой
Вкушалъ нерѣдко сладость сна.
Безмолвно всюду... вдругъ сполкъ пыльный
Возсталъ на пропкѣ ближнихъ горъ:
Черкесъ въ него вперилъ свой взоръ
И мыслилъ: эпо вихрь пущынный
Сухой земли волнуетъ прахъ.
Но пыль все ближе... вопъ догнала
Черкеса; пуля засвисала
И свѣтлой шапки грозный взмахъ
Блеснулъ—и всадникъ вшрепенулся;
Глядитъ... Козакъ къ нему лепитъ;
Въ его очахъ огонь горитъ,
И слуху Горца крикъ коснулся,
И зыбкій дрошникъ смерть съ собой
Несетъ ему въ своемъ спремленъ.
Но онъ съ коня исчезъ въ мгновенье—
И смерть промчалась надъ главой.
Вспылалъ Козакъ досадою злой
И самъ съ сѣдла спрыгнулъ проворно
Ленивъ къ нему... но сей спокойно
Свою саблю спальной
Удары быспрые отводитъ,
Написилъ самъ ихъ въ свой чередъ.
Усиля пщешны... сей и потъ
Искусство равное находилъ;
Ліеися кровь изъ пѣжкихъ ранъ...
Слабѣютъ оба... но омщенье
Дасть ихъ силамъ вновь спремленье
И новыхъ лзвъ кровь лѣетъ курганъ.
Но часъ насталъ—и жребій рока
Пипомца горъ на смерть обрѣкъ,
И сынъ свободы прахомъ лѣгъ
Вдали отъ опчаго порога.

В. Григорьевъ.

МОЛЧАЛИВОСТЬ.

И лучшему изъ всѣхъ своихъ друзей
Открыться въ тайнахъ опасайся;
Какъ можешь въ рѣснѣ искашь въ другихъ, сознайся,
Когда и самъ себя опказываешь въ ней.

Изъ Гердера. II, *Покровский*,

ЭКСПРОМПТЪ

къ портретамъ двухъ сестёръ,

Ты видишь двухъ сестёръ передъ собой;
Но, пожалей о той и о другой!
Одна въ семнадцать лѣтъ вдовица;
Другая—въ сорокъ пять лѣтъ вдовица.

И. С.

Ш А Р А Д А.

Слогъ первый у себя ощущаешь подъ носомъ,
Второй найдешь ты между глазъ.
Бываешь первый слогъ подъ спуломъ, подъ носомъ,
Шарада подбиваетъ насъ:
Закуску, чай и пуншъ разноситъ,
И кушанье на здоровье проситъ.

Въ No 94, помѣщенная загадка значить: *Gants*,

М О D E S.

Un coup-d'œil sur la nombreuse variété de manteaux qui se porteront cet hiver.

Nous commencerons par les étoffes de laine brochées, ordinaires, sans prétention. Les couleurs voyantes leur conviennent peu.

Les manteaux damasquinés, couleur sur couleur: nouveauté d'un goût simple et distingué.

Les cachemires fond noir, gros bleu, gros vert, ou marron, à dessins turcs. Des ramages en palmettes de couleurs vives ressortent brillantes sur ces fonds sombres. Le collet, tombant en pélerine, doit être doublé de soie cerise ou verte, ainsi que tout le corps du manteau; le col rabattant, en velours de la couleur de la doublure.

Les étoffes damassées soie et laine, à dessins sans envers, peuvent être également simples ou très-parées, selon les nuances: orange et marron, violet, écureuil au dahlia, et vert-orange, sont les mieux choisis pour le matin; les plus élégans qui se puissent voir, éclatans et fragiles comme tout ce qui est recherché pour une toilette du soir, sont ceux destinés à la sortie de l'Opéra ou des Bouffes, cerise et blanc, bleu et blanc, gris et blanc, ou gris et vert. Avec ces couleurs, qui doivent être de nuances pâles, le blanc donne un reflet glacé qui sied à ravir.

Ces manteaux sont exécutés d'une manière toute particulière dans les magasins de M. Gagelin.

М О Д Ы.

Мы бросимъ взглядъ на множество разнообразныхъ плащей, которые будутъ носить нынѣшней зимою.

Начнемъ съ шерстяныхъ, запканныхъ матерій, весьма обыкновенныхъ. Яркіе цвѣта имъ вовсе не приличны.

Воляпские плащи, одного цвѣта по другому: новоспѣ проспаня и опличная.

Кашемиры чернаго, синяго, тѣмно-зелѣнаго и кашпановаго цвѣта съ Турецкими узорами. Разводы изъ пальмочекъ, яркихъ цвѣтовъ, очень видны на сихъ тѣмныхъ грунтахъ. Большой воронникъ долженъ быть подложенъ алоу или зелѣною паштой, какъ и весь плащъ; воронничекъ опложной, бархатной, подъ цвѣтъ подкладки.

Камчатныя матеріи изъ шелка съ шерстью, съ узорами безъ изнанки, могутъ быть и просты и весьма нарядны, глядя по цвѣтамъ: оранжевые съ кашпановымъ, фиолетовые, *écureuil* и *dahlia* и зеленовапоранжевый, всего болѣе въ употребленіи для утра; самые щеголеватые, какіе можно видѣть, самые блестящіе и непрочные, какъ все, что употребляется для вечерняго наряда, видны при выходѣ изъ Оперы или изъ театра *Bouffes*: алые съ бѣлымъ, голубые съ бѣлымъ, сѣрые съ бѣлымъ, или сѣрые съ зелѣнымъ. Сими цвѣтамъ, которые должны быть не ярки, бѣлый цвѣтъ придаетъ весьма пріятный глянцованный отблескъ.

Плащи шьются совсѣмъ особеннымъ образомъ въ магазинахъ Г-на Gagelin.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 96.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-сважкою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Ноября 30 дня, 1832 года.

Умрете всъ! Законъ (удѣбныя непреложень.

Кшобъ ни былъ — малъ или великъ,

Предъ смертью вслкъ равно ничпоженъ.

Въ сосудъ роковомъ пьтъ жребіямъ оплигъ!

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. КИТАЙСКІЙ КАЛЕНДАРЬ.

У Кипайцевъ, какъ и во Франціи, сіи изда-нія, назначенныя для простаго народа, испол-нены всякихъ вельпоспей, хотя всѣ они печатаются по повелѣнію Правительства. Г. *Кланротъ*, напечатавшій въ *Asiatic journal* описаніе одного изъ такихъ календа-рей, рассказываетъ, что на первой спра-ниці книги попадаетъ слѣдующее грозное запрещеніе: «кто перепечатаетъ сей кален-дарь, томъ будетъ отданъ подъ судъ и казненъ опсвченіемъ головы.» Вотъ узаконеніе, немного строгое, особливо въ отноше-ніи къ календарямъ. Какъ бы то ни было, въ книгѣ, между прочимъ, находимъ мислическую картину, представляющую небо, съ означеніемъ дней, въ которые должно или не дол-жно дѣлать такихъ-то и такихъ-то дѣлъ. Въ календарь заключаются также самыя странныя наставленія на каждый день года; въ немъ не забыты и таблицы, служащія для гадація, въ которыхъ можно найти вопросы: женился ли такая-то особа на такой-то, счастлива ли будетъ бракъ ихъ, и п. п. Но всего страннѣе въ этомъ календарь показа-

лось намъ то, что онъ подписанъ опцемъ *Бернардо*, Португальскимъ Епископомъ въ Пе-кинѣ!!!

Съ Франц. Бр.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ЗАМКѢ АРВЕЙЛЕРЪ.

(Продолженіе.)

VII.

П и л а т ъ.

— «Милордъ,» сказалъ Сиръ *Гаррингъ* своему пищомцу, молодому Лорду *Карлу* Эльферсто-ну: «Милордъ! наследство получили вы огром-ное, но помѣстья заложены, и приносятъ не болѣе 3,000 фунтовъ доходу; — но этого ма-ло въ Лондонѣ, если хотимъ жить, какъ Ми-лорду прилично. — По сему совѣтую путе-шествовать. Проживъ года четыре на мапе-рикѣ, вы сбережете значительный капиталъ. Если вы, по прошествіи сего времени, такъ же какъ теперь, расположены къ моей *Аннѣ*, и она васъ не разлюбила, то и я не прочь опъ свавьбы.»

— Молодой наследникъ принялъ полезный совѣтъ опскуна и, снабженный рекомендапельными письмами, распался съ Лондономъ и милою спунннщею его дѣлспва.

— Первый годъ разлуки минулъ. Онъ прожилъ весну въ Испаніи, лѣто во Франціи, осень въ Вѣнѣ, зиму въ Италіи, и опъ пупевыхъ денегъ сберегъ значительную сумму. Наступающій Юнь онъ намѣренъ былъ посвятить Швейцаріи. — Какъ истинный Англичанинъ, онъ не могъ не обратиться на Шрегорнъ, Юнгфрау и на другія громады Швейцарскія; но поелику для произведенія сего въ дѣйство надобно было подождать еще недѣли четыре, по рѣшилъ онъ начать съ низшихъ горъ, и не мало гордился тѣмъ, что всегда былъ впереди проводника. — Погода ему благоприятствовала: Юнь въ томъ году не былъ дождливъ, какъ по большой часпи бываетъ въ Швейцаріи. Разъ только время ненастное загнало его ранѣе обыкновеннаго въ пастушескую хижину.

— «Что это за гора?» спросилъ онъ своего жопапаго, собравшись опячь въ путь на другое, опячь ужъ ясное упрю, и указывая на вершину горы, покрытую ледяными громадами.

— Господинъ! — отвѣчалъ простодушный Швейцарець: нашъ братъ радъ, когда нѣтъ повода говорить про эту гору: Это Пилапъ; тамъ можно узнать свой смертный часкъ ранѣе, нежели желательно. —

— Лордъ еще болѣе прислушалъ къ поселянину и узналъ опъ него старинное преданіе, что будто Пилапъ живетъ на этой горѣ, и что всякій, кому явился привидѣніе, можетъ быть увѣренъ въ близкой смерти. — *Эльберстонъ* захохоталъ. — «Надо непременно побывать тамъ. Мнѣ очень любопытно познакомиться съ господиномъ Пилапомъ.»

— Подиже одни, сударь! возразилъ проводникъ: въ такую пору никто васъ туда не поведетъ. До подошвы горы дойдете не прежде, какъ въ полдень, и прежде чѣмъ взберетесь на вершину, наступитъ вечеръ, а ночевать тамъ я не намѣренъ. — «И за пройную плапу не пойдешь?» — спросилъ Лордъ.

Ни за какія деньги! былъ его отвѣтъ. — «Хорошо, такъ я пойду одинъ! Однако до подошвы горы меня доведешь, не правда ли?»

— Испуганный жопапый вслчески отговаривалъ смѣльчака. — «Гора не такъ близка, какъ то кажется,» говорилъ онъ: «ночуйте у подошвы; завтра чуть свѣтъ поведу васъ на вершину.» — Тщепно. — *Эльберстонъ* одинъ отправился въ путь, взявъ съ Швейцарца обѣщаніе дожидаться его возвращенія у самой подошвы горы въ пастушеской хижинѣ.

— Нѣсколько часовъ Лордъ, обремененный тяжестью плаца и съспныхъ припасовъ, съ юношескимъ презрѣніемъ опасности взбирался на гору: уже распительное царство исчезало, и огромные, кругомъ разбросанные гранитные обломки и пупъ свидѣтельствовали о великой революціи, тому назадъ за тысящелѣтія уничтожившей цвѣтуцій міръ. — Вскорѣ пропала стезя подъ спонами спранника; но онъ, перепрыгивая съ обломка на обломокъ, взбирался все выше и выше. —

«Боже мой!» прервала его невѣста: «неужь-то и ты предпринималъ такія пупешествія? — Признайся, *Карль!* Это вѣрно ли-стпокъ изъ твоихъ пупевыхъ записокъ?» — Графъ, покраснѣвъ, едва могъ произнести отрицательный отвѣтъ, и продолжалъ чистать:

— Хотя онъ и удостоивился въ опважности своего предпріянія, но мысль, съ какимъ торжествомъ, по одолѣніи всѣхъ опасностей, предстанетъ онъ предъ изумленнаго жопапаго, одушевила его новыми силами, и такимъ образомъ вдругъ очутился онъ въ самой дикой пустынѣ горы. Предъ нимъ обѣленная снѣгомъ вершина, позади его неизмѣримыя пропасти. На югѣ пылалъ на послѣднихъ лучахъ вечерняго солнца рядъ ледяныхъ горъ; на востокъ, въ видѣ крошечнаго синяго пруда, проспиралось Фирвальдштетское озеро съ своими зелеными берегами; надъ нимъ каркалъ коршунъ — ягнятникъ, и рѣзкій воздухъ опъ копорого занималось у него дыханіе; переносилъ къ нему перекапы низвергающихся лавинъ. Тогда-то онъ ясно увидѣлъ необходимость возвратиться; но едва спустились нѣсколько сотъ шаговъ, онъ окруженъ

былъ непроницаемымъ туманомъ, который заставилъ его содрогнуться. Ему овпавало на выборъ: замерзнуть въ снѣжной пустынь, или погибнуть отъ паденія въ пропасть.—

«Нѣтъ!—воскликнула *Анна*: это не игра воображенія!—Такъ живо описывать можно только истину!—Признайся, мерзкій *Карль*! этой опасности ты самъ безразсудно подвергался, и вѣрно тогда не думалъ про свою *Анну*!»

— Ну чтожь, еслибъ и дѣйствительно подвергался, — сказалъ Графъ *Арвейлеръ*: ты видишь, онъ живъ. Позволь ему продолжать, меня весьма интересуютъ эта повѣсть!—

«Однакожь, милый папенька, возразилъ *Карль*: если это описаніе вымышленной опасности слишкомъ сильно дѣйствуетъ на мою *Анну*, то право лучше не читать далѣе.»

—Нѣтъ, нѣтъ! подхватила *Оттилія*: намъ надо знать, чѣмъ кончилось путешествіе.— Даже *Анна* была того же мнѣнія, и *Карль* продолжалъ съ примѣпною неохотою:

— Онъ упалъ духомъ; все сомнительнѣе спанился мерцающій свѣтъ, который отражался съ ледныхъ горъ, и все мрачнѣе чернѣлась подъ нимъ земная юдоля. Немного спустя, туманъ спалъ медленно подымаясь, грозно обложилъ гребень Аргорна, и въ видѣ *монастырской* кровли, повисъ надъ главою вѣчной Юнгфрау (дѣвы).— Тупъ безчувственному спраннику послышалось, будто раздаются вдали звуки колокольчиковъ;— онъ очнулся; надежда на спасеніе въ немъ ожгла; онъ собрался съ послѣдними силами и громко закричалъ о помощи, но и эта надежда вскорѣ минула; ибо кто могъ услышать его крикъ среди воя и свиста нагорнаго вѣпра?— Онъ опять воспрянулъ, но послѣ нѣсколькихъ шаговъ, спотыкнулся черезъ обломокъ, и прощаясь съ жизнью и своими надеждами, съ громкими жалобами вспомнилъ свою *Анну*.

— «Кто меня зоветъ?» спросилъ близъ него съ нѣкоторою робостью нѣжный женскій голосокъ.— Собравъ все свои силы, онъ вскочилъ, и споялъ предъ — ахъ! то была не земная дѣва, небесный Ангель!—

«Его Ангель-хранитель въ образѣ его *Анны*, не правда ли?» вѣжно спросила невеста.—*Карль*, вмѣсто отвѣта, продолжалъ читать:

— Ласковая пастушка повела его съ горы, указывая ему каждую скалу, на которую онъ могъ спуститься, каждое мѣсто, котораго долженъ былъ избѣгнуть. Вскорѣ прописка начала спанивиться ровнѣе и воздухъ ночной благораспореннѣе, и наконецъ, спранниковъ принялъ зелѣный лугъ, гдѣ, насупротивъ вѣпхой пастушеской хижины, пылалъ прескучій огонь.— Упомянутый долгимъ путешествіемъ, Лордъ повергся на мшистое ложе Альпійской пастушки.— Высоко ужъ пылало солнце, когда проснулся спранникъ. Съ удивленіемъ посмотрѣлъ онъ на себя и вокругъ себя: корошенькая юбочка служила ему одѣяломъ, толстая шерстяная кофточка подушкою, а ноги были обернуты въ убогій плапокъ. Сквозь щель своего жилища увидѣлъ онъ молодую, прелестнѣйшую дѣвушку, коей недоспапокъ въ одеждѣ доказывалъ, что она лишила себя почти необходимаго, чтобы только его прикрыть на ночь. Невольно далъ онъ знакъ, что пробудился.— «Уже вы проснулись?» спросила она съ прогательнымъ-добродушнымъ выраженіемъ, споль свойственнымъ Швейцаркамъ,—*милое дитя природы*,—и руки ея быстро покинули коровье вымя, чтобы прикрыть наготу шеи и груди: «мы сей часъ позавпракаемъ; я сама еще не завпракала, ибо васъ дождалась.»— Черезъ нѣсколько минутъ она кончила свою работу.— «Теперь обернитесь, сказала она, подходя къ хижинѣ, и бросьте мнѣ мое плаще.»

— Очарованный Лордъ исполнилъ ея приказаніе, но не могъ не воспользоваться щелью въ вѣпхой стѣнѣ хижины: онъ подсмотрѣлъ самый преспой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый восхищительный туалетъ.—

Графиня *Анна*, съ нѣкоторою досадою склонивъ голову на руку, пляжко перевела духъ.— «Что съ тобою, сестрица? спросила *Оттилія* лукаво: ты дѣлаешь такое лице, какъ будто предчувствуешь, что твоей портрѣтѣ оспался въ пастушеской сумѣ милостивой Швейцарки!— Но надобно отдать справедливость: эта ис-

порія рассказываетя весьма правдоподобно.» — Эпо: торжество автора! замѣнилъ Графъ *Арвейлеръ*, и просилъ продолжать.

— Дѣвушка часъ опъ часу спановилась для Лорда милѣе. Эпа Аркадская простопиа нравовъ и понятій, эпа младенческая довѣрчивость, эпа сердечная доброта, при восхищительной пѣлесной красотѣ, содѣлали еѣ существомъ неземнымъ въ обвороженныхъ глазахъ молодого Британца. Ея голосъ, ея взоры облагороживали самые обыкновенные, самые простѣе рассказы о ея домашнемъ житьѣ-бытьѣ. Съ участіемъ, къ каковому онъ доселѣ чувствовалъ себя неспособнымъ, изнѣженное ухо его вяло, что дѣвушка сія называется *Аннели*; что въ Троицынъ день ей минуло семнадцать лѣтъ; что у неѣ есть еще братъ, по имени *Сеппи*; что отецъ и мать умерли; что у неѣ пять коровъ и четырнадцать козъ, изъ коихъ одна недавно родила, и что ей очень милы эпи крошечные козлята. — Упоенный взоръ Лорда неподвижно покоился на ея устахъ, на ея живыхъ, души исполненныхъ глазахъ; настоящее убаюкиваетъ его въ невыразимыхъ воспорахъ; не пронцаемый туманъ минувшаго скрываетъ опъ него образъ его....

«*Анны!*» важнымъ голосомъ дополнилъ Маркизъ, когда Графъ невольно оспановилсѣ. Невѣспа громко вскрикнула.

Графъ *Арвейлеръ*, копорому эпи сцены спали въ нягоспъ, посмопрълъ на часы и приказалъ пафельдекеру позвонить. Но шумъ *Анна* съ несвойспенною ей вспылчивостью наспаивала на немедленномъ продолженіи повѣспи: жениху ничего не оспалось, какъ опять раскрыть свою шепрадь; онъ читалъ:

— День прошелъ для него, какъ часъ. Подъ вечеръ, на смѣну сеспры, пришелъ *Сеппи*, дюжій деревенскій парень. *Эльферстонъ* проводилъ еѣ въ родипельскую хижину. Дни и недѣли проходили; Лордъ не думалъ о продолженіи своего пупешеспивія, и если взоры его обращались на опечеспвенный оспровъ, то мысленно видѣлъ себя тамъ только въ объятіяхъ *Аннели*.

— «Еспыли гдѣ высшее счастье, какъ на груди сего Ангела? часпо вопрошалъ онъ самъ себя: неужели истинное счастье нуждается въ земныхъ сокровищахъ? — Опкажисъ опъ блеска жизни для приобрѣпенія ея блаженства! — Но что принуждаетъ меня опказаться опъ сего блеска? Какая Герцогиня такъ блеспитъ въ первыхъ общеспвахъ Лондона, какъ она тамъ будетъ блеспитъ прелеспями, дарованными ей почти неземною красотой и истинно райскою простопотой? — Чьи уста презрительно улыбнутсѣ живому, милому разговору *Аннели*? — Чьи глаза спанутъ подмигивать другимъ, если сей Ангелъ сдѣлаетъ ошибку пропивъ свѣтскихъ приличій? — Но *Анна*? — *Анна* увидитъ, что она была ребенокъ и что наша любовь была ребяческая игрушка; — она увѣрится, что одна только *Аннели* могла соспавить мое счастье; она проспитъ меня и будетъ счастлива въ объятіяхъ другаго супруга!» — Такого рода бесѣды съ самимъ собою имѣли послѣдспвіемъ то, что Лордъ по прошествіи мѣсяца повелъ свою *Аннели* къ алтарю. Но супругу прелеспной Швейцарки вскорѣ наскучила еднообразная жизнь въ пастушеской хижинѣ; онъ горѣлъ желаніемъ возбудить завистъ своихъ соопечеспвенниковъ. Впрочемъ, до опѣзда въ Англію, онъ, какъ истинный Британецъ, непременно долженъ былъ взойти на вершину Пилаповской горы; но къ великому прискорбію своему замѣнилъ, что супруга его раздѣляетъ общее повѣрье горныхъ жителей, будто Пилапъ бродитъ на оной горѣ, и что вообще она пипаетъ самые суепѣрные предразсудки. Тщепно онъ спаралсѣ объяснить ей, кто былъ Пилапъ, и почему невозможно, чтобы безплотный духъ былъ видимъ нашими очами. Она не поняла его; ея воображеніе не могло возвыситься до свержъ-еспспвеннаго, и потому она представляла себѣ духа неиначе, какъ въ образѣ человѣческомъ. Тутъ Лордъ въ ея объятіяхъ впервые вздохнулъ нелюбовнымъ вздохомъ: ибо слишкомъ было для него прискорбно, что жена такъ далеко опспстояла опъ него въ умспвенномъ образованіи. Впрочемъ, спараніе преодолѣть сіе суепѣріе, и ея безпрекословная готовность ему соопустспвовать на Пилапову

гору, помприли его съ нею на нѣкоторое время.

— Пупешествіе началось; спранники благополучно взошли на гору и вскорѣ очутились на берегу прославлеаго пупешествениками нагорнаго озера.— День былъ прекрасный; тихое дуновение вѣтра чупь колыхало черноватое зеркало воды.— Лордъ, вспомнивъ о преданіи, что будто бы брошенный въ озеро камень прозвонивъ громоподобный звукъ, рѣшился сдѣлать опытъ. Съ тяжелымъ камнемъ подошелъ онъ къ берегу, и лишь только хотѣлъ его бросить, какъ *Аннели* съ выраженіемъ глубочайшаго ужаса возопла: не бросай, ты вызовешь Пилата!— Но Лордъ, негодуя на суевѣріе жены своей, и желая доказать ей ничтожество сего народнаго слуха, бросилъ камень далеко въ озеро.— И дѣйствительно, съ громовыми перекаптами опозвалось паденіе въ окрестныхъ горахъ, и подобно великолѣпному феномену, брызги засверкали всѣми радужными цвѣтами. Съ безмолвнымъ изумленіемъ Лордъ смонрѣлъ на прекрасное, минупное зрѣлище, но когда оглянулся, то *Аннели* уже не было. Вспревоженный, онъ спалъ искапть её, и съ прудомъ глаза его увидѣли бѣгущую. Не прежде, какъ она пала безъ чувствъ, Лордъ наспигъ её. Дико сверкали глаза ея.— «Видѣлъ ли ты его? спросила она, какъ безумная: вопъ онъ споншь! вопъ онъ идѣтъ!»— И опять она вскочила и съ невѣроятною быспрошою пуспнулась бѣжашъ съ крупизны. Насилу удалось Лорду удержашъ её на краю пропасти. Онъ завидѣлъ хижину, въ которой обыкновенно ночуютъ горные охонники; туда онъ понесъ её, и къ счастью встрѣтился съ нѣсколькими пупешествениками, при помощи коихъ *Аннели* опнесена была въ родительскую хижину.— Послали за врачомъ въ ближайшій городокъ; спараніемъ его хотъ и удалось возвращашъ языкъ молодой Леди, но опасенія его, что умственныя силы несчастной распстроились, оказались справедливыми. Она помѣшалась на помъ, что видѣла Пилата, и что должна умереть еще въ эпомъ году. Мрачная задумчивость опутала чувства Лорда.— Онъ зналъ, что жена беременна.— Предметъ гордости другихъ опцевъ, цвѣтущій младенецъ, чѣмъ для него

онъ будетъ?— Опъ ужъ мысленно видипть на лицѣ своего сына наследственные черты креспьянской полудикости, столь рѣзко обозначенныя на лицахъ опца и брата *Аннелина*, видипть въ очахъ новорожденнаго дикій взоръ безумія матери!— Мечпательное счастье, для котораго онъ пожертвовалъ первою любовью и назначеннымъ ему мѣспомъ въ гражданскомъ обществѣ, спановиптся для него непзякаемымъ испочникомъ жесточайшихъ бѣдспвій, и минупы умножаются, въ которыя онъ проклинаетъ безумную спрасть, до того его ослѣпившую, что соединилъ свою жизнь съ жизнью существа, столь неравнаго ему званіемъ, воспитаніемъ, умспвенными способностями и образованіемъ.

— По прошествіи нѣсколькихъ мѣспцевъ, *Аннели* прежде времени родила мерпваго младенца, и сему обстоятельству она обязана была возвращеніемъ разсудка. Одному умному врачу удалось её увѣривъ, что Пилатъ своимъ явленіемъ предвѣщалъ не ея смерть, а смерть младенца, которымъ она тогда была беременна.— Этому повѣрила молодая Леди; она выздоровѣла, и опъ всѣхъ сумасбродныхъ идей оспалась въ душѣ ея только та, что дѣйствительно видѣла Пилата. Вскорѣ она опять расцвѣла, сдѣлалась прелеспите, чѣмъ когда либо, и съ супругомъ, оживленнымъ новою надеждою, отправилась въ Лондонъ.— Онъ ввелъ её въ кругъ своихъ ближайшихъ родственниковъ и друзей; но какое рѣзкое различіе замѣпилъ онъ между нею и супругами своихъ знакомцевъ! Ея сельская простота въ глазахъ его обрапилась въ опврапительную грубость, ея милая еспественность въ самое смѣшное простодушіе. Насмѣшники съ намѣреніемъ вовлекали её въ разговоры, которые разжигали гнѣвъ несчастнаго супруга и нерѣдко впупывали его въ кровавыя брани.— Послѣ многихъ пщепныхъ попытокъ, образовавъ *Аннели* для высшаго круга, и послѣ того, какъ однажды принужденъ онъ былъ оспавипть свою ложу въ Оперѣ, онъ рѣшился удалипсь въ свое помѣстье въ Сѣверномъ Валлисѣ. Разговоръ, въ который весьма забавно вмѣшалась молодая Леди, ускорило исполненіе сего намѣренія.

— Въ это время занимала всю Англию первая вѣсть о возстаніи Грековъ. Сіе происшествіе было предметомъ разговора общаго общества, въ которомъ, кромѣ Леди *Анны*, которая теперь сіяла во всемъ блескѣ ума и красоты, находились и Леди и Лордъ *Эльферстонъ*. Мнѣнія о политическомъ отношеніи Англии къ возникающей Державѣ были различны: купеческій духъ одной партіи не перешелъ на моряхъ другой торгующей націи, кромѣ Англійской; другіе желали успѣха благородному стремленію Грековъ къ независимости; нѣтъ посредникомъ явился Сиръ *Гаррингъ*, бывший опекунъ Лорда *Эльферстона*.

— «Лучше всего, — сказалъ онъ: объявивъ Грецію независимымъ Государствомъ, сослѣдующимъ подъ покровительствомъ Англии, какъ Іонійскіе острова, — для тамошнихъ Евреевъ мы въ особѣ Лорда *Майтланда* нашли славнаго Пилата; и такъ...»

— «Пилата? прервала политика Леди *Эльферстонъ*: неужь-то онъ и памѣ является? — я его видѣла!» — Напрасно мужъ ея опкашлялся и мпгаль ей: она въ неоспановочномъ попокъ рѣчи продолжала распроспраняться о горѣ Пилатовой, о своей паспущеской жилищѣ, въ которой она познакомилась съ Лордомъ, ея нынѣшнимъ мужемъ; потомъ перешла къ своимъ коровамъ и козамъ, и наконецъ ко всѣмъ тайнамъ первой любви и родительскаго дома. Тутъ Лордъ *Эльферстонъ* не могъ долѣе удержаться. Видѣвъ въ своей прежней любовницѣ разглашательницу своего брачнаго позора, этаго онъ не могъ снести: онъ поспѣшно удалился, и чрезъ вспыльчивость свою еще болѣе, нежели *Аннели*, сдѣлался предметомъ всеобщихъ пересудовъ.

— Лордъ *Эльферстонъ* немедленно отправился съ супругою въ свое помѣстье. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя она родила ему сына, который примирилъ его съ судьбою. Онъ долго не отваживался подойти къ колыбели новорожденнаго: ибо содрогался мысли, что можетъ быть найденъ въ немъ сходство съ Швейцарскими родственниками; но блаженство блаженныхъ, если они по ту сторону гроба

опять увидятся съ перешедшимитуда прежде ихъ возлюбленными, не перевѣсиптъ того чувства, съ которымъ онъ на лицѣ прелестнаго младенца увидѣлъ черты своей покойной матери. — Чтобы предохранить младенческую душу отъ суевѣрія и грубыхъ нравовъ матери, онъ опиялъ малютку у несчастной, и тѣмъ лишилъ еѣ послѣдняго утѣшенія.

— Два года пропекли. Лордъ жилъ только для сына, который каждый день возрасталъ умомъ и красотою. *Аннели*, проводя дни свои или въ уединеніи или въ обществѣ поселянокъ, сдѣлалась добычею задумчивости. — «Отчизны моей лишилъ меня ерестикъ; отца и брата онъ лишилъ меня, а теперь даже опымаеть у меня и сына!» — Такія жалобы, ежедневно доходя до слуха Лорда, разстроили и его душу. — «Вопъ послѣдствія моей злополучной честности, говорилъ онъ часто про себя: вопъ плоды моей безумной вѣрности къ сему глутому существу! Счастлива ли она съ тѣхъ поръ, какъ изъ ничтожества возведена мною на степень супруги богатаго Лорда?»

— «Еслибъ я покинулъ паспушку, когда изъ безспыдной готовности, съ какою она мнѣ предалась, замѣнилъ, что для неѣ любовная связь не новостъ; еслибъ тогда я бросилъ ей горсть червонцевъ, и оставилъ бы еѣ, по ия и она была бы счастлива! Какой нибудь сосѣдній поселянинъ женился бы на ней, а я былъ бы теперь въ объятіяхъ *Анны*! Насмѣшки и стыдъ не загнали бы меня въ эту пустыню! Она только зависпъ преслѣдовала бы жизненную спезю мою подлѣ *Анны*!» — Такъ нерѣдко по цѣлымъ часамъ роппалъ онъ на судьбу свою, бродя среди пустынныхъ скалъ. Однажды вечеромъ, чувствуя потребность изъ взоровъ своего сына почерпнуть утѣшеніе, онъ ранѣ обыкновеннаго возвратился въ замокъ. Тутъ поразила его ужасомъ роковая вѣсть, что Леди и сынъ исчезли. Немедленно собравъ всѣхъ жителей деревни, онъ приказалъ имъ опыскивать жену. — Одинъ паспухъ рассказывалъ: давеча я видѣлъ, какъ она, неся на рукахъ малютку, и весело распѣвая пѣсню, взбиралась на ту гору, гдѣ на вершинѣ прудъ, въ которомъ водятся караси. — Лордъ полетѣлъ туда, и *Аннели*

дѣйствительно сѣла на берегу пруда, держа въ рукѣ большой кусокъ бѣлаго хлѣба, и рассказывая малюпкѣ про Пилата, будто бы живущаго на сей горѣ, и про Пилата въ ея родинѣ.— *Эльферстонъ* съ благодарностью простеръ руки къ Небесному Спасителю и спалъ придумывая средства, какъ сманишь дитя свое съ колѣнъ несчастной матери.— «Не хочешь ли видѣть, какъ прыгають рыбки?» спросилъ онъ малюпку, и взявъ изъ рукъ Леди кусочекъ хлѣба, бросилъ его въ прудъ. Тутъ въ безумной ожило воспоминаніе о роковомъ паденіи камня въ Пилатово озеро.— «Вотъ спойтъ онъ! возопила она: вотъ спойтъ Пилатъ! Опять хочешь взять къ себѣ дитя мое? — На, бери его!» и при словахъ, схватя малюпку за волосы, бросила его въ воду.

— «Убийца!»— кричитъ Лордъ. Ея безуміе овладѣваетъ и имъ, и судорожное движеніе руки его низвергаетъ губительницу его земнаго счастья съ высокаго берега, вслѣдъ за сыномъ въ бездонную пучину.—

Общество безмолвно сѣло вокругъ чаша-теля, который, пляжко переведа духъ, закрылъ свою пепрадь. Мершвое молчаніе прекратилось пафельдекеромъ, который пришелъ доложитъ, что ужинъ поданъ. Тутъ спросила Графиня *Анна*: «что же спалось съ несчастнымъ *Эльферстономъ*?— Онъ справедливо называлъ свою вѣрность безумною: ибо сѣлся клятвопреступникомъ предъ *Анною*, чтобы сдержать клятву пастушкѣ *Аннели!*»— Для изображенія дальнѣйшей участи Лорда недоспало у меня фантазіи, — сказалъ *Карлъ*, и повелъ свою невѣсту въ споловую.

«Не понимаю, отъ чего все мы спали такъ молчаливы? замѣтила *Оттилія*: эта ли повѣсть навела на насъ такое уныніе, или занимаетъ насъ ожиданіе послѣдней предстоящей намъ повѣсти? Какъ вы думаете, Маркизъ, не лучше ли, еслибъ вы сей часъ рѣшились оживитъ нашъ молчаливый кругъ вашимъ рассказомъ?»

— Блаженны мершвые! отвѣчалъ Маркизъ торжественнымъ голосомъ: оставьте мою

повѣсть до завтра, Графиня: мершвые все еще во время воскреснуть.—

Рѣчь незнакомца, казалось, дышала какимъ-то мрачнымъ духомъ, и навѣвала на сердце всякаго помилительное ожиданіе; но при всемъ томъ, таинственность его рѣчи и выраженія лица возбуждали любопытство общества, и въ особенностяхъ молодыхъ Графинь.

Ужинъ кончился, Маркизъ, къ которому со всехъ сторонъ прислушили съ просьбами, не опкладывая до завтра своей повѣсти, согласился, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы ему позволено было передавать исторію, содержащую въ себѣ истинное происшествіе, экспромптомъ на языкѣ *Итальянскомъ*, понятномъ всему обществу.— Но по спранныму спеченію обстоятельствъ, примолвилъ онъ: одно изъ главныхъ лицъ въ моей повѣсти будетъ такъ же Пилатъ, который слѣдственно и ей можетъ служить заглавіемъ.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ДВОЮРОДНОЙ СЕСТРѢ.

Двоюродной сестрѣ пишешь мнѣ прудъ напрасной,
Что ни скажу я ей, все будетъ не въ попадъ;
Не будь ты такъ мила, я пѣть себя бы радъ,
Но не велишь писать разсудокъ мнѣ, прекрасной
Двоюродной сестрѣ.

Двоюродной сказать: люблю! я не дерзаю,
А видя разъ тебя, кто можетъ не любить?
Сказавъ: люблю! Родство боюсь я оскорбить,
А не сказавъ, любовь свою я оскорбляю
Къ двоюродной сестрѣ.

Нѣтъ, нѣтъ! Уволь меня, промолвится опасно
И незаконникомъ поэта назовушь;
Другіе пусть тебя и любящъ и поющъ,
А жребій мой молчать и думать о прекрасной
Двоюродной сестрѣ.

К. Вяземскій.

Э П И Г Р А М М А.

Напрасно называешь
Писателемъ себя!

Я это докажу: бумагу ты мараешь,
Бумага въ свой черёдъ мараешь и тебя.
А, Писаревъ,

LOGOGRIPHE.

Dans mon entier je fais horreur;
Mais si vous m'arrachez le coeur,
Je suis un objet de monture;
Mon prix dépend de mon allure.
Quand je ne vais ni-trop tôt ni trop tard,
Je suis vraiment un chef-d'œuvre de l'art.

Въ No 95, помѣщенная шарада значить: *Под-ночь.*

M O D E S.

Le moment des pompeuses et gaies réunions étant arrivé, nous signalerons à nos lectrices, d'après le *Journal des Modes*, les charmantes étoffes de soirées qui peuvent favoriser l'élégance et la recherche:

Gaze cristal. Elle peut remplacer les *dona Maria*, et est même beaucoup plus jolie. La même étoffe se fait pour grande toilette, à bandes de satin brochées, et pourra faire de charmantes robes de bal.

Gaze Céphise. Il serait difficile de bien désigner le genre de cette nouveauté, que nous comptons parmi nos plus jolis articles pour toilettes de soirées. Elle présente un fond plein, à dessin courant broché. Sur ce fond sont semées de grandes feuilles à jour, qui, par leur légèreté et leur transparence, forment un contraste charmant avec le fond du tissu.

Gaze Sylphide. La dénomination de cette gaze est parfaitement appropriée à son effet, qui est tout-à-fait aérien et vaporeux. Elle se présente sous tant de nuances et de genres différens, que l'analyse en serait impossible. Ce sont des broderies exécutées avec tant d'éclat et de légèreté, qu'il semble qu'elles aient été produites par enchantement, et sans qu'une main hu-

maine les ait touchées. Nous n'osons pourtant pas dire que c'est un ouvrage de féerie, nous qui savons qu'elles sont le travail de religieuses qui, sans s'en douter peut-être, consacrent leur retraite et leur patience à favoriser ainsi nos riches futilités.

Gaze Cezalma. Tissu léger, gracieux, distingué et tout-à-fait nouveau, destiné à avoir beaucoup de succès cet hiver,

М О Д Ы.

Какъ время пышныхъ и веселыхъ собраній уже наспушило, мы выпишемъ для нашихъ читательницъ изъ журнала *Моды*, описаніе прелестныхъ вечернихъ матерій, которыя могутъ способствовать опличной щеголеватости.

Газъ *crystal*. Онъ можетъ замѣнить газъ *Донна-Марія*, и даже гораздо красивѣе его. Эту же матерію для наряда дѣлаютъ съ апласными зашканными полосами; это прелестно для бальныхъ платьевъ.

Газъ *Céphise*. Довольно трудно опредѣлить родъ этой новой матеріи, которую мы считаемъ между красивѣйшими для вечернихъ нарядовъ. Ткань плоская, съ зашканнымъ разводомъ. По сему группу разбросаны большіе прозрачные листы, которыя, своею легкостію и прозрачностію, составляютъ красивую противоположность съ группою шкани.

Газъ *Sylphide*. Названіе сего газа прекрасно приспособлено къ виду его; онъ совершенно туманный, воздушный. Онъ представляется въ столько различныхъ видахъ и цвѣтахъ, что подробно описать его невозможно. Это вышиванье, выполненное съ такимъ блескомъ и такою легкостію, что кажется, будто это все сдѣлано какимъ-то волшебствомъ, безъ прикосновенія человеческой руки. Мы не смѣемъ однако сказать, чтобы это была волшебная работа, зная, что надъ сѣмъ трудятся монахини, которыя, не подозрѣвая можетъ быть и сами, посвящаютъ свое уединеніе и терпѣніе для усовершенствованія нашихъ дорогихъ прихожей.

Газъ *Cezalma*. Легкая, красивая, опличная и совсѣмъ новая ткань, назначенная къ большимъ успѣхамъ нынѣшней зимою.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 97.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №0.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 3 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Ирѣ въ крайней нищезѣ клялъ свой ужасный рокъ.
Тутъ добрый человекъ, надъ Ирэмъ сжался вужѣ:
«Чтожь? — упившалъ его — вѣдь бѣдишь не порокъ!»
— То правда!... но гораздо хуже! —

И. Личевскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

С Ц Е Н А

въ мастерской живописца.

Маркизь (въ придворномъ костюмѣ со шпагою.) — Ну что, сударь, удалось ли вамъ меня попрафить?

Живописецъ. — Думаю, Маркизь, что вы останетесь довольны.

Марк. — Кто масперъ своего дѣла, сударь, помѣ можеть разговаривать и рисун. Вы вѣрно, также какъ и я, слышали, что славный *Рафаэль*, желая изобразить умирающаго Христа, велѣлъ привязать къ кресту въ своей мастерской живаго человека, и...

Живоп. — Это всѣ рассказываютъ о *Мишель-Анжѣ*.

Марк. — О *Мишель-Анжѣ* или *Рафаэль*, все равно; согласитесь, что поступокъ энтаго живописца ужасенъ? Увѣряю даже, будто бы онъ, желая имѣть передъ глазами вѣрный образецъ, нанесъ нѣсколько кинжалныхъ ударовъ въ сердце несчастному, и списалъ его издыхающимъ. Вышло образцовое про-

изведение, это правда, но только опъ подобной жестокости волосы станоятся дыбомъ.

Живоп. — Конечно, Маркизь, но....

Марк. — Какъ! что такое: но?...

Живоп. — Искусствамъ надо всѣмъ жертвовать... Этому анекдоту я мало вѣрю; но въ Парижѣ между художниками бывають случаи гораздо чуднѣе.

Марк. — Гораздо чуднѣе!

Живоп. — Увѣряю васъ въ истинѣ. Мнѣ извѣстно, что въ Парижѣ, одинъ славный живописецъ, по имени *Rédouté*.... (*)

Марк. — *Rédouté!*... Ну, что же сдѣлалъ эпомъ г. *Rédouté*?

Живоп. — Однажды, кончивъ свою работу, онъ изрѣзалъ въ куски оригиналь, съ котораго рисовалъ, и съѣлъ его.

Марк. (испугавшись.) — Это ужасно; сударь; это невѣроятно, и въ столицѣ перпячь подобныя злодѣйства! Это должно бытъ изслѣдовано — и пресупникъ наказанъ по всей строгости.

(*) Ужасающій, котораго всѣ боятся. — Гл.

Живоп. (береть со стола ножикъ.)—Однакожь, это совершенно справедливо, и случается очень часто.

Марк. (блѣднѣетъ и говоритъ въ спороу.)—Какой ужасный человекъ! Опять не на шупку пугаетъ меня своимъ ножомъ... Хорошо, что со мной есть шпага. (Минутное молчаніе.) Но скажите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, этопъ оригиналъ былъ мужчина или женщина?

Живоп.—Ни то, ни другое, Маркизь; это былъ персикъ.

Марк. (хохочетъ.)—Какъ! персикъ! Ну, слава Богу! ха, ха, ха!... Вы было напугали меня. . . *Персикъ!* Въ такомъ случаѣ я нахожу очень естественнымъ съѣсть оригиналъ, съ котораго рисуешь. Но вотъ уже и порепеть мой готовъ. Прощайте; когда вы прѣдете ко мнѣ на дачу, я васъ буду потчивать оригиналами г. *Rédouté*, величною съпывку.

Пер. *И. Г.—съ*

К О Ё - Ч Т О .

Одинъ фигляръ показывалъ въ Лондонѣ за деньги чудовище, которое называлъ *дама съ свиною головою* (*pig fa ced Lady*). Карликъ, по безобразію хари своей достойный кавалеръ сей дамы, водилъ её. Народъ платилъ деньги, зѣвалъ на нихъ и не могъ понять, чтобы это была за шпука.

Вдругъ карликъ, поссорясь съ хозяиномъ, котораго худо его кормилъ, еще хуже одѣвалъ и совсѣмъ не поилъ пивомъ, пошелъ въ Полицію и объявилъ, что дама ничто иное, какъ *выбритый медведь!!!*

Одна ключница, подходившая вечеромъ къ погребу, услышала тамъ странннй шумъ. Она испугалась, пригласила дворника, поварѣнка, судомойку и конюха, которые съ дреколѣемъ пустились въ погребную экспедицію. Поварѣнокъ первый, съ ухватомъ въ десной и фонаремъ въ шуйцѣ, спустился въ мрачное подземелье, и заспалъ тамъ—*четырехъ кошек!!!*

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ЗАМКѢ АРВЕЙЛЕРЪ.

(*Окончаніе.*)

VIII.

Пилатъ.

—Когда революція буйныхъ Франковъ разлплась по сосѣдственнымъ землямъ, ниспровергая древніе престолы и оскверняя святыню монастырей и храмовъ, тогда и молодой Маркизь Луизи дн *Романдини* весело сбросилъ съ себя монашескій клобукъ и поспѣшилъ на родину;—но гибельная перемѣна, которая произошла въ родипельскомъ домѣ во время его отсутствія, продолжавшагося не болѣе десяти мѣсяцевъ, едва не лишила его разсудка: мать его сошла въ могилу, отецъ лежалъ на смертномъ одрѣ, братъ женился на его возлюбленной *Ании*.

—*Романдини* и *Бассати*, равно древнія Ломбардскія фамиліи, съ давнихъ временъ поддерживали свои связи обоюдными браками, и дабы оспавшееся довольно значительное имѣніе достпалось нераздѣльно наслѣдникамъ, по главы сихъ фамилій рѣшились: *Петро*, старшаго сына *Романдини* сочетать бракомъ съ *Анною*, единственною наслѣдницею *Бассати*, не смотря на пламенную спрасъ, съ какою *Луизи*, младшій *Романдини*, любилъ сію дѣвицу, а его, въ свѣдствіе перваго назначенія, посвяпипть духовному званію. *Луизи* презрѣлъ выгоды богатаго прпхода, и видя, что его обожаемая *Анна*, для блага обѣихъ фамилій, принуждена жертвовать своею любовью, удалился въ монастырь.

—Легко можно себя представить, что свиданіе братьевъ было нерадостное. Вѣсмъ, что *Петро* имѣлъ, онъ обязанъ былъ праву первородства, не имѣвшему въ глазахъ республиканцевъ никакого вѣса, и старому образу правленія Ломбардіи, на ниспроверженіе коего *Луизи* основывалъ замыслы, которые опчисти не согласовались съ естественнымъ правомъ; ибо онъ опъ правосудія новаго Цизалпинскаго правительствпа пребопалъ не только раздѣла наслѣдства, но и развода брата съ бывшею его невѣстою.

—Объясненія о семъ предметѣ каждый день доводили братьевъ до жаркихъ сценъ, и открытіе, которое сдѣлалъ *Луиги*, что *Пьетро* ведетъ тайную переписку съ командиромъ ближайшаго Австрійскаго отряда, и сообщаетъ оному извѣстія о тогдашнемъ положеніи Французовъ въ Миланъ, послужило въ одинъ вечеръ поводомъ къ спору, нечаяннымъ свидѣтелемъ коего былъ Французскій Полковникъ, стоявшій въ домѣ *Пьетро*.— Слова: измѣнникъ! клятвопреступникъ! явственно слышанныя имъ въ боковой комнатѣ, заставили Полковника арестовать обоихъ братьевъ и отвезти ихъ къ Губернатору. На другой же день они позваны были въ военный судъ.— Полковникъ, который явился только обвинителемъ старшаго брата, засвидѣтельствовалъ истинно республиканскій духъ младшаго, вызывая сего послѣдняго, чтобы онъ подтвердилъ справедливость его показаній, и доказалъ бы предъ судилищемъ свою невиновность. Но *Луиги* упорно утверждалъ, что ничего не знаетъ объ измѣнѣ брата; ибо ему извѣстно было, что признаніе его предать брата неминуемой смерти. По прошествіи даннаго срока, Президентъ Суда произнесъ приговоръ: обоихъ расстрѣлять! Одного, какъ измѣнника, другаго какъ ушайщика измѣны!

—Ихъ повели.—Тутъ обвинитель ихъ, Полковникъ, бросился вслѣдъ за ними, и закричалъ *Луиги*, чтобы онъ признаніемъ спасъ свою жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ сомнѣнія и жизнь брата, который, если добровольно признается, вѣроятно только кратковременнымъ арестомъ наказанъ будетъ за проступокъ противъ республики. Онъ умѣлъ обольстить несчастнаго, который, бывъ оппеденъ обратно, свидѣтельствомъ своимъ ускорилъ участь брата.—Судьи, одобрявъ сей подвигъ истиннаго республиканца, возвратили ему свободу, и когда онъ ступилъ на порогъ родительскаго дома, то при выспрѣла, раздавшіеся на гласисъ, возвѣстили ему, что смертный приговоръ уже исполненъ надъ братомъ.

—*Луиги* былъ въ отчаяніи. Друзья вслѣдски старались его успокоить, доказывая, что его свидѣтельство не погубило уже приговорен-

наго къ смерти брата, а только спасло его собственную жизнь. Онъ удостовѣрился, что *Пьетро*, по открытіи переписки его съ неприятельскимъ военачальникомъ, не могъ быть спасенъ, и—можетъ не довольный оборотомъ своей участи—вспунилъ во владѣніе опцовскимъ наслѣдствомъ и женился на вдовѣ брата, которая въ шестимѣсячъ новаго брака родила сына, плодъ перваго супружества.

—Извѣстно, что въ 1799 году счастье измѣнило Французскому оружію, что Австрійцы, побѣдоносно вступивъ въ Миланъ, жестоко преслѣдовали приверженцевъ Французской республики. И *Луиги* былъ арестованъ.—Онъ оказался виновнѣе всѣхъ: онъ нарушилъ монашескій обѣтъ, измѣнилъ отечеству, предалъ брата на казнь, и въ награду своихъ злодѣяній присвоилъ себѣ его наслѣдство и жену. Мечъ правосудія уже пятопѣлъ надъ его главою.—Въ сей опасности дружба и неожиданный случай возвратили ему свободу. Ночь была темная, когда онъ, вырвавшись изъ темницы, прилепѣлъ домой, чтобы разбудить беременную жену свою, и склонить ея къ поспѣшному бѣгству. Собравъ всѣ свои драгоценности, онъ поспѣшилъ къ спящему младенцу, своему пасынку, дабы снасти его къ рыдающей матери.—Но съ ужасомъ онъ опшашнулся, ибо у колыбели дитяти стоялъ возставшій изъ могилы *Пьетро*; одна рука его покоилась на головѣ младенца, другая, какъ бы въ оборонительномъ положеніи, грозно простерта была къ брату. *Луиги* въ безпамятствѣ бросился назадъ къ своей супругѣ.

—«Гдѣ мое дитя?» вскричала она ему на встрѣчу дрожащимъ голосомъ, и не получивъ отъ него отвѣта, бросилась къ сыну, чтобы схватить его изъ объятій послѣдняго сна въ родительскомъ домѣ. Но будучи еще сильнѣе поражена при видѣ призрака, который подъятою рукою, казалось, охранялъ сонъ младенца пропивъ несчастной матери, она замертво грянулась на полъ.

—Тутъ слышались голоса въ домѣ; но *Луиги* и *Анна* все еще лежали въ безпамятствѣ,—пихій голосъ звалъ ихъ; они не отвѣчали,—и

поспѣшно вѣжалъ къ нимъ поспѣ самый другъ, который освободилъ *Луиги* изъ темницы. «Что вы медлите?—вскричалъ онъ очнувшимся: востъ вамъ паспортъ на мое имя, внизу карета,—повъжайте немедленно!» Онъ поспѣ насильно увлекъ супруговъ, посадилъ ихъ въ карету, самъ сѣлъ на козлы, и вскорѣ они очутились за городомъ, но безъ сына несчастнаго *Пьетро*.

— Провъзжая дороги Ломбардіи въ то время были наполнены бродягами и войсками. Наши путешественники, не успѣвъ достигнуть границы Швейцаріи, попались въ руки мародеровъ; которые опіяли у нихъ все, кромѣ немногихъ, искусно скрытыхъ драгоценностей. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ прибытія въ первую Швейцарскую деревню, *Анна* разрѣшилась отъ бремени. Она дала дочери жизнь—*свою!* Последнїя слова ея были: востъ *Пьетро!*—Онъ опиниметь у насъ малютку! Защищай мое дитя!—

— Добродушные жители Альповъ ласково приняли сиротку и отца, починъ лишеннаго разсудка; малютку они назвали *Аннели*.—Прошло много времени прежде, нежели *Луиги* могъ на что нибудь рѣшиться. Опечесиво его опять покорилось Французамъ; но онъ содрогался мысли возвратиться въ спѣны, обогрениа кровью роднаго брата, войти въ родильскій домъ, гдѣ духъ *Пьетро* возбранялъ ему доступъ къ колыбели. Онъ наконецъ рѣшился скрыться во внутренности Швейцаріи, и поселился у подошвы Пилаповой горы, въ восточной части оной. Все, что спасъ онъ изъ драгоценностей, онъ употребилъ на обзаведеніе себя хозяйствомъ. Тутъ онъ жилъ, какъ природный Швейцарецъ. Единственнымъ щастіемъ, единственнымъ утѣшеніемъ его безвременно дряхлѣющей жизни была *Аннели*, которая, соединяя въ себя миловидность Швейцарки съ блестящими прелестями Италіанки, становилась истиннымъ Ангеломъ.

— Авспрїйское Правительство между тѣмъ возвратило имѣніе *Пьетро* его сыну, назначивъ ему опекуномъ человека, извѣстнаго по своей честности. Когда Франгузы, нѣсколько времени спустя, опять покорили сію спра-

ну, а *Луиги* не возвращался: то онъ объявленъ умершимъ, а пасынокъ его утверждень въ обладаніи наслѣдствомъ.

— Осьмнадцать лѣтъ прошло; давно ужъ сокрушенъ былъ Французскій скипетръ, и древній престоль Ломбардіи прежнимъ блескомъ озарялъ Альпы и море Венеціанское. Молодой Маркизь ди *Романдини*, вышедъ изъ опеки, вспунилъ во владѣніе опцовскимъ наслѣдствомъ, и востъ настала наконецъ день, который самымъ страннымъ образомъ привелъ обратно въ Миланъ его пропавшаго безъ вѣсти дядю.—

«Теперь, Графъ,—такъ самъ себя прервалъ разскащикъ, обратясь къ Графу *Элису*: теперь повѣсть моя спановится удивительно сходною съ вашею, итакъ, что починъ долженъ полагать, что вамъ не безызвѣстно было разсказываемое мною происшествіе. Можетъ быть меня предупредило какое нибудь періодическое изданіе, и вы почерпали изъ памлпи.»

— Извините!—возразилъ Графъ: что касается до будущаго сходства нашихъ повѣстей, то по моему мнѣнію, не я, какъ первый разскащикъ, а вы можете заслужить себя сей упрекъ. Вы не приготовились, вы разсказываете экспромптомъ, слѣдственно вамъ легко давать ей любую форму;—впрочемъ, уклоненіе отъ моей картины представило бы въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ вашъ даръ изобретенія.—

«Я не вправѣ искажать истинныя происшествія, отвѣчалъ Маркизь: и честью ручаюсь за справедливость моихъ словъ.—Позвольте мнѣ кончить!—*Аннели* въ продолженіе большей части лѣта пасла свое спадо, близъ горы Пилаповой. Сіе мѣсто было споль высоко, споль опдалено отъ другихъ паслбищъ, что она обыкновенно на нѣсколько дней снабжалась съспными припасами, что бы не оставалась спада безъ присмотра. Однажды, въ сумерки вечера, она слышитъ въ горахъ громкій крикъ о помощи. Робкая отъ природы и не чуждая суевѣрія ея соопечеспвенниковъ, будпо Пилатъ за преступный приговоръ надъ Спасителемъ започенъ на эту гору, она не рѣшается иппи по направленію звука; но когда опять послышался ей жалоб-

ный крикъ: тогда челоуѣколюбіе одержало верхъ надъ страхомъ, и она по знакомымъ ей пропннкамъ взбирается на гору. Тутъ найдши она молодаго челоуѣка, почти околѣнѣшаго отъ холода, помогаетъ ему встать на ноги, и съ опасностью собственнн жизни, сводитъ его съ горы къ своей жилищѣ, уступаетъ ему свою постелю и покрываетъ его своимъ плащлемъ. — Гостъ, проснувшись на другой день, видитъ свою избавительницу въ слезахъ и выманиваетъ у неѣ признаніе, что будто вчера, когда она спускалась съ горы, являлся ей Пилапъ, предвѣспникъ ея близкой смерти; что одна только забота о спасенномъ ею странникѣ удержала еѣ отъ громкаго крика, который вѣрно испугалъ бы и повергъ его въ пропасть. — Молодой путешественникъ — онъ былъ Германецъ — употребивъ напрасно всѣ средства вывести еѣ изъ сего заблужденія, наконецъ успокоилъ еѣ увѣреніемъ, что и онъ видѣлъ Пилапа, и слѣдственно будетъ ей товарищемъ смерти. — Сія, имъ обоюдно грозившая смерть, вѣроуино весьма едружила единенную чету, сообщая чувствамъ *Аннели* какую-то особенную теплоту, которую юный незнакомецъ умѣлъ увеличить винограднымъ сокомъ изъ дорожной фляги. — Два дня провелъ онъ въ горахъ, какъ два дня идиллія; изъ нихъ послѣдній ознаменовался смертию невинности несчастной обольщенной дѣвушки.

— Въ прѣше упро *Аннели* изъявила желаніе познакомиться своего друга съ отцемъ, который сегодня непременно долженъ былъ еѣ навѣстить. Но путешественникъ, казалось, не имѣлъ охоты дожидаться его посѣщенія: ибо, подъ предлогомъ важнаго дѣла, поспѣшно отправился въ Луцернъ. Впрочемъ, онъ обѣщавъ возвратиться въ скоромъ времени; а *Аннели* говорила, что она придетъ за нимъ, если онъ не сдержитъ слова. — Онъ не возвратился! —

— Когда пришелъ отецъ, *Аннели* безпрерывно говорила про незнакомца. Осторожный старикъ съ эпихъ поръ не оставлялъ еѣ одну; но осторожность его уже была излишняя, ибо незнакомецъ не показывался. — Нагорное пастбище пожелтѣло; отецъ и дочь сошли

въ долину. — Наступила осень; розы на щекахъ *Аннели* поблекли; огонь очей ея поухъ; и несчастный отецъ съ ужасомъ открылъ, что дочь его скоро будетъ маперью. —

— «Ты нездоровъ?» спросила невѣста молодаго Графа, который, будучи весь облипъ смертнымъ потомъ, казалось, выпускалъ послѣднее дыханіе. — Мнѣ дѣйствительно дурно, — отвѣчалъ онъ, и всталъ. — «Графъ! — воскликнулъ Италіанецъ: моя повѣсть сей часъ кончилась; покорнѣйше прошу оспаться съ нами еще нѣсколько минулъ.» — *Анна* посадила жениха своего подлѣ себя на софу, и Маркизъ продолжалъ рассказывать:

— Подобно горчайшей горести внутри жизни *Луизи*, свирѣпствовала внѣ оной жестокая зима, каковой и старики того края не могли себѣ припомнить. — Въ одинъ темный Мартовскій вечеръ, двое дровосѣковъ, застигнутыхъ вьюгою, попросили у *Луизи* ночлега. Около полуночи онъ просыпается отъ громкаго вопля, и видитъ подлѣ постели своей спрашную борьбу: одинъ изъ дровосѣковъ обхватилъ облипую кровью дочь, которая силится вырваться изъ его рукъ. Другой держитъ на рукахъ новорожденнаго младенца, и кричитъ проснувшемуся отцу: «пиво дочь родила двойни, и одного изъ нихъ зарѣзала.»

— Боже милосердый! воскликнула Графиня *Анна*: какой ужасъ! Что это значитъ? Въ эту ночь мнѣ снилось, будто у постели моей спитъ блѣдная женщина съ кровавою половою вокругъ шеи, держа на одной рукѣ облипаго кровью младенца, на другой прелезнаго живаго, который ласково проспиралъ ко мнѣ свои ручки, и когда я, цѣпнѣя отъ ужаса, посмотрѣла на привидѣніе, по оно подошло ко мнѣ и положило живаго младенца ко мнѣ на подушки. Я проснулась; свѣтъ лампы такъ удивительно отражался отъ зелѣныхъ занавѣсовъ моей кровати, что я готова была побожиться. — Тутъ всѣ вздрогнули, ибо внезапно, такъ что шпоры зазвенѣли какъ сполкнувшіеся стаканы, Графъ *Эльс* вскочилъ и хотѣлъ удалиться; но Маркизъ оспановилъ его. — «Позвольте, Графъ! сказалъ онъ: вы повѣстью вашею доставили

намъ такое удовольствіе, и въ особенностн меня такъ поразили удачною каррикатурою *вашей Аннели*, что я вмѣняю себя въ обязанность доставить и вамъ такое же удовольствие изображеніемъ *моей Аннели*» —

Онъ повелъ Графа обратно къ дивану, сѣлъ насупротивъ его въ кресла; и продолжалъ: «*Аннели* заключили въ темницу.—Она не чувствовала ужаснаго своего положенія, ибо вообще уже давно переспала чувствовать и мыслить.—Она приговорена была къ смерти.»

«На другой день послѣ ея казни, *Луизи* предсталъ предъ судьей и объявлялъ себя братоубійцею. Онъ съ военнымъ конвоемъ отправленъ былъ въ опечество. Какъ скоро въ Миланѣ сдѣлалось гласнымъ, что *Луизи* дн *Роландини*, государственный измѣнникъ и братоубійца, 18 лѣтъ скрывавшійся, схваченъ: по пасынокъ его немедленно отправился къ судьямъ, и челолюбивое Австрійское Правительство, простирая и на него недавно обнародованное всепрощеніе, спасло жизнь несчастному.—Сынъ его незабвенной *Анны* нашелъ *Луизи* въ совершенномъ умѣ и способнымъ разсказать претерпѣнныя имъ бѣдствія, которыя переданы въ сей повѣсти.—Нѣсколько времени спустя, молодой Маркизь получилъ позволеніе уступить дядѣ и опциму для домашняго ареста комнату въ своемъ замкѣ. Сіе благодѣяніе сдѣлалось двойнымъ для *Луизи*, ибо оно прекратило его спрадальческую жизнь!—Племянникъ случайно избралъ для несчастнаго шу самую комнату, въ которой сей послѣдній за 20 лѣтъ тому назадъ хотѣлъ взять его изъ колыбели, но встрѣтился шутъ съ призракoмъ *Пьетро*, и, по такому же спранныму спеченію обстоятельствъ въ тотъ же самый день производилось ученіе гарнизона со спрѣльбою. Въ шу самую минуту, какъ *Луизи* вошелъ въ комнату, раздался первый выстрѣлъ на гласнѣ, и Маркизь, возопивъ: вопъ онъ падаетъ! вопъ онъ спойтъ! грянулся мертвый на землю.»

—И это истинное происшествіе?—спросилъ Графъ *Арвейлеръ*.

«Истинная правда! отвѣчалъ Маркизь, приложивъ руку къ сердцу: истинная правда,

какъ *смертное томленіе** убійцы въ эту минуту.»

—И нѣтъ слѣдовъ его?—спросила *Оттилія* дрожащимъ голосомъ.

«Слѣды? Конечно есть! возразилъ Маркизь: гнусный оболъститель оставилъ въ жилищѣ несчастной *Аннели* бумажникъ, который—дабы вы, Графиня, не упрекнули меня въ упущеніи какого либо изъ заданныхъ словъ—заключаетъ въ себя письма какой-то *Анны* къ какому-то *Карлу* и портретъ одной прелестной дамы. Съ этими портретомъ и этими письмами я, сынъ *Пьетро*, я, братъ *Аннели*, я, *Карлъ дн Роландини*, топъ самый *грудной младенецъ*, надъ колыбелью коего бодрствовалъ духъ *Пьетро*—объѣзжаю Германію, чтобы отыскать преступника. Я нашелъ его, но разрушилъ бы счастье почтеннаго семейства, еслибъ снялъ съ него личину. Поелку же злодѣй самъ вынуждаетъ меня опвратить позоръ опъ семейства, въ которое онъ вкрася, какъ папъ, и гдѣ онъ до такой степени дерзокъ, что самъ разсказываетъ о своемъ гнусномъ поступкѣ, облагородивъ только свое собственное лице, сказавъ несчастную жертву его сластолюбія, и пригавъ крестьянскаго невѣжду—брата, то я, увѣренный въ добромъ дѣлѣ, кладу сей бумажникъ между сею *чистою* и тою преступною рукою.»—Онъ бросилъ раскрытый бумажникъ на столъ, и выпалъ изъ него портретъ *Анны*.—Графиня лишилась чувствъ.—«Бездѣльникъ!» вскричала разгнѣванный отецъ; претепъ пробѣжалъ по членамъ присутствующихъ, и параличній припадокъ, казалось, приковалъ Графа *Эмса* къ кресламъ.—Всѣ еще сидѣли въ смерномъ оцѣпенѣнн; отецъ держалъ въ объятіяхъ дочь, которая мало по малу спала приходивъ въ себя, какъ вдругъ бронзовые часы пробили полночь, и спранный пронзительный звукъ, какъ будто сполкнулись сдвинутыя съ стези своей колеса, огласивъ залу, пробудилъ убійцу *Аннели* изъ безпамятства.

—Губитель моего счастья! возопилъ онъ, усупремясь на Маркиза: заплани жизнью за твою дерзость, или бери мою!—Иди за мною!—При сихъ словахъ, онъ съ обнаженною шпа-

гою бросился изъ комнаты; но *Оттилiя* и *Гедвига*, заградивъ Италiанцу дорогу, удержали его, и еще боролись онъ съ его рукою, уже схватившею шпагу, какъ въ передней залѣ послышался громкiй вопль Графа: «Боже милосердый!» А вслѣдъ за крикомъ раздался страшный грохотъ; какъ будио опть паденiя пияжелаго пѣла. Всѣ бросились пуда, и съ ужасомъ увидѣли исчезающiй въ глубинѣ залы туманный чризракъ, который держать на рукахъ двоихъ младенцевъ. У послѣдней ступени лѣспницы лежалъ Графъ *Эльсъ*, закрывъ рукою облпную кровью грудь, въ которую, при паденiи, вонзлась его собственная шпага.—Послѣднiй взоръ его устремился на *Анну*. Она, въ знакъ прощенья, опустилась на колѣни подлѣ умирающаго. — «Правда! простоналъ онъ: правда! — Она пришла за мною! — Дипя мое да будетъ пвоимъ!» — Онъ скончался. — Дипя его имѣло нѣжную мамъ въ *Аннѣ*.—

Съ Нѣм. В. Тило

СТИХОТВОРЕНIЯ.

МОЯ ГАЛАТЕЯ.

Она любви не спокла моей,
Она любви моей не понимала;
Хладъ чувствъ и хладъ своихъ рѣчей.
Она съ безвкусиемъ въ розпныхъ собирала—
И ей я несъ все, что въ мнши
Могъ чувствовать поэтъ влюбленный—
Сей пламень роковой младенческой души,
Сей сердца жаръ воспламененный!
И я молилъ боговъ: о боги, дайже мнѣ
Понянь, что счастье въ жизни скучной!
Пошлине шѣ въ удѣлъ, что въ вашей споронѣ,
Какъ радоснь, съ вами неразлучно..
О Зевсъ! дослушанеъ будъ моей мольбѣ,
Хопя изъ жалосни не презри ею.
Я, какъ Пигмалiонъ, зываю вновь къ тебѣ:
Влей чувства, жизнь, дней новыхъ въ Галапею...
Но я, напрасно всѣ мольбы мои шерялъ;
Смошрю, она каршинна и прекрасна,
Стройна по прежнему; живаль?— Безъ чувствъ,
безгласна.
Ахъ! Прометей лучъ ей въ грудь не прои-
калъ!!

В. Карлофъ.

Ноябрь, 1826.

КЪ КОКЕТКѢ.

Надъ хипрою кокеткой модной
Я зло шушилъ въ семнадцатъ лѣтъ,
Когда я былъ еще поэмъ...
Теперь, чудакъ въ шолпѣ народной,
За шалосъ прежнюю терплю:
Кокетку милаю люблю!
Она меня очаровала
Пршворной гордосью своей—
И выраженiемъ очей
И каждой складкой покрывала!
О ней поскую день и ночь,
Боюсь любви моей несчастной—
Сержусь, но образа прекрасной
Не ошорву опъ сердца прочь!
Богъ въспъ, о чемъ оно всё шестъ;
Не ядъ-ли ужъ въ моей крови?
Смѣюсь, а мракъ печали кроестъ
Мечпы и славы и любви!
Какой-то спраную забосой
Моя душа возмущена;
На смерть пошелъ бы я съ охотой
Когда бы вспыхнула война!..
Подобно новому Тиртею,
Съ мечемъ и съ лирой боевой
Взлетѣлъ бы я на бапарею
Среди дружины удалой!
Я-бъ спраха смерти не замѣшля
И, какъ желанное добро,
Неопразимое ядро
Кипящей грудью я бы вспрѣшилъ.
И сладко предъ концемъ моимъ,
Я предакъ бы шой надеждѣ,
Что нелюбимый ею прежде,
По смерти буду я любимъ!
Что кропкой повѣспи внимаю,
Какъ я на смерть летѣлъ впередъ,
И какъ погибъ, она рыдалъ,
Меня несчастнымъ назовѣтъ!

А. Кривошъ.

СВѢТЯЩАЯ ЗВѢЗДА.

Какъ пригвожденная къ лазоревому своду,
Высокая звезда пльвущимъ въ непогоду
И спранникамъ въ ночи указываешь путь;
Такъ возвышайся пы. Не дымомъ низкимъ будъ,
Который, возлетѣвъ, безъ пользы разнесѣтся;
Онъ, и на высоту, всё дымомъ оспаѣтся.

Изъ Гердера. II. Покровскiй.

З А Г А Д К А.

Меня везётъ не конь —

Огонь!

Питаемъ не права —

Дрова!

№ 96, помѣщенный логотипъ значить: *Monstre, montre.*

М О Д Е С.

Nous allons entrer avec nos lectrices dans notre principal magasin, bazar des femmes du beau monde, où le goût passerait avant le luxe, si tous deux ne pouvaient aller ensemble, dans le magasin de M. Gagein, rue Richelieu.

Un coup-d'œil dans ce petit salon, uniquement réservé à des châles de cachemires de l'Inde et de France, simples ou magnifiques, mais toujours d'un travail supérieur.

Nous avons déjà dit le soin avec lequel ce magasin s'est occupé des manteaux. Les variétés nombreuses peuvent se détailler plus facilement que nous ne pouvons expliquer la grâce avec laquelle on a réussi à les couper. Nous laissons ce soin à l'exactitude de nos dessins. Nous pouvons indiquer:

L'Arinoë, laine brochée, couleur sur couleur.

Les damasquinés à bouquets ou dessins de toutes couleurs. Par un procédé spécial, ces manteaux, quoique quâtés; ont deux faces, et peuvent également se porter de l'un ou de l'autre côté.

Le golconde, marron et vert, grenat et vert, qu'au premier aspect on prendrait pour de la broderie.

L'olympie, marron et jaune turc; l'alliance de ces deux couleurs produit l'effet le plus éclatant.

Le zénobie, à dessins courans et palmettes cachemires.

Le couçaratcha, à dessins pittoresques.

L'aïumbo, fond noir.

Tout ce qui peut se demander en cachemires de Lyon et cachemires turcs, fond gros bleu, marron, et gros vert, à dessins et ramages, destinés à être doublés de soie éclatante.

Les manteaux de bal, les manteaux légers.

Pl. No 34. Coiffure de M. Sergant.—Robe d'organdi brodée en laine.—Manteau en gros de naples pointé et brodé.

М О Д Ы.

Мы войдемъ съ нашими читательницами въ главный нашъ магазинъ, базаръ для дамъ моднаго свѣта, гдѣ вкось имѣлъ бы преимущество надъ роскошью, если бы оба не могли соединиться въ магазинѣ Г-на Gagein, въ улицѣ Ришельѣ.

Одинъ взглядъ въ эту маленькую залу, единственно назначенную для Индѣйскихъ и Французскихъ шадей, проспыхъ и богатыхъ, но всегда превосходной работы.

Мы говорили уже, съ какимъ тщеславіемъ занимались въ семъ магазинѣ плащами. Легче описать подробно многочисленныя разнообразности, нежели дать понятіе о ловкости, съ кою они скроены. Мы оставляемъ это тщательности нашихъ рисунковъ. Мы можемъ назвать:

Arinoë, шерстяная матерія, зашканная подъ цвѣтъ.

Волнистыя (*damasquinés*), съ букетами или узорами всякъ цвѣтовъ. Особеннымъ приготовленіемъ, плащи сит, хотя на вѣтъ, сдѣланы на два лица; ихъ можно носить на ту и другую сторону.

Golconde, каштановый съ зелѣнымъ, гранатовый съ зелѣнымъ, при первомъ взглядѣ можно принять за вышитые.

L'olympie, каштановый съ Турецкимъ желтымъ; соединеніе сихъ двухъ красокъ производитъ самый блестящій видъ.

Zénobie, съ разводами и Турецкими пальмочками.

Couçaratcha, съ живописными узорами.

L'aïumbo, съ чернымъ грунтомъ.

Все, что можно желать изъ Ліонскихъ кашмировъ и Турецкихъ, по снѣму, каштановому и тѣмно-зелѣному грунтамъ, съ узорами и разводами, подкладывающъ шелковою матерією яркихъ цвѣтовъ.

Бальные плащи, весьма легкіе.

Карп. No 34. Прическа Г. Сержанъ.—Платье изъ органди, шипое шерстью.—Маншо изъ гроденпля, pointé et brodé.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 98.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 NO. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 7 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Хоть я и не пророкъ,
Но видя мотылька, что онъ вокругъ свѣчки вѣтса,
Пророчество почти всегда мнѣ удаётся,
Что крылышки сожжеть мой мотылёкъ.
Вотъ, милый другъ, тебѣ сравненіе и урокъ:
Онъ и для взрослого хорошъ и для ребенка.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА КЪ О—ГѢ А—НѢ
І—ЛЬ, ВЪ РЕВЕЛЬ, 5 АВГУСТА 1832 ГОДА.

«Вы знаете мѣстность лѣшняго нашего пребыванія, знаете, что съ проспекта, гдѣ граничитъ садъ нашъ, есть два переулка, обстроенныхъ домиками различной архитектуръ, съ цѣльными спеклами въ окнахъ въ аршинъ; бываетъ и меньше. Всѣ эти домики мнѣ примелькались, помню ихъ, и могъ бы нарисовать, когда бы 40 лѣтъ не занимался карандашною работою,—не отвыкъ опъ сего дѣла. Впрочемъ, не о живописи хотѣлъ я говорить, а просто рассказать въспрѣчу мою съ одною старушкою. Упробило ясное, холодное! Вотъ изъ одного, подобнаго вышесказаннаго, домика, вышла старуха. Замѣтивъ её, мнѣ пришла на мысль оспроумная спашья г. Б., о салопницахъ. Знал по опыту справедливость рѣзкой правды сей, я сдѣлалъ заключеніе, что и эта женщина должна почно принадлежать къ сословію жалкихъ попрошайекъ. Въ этомъ мнѣніи, нечувствительно

спалъ я нагоняю её по деревяннымъ нашимъ пропугарамъ. Она брела тихо, опираясь на палочку: проспощка сія, приводимая въ движеніе, предспавляла настоящую Фею съ волшебнымъ жезломъ. Она спянула на Неву и повернула къ перевозу у сѣзжаго дома, гдѣ каланча. Я шелъ позади и сбирался завести съ нею рѣчь, узнать, куда она пробирается. Прибавивъ ходу, поровнялся съ нею и, первымъ привѣспивіемъ были слова: добрый путь старушка!—«Нечто, бапюшка, кадушка;» опвѣчала она, взглянувъ на меня черными глазами, и пронувъ жезломъ своимъ споявщую подъ жолобомъ кадочку.—Куда идѣшь? продолжалъ я, спараясь увѣриться, не глуха ли она.—«Куда-те грошъ, бапюшка, нынче и спарой ведерки за двѣ копѣйки не купишь!»—Хорошъ будетъ полкъ! воображалъ я. Между тѣмъ, мы пришли къ перевозу. Какъ вѣжливый кавалеръ, я подаль ей руку, примолвя: легонько, бабушка, легонько!—«Крѣпонька, бапюшка, крѣпонька;» опвѣчала она съ ласковою улыбкою, показывая на лѣвое ухо, и разглядывая коспюмъ мой. Я былъ въ своемъ горехомъ сюрпукъ и плешеной изъ киппового

уса шляпъ. Пользуясь ея вниманіемъ, мнѣ пришло въ голову завязать съ нею разговоръ: кажется, мы видались гдѣ-то, только не помню.—Успавя глаза, она сказала: «хаживала и не сполько, не по, что въ Коломню!»— Она идётъ въ Коломню, могу отвезти её до Мраморнаго Дворца, подумалъ я, и спросилъ: не угодно ли ѣхать со мною?—«За Невою, баптиошма, за Невою;» продолжала она, кивая маленькою въ чепецъ головкою (входя въ элбопъ она скинула шляпку). Мы усѣлись, я велѣлъ опвалить—и опправились. Теперь представьте себѣ ясное упрю, зеркальную поверхность Невы, разрѣзываемую двухвесельнымъ съ однимъ гребцомъ яликомъ, и меня, подъ зонпикомъ онаго—сидящимъ рядомъ съ инпересною спупницею.— Она положила свою проспочку на подушку съ правой стороны, а камлоповый тѣмнокфейнаго цвѣта, вздернутый на зелѣномъ шелковомъ снуркѣ ридикюль и шляпку помѣстила съ лѣвой, п. е. между нами.—Примѣпя у неё въ мѣшечкѣ что-то похожее на пабакерку, я вынулъ свою изъ боковаго кармана, потеръ серѣбреную звѣздочку на крышкѣ, и поднявъ оную, предложилъ сосѣдкѣ, не говоря ни слова, но съ видомъ радушія, какой только помогъ мнѣ Господь успропить на серьёзномъ лицѣ моемъ. Признаюсь, мнѣ было совѣстно грубыхъ моихъ обращеній къ ней мѣспомѣніемъ: ты; я внутренно радовался, что вырвалось у меня учпивое: не угодно ли ѣхать со мною? когда мы едидись.— «А какой пабакъ изволише нюхаетъ, баптиошка?» спросила она.—Чиспой Русской.—«Прусской! не нюхивала, позвольте;» скинула перчашку, взяла щепопку, отставя мизинецъ пакъ, какъ будто хотѣла показатъ, что на немъ бывали перспенъки, и нюхнула со всею ловкостію порядочной женщины. Съ этою секунды, я началъ внимательнѣе разсматривать мою собесѣдницу. На ней былъ тѣмнаго цвѣта, поношенный, но чиспый изъ драдѣдама клокъ, а не солощъ изъ перекрашеннаго коленкора; шляпка, подлѣ меня лежавшая, показала мнѣ чернаго гроденапля; чепецъ чиспо-вымыпный, накрахмаленный; на шеѣ красный креповый плапочикъ, завязанный однимъ узломъ съ концами; словомъ, я началъ колебаться въ сдѣланномъ мною заключеніи, и дѣйствительнѣе...

«Но вижу, вамъ уже спало скучно, и пакъ, перерывая разсказъ, даю честное слово, добавивъ при свиданіи изустно; ежели же успѣю, то и описать развязку моей встрѣчи.—Могу увѣрить напередъ, что спарушка вышла забавница большая.—Простите.»

Продолженіе письма въ Ревель.

«Чѣмъ приспальнѣе взглядывался я въ мою спупницу, тѣмъ больше совѣстился ошибочнаго своего о ней заключенія. Она уже казалась мнѣ не пакъ дряхлою; даже примѣпилъ я, что всякое ея движеніе означало женщину образованную. Я уже выше сказалъ, что нарядъ ея былъ очень проспъ, но пристроенъ, опряпенъ. Она сидѣла съ увѣренностію не бѣднжкп, и посматривая на рѣку, лукаво улыбалась, что придавало ей видъ большой шпукарки. Всё это ужасно поджпгало во мнѣ желаніе разгадать её. Разныя мысли вертѣлись въ умѣ моемъ, но не хотѣлось заводипъ снова разговоръ съ нею. Я ожидалъ, не начептъ ли она говорить со мною.—Такъ и случилось!—«Вы очень поспарѣли!» промолвила моя сосѣдка, успремивъ на меня черные глаза свои—Развѣ вы меня знаете, сударыня?—«Лѣтъ около сорока имѣю это удовольствіе; но вы, какъ мнѣ кажется, совѣтъ меня не узнаете!»—Не мудрено и не удивительно, придесятилѣтнихъ давности лишаютъ меня возможности къ опысканію на это прѣва.—«А я васъ помню.»—Тутъ назвала она меня по имени и по отечеству! Меня чрезвычайно поразило такое вступленіе.

— Сдѣлайте одолженіе, сударыня, скажите, съ кѣмъ случай привелъ меня встрѣпиться?—

«Съ глухою спарухою, копорая впрочемъ весьма пому рада.»—Вы очень вѣжливы, сударыня; однакожъ мнѣ хотѣлось бы узнать болѣе.—«Покорнѣйше благодарю, сударь, за вниманіе; но не бывъ вами узнана, мнѣ придется оліпъ обратиться къ глухощъ, копорая вновь познакомила меня съ вами.»—Всѣ слова произнесены были чудною этою женщиною живо и съ такою лукавою миною, что я сидѣлъ какъ на иголкахъ, ожидая, чѣмъ объясненіе наше кончипся.—Ради Бога опкройсь, сударыня, кто вы?—«Неуже-

ли это такъ и интересуетъ васъ? Повторяю вамъ, что я глухая, старая женщина, о которой вы не помните, или не хотите вспомнить.»—*Просьба моя, сударыня, доказываетъ совершенно тому противное; нельзя ли кончить мистификацію?*—При этомъ словъ, она бросила на меня выразительный взглядъ, пожала плечами—и съ улыбкою хитрости, свойственной умнымъ женщинамъ, отвѣчала мнѣ: «вы всё также неперенливы, какъ и прежде, и также насмѣливы: бѣда съ вами, да и только! Признайтесь, вѣдь вы были смолоду слишкомъ рѣзвы; но эта исторія кончена. Позвольте спросить, здравствуетъ ли ваша матушка? У васъ были также сестрицы, братья, не такъ ли? Вы жили тогда въ вашемъ домѣ, въ улицѣ стараго Пустаго рынка; только это было давно, очень давно! Вы любили театръ, и, какъ я слышала въ послѣдствіи, подарили Русской сценѣ много хорошаго, et monsieur qui a traduit la V—le, не удостоиваетъ вспомнить одной изъ старыхъ жрицъ Талии и Терпсихоры! Я.....» Здѣсь она остановилась, какъ нарочно, чтобы помучить мое любопытство.—*Что же, продолжайте, сударыня, вы....*—«Я—жду вашего отвѣта, вы мнѣ не сказали, здравствуетъ ли ваша матушка?»—*Слава Богу, сударыня; но она перенесла много поперъ; изъ дѣтей ея остался только я.*—«Вы слыли всегда добрымъ сыномъ, будьте утѣшеніемъ преклонныхъ лѣтъ ея.»—*Это священный для меня долгъ, пріятнѣйшая обязанность, отвѣчалъ я; но вы остановились, не докончивъ рѣчи вашей.*—«Да, виновата, я пошумила, принявъ на себя роль глухой, и ежели обманула васъ, то довольна собою: я—актриса N. Уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ я въ отставку, получаю небольшой пенсіонъ, жила все въ Москвѣ, куда на сихъ же дняхъ обратно ѣду.»—*А мужъ вашъ?*—«Давно умеръ!»—*Между тѣмъ, мы подъѣзжали къ Лѣпному саду, гдѣ хотѣлъ я выпить на берегу.*—Здѣсь надобно мнѣ остановиться, а васъ прикажу отвезти на Пряжку къ Берпову заводу, это сократитъ путь вашъ въ Коломню.—«Да, да, въ Коломню, помню! только это говорила глухая старуха, а мнѣ дозволяете лучше выпить на берегу вмѣстѣ съ вами.»—*Такимъ образомъ опускивъ гребца, вошли*

мы въ Лѣпный садъ. Тутъ, сѣвъ на скамейку, рассказала она мнѣ, что овдовѣвъ, жила безвыѣздно въ Москвѣ, гдѣ—опъ бывшей знаменитой пѣвицы Е. С. *Сандуновой* слышала о Русскомъ переводѣ помянутой моей Оперы; что въ Петербургъ пріѣзжала по дѣлу и для свиданія съ пресварлою родственницею, изъ домика которой выходя утромъ, увидѣла меня и почти узнала навѣрное, потому что наканунѣ примѣпя изъ окна, какъ я ѣхалъ, спросила свою родственницу, кто это? услышала мою фамилію и совершенно удостоверилась. (*)

Мы распались, съ пожеланіемъ всѣхъ возможныхъ благъ, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ между добрыми, давнишними знакомыми и, вѣроятно съ тѣмъ, что болѣе уже не увидимся.

В.

К О Ё - Ч Т О .

Наслаждайтесь жизни хозяйственно. Я наслаждаюсь ею двойнѣ передъ другими опъ того, что обращаю на неѣ вниманіе, занимаюсь ею, не выпалкиваю еѣ въ зашею. Она и сама идетъ довольно скорымъ шагомъ: я иду съ нею, схватясь рука съ рукою, душа въ душу. Чѣмъ быспрѣ бѣжитъ она, тѣмъ спраспнѣй я люблю еѣ. Чѣмъ ближе наша разлука: тѣмъ полнѣе, тѣмъ сердечнѣе наслаждаюсь ею.

Отвращеніе нѣкоторыхъ людей опъ всякаго рода принужденія съ важностью называютъ *благородною любовью къ независимости*, а всмопритесь поближе, увидите, что это просто *лѣнь*.

(*) Кому случилось временно жить на Выборгской сторонѣ, или на Петербургской, тотъ конечно замѣтилъ, до какой степени всякое новое лице возбуждаетъ любопытство въ тамошнихъ старожилахъ мелкаго разбора. Сперва начинаютъ осматривать и преслѣдовать глазами, потомъ развѣдываютъ: кто таковъ, гдѣ живетъ!—И вопъ основанія, на конхъ сооружается хроника околodka, и соснавляется запасъ пересудовъ, для длинныхъ осеннихъ и зимнихъ вечеровъ. — В.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВИРТУОЗА МОЛЬНАВИ.

Знаменистый пѣвецъ Мольнави обѣдалъ однажды на дачѣ въ окрестностяхъ Парижа. Какъ ему должно было присупствовать на другой день при одной репетиціи, то онъ опсправился домой около семи часовъ вечера. Желая сократить дорогу, онъ заблудился, и ошибку свою примѣтилъ не прежде одиннадцати часовъ: одинъ, посреди полей, безъ проводника, онъ не зналъ куда итти.

Ему оспавалось одно только средство, просить пристанища у дверей маленькаго загороднаго домика, который по счастью находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Между тѣмъ полилъ ручьями дождь, и онъ долго спучался напрасно; наконецъ, человекъ въ бумажномъ колпакѣ опворилъ окно.

— Кто тамъ спучится? —

«Бѣдный путешественникъ, пожалуйспа опворите, я весь промокъ.»

— Другъ мой, иди своею дорогою; здѣсь не опворяютъ въ пакую пору. —

«Я честный человекъ.»

— Спавься можете, но я себя не знаю. —

«Бываете ли вы въ Парижскихъ концертахъ?»

— Да, конечно. —

«И такъ, я пѣвецъ Мольнави.»

— О! это великій палантъ. —

«Опсприте же мнѣ.»

— Прошу извинить, еспди бы я былъ увѣренъ, что ты точно Мольнави, тогда бы. . . —

«Какого же вы пребуете доказательспа?»

— Пропой мнѣ сцену изъ Моцартова *Донъ-Жуана*. —

«Но, милоспивый государь, дождь ливья льсптъ!»

— Пой, или я не впущу тебя; я не довѣрю бродягамъ. —

Надлежало исполнить пребываніе; и Мольнави началъ пѣть большую арію, не смотря на сопровождающіе его громовые удары.

— Прекрасно! превосходно! божественно! Да, это онъ, да, это онъ! восклицалъ будущій

его хозяинъ. «Марья, бѣги опворить двери знаменитому, неподражаемому Мольнави, я хочу видѣть его и имѣть щастіе ужинаеть съ симъ великимъ арписпомъ, съ вирпуозомъ споль превосходнымъ!»

Марья опворила дверь, и обвороженный любитель музыки просилъ извиненія у арписпа, что заспавилъ его пакъ долго дожидаться.

«Ничего, сударь, ничего; всего хуже то, что я весь промокъ, а завпра долженъ пѣть въ самомъ блистательномъ Парижскомъ обществѣ; я боюсь проспуды. Еспди у васъ плащъ, чтобы мнѣ переодѣться?»

— Къ сожалѣнію нѣтъ; я не живу въ семь домѣ, а только пріѣзжаю сюда на день, но къ вечеру всегда возвращаюсь въ Парижъ. Сегодня я оспался здѣсь ночевать, чтобы присупствовать здѣсь при продажѣ части лѣса, который мнѣ хочется купить. —

«Нѣтъ ли у васъ лакея, у котораго я могъ бы занять плащъ?»

— Нѣтъ, у меня только одна спарая служанка. —

«Ну, такъ пусть она мнѣ дастъ юбку и коффу.»

— Съ охопю, сказала Марья, — и побѣжала въ свою комнату за полнымъ праздничнымъ нарядомъ.

Мольнави постѣшно переодѣлся, боясь проспудиться; повязалъ на шею большой красный плапокъ, а на голову вздѣлъ нарядный чепецъ. Хозяинъ дома велѣлъ разложить большой огонь, и Мольнави обсушившись, съ жадностію принялся за чепвертъ холодной пельмины съ вкуснымъ салатомъ.

Скоро вино развеселило собесѣдниковъ. Хозяинъ былъ настоящій меломанъ, знавшій на изусть множество Италіанскихъ арій. Онъ началъ пѣть вдвоемъ съ Мольнави, который, чтобы придать болѣе силы голосу и выразительности речиспавамъ, вспалъ изъ за стола, и ходилъ по комнатамъ съ важностію Римскаго Императора, забывъ, что онъ въ нарядѣ сельской служанки. Сцена сія продолжалась до глубокой ночи; но успавъ пѣть

и пить, новые приятели легли вмѣстѣ въ постель, и потчасъ же заснули.

На другой день по утру, *Мольнави*, весьма довольный, что нашелъ споль любезнаго хозяина, хотѣлъ опсправиться въ пупъ, но хозяинъ не могъ согласиться на то, чтобы споль знаменитый музыкантъ прошелъ пять миль пѣшкомъ; онъ предложилъ ему опвезти его по продажѣ лѣса. Предложеніе сіе было охотно принято, и по окончаніи торга, они вмѣстѣ сѣли на одну лошадь, и распались не прежде, какъ доѣхавъ до городскихъ воротъ, при взаимныхъ увѣреніяхъ въ дружественныхъ чувствахъ.

Съ Франц. А. М—ва.

МАГОМЕТЪ И БОНАПАРТЕ.

«Никогда не позабуду я Наполеона; всегда буду видѣть его на конѣ, съ пламеннымъ и какъ-бы неподвижнымъ взглядомъ, съ его спокойною, древнею, самодержавною наружноспію; буду видѣть, какъ не заботясь о судьбѣ—взираетъ онъ на войска, птяущіяся предъ нимъ рядами. Онъ посылалъ ихъ погда въ Россію, и старые гренадеры успремляли на него свои взоры съ пророческою важностію, съ мрачнымъ и ужаснымъ самоопверженіемъ, гордясь тѣмъ, что идутъ на встрѣчу смерти.

«Иногда меня угнепаетъ сомнѣніе, я спрашиваю самага себя, почно ли его я видѣлъ? дѣйствительно ли мы его современники? и погда мнѣ кажется, что образъ его, вырвавшись изъ тѣсной рамы настоящаго, опспускаетъ съ большею славою и большею гордостію въ вѣка минувшіе. Имя его поражаетъ уже насъ, какъ преданіе древнихъ временъ; оно споль же поржеспвенно, какъ и имена *Анибалла*, *Цесаря*; оно сдѣлалось уже словомъ соединенія народовъ, и если нѣкогда воспокъ и западъ сблизятся: то однимъ эпитимъ словомъ они уразумѣютъ другъ друга.

«Съ какою силою, съ какимъ волшебствомъ звучитъ сіе великое имя! Я почувспвовалъ эпо однажды, когда въ Лондонской приспани взошелъ на борть корабля, прибывшаго изъ Бенгалскаго залива.

«Эпо было огромной величины судно, заключающее въ себя многочисленный экипажъ людей *Индоспанскихъ*. Эпи разнообразны группы, эпи песпрые головные уборы, эпи папнспвенныя физиогноміи, эпи особенныя пѣлодвиженія, эпи звуки чужеземнаго языка, эпотъ смѣхъ, крики, но особенно важностъ, господспвовавшая на сихъ желтыхъ лицахъ, которыхъ черные глаза блиспали предо мною, какъ звѣзды; все эпо поражало меня, какъ будто какимъ-то очарованіемъ. Я почипалъ себя однимъ изъ дѣйспвующихъ лицъ въ сказкахъ *Шехеразады*, и мнѣ уже видѣлись широколиспвенныя пальмы, длинношейные верблюды, слоны, покрытые золомомъ и много другихъ баснословныхъ деревъ и живопныхъ. Прикащикъ, находившійся на корабль, не болѣе моего понималъ нарѣчіе своихъ спунниковъ. Со всѣмъ безспысліемъ *Брипанской* флегмы, онъ рассказывалъ множеспво подробностей объ эписхъ людяхъ, большею частію *Магомепанахъ*, припекшпхъ изъ всѣхъ *Азійскихъ* спранъ, опъ предѣловъ *Кипая* до *Аравійскаго* залива.

«Наскучивъ западомъ, наскучивъ Европою, я съ наслажденіемъ взиралъ на сей *восточный отрывокъ*, волновавшійся у меня передъ глазами, и сердце мое позабывало долгие зимне вечера, проведенные въ скучномъ *Ганноверѣ* и въ краяхъ *Пруссіи*. Чужеземцы сіи прочипали на лицѣ моемъ удовольспвіе, которое мнѣ доставляло ихъ появленіе; они угадывали, что я горѣлъ желаніемъ сказаъ имъ нѣсколько дружелюбныхъ словъ. Съ своей спороны я замѣчалъ, что и я имъ нравлюсь, и что они также желали бы сказаъ мнѣ что нибудь пріятное... Къ большему несчастію, ни одинъ изъ насъ не говорилъ языкомъ другаго.

«Наконецъ, я нашелъ средспво однимъ словомъ даъ имъ знаъ о моемъ пріязненномъ расположеніи; съ уваженіемъ пропннувъ имъ руку въ знакъ привѣтспвія, я воскликнулъ: *Магометъ!*

«Радостъ внезапно блеснула на мрачныхъ лицахъ чужеземцевъ; спиренно сжали они на груди руки, и чтобы привѣтспвовалъ меня въ свою очередь, вскричали: *Бонапартъ!*»

Пер. *Ил. Г—ва*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

УМИРАЮЩАЯ ЭРМЕНГАРДА.

Хоръ Инокинь.

(Изъ трагедіи: Адельгейзъ, сох. Манцони) ().*

Разбросанные локоны
 Упали къ груди бѣлой,
 И руки крестно сложены,
 И ликъ ужь поблѣднѣль,—
 Лежишь она, спрадалица,
 Взоръ къ небу возведенъ.

Замолкнулъ плачь; всѣ моляшся,
 Возникла пѣснь святая,
 И пеленой холодное
 Чело на вѣкъ скрывая,
 Очей лазурныхъ набожной
 Рукою взглядъ смежень.

О, не поскуй, прекрасная!
 Забудь любовь земную!
 Дай въ жершву спрась Всевышнему
 И смерть прими свяшую:
 Не здѣсь—за жизнью, долготу
 Терпѣнью жди конца!

И горю обреченная
 Вседневно умоляла:
 Забышь о помъ, чпо бѣдная
 Томясь, не забывала.

(*) Эрменгарда или Дезидерата, была дочерью Дезидерія, Князя Лонгобардовъ, и первою сумругою Карла Великаго. Бывъ отвержена имъ по неизвѣстнымъ причинамъ (иные утверждаютъ, будто бы за безплодіе), она скончалась въ монастырѣ. Вотъ обстоятельство, къ коему относился помѣщаемый здѣсь хоръ.

Въ хоръ семь прелагашель долженъ былъ бороться съ трудностями стихотворной мѣры, никакъ еще неиспытанной на нашемъ языкѣ, и расположенія строфы Итальянской, также донынѣ у насъ не употреблявшейся. Въ ней всѣ стихи (кроме послѣдняго) съ женскими окончаніями; первый, шрепій и пятый стихи не имѣютъ рѣмъ; второй рѣмуешь съ четвертымъ, а послѣдній (мужескій) служитъ всегда рѣмою послѣднему же стиху слѣдующей строфы. Это правило постолнно было соблюдаемо и иереводчикомъ, который счасливо побѣдилъ помянутыя трудности; и при всемъ томъ переводъ его весьма близокъ (иногда почти слово въ слово съ подлинникомъ), и въ стихахъ его удержаны рѣшительность и благозвучіе Итальянскаго поэта.

Теперь—свята мученьями,
 У Бога и Опца!

Увы! въ часы бессонные,
 Въ келейномъ започеньи,
 Во время пѣнья Инокинь
 Предъ алтаремъ въ моленьи,
 Все памяшь ей мечпалася
 Тѣхъ невозвратныхъ дней,
 Когда судьбы обманчивой
 Измѣнь она не знала,
 И въ свѣтлой Франковъ области
 Такъ радостно дышала,
 Явясъ всѣхъ женъ Салическихъ
 Прекраснѣе, милѣй;

Когда, златые локоны
 Усыявъ жемчугами,
 Смопрѣла правлю шумную
 И какъ, надъ поводами
 Склонень, чрезъ поле чистое
 Власистый (*) Царь скакалъ;

И пылко кони борзые
 Неслись, и гончихъ спал
 Мешалася, разсыпалася
 Въ куспахъ едва мелькая,
 И боръ кабанъ щепинистый
 Тревожно покидалъ;

И кровью звѣри дикаго
 Долину обаграла
 Спрѣла Царя, и нѣжная
 Къ подругамъ обращала,
 Блѣднѣя, взоръ: за милого
 Дрожишь младая грудь!

О пы, ключъ тепльй Ахенскій!
 О Мозы (**) шокъ гремучій!
 Гдѣ, скинувъ броню тяжкую,
 Державный вождь могучій
 Любилъ, явясъ изъ лагеря,
 Привольно опдохнуть!

Какъ зноемъ опаленную
 Траву роса мелѣпшь,

(*) Chionato (comatus), волосатый.— Таково было прозваніе Карла.

(**) Древнее имя рѣки Мааса (la Meuse).

И спволъ зеленыхъ спбелей
 Спудипъ, и зеленъспъ
 Опяпъ права, и весело
 Душиспая цвѣспепъ;
 Такъ сердце, сокрушенное
 Огнемъ любви мяпепной,
 Въ споменяхъ освѣжаепся
 Привѣспомъ дружбы нѣжной,
 И къ наслажденью спихому
 Какъ будпо оживепъ.
 Но сполько солнце красное
 Взойдепъ, огнисто рдѣя,
 И въ неподвижномъ воздухѣ
 Зной дышепъ, пламенѣя,
 Опяпъ права разцвѣспшая
 Имъ къ долу прижпена;
 И скоро изъ минушнаго
 Забвепя возникаетъ
 Опяпъ любовь безспертная,
 И сердце ужасаетъ;
 Душа мечспами прежниспъ
 Опяпъ оправлена.
 О, не споскуй, прекрасная!
 Забудъ любовь земную!
 Дай въ жертву спраспъ Всевышпему
 И смерпъ прими спяпую!
 Въ землѣ, въ копорой скроепся
 Навѣкъ спвой нѣжный прахъ,—
 Въ ней спяпъ споской убишпая
 Спспрадалицы другія:
 Межъ женъ, мечемъ развѣнчанпыхъ,
 Невѣспы молодая,
 И мапери проколонпыхъ
 Младенцевъ въ ихъ очахъ.
 И спы, изъ припѣспнипелей
 Вспраждебнаго семейспва,
 Число копорымъ—доблеспью,
 Предлогамъ—ихъ злодѣйспва,
 И правомъ—кровь, и спавою—
 Безжалоспно губипъ;
 Ты, промыспомъ неспаспая
 Сама изъ припѣспненпыхъ,
 Оплаканной, споконнойю

Заспи межъ погубленпыхъ!
 Дерзнетъ ли кто, невинная,
 Твой пенель укорипъ?
 И будъ спвой ликъ безчувспвенный
 Такъ ясеиъ, какъ былъ прежде,
 Когда ты спаспью вѣрила,
 И въ радоспной надеждѣ
 Дѣвнчыи думы свѣсплыя
 Являлися на немъ.
 Такъ солнце заходящее
 Изъ бурныхъ пучъ выходишъ:
 Оно на западъ пурпурный
 Дрожащій блескъ наводишъ;
 И будепъ пупникъ набожный
 Упѣшенъ свѣсплымъ днѣмъ.

Иванъ Козловъ.

LOGOGRIPHE.

Composé de six pieds, mon usage ordinaire
 Est de porter, lecteur, ce qui t'est nécessaire.
 Dans la saison des fruits, quand ce n'est pas du cent,
 C'est par moi qu'on les compte et par moi qu'on
 les vend.
 En changeant à ton gré ma structure première,
 Tu peux me rencontrer de plus d'une manière:
 Sur quatre pieds, offert par la main au malheur,
 J'appaise de la faim la redoutable horreur.
 Est-il sûr de gagner dans certaine partie,
 C'est par moi qu'un joueur t'attaque et te défie.
 A la mauvaise foi je suis d'un grand secours;
 A moi, presque toujours, un fripon a recours.
 Sur trois, je suis un arbre étranger qu'on estime,
 Qui, d'étage en étage, au ciel porte sa cime.
 Pour te tout dire enfin, je suis un animal,
 Qui travaille beaucoup et qu'on traite fort mal.

Въ No 97, помѣщеная загадка значитъ: *Пароходъ.*

M O D E S.

Rien ne peut mieux donner idée des modes en général, que le détail de plusieurs toilettes remarquées dans une réunion de femmes, dont l'élégance n'est pas

un doute, et que nous citerions, pour nous appuyer, si cela ne nous paraissait pas inconvenant. Qu'il suffise d'affirmer que le goût d'ensemble était celui des sociétés du monde qui *donne la mode*. Ayant l'intention de faire jeter un coup-d'œil sur cette réunion du matin, nous l'avons observée pour la décrire scrupuleusement.

La maîtresse de la maison avait une redingote de moire satinée dahlia; le corsage, croisé à plis, était plat des épaules derrière. Elle portait un magnifique bonnet en point d'Angleterre, ayant sur le côté un nœud de gaze blanche; au cou, une ruche de dentelle à six rangs montans.

On remarquait une redingote de satin noir ayant trois pélerines étagées, bordées d'un large ourlet, la troisième ouvrant sur la poitrine. Un chapeau de moire bleue, doublé de velours noir. Une petite chaîne d'émail et or, formée de petites plaques oblongues, courtes, et larges seulement de deux lignes.

Une redingote de gros-de-naples blanc, attachée devant par des pates et des agrafes d'or, faites comme des boucles de ceinture; deux pélerines pareilles, ourlées; un petit col double en blonde; un chapeau en satin rose doublé de velours violet, ayant un bouquet de plumes roses posées tout-à-fait de côté; une très-petite chaîne d'or; des gants blancs, des souliers de satin noir.

Une robe de gros-de-tours gris-foncé, à draperies croisées, demi-montante; une guimpe de mousseline, brodée, terminée par une ruche de dentelle; une capote de satin vert-émeraude, doublée de velours blanc; une écharpe de cachemire vert à bordure de palmettes.

М О Д Ы.

Ни что не можетъ дать лучшаго понятія о модахъ вообще, какъ подробное описаніе нѣсколькихъ нарядовъ, замѣченныхъ въ собраніи дамъ, ко-

ихъ щеголеватость неоспорима, и которыхъ бы мы назвали, въ подтвержденіе своихъ словъ, еслибъ эпо не казалось намъ неприличнымъ. Довольно будетъ сказать, что вкусъ въ общемъ, былъ вкусъ общества свѣта, который выдаетъ моды. Имѣя намѣреніе дать понятіе о семь упреннемъ собраніи, мы дѣлали свои замѣчанія, чтобы описать его тщательнѣе.

На хозяйкѣ дома былъ рединготъ изъ апласистой обьяри, цвѣта *дахія*; лифъ, крестообразными складками, сзади опъ плечъ гладкой. На головѣ былъ великолѣпный чепчикъ изъ Англійскихъ кружевовъ, на боку бантъ изъ бѣлаго газа; на шеѣ спячій борочикъ изъ шести рядовъ рюша.

Замѣненъ черный апласный рединготъ, съ премо пелеринками, одна другой ниже, съ широкимъ рубцемъ, премо опкрыта на груди. Голубая обьяринная шляпка подложена чернымъ бархатомъ. Узенькая эмалевая цѣпочка съ золотомъ, составленная изъ маленькихъ продолговатыхъ бляхъ, коропскихъ, шириною шолько въ двѣ линіи.

Бѣлый гроденаплевый рединготъ застегнутъ спереди клапонами съ золотыми застѣжками, сдѣланными какъ поясныя пряжки; съ двумя такими же пелеринками, съ широкимъ рубцемъ; небольшой блондовый ворошничекъ; розовая апласная шляпка подложена фиолетовымъ бархатомъ, съ букетомъ розовыхъ перьевъ, прищипленныхъ со всѣмъ на боку; весьма узенькая золотая цѣпочка; бѣлыя перчатки; черныя апласныя башмаки.

Платье изъ тѣмно-дикаго гроденпура; лифъ полуоткрытый, съ крестообразною драпировкою; гладкая, вышпная кисейная шемизетка, вверху кружевной борочикъ; апласный капотъ изумруднаго цвѣта, подложенъ бѣлымъ бархатомъ; Кашемировый зелѣный шарфъ, кайма изъ пальмочекъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду будутъ издаваться и въ наступающемъ 1833 году. Плапъ остается прежній, то есть: каждую Среду и Субботу будутъ выходить по листу печатному, а всѣхъ въ годъ 104 листа или нумера. Каждые 10 дней, т. е. 5 раза въ мѣсяцъ, Господа подписчики получаютъ по картинкѣ новѣйшихъ, съ послѣднею заграничною почтою полученныхъ модъ; всѣхъ же картинокъ въ годъ 36.

Исправность, съ какою выходили *Новости Литературы* и *Славянинъ* до 1831, и *Литературныя Прибавленія* въ 1831 и нынѣшнемъ 1832 году, ручается почтенной Отечественной Публикѣ за вѣрно и своевременное полученіе листковъ сей газеты сатирической, критической, модъ, псалтровъ и словесности.—С. П. Бургъ. 5 Декабря 1832.—Издашеть *А. Воейковъ*.

С. П. Бургъ. — Въ Типографіи Главнаго Управленія П. С. — Печатаеть позволяется: 5 Декабря 1832 года.

Цензоръ *Гаевскій*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средамъ и

Субботамъ

№ 99.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №0.
съ 36-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 10 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Между репейникомъ и розовымъ кустомъ,
Фіялочка себя отъ зависти скрывала;
Безвѣстною была, но горести не знала: —
Тотъ щасливъ, кто своимъ доволенъ уголкомъ.

И. Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

БИЧЬ — ПОЛИТИКА.

Солнце озаряло поляну; пчелы жужжали въ воздухъ, а птицы прятались въ густой сѣни липъ.

«Пойдемъ въ лѣсъ, пуда, гдѣ рядъ орѣшникъ и высокихъ акацій заслоняютъ зеленую и свѣжую лужайку.»

И мы пошли; на ней была большая соломенная шляпка, убранная бѣлыми лентами, полосатое платье съ бѣлыми и голубыми полосками. Маленькія ножки ея скользили по дѣрну, и, когда нужно было перепрыгнуть черезъ ровъ, она опиралась на меня; я былъ щасливъ, какъ....

Я не кончу этого предложенія; я не нашелъ еще приличныхъ выраженій для моего счастья!

Мы сѣли на коверъ цвѣтистой лужайки; душистая зелень распространила вокругъ насъ ароматы; на ближнемъ деревѣ заѣла пѣночка.

Елена сняла шляпку; на прелестномъ лицѣ ея играли тѣни древесныхъ вѣтвей; голубые глаза ея обратились на меня.

Мы были обручены; въ Святки назначена наша свадьба.

Взоры мои невольно были къ ней прикованы; она красѣла и попушляла глаза въ землю.

Она казалась еще прелестнѣе.

Я завелъ разговоръ о нашей свадьбѣ.—Когда мы обвѣнчаемся, сказалъ я... она сжала мою руку,—у насъ будетъ домъ съ зелеными ставнями.—

«А передъ домомъ садъ,» примолвила она.

—Вмѣсто забора, мы обсадимъ его орѣшникомъ.—Она опять пожала мнѣ руку: ибо это возбуждало въ насъ пріятныя воспоминанія. Прежде я былъ бѣденъ и безъ мѣста; отецъ ея не хотѣлъ выдать за меня дочь свою, и мы прятали письма въ орѣшникъ.

«Мы заведемъ куръ и цыплятъ,» продолжала она.

—До куръ я не охотникъ; но безъ большой собаки намъ нельзя обойтись.—

«А я не перплю большихъ собакъ,» возразила она.

Я твердилъ свое, она настаивала на своемъ, упрекая меня своенравіемъ. Она высказала мнѣ всѣ мои слабости.

Это меня задѣло за живое. Елена знала всѣ мои недоспадки. Любовь наша потеряла свою поэзію. Съ сей минутой открылись предо мной и ея несовершенства; я не упустилъ ей замѣнить ихъ; мы разсорились—она ушла домой.

На другой день, еще до разсвѣта, я сидѣлъ уже у воротъ ея на каменной скамьѣ. Какъ скоро наступило время, въ которое приличіе дозволяло дѣлать посѣщенія, я вошелъ въ домъ: она была въ залѣ; мы оба казались неловкими; она, повернувшись концемъ передника, подошла къ попугаю и спала гладить его. Мы не говорили ни слова; она прежде прервала молчаніе: *какъ вы думаете, будетъ ли перемѣна въ министерствѣ?*

Это такъ меня озадачило, что я не помню, какъ очутился на улицѣ. Одинъ изъ моихъ пріятелей отпраплялся въ Гавръ; я уѣхалъ съ нимъ. Черезъ два мѣсяца потомъ, Елена вышла за Директора канцеляріи одного Министра.

Пер. В. Соловѣв.

НА КОГО ПОХОЖУ Я?

Кажется нѣтъ человѣка, на котораго бы я не походилъ. Едва только покажусь на улицѣ, какъ уже кто нибудь мнѣ кланяется и пѣтъмъ заставляють меня ломать свою шляпу. Это забавно: люди, которые думаютъ, что знаютъ меня, но которыми, между пѣтъмъ, я вовсе незнакомъ, вынуждаютъ меня каждыя двѣ недѣли мѣнять карпузы и шляпы. Мнѣ придется наконецъ послѣдовать примѣру *Лафонтенова* паспуха: «Я такой-то, хозяинъ своей шляпы.»

Ничто не можетъ быть досаднѣе того, какъ когда васъ принимаютъ за другаго, лишаютъ васъ вашего я, вашего имени, званія, лица, физиогноміи.

Я плывивъ—и каждый разъ открывая голову, получаю насморкъ.

Мнѣ хотѣлось узнать, какая причина тому, что я похожу на столь многихъ людей; и посему, давно уже не пропускаю ни од-

ной живой души, чтобы не сдѣлать ей слѣдующаго вопроса: скажите мнѣ, на кого я похожъ?

Одинъ отвѣчаетъ: вы похожи на моего Доктора.

Другой: вы похожи на моего жильца.

Прочіе: вы похожи на моего сапожника, на моего должника, на моего переплетчика, на моего пріятеля, на моего непріятеля, на моего дворника, на моего хозяина, на моего соседа, на мою ключницу, на моего часовщика, на моего порпнаго, на учителя дѣтей моихъ, и пр. и пр. и пр.

Никогда не забуду, какъ однажды, въ день заговѣнья на масляницѣ, я, не будучи ни замаскированъ, ни переодѣтъ, шелъ по обыкновенію, прямо своею дорогою, и вдругъ началъ придраться ко мнѣ какой-то буянъ, одѣтый въ женское платье. Онъ счелъ меня за свою жену, перерядившуюся мужчиною.

Я почти угадываю, отъ чего происходятъ всѣ эти ошибки. Случай хотѣлъ, чтобы у меня были глаза, носъ, ротъ, голова, руки, ноги, пуловище, и тотъ же случай хотѣлъ, чтобы и у другихъ людей на землѣ были тоже руки, ноги, пуловище, голова, глаза, ротъ и носъ; это самое и причиною моего сходства, съ глазами, рпомъ, носомъ, головою, руками, ногами и пуловищемъ другихъ людей. Право, это нестерпимо.

Въ улицѣ, которой я не назову, въ антресоляхъ одного хорошенькаго домика, живетъ молодая женщина съ черными и томными глазками. Я люблю, чтобы въ черныхъ глазахъ была нѣкоторая томность. Однажды, какъ-то мнѣ случилось иппи мимо, эта женщина выглянула изъ окна—и я очень внипно разслушалъ одинъ изъ пѣхъ громкихъ вздоховъ, которые—обыкновенно означаются такъ: *ахъ!* — *охъ!* или лучше такъ: *увы!*

Громкій вздохъ этой женщины задѣлъ меня за сердце; я остановился, какъ вкопанный и уставилъ свои круглые, сѣрые глаза на ея томные, черные глазки. Мнѣ показалось, что она плачетъ, смотря на меня.

Это меня пронуло. Любовная дрожь пробѣжала по моимъ жиламъ. Я влюбился. Всѣ люди одарены чувствительностью.

Я человекъ. Плачущая красавица заставляешь и самого меня плакать. Я улыбнулся ей наивнѣннѣйшимъ образомъ; она улыбнулась мнѣ и пріятно, и нѣжно. Я залеплъ въ седьмое небо.

Черезъ недѣлю, я былъ уже у неё въ будуарѣ, и сидя у ногъ ея, разсыпался передъ нею въ нѣжностяхъ; клялся ей въ любви, вѣрности, постоянствѣ; жеманился, любезничалъ, кривлялся; а она, своею бѣлою рукою, гладила меня по головѣ и называла своимъ кошечкомъ.

Такое блаженство не могло быть продолжительно.— «Милая моя, сказалъ я ей, невозможно, чтобы нѣжность твоя ко мнѣ не происпекала опъ какого нибудь драгоценнаго для тебя сходства... Я имѣю неудовольствие быть на всѣхъ похожимъ. Вѣроятно, ты сочла меня за...»

Она задрожала.— «Ты вдова, продолжалъ я, и вѣрно у покойнаго мужа твоего были глаза, ротъ, носъ, руки, ноги...»

— Я никогда не была за мужемъ, отвѣчала мнѣ моя красавица. Но твои прелестные, маленькіе глазки, сѣрые и круглые... —

«Напоминаютъ тебѣ, неправда ли, прелестные маленькіе глазки, сѣрые и круглые, какими обладалъ попъ, къ которому ты дорожила, и кого имѣла несчастіе лишиться? Говори, милая женщина, на кого я похожъ изъ прежнихъ твоихъ знакомцевъ?»

— На моего коша!... отвѣчала она со слезами. Я поспѣшно ушелъ домой, ни сколько не радуясь такому сходству.

Однакожъ, какъ человѣческое самолюбіе во всемъ находить себѣ упѣшеніе, по и я вспомнилъ, что *Сократъ* былъ похожъ на обезьяну, а *Платонъ* на гончую собаку.

К О Ё - Ч Т О .

Въ одномъ Французскомъ журналѣ исчислено, что въ Парижѣ ежегодно расходуется до 150,000 банокъ румянъ.

Какой красный долженъ быть городъ Парижъ!

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОВИДѢНІЕ.

(Истинное происшествіе.)

Посвящается Владимиру Ивановичу Панаеву.

Въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, близъ Литейнаго двора, въ Петербургѣ, жила бѣдная вдова съ дочерью, нанимая пѣсную комнату.— Мужъ ея былъ добрый мѣщанинъ, и нѣкогда имѣлъ достаточное состояніе, но раззорился по разнымъ несчастнымъ случаямъ, и умеръ съ горя, оставя жену съ девятилѣтнею дочерью. Бѣдная вдова снискивала себѣ пропитаніе трудами рукъ; между тѣмъ прекрасная дочь ея подросла, и сколько могла, помогала въ работахъ матери; она была очень искусна въ рукодѣліяхъ; добрая мать не нарадовалась, смотря, какъ иглочка мелькала въ пальчикахъ *Елены*, какъ шелки красиво распилались подъ ея рукою, какъ узорно вился памбурный шнурочекъ по бѣлой кисей. Ни что не отвлекало *Елены* отъ рукодѣлья; она не засматривалась въ окошко на проезжающихъ; развѣ, когда слышала, что мимо ѣдетъ Государыня *Екатерина Алексѣевна*; тогда, бросивъ шитье, она подбѣгала къ окну. *Елена* была въ восхищеніи при видѣ золотой кареты, и особенно любовалась блестящею одеждою красивыхъ скороходовъ, бѣгущихъ передъ карепою Императрицы. Каждое Воскресенье вдова и дочь ея ходили въ церковь; мать нѣжная мать усердно молилась о счастіи дочери, тѣмъ болѣе, что чувствуя изнуреніе силъ отъ печали и болѣзни, не надѣялась долго прожить. И такъ, она поручила дочь свою — Богу. Проведя шесть лѣтъ послѣ кончины мужа въ бѣдности, трудахъ и заботахъ, она день отъ дня ослабѣвала, наконецъ не могла и ходить; нѣсколько недѣль уже одна дочь заботилась о маленькомъ ихъ домашнемъ хозяйствѣ, а въ свободное время не отходила отъ постели больной матери, стараясь её упѣшать, облегчать ея болѣзнь, и проводила даже ночи безъ сна. Мать видѣла ея нѣжные попеченія, и прижимала её къ сердцу, а дочь, цѣлуя ея руки — орошала ихъ слезами любви и благодарности. Наконецъ, Богу угодно было опозвать въ дру-

гой міръ добрую вдову; она скончалась на рукахъ дочери, благослові ея образомъ Божіей Матери. Царица Небесная, не оставь сироту! было послѣднее ея слово.

Плачущая дочь была нѣсколько часовъ безъ памяти; наконецъ, когда пришла въ чувство, увидѣла возлѣ себя спарушку-сосѣдку, которая пришла ей помочь—совершивъ послѣдній долгъ. Спарушка утѣшала ея, обнимала и плакала вмѣстѣ съ нею. Боже мой! говорила она вздыхая, живутъ же люди въ избыткѣ, а здѣсь нечѣмъ и похоронить человѣка.— «Помоги мнѣ, голубушка!» вскричала сирота, бросаясь къ ней на шею.—Рада бы душу отдать, моя ненаглядная! отвѣчала спарушка, да по горе, что у самой въ домѣ ни копѣйки; попросила бы у сосѣдей, да и тѣ люди бѣдные, живутъ въ нуждѣ, а богатыхъ здѣсь не знаю; однако пойду, попытаюсь, попрошу когонибудь, авось найдуся жалосливые; естъ у меня на Васильевскомъ острову кума, купчиха, и у ней въ родствѣ люди достаточные, такъ не соберутъ ли чтонибудь для сироты?—Спарушка поцѣловала ея и пошла.

Вечеромъ возвратилась она, и принесла серебряный рубль.—Вотъ, сказала она, смилославилась кума на швое сиротство, но и то дала пихонько; мужъ-то ея и скупъ, и крушаго нрава, такъ не приведи Господи, чтобъ узналъ; а вотъ, сказала она *Елена*, еслибы у тебя что было заложить, то бы онъ денегъ далъ подъ закладъ.— «Что же мнѣ заложить? спросила дѣвушка; ты видишь сама, что у насъ голыя спѣны; сколько пошло на одно леченіе мапушки, а теперь, при такомъ горѣ ничего не осталось!»—А это швой образъ въ серебряной ризѣ?—спросила спарушка, указывая на икону, лежавшую на столикѣ возлѣ кровати. «Ахъ! это мапушкино благословеніе, сказала дочь, спавъ на колѣни предъ образомъ и заливаясь слезами; родная моя! зачѣмъ не взяла ты меня съ собою?»—Матерь Божія не оставитъ тебя, сказала спарушка; только что теперь дѣлать, не придумаю; эдакіе люди! не вѣрятъ сиротѣ безъ заклада, а что заложить? Денегъ тебѣ надобно по крайней мѣрѣ еще рублей десять. Дѣлать нечего, заложить на такой случай хотя образъ; риза серебряная! дадутъ тебѣ рублей пятнадцать.—

«Какъ! вскричала дѣвушка, заложить Божіе милосердіе, послѣднее благословеніе мапушки?»

—Божіе милосердіе всегда съ сиротами, и благословенія мапушкина ты не лишись; ты масперница, у тебя золотыя ручки; я пойду тебѣ дѣла, ты спанешь работай, и недѣлки при, чепыре пройдетъ; выручишь за работу сполько денегъ, что выкупишь образъ.— Со слезами согласилась сирота, видя необходимость, и спарушка взявъ образъ, побрела на Васильевскій островъ.

Купецъ повѣрилъ охотно деньги подъ серебряную ризу. Такимъ образомъ ничто болѣе не останавливало погребенія бѣдной вдовы. Долго неутѣшная дочь оплакивала добрую мать; нѣсколько дней она не могла ни за что приняться, и вѣрно-бъ занемогла съ печали, еслибъ не приходила навѣщать ея спарушка и подруги; но мысль, что чрезъ три недѣли наступитъ Свѣтлое Воскресеніе, возвратила ей силы; она неупомимо принялась за работу, чтобъ выкупить къ Свѣтлому празднику драгоценный образъ, и не могла быть спокойною до тѣхъ поръ, пока не возвратилась къ ней благословеніе матери.

Приближалась недѣля Пасхи; городскіе жители приготавливались встрѣтить радостный праздникъ; толпы народа шѣснились въ церквахъ и расходились по Госпиному ряду; наступилъ Великій чепвергъ: въ этотъ день сирота *Елена* спѣшила съ узелкомъ своего рукодѣля къ заказавшей ей госпожѣ. Госпожа очень хвалила ея работу, но за деньгами просила прийти на другой день. — «Ахъ, сударыня! сказала *Елена*, мнѣ въ деньгахъ самая крайняя нужда: говорятъ, что рѣка скоро воскресетъ, а я непременно должна оплести сегодня долгъ на Васильевскій островъ.»— Другъ мой, сказала госпожа, когда тебѣ очень нужно, то я отдамъ, хотя я сама не при деньгахъ, а жду завтра; возьми швой деньги, только не совѣтую идти чрезъ рѣку, теперь очень опасно, сегодня уже и мосты разведены.— *Елена* промолчала, поклонилась госпожѣ, и спѣшила уйти.

Деньги въ рукахъ ея; куда же идетъ она? спѣшитъ ли возвратиться домой, и дожидаться вскрытія рѣки?— Нѣтъ, она поворотила къ Невской набережной; опасеніе, что

она не успѣетъ выкупить къ Свѣпному празднику своего образа; боязь, что она въ сей радостный день не увидитъ у себя послѣдняго благословенія матери, все побуждаетъ её—идти чрезъ рѣку. День былъ свѣпмый, и солнце озаряло льдистую пелену Невы; влажный морской вѣтерокъ скользилъ по зеркальной ея поверхности, распуская въ воду бѣлѣвшій по ней легкій упреннй снѣгъ.— Уже нигдѣ не было видно голубыхъ льданныхъ плитъ, сползающихъ рядами; однѣ чернѣющія ея полыни показывали мѣста, откуда извлечены громады льда. *Елена* смотритъ на Неву, и не примѣчаетъ ни идущихъ, ни идущихъ; душа ея спѣсняется боязнію; но благочестивое желаніе преодолагаетъ въ ней благоразумную осторожность; сердце ея спремится къ священному дару матери; *Елена* горитъ непрерывнѣемъ прижатъ къ устамъ драгоценный для неё образъ, и засвѣпши лампаду предъ ликомъ Божіей Матери, заступницы сиротъ и несчастныхъ; въ Свѣпмый праздникъ она хочетъ, пришедши отъ заупрени, подвѣсить къ образу личко, какъ бы для того, чтобы похристосоваться съ своею матерью, и помолиться объ ней предъ Царицею Небесною.—*Елена* взглядываетъ на Небо, оно ясно, оно сілетъ; сирота совершенно полагается на Провидѣніе Божіе; перекрестясь, она сходитъ по спуску къ рѣкѣ, отъ Зимняго Дворца; испытывая ногою твердость льда, шагъ за шагомъ,—она подается впередъ.

31-го Марша 1794 года Императрица Екатерина Великая бесѣдовала въ одной изъ Эрмитажныхъ залъ съ прибывшимъ въ С. Петербургъ иносстраннымъ Принцемъ; опустивъ его, Государыня пошла въ свой кабинетъ, чрезъ Эрмитажную галерею, и войдя во внутреннй всячій садъ, въ которомъ уже песнрѣли и благоухали всѣ прелестнѣйшія цвѣты. Лѣта, взглянула въ открытое окно на Неву; рѣка готова была распоргнуть свои оковы; сияюща лѣдистая пелена испавала подъ лучами солнца; еще не слышно было треска отъ взламывающагося льда, но казалось, вода спѣшила пробиться изъ подъ зимней коры своей.... Въ сію минупу, Государыня съ ужасомъ примѣчаетъ не вдалекѣ отъ

берега идущую женщину; видитъ, что женщина остановилась, какъ будто въ нерѣшимости, бояливо озираясь, спустила шагъ, поскользнулась, со страхомъ хотѣла отбѣжать назадъ, но вдругъ исчезла: ледъ подломился подъ несчастною; однако въ ту же минупу видно было, что она успѣла схватиться за лѣдную глыбу, и держалась за неё, призывая воплемъ на помощь.

Государыня спѣшитъ къ ближайшему изъ придворныхъ служителей, повелѣваетъ немедленно спасти упоающую; придворные скороходы, одинъ за другимъ, быстро сбѣгаютъ съ дворцовой лѣстницы. Чрезъ нѣсколько минутъ, отважнѣйшій изъ нихъ вырываетъ несчастную изъ холодной бездны, и выноситъ на рукахъ на берегъ.—Но она уже безъ чувства, члены ея оцѣпенѣли, глаза закатились, едва примѣтно было слабое дыханіе жизни; влажные волосы ниспадали по ея плечамъ, смертная блѣдность покрывала прелестное лице. По повелѣнію Государыни спѣшили ввести её во Дворецъ, гдѣ уже собрались придворные врачи подать ей помощь. Ихъ старанія возвратили къ жизни полумертвую; она открыла глаза, румянецъ заигралъ на щекахъ ея,—она опомнилась. Сія вѣсть обрадовала Императрицу. Екатерина съ нѣжнымъ участіемъ подходитъ къ блѣдной дѣвушкѣ, спрашиваетъ её объ имени, и что заставило её въ такое опасное время переходить чрезъ рѣку?

Елена въ изумленіи, видя вокругъ себя блескъ Царскихъ чертоговъ и стоящую предъ ней Государыню, едва могла произнести нѣсколько словъ; она упала къ ногамъ Императрицы; но Екатерина милоспиво поднявъ её, продолжала её спрашивать съ обыкновенною своею ласковостію; улыбка Государыни и состраданіе въ ея взорахъ ободрили *Елену*. Она забыла въ сію минупу, что предъ нею Императрица; ей казалось, что она видитъ благотворное Небесное существо, посланное Провидѣніемъ спасти её; съ искренностію и любовію она рассказала Государынѣ всѣ обстоятельства своего несчастія, и что хотѣла обрадовать себя, выкупивъ къ Свѣпному празднику образъ, которымъ благословила её добрая мать. Сей простодушный рассказъ, и слезы, капившіяся по щекамъ прекра-

снoй сирoпы, ещe болѣе возбудили участіе въ Государынѣ. Она немедленно приказала принести для бѣдной дѣвушки чистое бѣлье и плащъ; замѣтивъ же, что многіе изъ придворныхъ были пронуты, обратилась съ улыбкою къ Своему Спачь-Секретарю, и сказала ему: «Богъ послалъ ко Мнѣ сироту, и я должна исполнить всѣ обязанности матери: надобно устроить ея жребій; по счастью она очень мила, добра и прекрасна, по мнѣ заботы будутъ не много; вопль на примѣръ, эпопъ молодой человекъ, которому по счастью случилось её спасти, слушалъ съ необыкновеннымъ участіемъ; на глазахъ его слѣзы, и сирота Моя тоже плачетъ; надобно обоихъ утѣшить; Я увѣрена, что онъ не откажется отъ такой невѣсты, и думаю также, что она будетъ имъ счастлива.»— Эпо будетъ двойное благодѣяніе, Ваше Величество, отвѣчалъ Спачь-Секретарь.— Сирота покраснѣвши, не смѣла поднять глазъ; на лицѣ молодого скорохода выражалось изумленіе и радость; онъ съ благоговѣніемъ поклонился Императрицѣ.— «Посмотри, милал, сказала Государыня, нравился ли тебѣ женихъ? А я уже даю слово — быть тебѣ посаженою матерью; позабочусь и о приданомъ.»— Сирота, съ безмолвнымъ выраженіемъ благодарности, взглянула на Государыню, потомъ съ робостию посмотрѣла на жениха, своего избавителя, и обратясь къ Императрицѣ, въ восторгъ признательнаго сердца снова упала къ ногамъ Ея, и цѣловала простершую къ ней руку Екатерины Великой.— О Провидѣніе! наконецъ вскричала она, всплеснувъ руками, гдѣ я?— Что со мною случилось?—

Императрица тогда же помолвила ихъ, пожаловавъ обѣимъ кольца, и назначила свадьбу послѣ Святой недѣли.

«Что скажете вы, *Гавріиль Романовичъ*? спросила Императрица Спачь-Секретаря, не счастливъ ли эпопъ несчастный случай?»

— Государыня! отвѣчалъ *Державинъ*, Вы сдѣлались для сироты Провидѣніемъ; гдѣ было бѣдствіе, поржествуетъ радость, видѣли смерть, а женихъ въ дверяхъ!—

И возвращаясь домой — знаменитый пѣвецъ *Фелицы* написалъ оду Провидѣніе, которая такъ начинается:

Изъ сада, и зимой цвѣтуща,
Чертога вѣчныя весны,
Въ величествѣ земаго Бога,
Екатерина, кинувъ взглядъ
На синюю Неву сполна,
Готовую пуститься въ Бельгю,
И обозрѣвъ вокругъ Петрополь,
Улыбкою, весель подобной,
Дарить отпугу всѣмъ, и жизнь...

Въ сей одѣ *Державинъ* передалъ безсмертному воспоминанію — благотворенія Екатерины Великой.

Борисъ Фѣдоровъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

(Подражаніе *Ламартину*.)

День гонить ночь, ночь гонить день,
И жизнь спрдальца увлекающъ;
Но ты, священная мнѣ тѣнь!
Во мнѣ твоей образъ обитаетъ.
За годомъ годы въ слѣдъ спѣшатъ
И множится счётъ лѣтъ печальный:
Такъ осенью листья лепятъ
И шумъ ихъ слышится прощальный.
Я сѣдъ, во мнѣ кипѣла кровь,
Но спала спѣшь: такъ засыпаетъ
Ручей, когда хладъ мразный вновь
Его льдомъ твёрдымъ покрываетъ.
Но образъ твой въ моихъ очахъ
Не успарѣешь красою;
Ничто льта въ его чертахъ—
Безъ лѣтъ, онъ сходенъ спалъ съ душою.
Нѣтъ, нѣтъ! я не былъ врознь съ тобой,
Когда съ тобою я распался;
И взоръ печально-мрачный мой
Тобою въ небѣ любовался.
Увы! я зрю еще теперь,
Когда тебѣ, въ тотъ день прощальный,
Была небесъ открыта дверь—
И гимнъ пропѣли погребальный.
И красота твоя въ тотъ часъ
Какой-то святостью сіяла;
Въ очахъ огонь жизненный погасъ:
Но въ нихъ безсмертіе блистало.

Сіянье Фебовыхъ лучей
 При мракъ ночи исчежаетъ;
 Но мрака нѣтъ любви моей:
 Она душѣ всегда сіяетъ.
 Когда очей небесный лучъ
 Подъ шканию бѣлой сокрывался,
 Казалось мнѣ тогда, средь тучъ
 Свѣтъ яркій солнца зашмывался.
 Молюсь ли я у алтарей
 Когда попка меня перзаешь,
 И слезы льются изъ очей—
 Твоя рука ихъ опираешь.
 Когда сводъ тѣмно-голубой
 Звѣздами яркими сверкаетъ,
 Твой взоръ въ звѣздѣ я вижу той,
 Которая мнѣй сіяетъ.
 Услышу-ль я въ тиши ночной,
 Чтѣ въпрѣ уныло занываетъ,
 И мнился мнѣ, чтѣ голосъ пвой
 Святое чтѣ-то мнѣ внушаетъ.
 Какъ въ лонѣ матерн своей
 Два близнеца: такъ сѣдинились
 Моя душа съ душой пвоей:
 Почпо-жѣ, почпо мы разлучились?
И. Карцовъ.

ЖРЕБИЙ.

(Листокъ изъ Альбома П. Г. Силлова.)

Предѣ урной жребіевъ земныхъ
 Спою въ раздуміи глубокомъ,
 Спрашася проникнушь жаднымъ окомъ
 Въ щемницу шанспвѣ роковыхъ,
 Спрашася постигнушь, безъ утраты,
 Свободы собственннй моей:
 Чьи доли радостью богаты?
 Чьи доли страшны для людей?.....
 Сосудъ безмолвенъ, какъ могила,
 Непроницаемъ, какъ хаосъ;
 И вскрышь его,—измѣнишь сила
 Тому, кто горе перенесъ,
 Кто въ цвѣтѣ лѣтъ зналъ онверженье
 Всего, въ чемъ радостей искалъ,
 Кто просыпался для мученья,
 Кто сонъ слезами опдалалъ!

Такъ! скучной жизни половину
 Опживъ, не вѣрю въ жребій мой!
 Мнѣ сладко думашъ, чтѣ судьбину
 Я прону жаркою мольбой,
 Чтѣ мнѣ удѣлъ уже другой
 Назначенъ ею, чтѣ обнова
 Мнѣ жизни радостной гопова;
 Чтѣ буду вѣровать я вновь:
 Въ надежду, дружбу и любовь!.....
 Такъ пусть же въ пайну не проникну,
 Покуда будущность мнѣ льспишь;
 Пусть упѣшашъ себя привыкну,
 Чтѣ жребій счастье мнѣ сулишь!
И. Бахтуринъ.

Варшава.
 20 Іюля 1832.

L'ÉTRANGÈRE.

Elle marchait: du sol négeux
 Sont pied effleurait la surface;
 Les vents répandaient sur sa trace
 Le doux parfum de ses cheveux.
 Etonné de la voir si belle,
 Chacun s'arrêtai en passant;
 Un bruit confus et frémissant
 Courait dans la foule autour d'elle.
 Mais son oeil paraissait rêveur,
 Et sa figure enchanteresse,
 A ce murmure admirateur,
 Ne souriait qu'avec tristesse.
 Hélas! il semblait retentir
 Au fond de son âme attendrie,
 Comme une douce mélodie
 Dont les sons vont bientôt mourir.
 Oui, ces éloges, ces hommages,
 Sont les derniers qu'elle entendra;
 Bientôt, hélas! on la verra
 S'envoler loin de nos riages.
 A nos yeux elle aura passé
 Comme l'oiseau d'une autre terre,
 Qu'un moment sur ce bord glacé
 Déposa la brise légère.

Ш А Р А Д А.

Первоначальный слогъ

Махровый, росписный цвѣшокъ;

Второй

Хопя не Ной,

А спасся опъ холопа.

Вспль—кличущъ барина, а часто и холопа.

III.

Въ No 98, помѣщенный логогрифъ значить: *Panier*, ибо въ немъ: *rain, pari, pier, pin* и *âne*.

М О Д Е С.

Les satins sont en grande vogue cette année. Le matin, on en porte beaucoup pour redingotes, très-souvent noirs, ou sinon de couleur foncée; les plus jolis sont *ramoneur* et *bleu mademoiselle*. Ces deux nuances sont également d'un bon choix pour le velours.

On voit quelques robes en velours épinglé; cette étoffe a des reflets mats qui sont beaux à la grande lumière.

Les étoffes de fantaisie sont de tous les goûts, et impossibles à détailler.

On continue à porter des boas. Jusqu'à présent on les voit en martre, comme les années précédentes; peut-être, cette année, voudra-t-on les remplacer par une autre fourrure.

Nous avons remarqué une jolie capote, en satin vert, doublée à l'intérieur de velours *suie*; sur le devant tout-à-fait au milieu, entre la passe et la calotte un peu renversée, est posé un nœud formé de quatre coques et deux bouts de même longueur: ce nœud s'écarte également de chaque côté, sans qu'aucune des parties s'élève ni retombe; sur le côté un bouquet de plumes vertes.

Une seule plume de couleur est fort bien sur les chapeaux de velours.

On voit à des chapeaux de satin des ornemens de velours disposés comme des rubans.

Les écharpes de cachemire sont toujours fort bien portées.

Les cravates sont en gros-de-naples à très-larges carreaux, ou en gaze brillante d'une seule couleur.

Les ruches, soit de dentelle, soit de blonde, sont mieux choisies que les cols. Ceux-ci doivent être si pe-

tits et si fournis, qu'ils garnissent le cou comme une ruche.

Pl. No 55. Redingote à collet et revers en velours.—Gilet de cachemire.—Cravate de velours.—Robe de chambre en velours doublée de satin.—Toque de velours.

М О Д Ы.

Апласъ въ большомъ употребленіи нынѣшній годъ. Для утра, дѣлающъ изъ него много редигоповъ, довольно черныхъ, или шѣмныхъ цвѣтовъ; самые красивые *ramoneur* (прубочистъ) и *bleu mademoiselle* (голубой). Эти два цвѣта равно хороши и въ бархатѣ.

Видно нѣсколько платьевъ изъ булавчатого бархата; эта матерія имѣетъ матовые отблески, чрезвычайно красивые при яркомъ свѣтѣ.

Прихотливья шкани есть во всякомъ родѣ; невозможно описать ихъ подробно.

Хвосты продолжаютъ носить. До сихъ поръ видны соболю, какъ въ предыдущихъ годахъ; можетъ быть, нынѣшній годъ замѣнятъ ихъ другимъ мѣхомъ.

Мы замѣтили красивый, зелѣный апласный капотъ, подложенный бархатомъ, цвѣта сажи (*suie*); спереди, совершенно по срединѣ между поля и немного опрокинутой шульи, пришилиень бантъ изъ четырехъ пещель и двухъ концевъ равной длины; бантъ сей раздѣляется на двѣ половины, такъ, что ни одна часть онаго не приподымается и не упадаетъ; на боку букетъ зелѣныхъ перьевъ.

Одно цвѣтное перо очень прилично къ бархатной шляпѣ.

Видны апласныя шляпки, опдѣланныя бархатомъ какъ лешами.

Кашемировые шарфы все еще въ большомъ употребленіи.

Галспучки дѣлаютъ изъ гроденапля съ большими клѣпками, или изъ блестящаго одноцвѣтнаго газа.

Борочки кружевные или блондовые несравненно красивѣе ворошниковъ. Сін послѣдніе должны быть очень малы и шакъ густо обшипы, чтобъ имѣли видъ рюша около шеи.

Карш. No 35. Рединготъ съ бархатнымъ ворошникомъ и лацканами.—Бархатный галспучекъ.—Шлафрокъ бархатный, подложенъ апласомъ.—Токъ бархатный.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средамъ и

Субботамъ

№ 100.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 NO. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-спавкою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 14 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Ошь самой люльки я въ младенческіе годы
Невиннымъ голосомъ на рѣчахъ лепсалаъ.
О возрастѣ щасливый, въ кошоромъ я сбиралъ
Цвѣтны, не думавъ бытъ уколоть ихъ шинами,
И удовольствія не вспоминалъ съ слезами.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КОТИЛЬОНЪ.

... Jura, mais un peu tard, qu'on ne l'y
prendrait plus.

LaFontaine.

— Довольно, моя милая; съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, ты не пропустила ни одного конпрданса, ни одной мазурки! Пора ѣхать до-мой. . . . —

«Какъ, сударь! вы хопите, чпобъ я уѣхала съ бала въ самую пріятную его минушу, чпобъ уѣхала прежде копильона, моего любимаго панца, о кошоромъ я думала заранѣе цѣлую недѣлю? . . . Нѣтъ, вѣрно вы эпаго опъ меня не попребуете! Я скорѣе соглашусь просидѣть весь вечеръ дома и зѣвать, смотря, какъ вы мараете свои несносныя бумаги, нежели не панцовать моего милаго, моего восхищительнаго копильона!»

— Но, другъ мой, вспомни, чпо. . . . —

«Нѣтъ, сударь, эпо рѣшено: я не поѣду. . . . Если вы привезли меня сюда только за тѣмъ, чпобы мучить, то можете опправитъся од-ни: я и безъ васъ найду себѣ проводника.»

— Ахъ! какъ упрямы эпи женщины! —

«И какъ прихотливы эпи мужчины!»

— Не ужь-ли ты думаешь, чпо мнѣ весело мѣшаться въ полпѣ, гдѣ меня тѣснятъ, пол-какопъ, по крайней мѣрѣ, при часа сряду? —

«Но если вы не панцуете, такъ кпо не велипъ вамъ играпъ въ карпы? Почему вы взяли на себя обязанность не спускапъ съ меня глазъ ни на минушу? — Моя душенька, мой Ангелъ, я тебя прошу. . . . не огорчай меня. . . . Не ужь-ли ты не захочешъ меня упѣ-шить и пожерпвовать какою нибудь чепвер-тью часа. . . . не больше. . . .»

— Могу ли имѣть честь бытъ вашимъ ка-валеромъ, сударыня? —

Эпо были слова молодого человека, лучшаго панцовщика изъ всего собранія, одного изъ смерпныхъ, одаренныхъ парюу удивитель-ныхъ ногъ, и всегда служившихъ мнѣ загад-кою: ибо смотря, какъ они бѣснуются и вер-пяпъ всѣхъ панцовщицъ, одну послѣ другой, начиная съ перваго Польскаго до послѣднихъ звуковъ успалаго оркестра, подумаешь, безъ всякаго преувелчченія, чпо послѣ того они,

по крайней мѣрѣ, недѣли двѣ не поднимутся съ постели. Впрочемъ, эпопѣ молодой чело-вѣкъ дальнѣй родственникъ моей женѣ, и если уже невозможно избѣжать того, пусть лучше танцуетъ она копильонъ съ нимъ, нежели съ другимъ кавалеромъ. Особенно боюсь военныхъ: съ тѣхъ поръ, какъ я женился, мнѣ часто приходять на умъ удалыя пирушки холостой молодѣжи (превосходная школа для того, чтобы посвятившись во всѣ понюски и хипросии волокипсыва), на копорыхъ мнѣ случалось бывать, и на копорыхъ посмѣиваясь вмѣстѣ съ другими шалостямъ разнаго рода, я не разъ говаривалъ про себя: теперь вамъ не провести меня!

«Очень рада танцовать съ вами,» отвѣчаетъ жена моя, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-бы умоляя о согласіи, безъ котораго легко бы обошлось дѣло въ случаѣ нужды, она обращаетъ на меня взоръ, прошивъ котораго я никогда не былъ въ силахъ успѣять. Спрашивается, что мнѣ оставалось дѣлать? Очень равнодушно согласился съ нею. Я такъ и сдѣлалъ, но напередъ поклонился кавалеру ея съ тѣмъ снисходительнымъ видомъ, копорый какъ будто говорилъ вамъ: «я соизволяю на вашу просьбу; я довольно вѣжливъ для того, чтобы вамъ не отказать въ ней.»—Они опроремелью отъ меня бросаются и занимаютъ мѣста въ грозномъ кругу, копорый начиналъ составляться въ залѣ.

Такъ какъ эпого уже не перемѣнить, и мнѣ остается только записаться перпѣниемъ, то спспараемся употребить въ пользу свое горе и узнать покороче знаменитый копильонъ, отъ котораго безъ ума жена моя. Съ сими словами, чтобы не замѣшаться въ кучу народа, сполпившагося у дверей, я беру спуль, копорый, по какому-то удивительному случаю, остался незанятымъ, и усаживаюсь спомрѣть на танцы, убѣждая себя, что въ самомъ дѣлѣ на балы вѣдятъ веселиться, и *Амалия* будетъ мнѣ благодарна за новое къ ней снисхождение.

Заиграла музыка, и пока дѣлаютъ общій кругъ, я прилагаю всѣ свои этимологическія способности, чтобы отгадать происхождение спраннаго названія: *котильонъ*. Въ ту

минуту, какъ не найдя въ своей учености доспапочныхъ пособій для рѣшенія сей голубломной задачи, я поднимаю глаза и спаруюсь отыскать жену мою, копорую общее движеніе унесло у меня изъ вида, какапто спарая вдовушка садится впереди меня и безжалостно заслоняетъ мнѣ большую часть танцующихъ. Самое ограниченное пространство оспаается между ея огромнымъ чепчикомъ и спною одного шпенъкаго господчика, копорый безпрестанно вертится и какъ будто вмѣняетъ себя въ обязанность отнимать у меня и послѣдній свѣтъ. Такимъ образомъ меня окружили, прижали, и я спжу на спуль, какъ въ засадѣ... Если-бы мнѣ удалось хоть взглянуть на *Амалию*!—А! вотъ она вальсируетъ съ своимъ кавалеромъ... Ба! да это кто-то другой... Ужь не оборотень ли? Откуда онъ взялся? Развѣ въ копильонѣ ихъ подмѣняютъ?—Это забавно! Однакожь, мнѣ бы лучше хотѣлось, чтобы она танцовала съ прежнимъ, потому что эпопѣ, какъ я замѣчаю, кружится всѣхъ быспрѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ я женился, вальсъ мнѣ вовсе не по сердцу.

«Ахъ! извините, сударь, я мѣшаю вамъ спомрѣть.»

—Ничего, сударыня; не безпокойтесь.—Эпо подаетъ мнѣ однакожь поводъ подвинуть спуль и выиграть на вершокъ мѣсто. Вдовушка обращается ко мнѣ.

«*Котильонъ* преспранный панецъ. Въ мое время не позволли бы такъ молодымъ дѣвицамъ прыгать съ первымъ встрѣчнымъ! Какъ вы объ эпомъ думаете?»

Она говоритъ дѣло! подумалъ я.—Но я не вижу тутъ ничего такоого, сударыня, чтобы...—

«Ахъ! нѣтъ, не говорите; фи! эпо несперпимая вольность. Лѣтъ за сорокъ вы не увидѣли бы эпого ни на одномъ балѣ. Тогда довольспвовались минуэпомъ и другими важными, благородными панцами, копорые не скрывали пріятности спройнаго спана, и не нарушали законовъ приличія.—Эпо ни сколько не мѣшало дѣвушкамъ находить себя женховъ.»

— Но за чѣмъ же полковать въ худую спору, искашь дурныхъ намѣреній тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ? —

«Какъ, сударь, пристало ли молодымъ дамамъ верпѣться обнявшись съ мужчинами, и припомъ еще такъ скоро, что онѣ едва успѣваютъ перевести духъ? Напримѣръ, вопъ эпъ хорошенькая дама, тамъ . . . въ розовомъ плапѣ . . . съ высокимъ Офицеромъ . . . право, подумаешь, что онъ сей часъ расшибетъ ей голову объ спѣну.»

Я примѣчаю направленіе взоровъ сердитой спарушки и узнаю . . . жену свою, прыгающую съ прѣпымъ кавалеромъ! — Тѣфу пропасть! только болтливаго языка моей сосѣдки недоставало для моего мученія! — Но вопъ новая спранныость! Неопасный родспвенникъ, копорому я вѣрпалъ мою дражайшую половину, также лепаетъ по залѣ со всѣми дамами, кромѣ своей. Какъ видно, въ эпомъ проклятомъ котильонѣ приглашаютъ даму нарочно за тѣмъ, чптобы не панцовать съ нею, потому что во всѣхъ фигурахъ, изобрѣпныхъ пворческимъ воображеніемъ Корифеевъ бала, во всѣхъ шенахъ, кольцахъ, опдаваемыхъ и возвращаемыхъ плапкахъ, папнспвенныхъ словахъ, пронзосимыхъ шѣпотомъ, выслушиваемыхъ съ плуповскою улыбкою, вижу только непрерывный размѣнъ чего-то скрыпнаго, аллегорическаго, явную игру случая, подъ копорою подразумѣвается можетъ быть кое-что другое. . . .

Хорошо! низенькій господчикъ, который взялся было замѣнять мнѣ экранъ, спавиптъ въ средину круга спулъ. Къ нему подводятъ одну изъ дамъ; она садится; ей попеременно предспавляютъ нѣсколько кавалеровъ, и она опъ всѣхъ опказывается съ презрительною ужимкою. — Кавалеры возвращаются на свои мѣста, и прикуся языкъ, спараются казаться равнодушными. Наконецъ, гордая красавица рѣшается, вспаетъ, и щаспливецъ, ею избраннй, съ поржествомъ облепаетъ съ нею проспанный кругъ своихъ соперниковъ. — Пришла очередь жены моей. — Вопъ она, не вѣдаю по какой причинѣ, опказывается по крайней мѣрѣ десяперымъ. — Бьюсь объ закладъ, что она умилоспвиптся надъ повѣсою-Офицеромъ,

который сей часъ такъ лихо верпѣлъ еѣ! . . . Точно! я не ошибся! . . . Чѣрптъ возьми! въ другой разъ сегодня беру свою перчатку; я никогда не бывалъ такъ не ловокъ! — Между тѣмъ музыка гремитъ, фигуры безпрестанно перемиляются, число танцующихъ увеличивается, общая веселость умножается: шумъ чрезвычайнй! — Каждую минулу жду конца своей пытки, но ни пупъ-то было! Первая пара неистощима въ изобрѣпняхъ: изъ нихъ одно спраннѣ другаго. Непонятная вещь: всѣ сѣп нѣжныя, слабыя красавицы, которыхъ поненькія ножки не вынесли бы и получасовой ходьбы на чистомъ воздухѣ, не просятъ пощады; напропивъ, всѣ какъ будто заимспвуютъ новыя силы опъ скользкаго паркета, на которомъ я двадцать разъ спотыкался, двадцать разъ чуть не сломилъ головы, и который бипыхъ два часа спраждаетъ опъ немилосердаго котильона. О, если бы попался мнѣ теперь въ руки его изобрѣпатель! — А! вопъ конецъ моему спраданію. Маленьки зовутъ своихъ дочекъ. Дѣвицы сначала припворяются глухими, однакожъ, не сполько волею, сколько неволею, бредутъ съ мѣспъ своихъ, подходятъ къ кресламъ, съ которыхъ произнесенъ роковой призывъ. Послѣ краткихъ переговоровъ, по видимому, не совсемъ для нихъ пріятныхъ, онѣ оберпываютъ бѣлыя плечи свои шарфами, косынками, шальми и съ завистью бросаютъ послѣднй взглядъ на щаспливицу, еще неувлекаемыхъ маперинскою жестокостью изъ бальнаго вихря, въ которомъ онѣ носятся, какъ будто въ природной своей стихіи. Минута благопріятна, спараюсь выдраться изъ угла своего. Посредспвомъ разныхъ обходовъ и благоразумныхъ манѣвровъ, мнѣ удается, наконецъ, добраться до стула моей возлюбленной супруги, но въ самую ту минулу, какъ я подхожу къ ней, *Амалия*, подобно испуганной ппичкѣ, бросается опъ меня на другой конецъ залы, гдѣ спавлялась новая фигура. Въ то же время, спрой молодыхъ людей окружаешь хозяйку и, по оживленнымъ ихъ движеніямъ, я угадываю, что они упрашиваютъ еѣ продлпть балъ. . . . До слуха моего доходятъ даже слова: «запереть двери,» и я вижу, какъ нѣкоторые изъ самыхъ услужливыхъ кавале-

ровъ собираются уже исполнить свое намѣреніе. — Дрожь пробѣжала по мнѣ съ головы до ногъ. — Я вѣдаюсь, какъ угорѣлый, въ толпу танцующихъ, схватываю подѣ руку жену свою и тащу еѣ въ переднюю, не заботясь объ изумленныхъ и насмѣшливыхъ взглядахъ, которые на меня усупремляютъ. — Черезъ пять минутъ, мы неслись уже по мостовой; *Амалия* — въ самомъ дурномъ расположеніи духа, а я — испощаю весь запасъ своего краснорѣчія, хочу убѣдить еѣ, что въ при часа утра можно возвращаться домой, не находя въ томъ большаго нещасія.

Мы пріѣхали, и весь остатокъ ночи едва не прошелъ въ ссорахъ. Ложась спать, *Амалия* не проспала со мною, и недѣлю спустя, можно еще было замѣтить на лицѣ моемъ вліяніе проклятаго *котильона*...

Бѣды мужей, оспрады женъ!

Пер. *Ип. Г—въ.*

СЛОВАРЬ ЖУРНАЛОВЪ.

Текстъ. Комедія эта написана чистымъ слогомъ; ходъ ея искусно выдержанъ; но она скорѣе можетъ угодить вкусу людей просвѣщенныхъ, нежели понравиться толпѣ.

Переводъ. Комедія эта совершенно лишена занимательности и написана тяжелымъ слогомъ. Она никого не привлекаетъ.

Текстъ. Безпрестанно возрастающая благосклонность публики къ нашей газетѣ....

Переводъ. У насъ начинаютъ убывать подписчики.

Текстъ. Такое обвиненіе слишкомъ важно и не можетъ оспаться безъ возраженія; издатель обязанъ опровергать, не смотря на свое высокое званіе.

Переводъ. Мы желаемъ произвести между ними ссору, которая повредитъ имъ обоимъ.

Текстъ. (Ярославль, частная переписка.)

Переводъ. (Спальня, написанная наканунѣ, въ кабинетѣ журналиста.)

Текстъ. Изобиліе матеріаловъ вынуждаетъ насъ оплощить до завтра продолженіе изложенныхъ здѣсь разсужденій.

Переводъ. Намъ некогда кончить этой статьи.

Текстъ. Читатели наши, вѣроятно, будутъ намъ благодарны, если мы представимъ имъ сужденіе славнаго *Мерзлякова* о такомъ-то сочиненіи (слѣдуетъ выписка изъ *Курса Литературы*.)

Переводъ. У насъ недостаетъ матеріаловъ для журнала.

ВЫСОКОБЛАГОРОДНЫЙ ПОПУГАЙ.

Двое добрыхъ Малороссійскихъ мужичковъ шли мимо Штабъ-Офицерскаго дома. Увидѣвъ спящаго на его окнѣ попугая, они разинули рты, и одинъ изъ нихъ началъ ученое свое наблюденіе, бросивъ въ попугая щепку: «мужикъ! дуракъ!» прокричалъ попугай привычныя свои слова. Испуганные Малороссіане сняли почтительно свои шапки, и одинъ изъ нихъ сказалъ попугаю униженнымъ тономъ: «извините, Ваше Высокоблагородіе! мы чули, (думали), что вы пшычка!»

Н. К.

СЛОВЕСНОСТЬ.

І Е З И Д Ъ.

(Африканскій разсказъ.)

Въ нравахъ непросвѣщенныхъ народовъ есть какая-то смѣсь безпечности и душевной силы, великодушія и жестокости, смѣсь, которая исчезаетъ съ распространеніемъ образованности, но не менѣе того заспавляетъ насъ содрогаться, когда повѣствователи или поэты намъ еѣ описываютъ. Таковъ, въ наше время, Арабъ. Важный и пылкій, какъ левъ пустынь своихъ, подобно ему, онъ или покоится, или неистовствуетъ, или любитъ, или терзаетъ; онъ не повинуется никакому другому закону, кромѣ побужденія спраспей своихъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ Россіянинъ пріѣхалъ въ Каиръ съ молодою женою своею, недавно за него вышедшею и еще

въ первый разъ посѣтившею Египетъ. Изъ признательности за радушный пріемъ, ему оказанный, онъ вознамѣрился дать праздникъ своимъ хозяевамъ. Его сады и великолѣпно убранныя комнаты, блистали всею Азіатскою роскошью; полныя народомъ, они представляли самое разнообразное смѣшеніе Африканскихъ и Европейскихъ лицъ и одеждъ. Молодая Россіянка, плѣняясь новостію сего зрѣлища, со всѣмъ прососердечіемъ предалась впечатлѣніямъ, которыя оно произвело на нее; пріятныя звуки музыки, блескъ прекраснаго неба, столь отличнаго отъ неба ея отчизны, благоуханные сады, и въ двухъ шагахъ отсюда Нилъ, далѣе памятники чудеснаго Египта; все это попеременно восхищало ея игривое воображеніе и тѣмъ придавало новую прелесть лицу ея. Одѣтая въ простую и живописный нарядъ отдаленной страны, бывшей ея отечествомъ, она привлекала къ себѣ взоры спройностию спана и оспанаиввала ихъ на себѣ неизъяснимою пріятностию всѣхъ своихъ движеній.

Между Музульманами, приглашенными на праздникъ, замѣненъ былъ молодой Арабскій Шейкъ, недавно прибывшій въ Каиръ съ тѣмъ, чтобы предложить свои услуги Магомету-Али. *Лезидъ* говорилъ Французскимъ языкомъ, которому онъ выучился у одного плѣннаго Француза, доставшагося на долю отца его во время Египетскаго похода. Они часто разговаривали о Европейскихъ обычаяхъ, промышленности и художествахъ, и длинныя повѣспованія, услаждавшія плѣнь Француза и уединеніе Араба, никогда не оканчивались безъ того, чтобы молодой Шейкъ не завелъ рѣчи о нашихъ женщинахъ, о свободѣ, копорю онъ пользуются въ Европѣ, о томъ равенствѣ, копорое онъ умѣли обратить въ владычество, и копорому мы одолжены счастьемъ нашего превосходства. Сидя въ тѣни пальмовыхъ деревьевъ, *Лезидъ* не однажды вздыхалъ при мысли о Европейской образованности, и посреди невольницъ, окружавшихъ его, мечталъ о свободной подругѣ. Теперь взоры его были усупремлены на юную Россіянку, и слѣдили ея малѣйшія движенія. Онъ видѣлъ въ ней ту будущность, для копорой поквнулъ шапры свои и принялъ сторону

преобразователя Востока. Каждая минуша умножала воспоргъ его. Наконецъ, нѣсколько проспыхъ, но нѣжныхъ и запавшихъ въ сердце его словъ, сказанныхъ ему Россіянкою въ то время, когда преодолѣвъ невзвѣспную ему до тѣхъ поръ заспѣнчивость, онъ рѣшился подойти къ ней, совершенно воспламенили его. Въ себя, онъ приближается къ ея мужу, и забывъ, что ихъ окружаютъ посторонніе, говоритъ ему:

— Франкъ, жена пвоя для меня дороже жизни; я хочу на ней жениться, уступи мнѣ еѣ и назначъ цѣну моему счастью.—

Россіянинъ почелъ столь спрванное предложеніе ничѣмъ инымъ, какъ почеспью, отдаваемою красотѣ жены его, или однимъ изъ тѣхъ воспочныхъ привѣспствій, на копорыя Европейецъ опвѣчается шупкою, и копорому сказалъ *Лезиду*:

«Жена моя, молодой Шейкъ, спшкомъ дорога для педя; всѣхъ сокровищъ вашего Паши, двухъ пысячъ мѣшковъ вашихъ, недоспапочно для того, чтобы купить еѣ.»

— Я заплачу педѣ при пысячи, — сказалъ Шейкъ въ сильномъ волненіи.

«Согласенъ, возразилъ Россіянинъ, смѣясь; — какъ опказаться отъ столь выгоднаго предложенія.»

— Завтра пы получишь деньги, примолвилъ Арабъ; я самъ ихъ принесу къ педѣ.—

Между тѣмъ полна рѣдѣла; ппшина заступила мѣсто шума; молодые супруги, оставшись въ саду съ немногими изъ Европейскихъ друзей своихъ, говорили о праздникѣ и наслаждались свѣдестію одной изъ тѣхъ прекрасныхъ, свѣсплыхъ ночей, копорыя вознаграждаютъ за птягость знойнаго дня, и копорыя въ Африкѣ замѣняютъ тѣнь и прохладу лѣсовъ нашихъ. Разговоры смѣнялись одни другими; съ удовольствіемъ припоминали собесѣдники то разнообразіе одеждъ, ту непринужденность и оригинальность ума и пріемовъ, копорые Востокъ являлъ имъ въ томъ вечеръ во всей полнотѣ; сравнивали эту песпроту съ однообразіемъ нашихъ Европейскихъ гостинныхъ, гдѣ день отъ дня все болѣе изглаживаются отличительныя черпы наро-

довъ. Въ заключеніе, Россіянинъ разскалъ о спранномъ предложеніи Шейка, и не могъ не улыбнуться при мысли, какое изумленіе возбудило бы оно въ Петербургъ. Въ продолженіе разсказа, старый Испанскій Консуль слушалъ его съ безпокойствомъ, которое безпрестанно усиливалось, и наконецъ подѣйствовало на самаго разскащика.

— Но что же разсказъ мой имѣетъ такого, чтобы могло васъ превозмочь?— вскричалъ онъ наконецъ, желая — и вмѣстѣ какъ бы опасаясь объясненія.

«Вамъ извѣстны здѣшнія обыкновенія, сказалъ Консуль. Законъ Магомета, спрогій даже къ его послѣдователямъ, для чужестранцевъ совершенно непреклоненъ. Въ эпоху непросвѣщенной землѣ словесныя обѣщанія столь же священны, какъ и письменныя; намѣреніе Шейка было искреннее; онъ опъ него не откажется, повѣрьте въ помъ моей опытности; жена ваша должна сей часъ же скрыться, а вы придумайте какое нибудь средство, чтобы отдѣлаться опъ обязательства, которое соперникъ вашъ, вѣроятно, поддѣлаетъ непреложнымъ.»

Смертельный холодъ пробѣжалъ по жиламъ Россіянина; онъ понялъ, что ему угрожаетъ большое несчастіе. Здѣсь, въ отдаленномъ, чуждомъ краю, въ женѣ его заключалось для него все: сограждане, опечесство, воспоминація дѣтства, любовь, надежды на щасливое будущее. — Молодая Россіянка скрылась.

На другой день Шейкъ явился къ ея мужу съ невольниками, которые несли за нимъ при тысячи мѣшковъ. Сосчитавъ ихъ, Шейкъ сказалъ:

— Теперь отдай мнѣ жену свою. —

«Молодой человекъ, отвѣчалъ Россіянинъ, жена моя умерла скоропостижно въ нынѣшнюю ночь, и ты заспаешь домъ мой въ печали. Умоляю тебя взять назадъ золото, которое только увеличиваетъ мою горесть.»

— Жена пвоя умерла! вскричалъ Шейкъ въ опчаяніи; неужели это справедливо? Но Богъ великъ; я долженъ тебѣ вѣрить и смиряться; оставь у себя это золото; со вчерашняго дня, та, которую ты оплакиваешь, была моею; смерть похитила её у меня; и потому

плата, какую ты за неё требовалъ, принадлежишь тебѣ. Но опведи меня къ той, которой я лишился; я желаю по крайней мѣрѣ взглянуть на неё въ послѣдній разъ.—

«Проспи мнѣ, если я не удовлетворю пвого желанія; наши священники окружаютъ пеперь ея останки и свершаютъ надъ нею похоронные обряды.»

— Я долженъ уважать ваши обряды, — отвѣчалъ Шейкъ, рыдая, и удалился.

Черезъ часъ Россіянинъ получилъ повелѣніе явиться къ Кади; онъ нашелъ тамъ и Шейка, стоящимъ въ глубокомъ молчаніи.

«Ты обманулъ Музульманина, сказалъ ему Кади, продавъ ему жену свою; ты помогъ ей попомъ бѣжать; человекъ, который сей часъ прибылъ изъ Александріи, встрѣпилъ её на дорогѣ. Молодой Шейкъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Арабу, какого возмездія ты требуешь?»

— Никакого, — отвѣчалъ Шейкъ.

Выхвативъ изъ подъ одежды кинжалъ, онъ повергъ Европейца мертвымъ къ ногамъ своимъ; попомъ, прошелъ медленными шагами чрезъ комнату судилища и печально пустился по дорогѣ въ степи.

Пер. *Ип. Г—въ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КУПЛЕТЫ

изъ новаго водевиля:

СВЯТОЧНАЯ ВЕЧЕРИНКА

или

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ.

1. Параша.

Что угодно говорите,
Опрекайтесь любить,
Полно такъ ли?—Ну, взгляните,
Нѣтъ! не лъзя любви вамъ скрыть.

Трудно сердцу припворяться;
У дѣвиць любовь робка.
Не хотѣлъ онъ признаться,
А грустѣлъ изъ подпшка.

2. Прибираловъ.

Какъ захопашь, шакъ могушь справашь,
И здѣсь давненько завелось—
Кривое дѣло правымъ ладить,
Судишь прямое вкривь и вкось.
У насъ, по совѣсти признашся,
Хоть взяпки брашь запрещено,
Но все умѣюшь наживашся—
Снаровкой—взяпки брашь умно.

*

Судья просишеля волочить,
И жметъ, какъ изъ лимона сокъ;
Коль дѣло выиграшь онъ хочеть,
Плащи исправно свой оброкъ!
Иль доказательства въ отспавку;
Безъ денегъ правый виновашъ;
Законы выведущъ на справку,
А беззаконіемъ рѣшашъ.

3. Ветошникъ.

Пріятели мой, нашъ Капитанъ-Исправникъ,
Былъ человекъ по Русской спаринъ;
Искусникъ пѣть, и въ обществѣ забавникъ,
Разсказывалъ исторію онъ мнѣ.

*

Въ одномъ Судѣ дѣла шакъ и кипѣли!
Тамъ Секретарь былъ честь Секретарей.
За то Судья шилъ въ мѣсяцъ двѣ недѣли,
Другой Судья—шилъ сряду сорокъ дней.

*

Вопъ Секретарь порядкомъ понажился,
И домъ купидъ, и дачу на жену;
Одинъ Судья—шупъ презвыимъ былъ рѣшился,
Другой сказалъ: и я шакъ жишь начну.

*

Но Секретарь разсорился со смысломъ,
Судьи презвѣй, а онъ шилъ черезъ край.
Тупъ все дѣла пошли—дымъ коромысломъ,
Судьи—подъ судъ попались невзначай.

*

Секретарю случилось опрезвѣшся;
Дѣла пошли дорогою своей.
И шакъ, друзья, не лѣзя не согласшся:
Судьи живущъ—умомъ Секретарей.

4. Прибираловъ.

Къ концу приходить ваше дѣло,
И надобно его рѣшишь;
Оно давно бы ужъ поспѣло,
Да надо было—доложить.

У насъ со справками доклады,
Успали ждашь вы и просишь,
И поспѣшишь мы сами рады,
Но оспаешся—доложить.

Давно ужъ собраны все справки,
Рѣшеньемъ должно поспѣшишь,
Но дѣло пребуесть прибавки
И оспаешся—доложить.

5. Онъ же.

Играесть въ жмурки цѣлый свѣтъ,
И мнѣ игры пріятели нѣтъ,
Любовь играесть въ жмурки.

Она сводя другихъ съ ума,
Бываесть по-жь слѣпа сама.
Судьи играюшь въ жмурки.

По звону часпо судишь судъ,
Зажмурясь, дѣлу ходъ даюшь.

Опцы играюшь въ жмурки!
Къ дѣшямъ въ наспавники берущъ
Мусье Трише, Мадамъ Ла-Плупъ,
А дочки любяшь жмурки!
Играесть въ жмурки цѣлый свѣтъ,
По мнѣ игры пріятели нѣтъ.

6. Водевиль.

Купцы пустилися въ подряды,
Въ подрядахъ выгода лесина,
Признашся, все-мы деньгамъ рады,
Да акурашность шупъ нужна.

Гдѣ нѣтъ расчета, тамъ досада!
Нѣтъ акурашности, накладъ!
Нѣтъ честности...

Нѣтъ честности... тогда шах-матъ!

*

Пускай купецъ лисой лукавишь,
Къ добру лукаштво не ведешъ!
Спяшь маску истинна заспавишь.
Коса на камень—въ мигъ пайдетъ!

Но плушь лукавишь не оставишь,
Хоть живи безъ совѣсти бѣда,

А плушы...

А плушы будутъ всегда.

*

Одинъ собрался здѣсь женишься,

Другой невѣсту получилъ;

Теперь намъ можно веселиться.

Приказный много намъ грозилъ.

Любовь приказовъ не боится!

И справедливосшь верьхъ взяла.

На камень...

На камень—здѣсь коса нашла!

Б. Фёдоровъ.

CHARADE.

Ma première moitié ressemble à la dernière.
Mon entier emprisonne et nous montre souvent,
Sous ses bords retrécis, un minois séduisant.
De cet entier la vogue est plus que passagère.

Въ No 99, помѣщенная шарада значить: *Мак-силъ*.

MODES.

Chapeaux.— Décidément les passes des chapeaux sont un peu agrandies cet hiver; elles sont plus ou moins évasées selon la destination. Pour négligés on les fait assez rapprochées sur les joues; mais pour chapeaux de soirées ou de spectacles, elles sont plus évasées et plus relevées.

On voit des chapeaux en velours ponceau, ornés d'une plume de la même nuance: l'intérieur de la passe orné d'une ruche de blonde.

Chapeau de velours noir, doublé en velours cerise; une plume boiteuse noire et cerise; ruban noir.

Chapeau de satin lilas, doublé de velours noir; plume noire. Chapeau de velours noir, orné d'un bouquet de soucis.

Chapeau de satin vert, doublé de velours et orné d'un bouquet de scabieuses.

Robes.— Rien de nouveau dans la façon des robes; elles sont toujours extrêmement simples.

Trois pélerines sont ce qu'il y a de meilleur goût pour une redingote en satin.

Le chinchilla s'adapte assez généralement aux douillettes en satin; on en garnit le bas, le collet et les poignets. Nous avons remarqué aussi une douillette en satin ayant une poche de chaque côté, et cette poche était bordée d'une bande de chinchilla.

Nous avons vu plusieurs robes de petites filles, garnies de cygne. Leurs pantalons étaient également garnis d'une bande de cette fourrure au bas des jambes.

МОДЫ.

Шляпки.—Рѣшипельно, поля у шляпокъ дѣлають болѣе нынѣшней зимою: онѣ болѣе или менѣе опкрыты, смотря по назначенію. Запросно дѣлають ихъ довольно близко къ щекамъ; а для вечеровъ и спектаклей опкрытѣе и болѣе къ верху.

Видны пунцовыя бархатныя шляпки, съ однимъ перомъ такого же цвѣта: внутри поле опдѣлано блондовымъ рюшемъ.

Черная бархатная шляпка, подложена алымъ бархатомъ; козырьчатое перо алое съ чернымъ; ленты черныя.

Лиловая апласная шляпка, подложена чернымъ бархатомъ, съ чернымъ перомъ. Шляпка черная бархатная, съ букетомъ *soucis*.

Шляпка зелѣная апласная, подложенная бархатомъ и опдѣланная букетомъ скабіозъ.

Платья.—Ничего новаго въ покроѣ платьевъ; онѣ все также просны.

Тройныя пелеринки всего лучше къ апласному рединготу.

Шиншиллу вообще употребляютъ на апласныя дульшпы; ею обкладываютъ низъ, воротникъ и около киспи. Мы замѣтили также апласный дульшп съ карманами, обложенными полосками шиншиллы.

Мы видѣли много дѣтскихъ платьевъ, обшитыхъ лебяжьимъ пухомъ. Павшалонъ внизу были обшиты имъ же.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 101.

Цѣна годовому издаванію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-ставкаю и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 17 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Испытанныхъ друзей для новыхъ забвѣтъ

Есть — цвѣтъ плоду предпочитаетъ.

П. Суляроковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОРИГИНАЛЬ.

Въ одинъ вечеръ, гуляя въ лѣсу, прилегающемъ къ городу Б..., я встрѣтилъ толпу крестьянъ, вырубавшихъ деревья и спиливающихъ пни. Не знаю почему, мнѣ вздумалось спросить ихъ, не новую ли дорогу хотятъ они проложить въ этомъ мѣстѣ. Они засмѣялись и посоветовали мнѣ продолжать свой путь, говоря, что въ концѣ лѣса найду я одного *господина*, который спойтъ на пригоркѣ и будетъ отвѣчать на мой вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ маленькаго, пожилаго человѣчка въ застегнутомъ сюртукѣ, дорожной шапкѣ и съ охотничьею сумою за плечами. Онъ держалъ въ рукѣ зрительную трубу, направивъ оную въ самое то мѣсто, гдѣ я оставилъ крестьянъ.

Какъ скоро онъ услышалъ шаги мои, то опустилъ трубу и закричалъ мнѣ: «вы были въ лѣсу, сударь; каково идетъ вамъ работа?»—Я рассказалъ, что видѣлъ.—«Это хорошо, отвѣчалъ онъ, это хорошо. Съ прехъ часовъ утра, (тогда было часовъ шесть вечера), съ прехъ часовъ утра спою я здѣсь на караулѣ, и начиналъ уже думать, что эти

бездѣльники меня обманутъ, хотъ я довольно дорого заплатилъ имъ. Но если они, благодаря Бога, довольно успѣли, то я надѣюсь, что нереспектива опироепся въ самую пору.»

Сказавъ это, онъ направилъ трубу свою въ средину лѣса съ удивительною важностію и вниманіемъ.

Спустя нѣсколько минутъ, на довольно значительномъ пространствѣ лѣса, деревья вдругъ повалились, какъ бы помощію волшебства, и вдаль, на скатъ горы открылись развалины стараго замка, освѣщенные багровымъ свѣтомъ заходящаго солнца. Это представляло видъ восхищительный.

Незнакомецъ изъявилъ свое восхищеніе какими-то спранными и произвольными восклицаніями. Воспоргъ его продолжался съ четверть часа, наконецъ онъ положилъ свою зрительную трубу въ суму, и не сказавъ мнѣ ни слова, не поклонясь мнѣ, даже не взглянувъ на меня, пустился бѣжать со всѣхъ ногъ.

Въ послѣдствіи я узналъ, что человѣкъ сей былъ Баронъ Р..., оригиналь въ высочайшей степени, непрерывно спранный пѣшкомъ, какъ славный Баронъ *Гроттусъ*, и до безумія любящій прекрасныя виды.

Случается иногда, что открытію живописной перспективы мѣшаетъ необходимость сломать нѣсколько домовъ, вырубить часть лѣса, проломать утесъ; но такія препятствія его не останавливаютъ; онъ не жалѣетъ никакихъ издержекъ, и посредствомъ золота и краснорѣчія, ему всегда удается получить согласіе владѣльцевъ, каменщиковъ, дровосѣковъ, каменоломщиковъ и п. п. Рассказываютъ, что однажды пришло ему въ голову сжечь одну изъ значительнѣйшихъ мызъ въ Тироль потому, что, по его мнѣнію, она портила видъ того края и опнивала гармонию въ ландшафтѣ. Съ большимъ трудомъ могли уговорить его оставить свое намѣреніе.

Никогда не выдали его двухъ разъ сразу въ одномъ мѣсѣ.

К О Ё - Ч Т О .

Если иногда ожиданіе имѣетъ свою прелесть, за то, по большой части, оно бываетъ для насъ нестерпимымъ мученіемъ. «Скажите мнѣ, что такое жизнь?» говоритъ *Потье* не помню въ какой пьесѣ. Отвѣчать не трудно. » Жизнь есть ожиданіе смерти. » Младенецъ, раждаясь на свѣтъ, ожидаетъ пищи отъ груди своей матери, и часто принимаетъ еѣ отъ груди наѣмницы. Дитя ждетъ игрушекъ, ласкъ и ободренія; ему доставаются книги, взысканія и побой. Чего не ожидаетъ юноша отъ восходящей предъ нимъ зари счастья? Но быстро приходитъ разочарованіе; друзья его обманываютъ; любовница, которую онъ обожаетъ, измѣняетъ ему; наспоющее для него въ пятгось, будущее пугаетъ его, и онъ жалѣетъ уже о прошедшемъ! Но это еще не все: онъ спановился совершеннымъ человѣкомъ; путь, вмѣсто ожиданнаго счастья, встрѣчаетъ онъ тысячу бѣдъ; если свѣтъ разсудка озаряетъ его нѣсколько, то жизнь дѣлается для него безцвѣтною и онъ ничего не ждетъ болѣе; если же онъ въ ослѣпленіи, то ожидаетъ еще, но съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разувѣряется, и такимъ образомъ, вся жизнь его есть ничто иное, какъ длинный рядъ неудовольствій.

Сколько людей, которые ожидаютъ счастья, почти не надѣясь найти его.

Одно только можно сказать въ пользу ожиданія: часто ожиданіе счастья бываетъ припнѣе самаго счастья.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БУРЯ НА ЛАГУНАХЪ.

Венеціанскій карнавалъ существуетъ въ одномъ преданіи. Все въ Адриатическомъ городѣ обратилось въ развалины и воспоминанія, и лишь смутное понятіе остается отъ Дожа, Совѣта Десяти, роскоши Патриціевъ, водометовъ св. Марка и Февральскихъ празднествъ. Тяжело видѣть это. Не рѣшаешься пробыть въ Венеціи долѣе трехъ дней; это прогулка по прекрасному кладбищу, сошествіе въ капакомбы.

Я былъ тамъ по торговымъ дѣламъ; мы готовились продать пшено, собранное съ полей Мантуанскихъ. Турки и Греки толпились на палубѣ нашего *Буцентавра*, и спорили на Франкскомъ языкѣ о томъ, какъ бы выгоднѣе обмануть насъ и приобрести грузъ нашего судна за самую сходную цѣну. Мантуанское пшено пригоднѣе всякаго другаго для варенія превосходнаго плова, а потому Музульмане и Архипелагцы очень его любятъ.

До заговѣнья намъ оставалось только три дня. Въ Венеціи не произносятся болѣе названія карнавала; тамъ, какъ будто спыдятся мысли, которыя порождаетъ одно это слово.

Въ два часа оканчиваются тамъ всѣ дѣла. Щасливый край! Тамъ царствуетъ продолжительный сонъ, сладоспная и роскошная лѣнь, свѣжія и шумныя ночи! Въ три часа покойно лежишь на Италіанской постели, совершенно квадратной и чрезвычайно удобной для отдыха и размышленія. Послѣ отдыха пьешь шербени, какъ попало, вмѣстѣ со всѣми, у *Флоріана*, въ *Прокураціяхъ*, подъ зубчатыми сводами; пушитъ идути толки о старомъ львѣ старой республики, и о Коринѣскихъ коняхъ, прибывшихъ изъ Парижа,

съ пропускомъ опть Наполеона. Въ восемь часовъ отпрапляешься въ театръ; въ эти дни бываешь тамъ освѣщеніе à *Giorno*; послушавъ примадонны и тенора, всѣ весело расходятсѣ; обспаетсѣ только еще разъ напишѣся шербега и отправишѣся въ маскерадъ; великолѣпная зала Фенисы подобна въ это время волшебному чертогу.

Это было въ 1823 году. Никогда, думаю, мы не были оушевлены такимъ веселіемъ и такимъ пылкимъ желаніемъ удовольствія. Для насъ Французовъ, оспатки эпитихъ упадшихъ сапурналіи представляются еще пышными пиршествами. — Венеціанская маска особаго рода. О! какъ она прпспала къ пѣмъ ловкимъ и восхищптельнымъ пріемамъ, къ тому лзыку любви, только тамъ извѣстному, къ той сладострастной походкѣ и къ тому пылкому кокетству, которыхъ ничто не можетъ замѣнить для того, кто видѣлъ тамошнихъ женщинъ!

Народъ спѣшитъ въ гондолахъ, и тогда раздаеися оглушающій хохотъ; въ эти минуты все позабывается.

Какъ мы были щасливы! поргъ нашъ успѣшно кончился; Моденское вино лилось ручьями; головы кружились опть удовольствія. О возлюбленная Венеція!

Небо начало хмуриться; впрочемъ было еще свѣпло, и послѣднюю *форлану* пропанцовали съ удвоеннымъ шумомъ. При прощаніи, посылали другъ другу поцѣлуй и условлялись о свиданіяхъ; потомъ, въ порогахъ, всѣ бросились къ гондоламъ.

Поднялась буря; большой каналъ, Славянская набережная, Ріальто, вдругъ всколебались; волны были сильнѣе, нежели на среднѣ моря: гондольеры никогда не видывали подобнаго урагана.

Въ мопхъ глазахъ опрокинулось болѣе дѣсяти гондоль; раздались ужасные крики, предсмертные вопли. На другой день говорил, что число попонувшихъ судовъ было значительно, и изъ лагуны выплывали нѣсколько пруповъ въ бальныхъ нарядахъ. Спрашно было видѣть замаскированныхъ лица мерпведцовъ, родилелей, которые подъ раскрашен-

ною бумагою принуждены были опыскивать черпы дѣтей своихъ. Ничего не можетъ быть опвратптельнымъ, какъ маска на лицѣ мерпвеца.

Изъ большого канала выплывали прупы арлекина и женщины въ Тирольскомъ костюмѣ; въ нихъ узнали одного молодаго писаря и извѣстнѣйшую изъ Венеціанскихъ прелестницъ; о первомъ жалѣли за его неподражаемый почеркъ, а о послѣдней за голубые глаза ея.

Пер. *Ил. Г—ъ*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МИЛЬТОНЪ, СЪТУЮЩІЙ НА СВОЮ СЛѢПОТУ,

отрывокъ

изъ III книги ПОТЕРЕННАГО РАЯ (*).

(1805.)

Хвала, о Музы! вамъ, я зрѣлъ селенья звѣздны,
Безспрашно нисходилъ въ подземны Ада бездны;
Дерзаю вновь парить въ священный эмпирей,
Въ пространство вѣчное лазоревыхъ полей.
Хочу я Небо зрѣть, сей новый міръ блаженный,
Свѣпломъ золотымъ согрѣшпый, озаренный.—
И се, я чувствую огонь лучей его;
Но свѣтъ угаснулъ ихъ для взора моего!
Звнпцы пускляы во пмѣ ночной вражаю,
И шщетно средъ небесъ я солнце зрѣть желаю!

(*) Изъ стихотвореній Н. И. Гнѣдича, напечатанныхъ въ 1832 году.

Въ No 264 Свѣ. Пчелы, Издатели опознались о сей книгѣ слѣдующими словами: «Если глубокое, пламенное чувство, богатое воображеніе, истинная философія, основательное изученіе древнихъ, языкъ свободный, благородный и оригинальный, приспособленный ко всемъ видамъ поэтическаго выраженія, могутъ составить Поэта, — стихотворенія Н. И. Гнѣдича дають ему неопъемлемое право на сіе званіе. Любовь къ добруму, благородному, излщному, пламенная приверженность къ отечеству, сильное чувство любви и дружбы—всѣ доблести гражданина и человека довершаютъ въ нашемъ Поэтѣ дары, ниспосланные ему свыше, усовершенные прилежнымъ ученіемъ и трудою неуспышнымъ. Изданіемъ своихъ Стихотвореній удовлетворилъ онъ давнишему преобавію любителей отечественной Литературы.»

Увы! не просвѣпишь оно моихъ очей;
 Мой не увидишь взоръ злыхъ его лучей.—
 Но ты, мой вѣрный другъ, божественная Муза!
 Ты не прервешь со мной священнаго союза;
 Не переспанешь гласъ мой слабый оживляшь,
 Когда я буду пѣснь свящую воспѣвать:
 Скипаясь по горамъ, до облакъ вознесеннымъ,
 Среди густыхъ лѣсовъ, по берегамъ зеленымъ,
 Не наслаждаюсь я уже ихъ красотой,
 Въ одномъ безмолвіи бесѣдую съ побой.
 Мѣста, живившія мой помный духъ смущенный,
 Гора Сионская, и ты, ручей священнѣй,
 Что при спобахъ ея задумчиво журчишь,
 И свѣтлую лазурь между цвѣтовъ капишь,—
 Васъ часпо съ Музою, слѣпецъ, я посяцаю;
 О мужи славные, васъ часпо призываю!
 Слѣпцы, живущіе въ безсмертныхъ звукахъ лиръ,
 Тирезій, Тамирисъ, божественный Омиръ!
 Однимъ несчастіемъ я съ вами только равень;
 Увы! подобно вамъ почпо и я не славенъ?...
 Такимъ мечтаніемъ духъ слабѣй напшавъ!
 И силу новую воображенью давъ,
 Вселенной чудеса я съ Музою воспѣваю,
 И огонь души моей въ сихъ пѣсляхъ изливаю:—
 Такъ скромный соловей, въ почный, безмолвный часъ,
 Сокрывшись въ мракъ лѣсовъ, лѣпъ свой слад-
 кій гласъ.—
 И годъ, и день, и ночь—все снова возродится;
 Но для очей моихъ свѣтъ дня не возвратится;
 Мой взоръ не отдохнетъ на зелени холмовъ;
 Весна моя безъ розъ и лѣто безъ плодовъ!
 Увы! я не узрю ни синихъ водъ безмѣрныхъ;
 Ни ушренныхъ лучей, ни пурпуровъ вечернихъ;
 Ни богомужяго и крошкаго лица,
 Въ чертахъ котораго блискаетъ ликъ Творца.
 Вопще красующія цвѣтовъ различны роды;
 Исчезли для меня всѣ красоты природы;
 И небо и земля покрылись спрашной пшмой,
 И книга дивная закрылась предо мной;
 Все пусто, вѣчною все ночью поглопилось,
 И солнце для меня навѣки закатилось!—
 Проснитпсе навсегда науки и пруды,
 Сокровища искушвъ и мудроспи плоды!
 Сокровищемъ искушвъ я больше не плѣнюсь,
 Плодами мудроспи уже не наслажуся:

Все скрыла ночь!—Но ты, Любимца небесъ,
 Сойди на помощь мнѣ, разпоргни мракъ очесъ;
 О Муза, просвѣпи меня огнемъ небеснымъ;
 И не останусь я въ попомствѣ неизвѣстнымъ,
 Открывъ безпрепетно въ священной пѣсни сей
 Сокрытое до днесъ опъ смершнаго очей.—

АНАГРАММА.

Я крошечное слово
 И выразишь гогово
 Печаль, испугъ, плохой успѣхъ.
 Теперь меня перевернише—
 И выдепъ смѣхъ!
 Чшо-жь я шакое? говорише!

III.

Въ No 100, помѣщенная шарада значить: *Bibi*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Любители театра нѣсколько лѣтъ съ при-
 скорбіемъ замѣчали, что талантъ прежняго
 ихъ любимца, Князя А. А. *Шаховскаго*, не
 производить ничего, кромѣ посредственнаго.
 Молодые драматическіе писатели смѣнили его,
 но не замѣнили.

Нынѣ, оспроумный авторъ *Какаду*, *Новаго*
Стерна, *Пустоделовъ*, *Своей селми*, приобрѣлъ
 свѣжую вѣтку лавра, новое право на благо-
 воленіе Публики, за народную Русскую дра-
 му *Демужница*, или *за чѣмъ пойдешь*, то
 и найдешь (*).

Сія оригинальная романтическая драма со-
 стоитъ изъ двухъ часпей, раздѣленныхъ на
 пять сукпокъ, и написана отчаспи прозою,

(*) Въ Свѣ. Пчелѣ напечатанъ превосходный критиче-
 скій разборъ драмы *Демужница*. Видно перо зна-
 шка словесности, челоука съ образованнымъ вкусомъ.

Авторъ, предлагаемаго здѣсь, нѣсколько простран-
 лаго разбора, при сочиненіи онаго, имѣлъ въ виду по-
 знакомить съ драмою *Демужница* шгородныхъ чи-
 тателей *Лит. Прибавленій*. Въ письмѣ своемъ къ
 издателю, онъ самъ признается, что его статья
 длинновата, по что онъ рѣшился напечатать ее въ
 томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ вышлась она
 у него—потчасъ послѣ спектакля.— В.

отчасти же стихами стариннаго Русскаго размѣра, котораго образцы оспались намъ въ словѣ о полку *Игоревомъ*, народныхъ нашихъ пѣсняхъ, древнихъ Русскихъ стихотворенiяхъ, соч. *Кириемъ Даниловымъ*, и который споль сладкозвученъ подъ перомъ Барона *Дельвига* (1), *Мерзлякова* (2), *Пушкина* (3) и *Востокова* (4).

Въ первой части, подъ заглавiемъ: *Сваха въ балахъ*, заключается двое суккокъ.

Первыя сукки:

Васильевъ или Святочный вечеръ въ Балахнѣ, небольшомъ городкѣ Нижегородской губернии, въ домѣ купчихи *Мавры Арефьевны*, крестной матери *Агрифены Гавриловны*, попросу *Груни*, единственной дочери богатаго тамошняго купца *Гаврилы Нильга Усова*.

Впорыя сукки:

Встрѣча на Унжѣ. Дѣйствiе происходиптъ у монастырскихъ воротъ *Макарiя* на Унжѣ. Дѣйствiе въ 1742 году, въ царствованiе Императрицы *Елисаветы Пепровны*.

Назменуемъ здѣсь дѣйствующiя лица въ первой части и Гг. актёровъ и актрисъ Императорскаго С. Пепербургскаго театра, въ ней игравшихъ:

Гаврило Нильчъ Усовъ,
богатый купецъ въ
городѣ Балахнѣ. Г. *Борецкой*.
Груня, единственная
дочь его. Г-жа *Телемова* м.
Егорша Башлыкъ, при-
кащикъ на баркахъ . Г. *Петровъ*.
Мавра Арефьевна, крес-
тная мать Груни. . Г-жа *Яковлева*.
Иванушка, ея племян-
никъ. Г. *Кратошкинъ*.
Надежда, сестра его. . Г-жа *Азаревичева*.
Кузминична, городская
сваха. Г-жа *Ежова*.
Пепруша, посадской. . Г. *Прохоровъ*.
Матрёна } посадскiя дѣ- } Г-жа *Григорьева*.
Малаша } вушки. . . . } Г-жа *Гюльпенъ*.
Андроновна, ключница
купца Усова. Г-жа *Гусева*.

(1) Въ его прелестныхъ Русскихъ пѣсняхъ. (2) Также.
(3) Въ его сказкѣ о Царѣ Салпапѣ. (4) Въ его сочище-
нiяхъ и въ переводахъ съ Сербскаго.

Савватiй, слѣпой - ни-
щiй. Г. *Григорьевъ* б.
Миничъ, подъячiй . . . Г. *Афанасьевъ*.
Ванька Выжига, нищiй. Г. *Бекеръ* 1.
Маiоръ. Г. *Алекинъ* б.
Помѣщица. Г-жа *Телемова* б.
Фомка, слуга ея. . . . Г. *Семикатовъ*.
Нищая. Г-жа *Каратыгина* ср.
Сынъ ея. Г. *Петремовъ*, воспитп.
Дочь ея Г-жа *Рамазанова*, восп.
Другая нищая. Г-жа *Рыкалова*.

Молодцы, дѣвицы на досидѣлкахъ и полпа нищихъ.

Вторая часть, подъ заглавiемъ: *Волжскiй разбойникъ*, содержитъ свое суккокъ и отдѣле- на отъ первой шестиплѣннымъ промежуткомъ времени; дѣйствiе происходиптъ въ 1748 году.

Первыя сукки:

Новоселье въ новомъ, на концѣ города по- спроенномъ домѣ купца *Романа Пепровича Бобра*.

Впорыя сукки:

Ивановъ день. Дѣйствiе на берегу Волги, гдѣ городскiе жители собрались играть въ хороводы, пѣть пѣсни, бороться и праздни- вать.

Третьи сукки:

Разбойничiй припонъ.
Дѣйствующiя лица во второй части сей драмы, съ показанiемъ, къмъ изъ Гг. актё- ровъ и актрисъ Императорскаго С. Пепер- бургскаго театра были они предспавлены.
Купецъ Гаврило Усовъ. Г. *Борецкiй*.
Груня, дочь его. Г-жа *Телемова* м.
Романъ Пепровичъ Бо-
бёръ, купецъ, мужъ ея. Г. *Васильевъ*.
Макарушка, его пасы-
нокъ, сынъ Груни отъ
перваго мужа. Г-жа *Пономаревская*,
воспитп.
Кузминична, сваха. . . Г-жа *Ежова*.
Иванушка. Г. *Кратошкинъ*.
Егоръ Башлыкъ, раз-
бойничiй атаманъ. . . Г. *Петровъ*.
Оадей Дяпелъ } его { Г. *Брянской*.
Варнава Быкъ } Г. *Бекеръ* 2.
Калина Чумаки } Есаулы { Г. *Хотяницовъ*.

Ванька Выжига	} разбой- ники.	{	Г. Бекеръ 1.
Мишчъ Крючокъ			Г. Афанасьевъ.
Мишка Зюзя			Г. Калининъ.
Грицко Бурсакъ			Г. Сосновскій.
Тарасъ Горланъ			Г. Мгльниковъ.
Сенюха Пепля			Г. Григорьевъ м.
Фофанъ Башка			Г. Бузевъ.
Сурокъ.			Г. Дубровинъ.
Савватій, слѣпой-нищій.			Г. Григорьевъ б.
Сержантъ			Г. Радинъ.
Петруша.	Г. Прохоровъ.		
Надёжа.	} молодицы.	{	Г-жа Азаревичева.
Матрёша			Г-жа Григорьева.
Малаша.			Г-жа Гюльпень.

Солдапы, разбойники, молодцы, дѣвщцы, молодницы.

Содержаніе.

Молодцы, красныя-дѣвщцы и добрые молодцы сошлись въ домъ къ заживочной купчихѣ *Маавръ Арефьевнѣ* пѣть подблюдныя пѣсни и загадывать. Хоръ поётъ еще до поднятія занавѣса; когда же онъ открывається: то мы видимъ на сценѣ первую спрофу *Свѣтланы*, баллады г. *Жуковскаго*.

Разъ въ Крещенской вечерокъ
 Дѣвущки гадали,
 За воробья башмачокъ
 Снявъ съ ноги бросали;
 Снѣгъ пололи; подъ окномъ
 Слушали; кормили
 Счѣпнымъ курицу зерномъ;
 Ярый воскъ топчили;
 Въ чашу съ чистою водою
 Клади перстень золошой,
 Серги изумрудны;
 Разсплмали бѣлый плащъ,
 И надъ чашей пѣли въ ладъ
 Пѣсенки подблюдны.

Между пѣснями молодые парни хвалясь удальствомъ своимъ, рассказываютъ о кулачномъ боѣ *стгна на стгну*, который извѣстенъ въ одной Россіи, которому, можетъ быть, Русскіе *отгасти* обязаны проворствомъ и ловкостью въ рукопашныхъ бояхъ съ не-

пріятелями и пословицею *Суворова: штыкъ молодецъ, пуля баба.*

Молчалива и грустна

приходитъ къ креспной своей мапушкѣ *Грунл*. Её засушила любая поска по удаломъ добромъ-молодцѣ *Егорилъ Башлыкъ*; крещеномъ *Тапаринъ*, заматавшемся купеческомъ прикащикѣ. Сваха *Кузминшина*, ослѣпленная его госпинцами, рассыпается мѣлкимъ бѣсомъ въ похвалахъ ему, и намѣкаетъ, что онъ съ поваршцами придѣтъ на вечеринку къ нимъ переряженный. У хозяйки ушки на макушкѣ; *Грунл* ждѣтъ не дождется своего суженаго. Вотъ онъ приходитъ, одѣтый Сибирскимъ Шаманомъ; ловко увивается вокругъ *Груни*, умѣетъ кшаши намѣкнуть, подмигнуть, золотое слово вымолвить. Онъ и поварищи его, по просьбѣ *Маавры Арефьевны*, снимаютъ съ себя *хари* и являются въ собственномъ своемъ видѣ. *Башлыкъ* запѣваетъ пѣсню, подыгрываетъ на балалайкѣ; дѣвщцы и молодцы придвинулись къ нему поближе; онъ не дышитъ. Горемышная *Грунл* заслушалась молодецкой пѣсни. Сваха и креспная уговорили её: она съ *Надёжею*, вѣрною своею подружкою, проплясала имъ, какъ бѣлая лебедь. И у *Тапарина* глаза разбѣжались, ретивое сердце разгорѣлося. Но онъ заблаговременно предвидѣлъ, что спепенный, богатый Русскій купецъ *Гаврило Нилькъ*, не опдастъ своей дочери за ярыгу - *Тапарина*: по его подговору собупытники его подожгли городъ. Набашъ... испугъ . . . превага. . . *Башлыкъ* пользуется всеобщемо смупою—и увозитъ *Груню*.

Здѣсь кончатся первыя сукки.

Въ великолѣпный, древній монастырь *Макарія* на *Унжѣ* спеклись со всѣхъ споронъ Россіи богомольцы. Въ числѣ ихъ находятся: неупѣшный сирота-отецъ *Гаврило Нилькъ*, слѣпой спарецъ *Савватій*, ограбленная разбойниками сваха *Кузминшина*; студа же прибрела и брошенная извергомъ-мужемъ *Грунл* съ сироткою-сыномъ. *Башлыкъ*, похипивъ её, обвинчался на ней; помомъ болѣе и болѣе предаваясь пьянству и распустству, кинулъ её—и вспустилъ въ шайку Волжскихъ разбойниковъ, которые,—за его хипрый умъ, опчаянную храбрость и удальство,—поспавили

его надъ собою Апаманомъ. Господь Богъ привелъ богатую купеческую дочь, красавицу—*Груню*, ходивъ слѣпаго—нищаго. Она въ рубищѣ, изсохшая какъ былиночка, встрѣчается съ опцемъ, который, будучи увѣренъ, что она ушла, а не увезена обманомъ, проклинаетъ её. Добродѣтельный слѣпецъ примиряетъ ихъ. *Груня* возвращается въ объятія отца, въ домъ родительскій и, по удостовѣреніи о смерти *Баилыка*, перваго своего мужа, выходитъ за мужъ за купца *Романа Бобра*, за котораго отецъ давно прочилъ её, который былъ въ неё влюбленъ безъ памяти, сватался—и была ужъ дѣвица на выданьи, но болтунья-сваха и увозъ— всё вверхъ дномъ перевернули.

Минуло шестъ лѣтъ ея щасливому супружеству. Впорой мужъ ея, купецъ *Романъ Бобёръ*, перешелъ изъ дома отца ея въ свой собственный, недавно выспроенный. Они празднуютъ новоселье.

Жизнь ихъ текла бы, какъ по маслу, еслибъ завистливая Яга-баба, Судьба, не подмла имъ въ бочку мѣду ложки дѣгтю. Въспи о смерти перваго мужа ея оказались несправедливыми; *Егорша Баилыкъ* здравствовалъ и, услышавъ, что жена его за другаго обвиняна, распалился бѣшеною ревностью. Онъ подослалъ своего лазупчика, который прикинулся юродивымъ, вкрался въ дружбу къ *Роману Бобру*, насаждалъ ему небылцы о кладахъ—и выманилъ его ночью изъ дома въ дремучій лѣсъ. Апаманъ, съ опборными сорванцами, употребилъ въ пользу его опсупствие: онъ вломился въ домъ къ нему—и впорично похитилъ горемычную *Груню*. Трѣпши супни кончились. Наступили четвёртныя.

Въ городѣ Балахиѣ празднуютъ Ивановъ день пѣснями, пляскою, хороводами. На рѣкѣ слышны пѣсни: выпзъ по мапушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью, плывутъ разбойничьи лодки. На одной сидитъ Апаманъ *Баилыкъ*, на колѣняхъ держитъ *Груню*, которая плачетъ, какъ рѣка льется, въ возрыданіяхъ словечка не промолвитъ, ломаетъ свои бѣлыя руки—и, улуча время, кидается въ воду. Разбойники выхватили её полумертвую. *Романъ Бобёръ* прибѣгаетъ съ вооруженными жипе-

лами ловить ихъ; но они уплыли. Воевода нарядилъ воинскую команду за ними въ погоню.

Супки послѣднія:

Разбойничій припонъ.

Не спая вѣрововъ слепалась
 На груди пльющихъ костей:
 За Волгой ночью вокругъ огней
 Удалыхъ шайка собиралась.
 Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
 Племень, нарѣчій, состояній:
 Изъ ханъ, изъ келій, изъ шемницъ,
 Они стеклися для спяжаній!
 Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ—
 Живутъ безъ власти, безъ закона.
 Межъ ними зрится и бѣглець
 Съ береговъ воинственнаго Дона,
 И въ чѣрныхъ локонахъ Еврей,
 И дикіе сыны степей—
 Калмыкъ, Башкирецъ безобразной,
 И рыжій Финнъ, и съ лѣнью праздною
 Вездѣ кочующій Цыганъ!
 Опасность, кровь, развратъ, обманъ—
 Вошь узы спрашнаго семейства.
 Топъ ихъ, кто съ каменной душой
 Прошелъ всѣ ужасы злодѣйства,
 Кто грабитъ хладною рукой
 Вдовицу съ бѣднымъ сиротой,
 Кому смѣшно дѣшей спенанье,
 Кто лѣтъ и пола не щадитъ,
 Кого убійство веселитъ
 Какъ юношу любви свиданье.

Въ такомъ товариществѣ горемычная *Груня* помаялась бы, помаялась, да и умерла безъ покаянія, еслибъ благодѣтель ея, примиритель съ опцомъ и совѣстью, слѣпецъ *Савватій*, не нашёлъ средства пробраться въ вертепъ разбойниковъ. Онъ принесъ ей опрадную вѣспочку про родимую споронушку, и хопя самъ безпрерывно подъ ножами убійць, однакоже защищаетъ её отъ нихъ, подкрѣпляетъ вѣрою, оживотворяетъ надеждою.

Разбойники пируютъ. Есаулъ *Фадей Дятель*, завидуя Апаману *Баилыку*, спарается взбунтовать пропивъ него шайку; нашѣптываетъ имъ, что съ тѣхъ поръ, какъ баба

проявлась между ними, Апаманъ ихъ самъ сдѣлался бабою; что *Стеньку Разина* также подпенетила было прекрасная Царевна Персидская, но онъ въ удовольствіе своихъ товарищей бросилъ её въ море. Ропотъ возрастаетъ. . . Въ эту минуту является Апаманъ — и всё язычокъ прикусилъ, кромѣ *Дятла*, который дерзко выступаетъ противъ него; но пораженный испугомъ, упадаетъ замертво.

Сборъ на разбой.

— — Только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и спанетъ средь небесъ,
Изъ подземелья шайка въ лѣсъ
Пойдетъ на промыселъ опасный. . .

Но воинская команда, при которой находился *Романъ Бобёръ*, ихъ предупредила. . .

— — Попались молодцы;
Они не долго пировали,

Апаманъ *Баилыкъ* подкладываетъ огонь; разбойничій вершеть кругомъ обхваченъ пламенемъ. *Баилыкъ* умоляетъ своихъ сообщниковъ умертвить его. Чуть живой Есаулъ *Дятель* надъ нимъ сжался — и заспѣшилъ его. Опасность отъ огня ближе и ближе, а отъ бочки съ порохомъ находящейся въ погребѣ, ожидаютъ ужаснаго взрыва, какъ скоро огонь до неё доберется. Всякой спѣшитъ спасти жизнь свою; *Романъ Бобёръ* на рукахъ выноситъ въ обморокъ *Груню*, теперь уже безъ раздѣла ему принадлежащую. Занавѣсъ опускается!

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

MODES.

Manteaux. — De toutes les formes de manteaux qui ont été saisies avec le plus d'empressement par les femmes élégantes, nulle n'a obtenu plus de succès que celle du manteau *vitchouga*. Cette coupe, qui offre à-la-fois toutes les *confortabilités* et la grâce qu'on peut désirer dans un costume d'hiver, a été adoptée à l'unanimité.

Manteaux d'hommes. — Les manteaux à manches sont assez demandés. On les fait à grandes pélerines tombant sur les mains, et boutonnant par devant. On demande aussi des manteaux en camelot bleue; cet article est très-rare, attendu que l'année dernière il ne s'en est presque pas fait. La forme de ces manteaux est à manches et corps de carrick; la pélerine, couvrant la moitié des mains, est boutonnée par devant par une sous-patte pour les boutonnières, et une autre pour les boutons; le devant est croisé et boutonné jusqu'à la hauteur du genou. Les revers sont carrés du haut. Le collet est arrondi sur les coins, et ne renverse pas. Le dedans est doublé en flanelle de couleur venant au bord des devans.

Nous avons remarqué un manteau écossais à grands carreaux formés par de petites rayures; il était taillé en pardessus très-long et ample de basque, ayant aussi une grande pélerine.

МОДЫ.

Плащи. — Изъ всѣхъ покрововъ плащей, принятыхъ съ наибольшимъ стремленіемъ нашими щеголихами, ни одинъ не имѣлъ такого успѣха, какъ плащъ *vitchouga*. Покрой сей, соединяющій всю удобность и ловкость, какія можно желать въ зимнемъ костюмѣ, былъ вообще принятъ.

Мужскіе плащи. — Плащи съ рукавами довольно въ употребленіи. Ихъ дѣлаютъ съ большими пелеринками, падающими на руки, спереди застегнутыми. Также желаютъ иныя голубыхъ, камлоповыхъ плащей; ихъ трудно достать, потому, что въ прошломъ годѣ ихъ почти не дѣлали. Рукава и форма всего плаща какъ карикъ; пелеринка покрываетъ половицу рукъ, застегнута спереди двумя клапонами, одинъ для петель и другой для пуговиць; пола на полу застегнута до коленъ. Лацканы вверху съ углами, Воронникъ на углахъ округленъ и не опкладывается. Плащъ подложенъ цвѣтною фланелью до краевъ полъ.

Мы замѣтили Шотландской плащъ съ большими клѣпками, составленными изъ мелкихъ полосокъ; онъ былъ сдѣланъ какъ *pardessus*, весьма длинный и полный въ фалдахъ, также съ большою пелеринкою.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 102.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 21 ДНЯ, 1832 ГОДА.

..... Я былъ далѣко.

Я время то вспоминалъ,

Когда, надеждами богатый,

Поэтъ безпечный, я писалъ

Изъ вдохновенья, не изъ плапы.

(Изъ разговора книгопродавца съ поэтомъ.)

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

П А Р И К Ъ.

Всѣмъ извѣстно, что парикъ есть изобрѣненіе новѣйшее. Оно относится не далѣе, какъ ко времени *Людвика XIII.* — Греки и Римляне едва ли знали накладные пучки. Когда *Катонъ*, отчизнолюбивыя памяти, подвергалъ у себя волосы изъ любви къ опечислыву, то и остался навсегда плышавымъ, какъ мѣрзлая кочка. *Савиній*, цирюльникъ его, не осмѣлился предложить ему покрыть голову волосами какого нибудь Римлянина, падшаго въ биввахъ пропивъ республику. Увидѣвъ обнаженную голову *Катона*, цирюльникъ воскликнулъ: *какой черепъ!* *Катонъ* признавался въ послѣдствіи, что его очень пронудило такое восклицаніе брадобрѣя и волосочесателя.

Однако жъ, я всегда сожалѣлъ о томъ, что *Катонъ* не носилъ парика. Спросите, почему? Можетъ быть потому, что парикъ предохраняетъ отъ насморка... Дѣло спяточное. Я никогда не могъ привыкнуть къ мысли, что такой великой человекъ, каковъ былъ

Катонъ, спрадалъ отъ насморка и чихалъ разъ по спу безпрерывно.

Право, парикъ—вещь удивительная. Пусть вспомнятъ превосходное четверостишіе плышавога спарца *Вольтера* и благоразумное правило, которымъ оно оканчивается; пусть благоволятъ еще припомнить прагматическую смерть поэта *Эсхила*, послѣдовавшую отъ неприкрытой парикомъ лысой головы, которую орелъ принялъ за голый камень, и потомъ, пусть осмѣлятся сказать мнѣ, что послѣ шелковыхъ шляпъ, парики не есть самое чудное изобрѣненіе, сдѣланное парикмахерами, начиная съ пудры, которая во спѣ разъ лучше пороха.

По всѣмъ этимъ причинамъ, я не могу довольно надивиться тому, что парикъ, упваръ споль драгоцѣнная въ наше время,—свидѣтельствующее о прилипчивомъ воспаленіи въ мозгахъ съ бредомъ и умоизступленіемъ,—сдѣлался браннымъ словомъ, синонимомъ дурака. Бываютъ такіе случаи, предъ которыми недоумѣваетъ душа грамматика и философа.

Топъ, кто находишь прекрасными стихи *Корнелля* — парикъ!

Дурными стихи *Виктора Экусса* — парикъ!

Сносными стихи *Казимира Дёлавиня*, — парикъ!

Холодными и напаянуемыми до чрезвычайности стихи *Антоня Дёшана* — парикъ!

И все парикъ!

Въ одно Воскресенье я посѣпилъ господина *Н***. Въ гостиной мелькали всѣ знаменитые люди настоящаго времени. Въ углубленіи окна г. *Б*** съ важностію разсуждалъ о палингенезисѣ, а подлѣ него, госпожа *Алибль Тастю*, блѣдная какъ египетскій поэтъ, пила вдохновеніе въ пламенныхъ рѣчахъ, вылепавшихъ изъ розовыхъ устъ *Виктора Гюго*. Между тѣмъ, господинъ *Н***, блѣдный какъ либераторъ, весело проигрывалъ въ экарте двадцать пять луидоровъ, которые также весело пряпалъ въ карманъ богатый секретарь банкира *Л***.

Въ углу я замѣпилъ одного спепеннаго, углубившагося въ размышленія челоуѣка съ посѣдыми бровями, блѣдными и понкими какъ остріе ножа губами. Во весь вечеръ онъ не сказалъ еще ни слова, а только слушалъ. Кто это такой? спросилъ я у своего сосѣда. — «Который, вопль эпопъ?» — Да. — «Эпо парикъ!»

Не удовольствовавшись симъ опвѣпомъ, я обратился къ одной хорошенькой дамѣ, кажется, женѣ господина *Д***. — Не можете ли вы сказать мнѣ, сударыня, кто эпопъ молчаливый господинъ, который... — «Въ помѣ углу?» — Да, сударыня. — Она наклонилась ко мнѣ съ виноватымъ видомъ и сказала съ улыбкою: «эпо чудака ***, настоящій парикъ!»

Между тѣмъ, какъ я просилъ еѣ объяснить мнѣ, кто таковъ былъ эпопъ чудака ***, имѣвшій несчастіе прослыть настоящимъ парикомъ, *Алекс... Д***, поэтъ наиболее драматическій изъ всей молодой школы нашей, открылъ мнѣ, что эпопъ блѣдный парикъ былъ не иной кто, какъ Академикъ ***, и еще хуже того, авторъ опъ пятнадцати до двад-

цати классическихъ трагедій, сыгранныхъ не безъ успѣха на Французской сценѣ. Не могу выразить, какъ изумило меня презрѣніе, до котораго въ 50 лѣтъ можетъ дожить самая обширная, самая громкая литературная извѣстность!

Печально возвратился я домой, размышляя, что можетъ быть, черезъ двадцать пять лѣтъ, дѣти наши, говоря о *Викторѣ Гюго*, *Дюмастѣ*, *Ламартинѣ*, или даже о самомъ *Беранжѣ*, скажутъ: *Парикъ!!!*

Пер. *Иль. Г—въ*.

К О Ё - Ч Т О .

За три года предъ симъ въ Парижѣ окончилъ жизнь свою *Несторъ* всѣхъ Европейскихъ актёровъ, *Жанъ-Ноэль*, на 118-мъ году опъ рожденія.

На сопомъ году жизни онъ явился въ послѣдній разъ на сценѣ въ роль *Переца*, въ *Chevalier d'industrie*, пропѣлъ арію и танцевалъ. Онъ дебютировалъ, будучи осьми лѣтъ, и съ тѣхъ поръ сыгралъ 2,760 ролей и представлялъ 28,011 разъ. На румяны издержалъ 27,600 франковъ (или рублей); жалованья получилъ 130,800 франковъ; умиралъ на сценѣ 1,040 разъ, былъ царемъ 130, честнымъ челоуѣкомъ 920, бездѣльникомъ и плупомъ 13,500 разъ!!!

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПОСЛѢ СВАТЪБЫ.

(*Журналъ молодаго Нльма.*)

Il y a de bons mariages; il n'y en a pas de délicieux. *Larochefoucault.*

Кельнъ, 25-го Сентября 1830.

И такъ, любезный *Фридрихъ*, пы оспавляешь меня въ ту минуту, когда, слѣдуя твоимъ совѣтамъ, я пожертвовалъ разсудку своими пріятнѣйшими заблужденіями. Ты опъ управляешься въ Мексику.

Если бы пы могъ, по крайней мѣрѣ, письмами своими чаще ободрять меня, подкрѣп-

ляпъ, успокоивать. . . . Но, увы! я очень рѣдко буду получать ихъ; насъ разделяетъ безпредѣльность морей; ты живешь въ другомъ свѣтѣ.

Я пишу къ тебѣ уже не письма, а цѣлый журналъ. Богъ знаетъ, когда ты его получишь? можетъ быть, никогда.

Если бы ты зналъ въ какомъ мужесквѣ имѣлъ я нужду для того, чтобы разорвать узы, связывавшія меня съ прекрасною *Нархейдъ!* Бѣдная *Луиза!* она пожертвовала любви моею своею будущностію, совѣстію, счастьемъ домашней жизни, добрымъ именемъ.

Признаюсь тебѣ; при послѣднемъ нашемъ свиданіи, я двадцать разъ чувствовалъ въ себѣ готовность опознаться опъ брака съ дѣвицею *Мейсладтъ*. Такъ, *Фридрихъ*, я бы и исполнилъ это, но послѣ жеспочайшаго 'опчаянія, *Луиза* вдругъ оказала пвердоспъ, которой я уже не имѣлъ болѣе.—Я люблю тебя болѣе собственнаго своего счастья, *Эдуардъ*, сказала она; будь щасливъ, если ты можешь быть щасливымъ съ другою.—

Тутъ я опдалъ ей письма, которые она ко мнѣ писала въ продолженіе долговременной нашей любви, и потребовалъ опъ неѣ въ замѣнъ своихъ. Никогда, никогда! былъ ея опвѣпъ.

Помомъ, не говоря ни слова, она собрала все, что опъ меня получила, и бросила въ огонь.

Въ эпопъ вечеръ, *Фридрихъ*, я слишкомъ дорого заплапиль за счастье, которое ты сулщъ мнѣ въ выгодной партіи. Какія ласки, какая красота, какое богатство можетъ мнѣ замѣнить любовь, которую перяю, любовь *Луизы?* Знаю, что она была неразлучна съ опасностями, съ горестями, но за то, эпо была пылка, безкорыстная, возвышенная любовь.

Какъ я несчастливъ! . . . Но я опяпъ начинаю давать волю своему воображенію.

Я болѣе не увижу *Луизы*. Сегодня вечеромъ пріѣдетъ мужъ ея; а ты знаешь, что одно мое присутствіе въ Кельнѣ можетъ довести его до крайней степени ревности. Съ тѣхъ

поръ, какъ, назадъ тому четыре года, онъ нашель у *Луизы* одно изъ моихъ писемъ, онъ готовъ на всякую крайность.

На разсвѣтѣ уѣзжаю въ Ахенъ; памъ увижу будущую жену свою.

Ахенъ, 26 Сентября.
Три часа по полудни.

Я еѣ видѣлъ. Она молодая, хорошенькая дѣвушка, съ прекрасными русыми волосами, милою, простосердечною улыбкою. Еѣ зовутъ *Фанни*.

Родители ея придали чрезвычайную важность нашему первому свиданію и представили меня моею невѣспѣ съ большою торжественностію.

Очень странно быть между людьми, которые нынче еще не были со мною знакомы, а завтра сдѣлаются моими братьями, сестрами, матерью, женою! . . .

Моею женою . . . любовницею, которая распочаетъ нѣжнѣйшія ласки; единственною женщиною, которую опнынѣ дозволяется мнѣ любить; вѣрнымъ другомъ какъ въ счастьи, такъ и въ напасти; соупницею, съ которою разлучить можетъ одна смерть!

До нынѣшняго дня я никогда не видѣлъ еѣ, а завтра она сдѣлается моею женою!

Ты расудипельнѣе меня; признаю превосходство пвогого разсудка надъ моимъ; ты любишь меня такъ, какъ только можно любить друга. Мнѣ нужно все это помнить, *Фридрихъ*, иначе она не была бы завтра моею женою.

10 часовъ вечера того же дня.

Сей часъ я имѣлъ съ нею продолжительный разговоръ. Ея понятія показались мнѣ болѣе основательными, нежели обширными; мысли ея Ангельски чисты, душа исполнена нѣжностію. Она получила опъ матери хорошее воспитаніе и выросла въ правилахъ бережливости.

Разговоръ съ нею принесъ мнѣ большую пользу. Такъ, мой другъ, я начинаю чувствовать, что ты правъ. Счастье тихое, мирное, однообразное, безъ малѣйшаго волненія; добрая жена, съ нѣжнымъ вниманіемъ предупре-

ждающая пвои желанія, всегда готовая встрѣ-
пить слова пвои милою, искреннею улыбкою;
нѣжная рука, приготовляющая и подающая
цѣлебное питье, когда ты болѣнъ... Это
не Луиза, это блаженство не идеальное, не
несбыточное, не такое, о какомъ я мечпалъ
нѣкогда, но блаженство дѣйствительное.

Такъ, разговоръ съ Фанни былъ для меня
полезенъ; улыбка ея упишила мое нестерпи-
мое волненіе.

Не ужь ли ты сказалъ правду, Фридрихъ?

27 Сентября.

Я спалъ, Фридрихъ, спалъ сладкимъ сномъ,
и проснулся съ бодростію, съ спокойствіемъ,
какое рѣдко чувствовалъ въ жизни. Мысль о
Фанни, этой прелестной дѣвушкѣ, не поки-
даетъ меня; она меня очаровала!

Я сей часъ опять её увижу, и потомъ уже
никогда съ нею не разстанусь, никогда! Бу-
ду ли я когда нибудь щасливъ? Правду ли
ты сказалъ, Фридрихъ?

Деять часовъ вечера.

Да, Фридрихъ, ты сказалъ правду; скоро
я буду щасливъ!

Такъ, до сихъ поръ я не искалъ щасія
памъ, гдѣ единственно можно найти его...
И, нечестивый, я осмѣливался говорить: нѣтъ
щасія!

Молодая жена, прекрасная и чистая, какъ
Ангель, ея невинныя ласки, неспощимая нѣж-
ность, и потомъ дѣти, которыя еще болѣе
укрѣпляютъ нашъ священный союзъ; дѣти, ко-
торыя своимъ нѣжнымъ голосомъ ознакомятъ
мой служъ, мою упоенную душу съ восхищи-
тельными именемъ: опца!

28 Сентября:

Шестъ часовъ ушра.

О Фридрихъ, Фридрихъ! я щасливъ, ща-
сливъ навсегда, и эпитъ щасіемъ я обя-
занъ себѣ.

Она одѣвается: мы идемъ гулять по здѣш-
нимъ пѣнистымъ окрестностямъ. Фрид-
рихъ! Фридрихъ! мы будемъ одни съ приро-
дою и ея возвышенными красотами; мы пе-
редадимъ другъ другу наши чувствованія
изглядомъ, улыбкою, пожатіемъ руки. Другъ

мой, постигаешь ли ты мое щасіе? Скажи
мнѣ, постигаешь ли ты его?

11 Октября.

Я лежу одинъ въ своей комнатѣ... Какой-
то тяжкій сонъ помнитъ меня... Ахъ, ко-
гда бы это былъ сонъ!...

Безумецъ! можетъ ли это и быть иначе;
подобное нещасіе невозможно, нѣтъ, нѣтъ!...

Мнѣ снился сонъ; представъ себѣ, что я
гулялъ съ молодою женою моею, съ Фанни.
Никогда, до того времени, не видывалъ я,
чтобы солнце восходило съ такимъ блескомъ,
потому что до того времени мнѣ не случалось
смотреть на восхожденіе солнца объ
руку съ Фанни.

Мы спояли на берегу рѣки; вдругъ вижу,
что по водѣ плыветъ что-то бѣлое. Сначала,
я не могъ ясно различить, что это такое;
всматриваюсь... Это было мертвое тѣло,
трупъ утопленницы... Луизы! —

О, какой сонъ! какой ужасный сонъ!

Не знаю, что я почувствовалъ въ эту ми-
нуту. Судорожное бшенство потрясло весь
составъ мой; глаза мои ничего болѣе не вида-
ли, въ ухахъ раздался какой-то опврапи-
тельный звонъ. Я схватилъ и сжалъ съ си-
лою, ожесточеніемъ первый попавшійся мнѣ
предметъ; но вдругъ, какое-то легкое бремя
опустилось ко мнѣ на грудь, и потомъ, съ
глухимъ шумомъ покапилось къ ногамъ моимъ.

Меня окружили съ спрашнымъ крикомъ; я
оборонялся опъ множества людей; наконецъ
меня связали и увели посреди безчисленной
толпы народа, и впереди меня понесли на
носилкахъ два мертвые тѣла: тѣла Луизы и
Фанни!

О, какой сонъ! какой ужасный сонъ!

Боже мой! Какое впечатлѣніе онъ произ-
велъ на меня! Смотрю въ зеркало и вижу
себя блѣднымъ, изсохшимъ!...

Вокругъ меня все въ беспорядкѣ, разбро-
сано, изломано; платье мое изорвано въ клочки.
Въ окнахъ моей комнаты желѣзные запо-
ры; на дверяхъ огромный замокъ.

Ахъ! это не сонъ, это не сонъ!...

Сер. Ил. Г—въ.

Л А С Т О Ч К А .

Могучій Орелъ парилъ подъ голубыми небесами, и вся земля любовалась величественнымъ его полѣпомъ.

«Ну, ты что?» сказалъ Червякъ вьющейся кругами Ласпочкѣ. «Что пивой полѣтъ передъ орлинымъ?»

— Правда! — отвѣчала Ласпочка, вслушавшись въ рѣчь червяка.—Но ты, ты всё ползаешь по землѣ. И отъ Ласпочки до Орла распояние гораздо меньше, нежели отъ Червяка до Ласпочки.

И. Пальминъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА ПОСТАНОВЛЕНІЕ

РОССІЙСКАГО ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕРБА

надъ Главнымъ зданіемъ Артиллеріи, въ С. Петербургѣ.

Полсвѣта облещьвъ, по небесамъ паря,
Онъ спалъ здѣсь въ высотахъ, чпобъ солнцемъ
любоваться (*),

И къ краю шучь прилежъ, гдѣ молніи родятся
Россійскаго Царя.

Дух—ской.

ПОЛЕЗНЫЙ СОВѢТЪ.

Ѣшь и пей, болтай, кривляйся
На здоровье хвастай, ври—
Только (чуръ не обижайся):
Ради Бога не оспри!
Ты оспришь несносно вяло,
Ты дубакъ, не Буало,
И коровъ не приспало

(*) Гербъ, представляющій золотого Орла и обращенный лицомъ къ сторонѣ Зимняго Императорскаго Дворца и постановленъ на зданіи Департаментна Артиллерійскаго, при коемъ состоятъ Арсеналь и мастерскія для дѣланія оружія и лищь разнаго рода орудій, поставленъ въ день восшествія на Престолъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА 20 Ноября 1852 года.

Борзой лошади сѣдло.
Погляди—смѣюся люди
И зовушь тебя—вралемъ;
Такъ прими, (для желчной груди),
Малый скромности пріемъ.

Л. Якубовичъ.

ПОСѢТИТЕЛЬ БЕРЕГОВЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

«Изъ какой вы земли
Принеслись, журавли,
Свившись вереницей дружной?»

— Мы съ холодныхъ полей
Черезъ цѣпи степей
Принеслись на берегъ южной.—

«Гдѣ тѣ хладны поля?
Гдѣ въ снѣгахъ та земля?
За какой она рѣкою?»

— Та земля далеко,
Между Волгой рѣкой
И Москвою и Десною.—

«Вы, друзья, припекли
Изъ родной моей земли;
Здѣсь я вчужь и безъ крова.»

«О, скажите же мнѣ
О родной споронѣ,
Объ опчизнѣ два-при слова.»

— Все по прежнему шамъ:
Въ зиму снѣгъ по полямъ,
Лѣтомъ золощаются нивы.

Люди пѣ-жь, какъ вездѣ,
Пригорюнясь въ бѣдѣ,
Разсмѣются въ дни щасливьи.—

Раугъ.

E N I G M E .

Faite d'étoffe ou de gaze légère,
Des modestes beautés je voile les appas.
Mais dans un autre sens, je suis une étrangère,
Qu'une ardente piété mène en d'autres climats.

Въ No 101, помѣщенная анаграмма значить: *Ахъ и ха.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Двумужница, или за чѣмъ пойдешь, то и найдешь, оригинальная романтическая драма въ двухъ частяхъ, раздѣленныхъ на пять суктокъ, въ прозѣ и стихахъ стариннаго Русскаго размѣра, соч. Князя А. А. *Шаховскаго*, съ принадлежащими къ ней хороводными, святочными играми и плясками.

(*Оногатиѣ.*)

Объ игрѣ акшѣровъ, декораціяхъ, костюмахъ и прочая.

Декорація, представляющая домъ купчихи *Маеры Арѣфьевны*, ничѣмъ не напоминаетъ внутренняго убранствѣ опдаленныхъ Россійскихъ городовъ въ половинѣ XVIII вѣка. Справесь — и увидите, что тогда не знали еще у насъ щекошурки, а обивали комнаты бумажными обоями яркихъ цвѣтовъ; складывали въ гостинныхъ изразцовыя печи на ножкахъ, съ изображеніями на изразцахъ звѣрей, птицъ, живописныхъ; ставили высокіе шкафы изъ краснаго дерева съ стѣклами — и уставляли оныя серебряными стопами, чарочками, ложками, чайниками, солонками, кабачками хрустальными.

Русская одежда, какъ это всегда бываетъ, прекрасна; *Маера Арѣфьевна* и сваха *Кузмишнина* одѣты почтъ въ почтъ, какъ за 80 лѣтъ хаживали мамушки-нянюшки, барскія барыни, сѣнныя замарѣлыя во дняхъ и не красныя дѣвушки; все это соблюсти не мудрено было; но картина разбойничьяго припона поразила зрителей своею новостью, точностью и разнообразіемъ костюмовъ, не выходившихъ за предѣлы истины. Справсь, и найдете въ народныхъ пѣсняхъ, въ старинныхъ Русскихъ сказкахъ, какъ

Ашаманъ сполъ въ нарядѣ,

Во коришневомъ кафтанѣ;

головы масляныя, узорчатыя; бороды чѣсаныя, мухорчатыя; усики выпые, бахромчатые; полукафтаны смурые бархатные, шляпы бурья поярковыя, кушаки шелковыя Бухарскіе, армяки Тапарскіе, рубахи красныя Александрійскія, рукавицы выросковыя съ золотою насѣчкою, шаровары полосатыя, сапоги съ мѣдными скобками, на рубахахъ запонки ал-

мазныя, на кафтанахъ пуговицы чистаго золопа, за поясомъ ножи булашныя, за рукавомъ киспени свинцовые, за плечами мушкетеры мепкіе, бѣрдыши тяжелые.

Пьеса обставлена прекрасно; разыграна, какъ нельзя желать лучше.

Г. *Брянскій* превосходилъ самаго себя и заслужилъ пальму первенства.

Г-жа *Ежова* поржеспвовала въ своей роли.

Г. *Васильевъ* оправдалъ въ роли купца Романа Пепровича *Юбра* доброе о немъ мнѣніе Пепербургской публики. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ первый разъ онъ игралъ несравненно лучше, нежели во второй и третій: у него было больше простодушія, приличнаго его соспоанію; онъ говорилъ спльно, не переходя въ прагическій тонъ, и избѣгалъ неумѣстныхъ здѣсь восклицаній.

Г-жа *Телешова* м. доказала, что танцовщицы, обучавшіяся въ теапральномъ училищѣ, не только масперичи танцовать, но умѣютъ и говорить, и чувспвовать. У г. *Петрова* и въ пѣсняхъ, и въ игрѣ зрители видѣли душу и дарованіе.

Г. *Афанасьевъ*, представляя стариннаго подъячаго, смѣшилъ публику, не вдаваясь въ фарсы и удерживая себя въ границахъ благоприспоиноспи.

Г. *Григорьевъ* б. сыгралъ слѣпаго-нищаго весьма хорошо, но могъ бы быть еще поразвизнѣ, выказавъ болѣ чувспвительности, болѣ участія къ злополучной *Грунѣ*.

Г. *Краюшкинъ*, молодой дебютантъ, подаетъ надежду, что въ немъ Русская пруппа получитъ еще одного хорошаго артиста. Онъ сыгралъ ролю *Иванушки* опчѣписто и съ тою простотою, которая не всѣмъ въ удѣлъ даѣтся: рассказывалъ о кулачномъ боѣ и о кладахъ съ непринужденностью и голосомъ, приличнымъ посадскому парню.

Гг. *Брянскій* и *Васильевъ* и госпожа *Телешова* каждый разъ были вызываемы, и удостоились громкихъ рукоплесканій благодарной за доспавленное ими удовольспвіе публики.

Замѣчанія о самой пьесѣ:

Прочитавъ въ Но 265, 266 и 267-мъ *Сверной Пчелы* благоордно, умно и, что всего

рѣже у насъ случается, съ доброжелательствомъ къ автору, написанную рецензію, я искренно пожелалъ, чпобы всѣ журналисты придерживались оной въ своихъ крипкахъ.

Неизвѣстный намъ рецензентъ Сѣв. Пчелы заключилъ оную слѣдующимъ сужденіемъ: «понъ разговора каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ выдержанъ вездѣ вѣрно и опчеписто. «Спихи Русскаго пѣсеннаго, или правильцѣе, «сказочнаго размѣра, безъ ръемъ, употребленныя въ жалобахъ *Романа Бобра* (ч. II, «супки 2-я), рассказъ Есаула *Дятла* и въ «сильной рѣчи *Башилыка* къ разбойникамъ («памъ же, супки 3-ья), запечатлѣны природою поэзіи Русскаго чловѣка, изливающейся «ся погда, когда что либо необыкновенное «выводитъ его изъ всендневнаго состоянія жизни. Такія стихопворныя выходки можно «подслушать въ *пригитаніяхъ* по покойникъ и «другихъ подобныхъ случаяхъ (*). Замѣнимъ «еще, продолжаетъ рецензентъ: что авторъ, «выдерживая поспоянно понъ рѣчей, слова «и выраженія простонародныя, умѣлъ ихъ «нѣкоторымъ образомъ облагородить, ни на «мину не ниспадая до пошлости. Даже въ «самыхъ буйныхъ сценахъ разбойниковъ щастливо избѣжалъ рѣзкаго, опвратительнаго, «визкаго. Онъ опдернулъ завѣсу на сей картинѣ, но благоразумно оставилъ въ пѣни «предметы, слишкомъ грубые, или оскорбляющіе чувство приличія. Зрители съ «сильнымъ, спрогимъ вкусомъ не могли найпичдѣсь ни одной привязки, не могли указать «на что нибудь *кабачное* (позволимъ себѣ это «выраженіе); и, между тѣмъ, свобода и живость, пребуемая опъ подобныхъ сценахъ, «нигда не были скованы вершгами принужденности.»

«Дѣя пѣсни *Башилыка* (въ супкахъ 1-й части и въ претѣхъ супкахъ впорой) весь «ма вѣрно опражаютъ въ себѣ поэзію простонародной Русской пѣсни. Пословицы, поговорки, игры и попѣхи—все это Русское, «все въ духѣ народномъ. Жизнь и движеніе, «господствующія въ сей драмѣ, весьма замѣчательны. Посему, она можетъ справедливо «назваться первымъ образцемъ испинно-Рус-

«ской драмы, въ которой не опспукая опъ «правдоподобія, предсавленъ бытъ и разви- «та жизнь Русскихъ людей простаго званія. «Жизнь сія нерѣдко полна поэзіи. Ошибаю- «ся тѣ, которые думаютъ, что въ простомъ «быту единомыцевъ нашихъ не встрѣпшишь «ничего, кромѣ всендневныхъ грубыхъ заботъ. «Жизнь горожанина едвали не должна опспу- «пить жизни селянина въ семь опношеніи.»

Все такъ; но не мѣшало бы однакожь поубавить поговорокъ и пословиць, которыя полными горстями рассыпаетъ сваха-*Кузминкина*; посокрапитъ, гораздо, гораздо посокрапитъ распянутую элегію *Романа Бобра* на увозъ жены его разбойниками: пѣса чрезъ это много бы выиграла. Сія элегія, или жалобница, прекрасно написана, разпрогиваетъ сердце, но опомптельна.

Почипая сіе произведеніе Князя *Шаховскаго образцель* испинно-Русской народной драмы, не можемъ назвать его *первымъ* образцемъ въ семь родѣ. Куда же причислимъ мы *Мгльыка*, сей спаршій въ Европѣ водѣвилъ, въ копоромъ схвачены съ рѣдкимъ искусствомъ черпы народности?

Трогательная, раздирающая душу зрителя драма *Рекрутскій наборъ*, развѣ не въ Русскомъ духѣ написана? Почтеннѣйшій рецензентъ запомпновалъ объ *Ильѣ Богатырѣ*, умномъ произведеніи писателя, копорый былъ бы Русскимъ *Мольеромъ*, есдибъ не былъ *Лафонтеномъ*; о *Федулѣ съ дѣтьми*, шупки царспвенной Жены, Которая мудрою десницею начертывала проэкты Новаго Уложенія, попрясала громами Стамбуль, Варшаву, Испаганъ, Спокгольмъ, писала комедіи и припѣвала: хемъ, хемъ, хемъ!— А *Семейство старичковыхъ* или за *Богомъ молитва*, а за *Царемъ служба не пропадаютъ*, соч. *Ф. Ф. Иванова*? А *Сбитеньщикъ*, опера *Б. Я. Княжнина*? А опера *Старинныя Святки*, опера *Ямъ*, комедіи *Бобыль*, *Мгльыкъ* и *Сбитеньщикъ соперники*, *Наталья Боларская дочь*? А *Юрій Милославскій* и *Рославлевъ*, пропзведенія одного автора съ *Двумужницею*?

За симъ, писавый, кланюсь.

Каленевъ.

(*) На сговорахъ, на сваябахъ.—К.

M O D E S.

Les étoffes de soie seront mieux portées cet hiver que les étoffes de laine: ces dernières seront laissées aux négligés; et, dans ce cas encore, les femmes très-élégantes leur préfèrent le velours de couleur foncée et les satins unis ou façonnés.

Toutes les couleurs tendres sont à rejeter pour les robes du matin: elles ne se retrouvent que dans les réunions du soir.

Une jolie forme de corsage, toujours de mode, est à draperie devant et à mantille derrière. Les nœuds de manche se portent encore. Souvent, à l'intérieur des corsages décolletés, on place une blonde haute d'une main, qui monte plate sur la poitrine.

Quant aux cols, aux pélerines et aux ruches de blonde, on les porte rigoureusement; le soir, avec les robes d'étoffe habillées ou demi-habillées.

Un joli chapeau du matin est en satin vert doublé de velours orange vif.

Une capote de velours paille doublée de velours orange avait une plume paille, teinte de manière que la couleur irisée se trouvait au petit bout d'extrémité d'une orange presque rouge.

Une seule plume doit retomber en avant, et non pas de côté ni en arrière.

Quand on place un bouquet de plumes sur le côté; il est bien de séparer le ruban, sans les confondre.

Point de blonde aux ornemens de chapeaux; seulement aux mentonnières, ou aux ruches et façon de bonnets.

Le velours noir s'allie bien aux satins ou aux velours de couleur claire.

La couleur cerise doit être très-pâle et d'un rouge un peu terne, point vif, ni éblouissant.

Les cols de manteaux se font presque tous à pointes.

Pl. No 35. Les derniers costumes.

M O Д Ы.

Шелковые материи будутъ болѣе въ употребленіи нынѣшней зимою, нежели шерстяныя: сіи послѣднія оставлены будутъ для плащевъ за-просто, и въ семь случаевъ также щеголихи предпочитаютъ имъ бархатъ тѣмныхъ цвѣтовъ и гладкіе или затканые апласы.

Всѣ тѣжныя цвѣта совсѣмъ не годятся для упренныхъ плащевъ: они видны только въ вечернихъ собраніяхъ.

Красивый покрой лица всегда въ модѣ, среди драпированъ, сзади манжилья. Банпы на рукавахъ еще въ употребленіи. Часто снизу открытаго лица поднимаютъ блонду, шириною въ ладонь, которая лежитъ вгладь на груди.

Что же касается до блондовыхъ воронничковъ, пелеренокъ и рюшей, то ихъ непременно надѣваютъ вечеромъ съ нарядными и полу-нарядными платьями.

Красивая упренная шляпка изъ зеленаго апласа подложена бархатомъ ярко-оранжеваго цвѣта.

Капотъ изъ бархата соломеннаго цвѣта подложенъ оранжевымъ бархатомъ, съ перомъ соломеннаго цвѣта, выкрашеннымъ такимъ образомъ, что радужный цвѣтъ находится на концѣ верхушки оранжеваго почти краснаго цвѣта.

Одно перо должно наклоняться напередъ, а ни на спору, ни назадъ.

Когда прикалываютъ букетъ перьевъ на спору, то хорошо ленты отдѣлить, а не смѣшивать вмѣстѣ.

Въ отдѣлкахъ шляпъ совсѣмъ не употребляютъ блонды, только около завязокъ, или рюшь, на маперъ чепчика.

Черный бархатъ очень идетъ къ апласамъ или бархатамъ свѣтлыхъ цвѣтовъ.

Алый цвѣтъ долженъ быть очень блѣденъ и немного тусклаго краснаваго цвѣта, не яркаго и не блестящаго.

Почти у всѣхъ плащей воронники дѣлаются съ зубцами.

Карп. No 36. Последніе щегольскіе костюмы.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходящъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 103.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 24 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Скатившись съ горной высоты,
Лежалъ на прахъ дубъ, перунами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющъ, кругомъ его обвитый....
О дружба! это ты.

Жуковский.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПО ДЬЯВОЛЬСКИ ПРОВЕДЕННЫЙ ДЕНЬ АНГЕЛА.

Тамъ цѣлый день разгульный пиръ;
Тамъ раздаются звуки трубы;
Звенящъ, гремящъ лишавры, бубны.

Баратынскій.

Въ 1811-мъ году, лѣпомъ, я часпо ѣзжалъ изъ Москвы въ Рязанскую свою деревню, и каждый разъ у переѣзда черезъ Москву-рѣку по живому мосту, въ пяши версахъ опъ села Оспровцовъ, выходилъ изъ коляски, взбирался на высокій *Мялковскій курганъ* любоваться бѣзпредѣльными, живописными видами церквей, деревень, ломки известковой плиты, гдѣ горы извести представляются издали бѣлокаменнымъ городомъ и свѣплюю рѣкою, прихотливо пзвивающеюся по зелѣной скаперти благовонныхъ луговъ.

На вершинѣ горы спояла церковь, въ которой совершалось поминовение по усопшихъ. И теперь еще осталась нѣсколько дикихъ камней, означающихъ мѣсто алпаря. На одномъ изъ нихъ вырѣзано имя Свяпаго, во имя котораго освященъ былъ сей храмъ.—Въ Мо-

сквѣ-рѣкъ нерѣдко находятъ древнее оружіе: бѣрдыши, кольчуги, копя.

Но знаете ли вы, что такое *Мялковскій курганъ*?

Изъ незнанія вашего, милоспивыя государины, я заключаю, что вы не читали прекраснаго спихопворенія на *Мялковскій курганъ*. Оно сочинено *Мерзляковыми*, и, чеспью божусь, спойпъ пого, чтобы вы его прочитали. А вы, милоспивые государи?... Тоже не вѣдаете? Изъ эпаго я вывожу, что васъ не было въ арміи Князя *Кутузова*, при опспуленіи оной по Коломенской дорогѣ и склоненіи потомъ на Тульскую и Калужскую до Тарупина, въ Септябрѣ 1812 года. Иначе вы бы зошли на сію высоту, взглянупъ на ужасную карпину Московскаго пожара; сердце ваше облилось бы кровью, а глаза слезами: вы бы никогда не забыли сего мѣсна, по красотѣ своей и бѣзъ пого замѣчательнаго.

Въ 30-пйи версахъ опъ старой сполитцы, по Коломенской дорогѣ, при самой переправѣ черезъ Москву-рѣку, на горѣ находипся преогромная насыпь, памятникъ бывшаго памъ побойца съ Татарами, опустошавшими Россію. Подъ сею насыпью похоронены Россіа-

не, сложившіе здѣсь главы за Вѣру, за Царя, за независимость Россіи. *Мѣсто свято есть!*

Однажды я, проѣзжая здѣсь въ ненастную погоду, полѣнился сойти съ горы пышкомъ, и дорого заплапиль за сію лѣнь. Ямскія лошади помчали, опрокинули коляску въ ровъ и расшибли мнѣ плечо. Прогуливавшійся пущъ въ дрожкахъ помѣщикъ, жившій въ полупорѣ верстѣ отсюда, поднялъ меня, посадилъ въ свой экипажъ, привѣзъ къ себѣ домой, осмотрѣлъ ушибъ, опыскалъ костопоправа и упротилъ меня прожить у него въ деревнѣ до выздоровленія.

Хозяинъ мой, съ коимъ время и благодарность меня сдружили, былъ молодой человекъ, холостой, опмѣнно образованный, съ хорошимъ состояніемъ, хорошей дворянской фамиліи; имѣлъ бы пріятную наружность, если-бъ не былъ кривъ лѣвымъ глазомъ; онъ правлся бы любезностью, если-бъ не былъ одержимъ глубокою грустью. Прогоспівъ у него около прехъ недѣль, я не замѣтилъ въ немъ ни одной изъ спрасней, управляющихъ на манеръ Алжирскаго Дея Русскими помѣщиками. Онъ держалъ двухъ учёныхъ лягавыхъ собакъ, а не двѣ соппи борзыхъ и гончихъ, шесть лошадей, а не шесть цуговъ; дворню его составляли: дворецкій, камердинеръ, кучеръ, фореиторъ, кухарка и ключница. Къ пущему удивленію моему, онъ совсѣмъ не бралъ карпъ въ руки, а занимался или спрѣльбою, или садомъ, который самъ развѣлъ, или скрипкою, на которой игралъ какъ *Бель*, какъ *Рагинскій*. Живучи въ 32-хъ верстахъ отъ Москвы, онъ четыре года въ неѣ не заглядывалъ; въ гости ѣзжалъ только къ роднымъ брапьямъ, имѣвшимъ усадьбу свою въ его сосѣдствѣ; къ себѣ принималъ только ихъ однихъ. Онъ никогда не имѣлъ ачности къ богатѣству; несчастныя обспоятельства — попушили въ немъ честную любіе, а смотрясь въ зеркало — и видя свое безобразіе — не пипалъ глупой надежды сдѣлаться щасливимъ опцемъ семейства. Ненависть къ себѣ и къ людямъ вырывалась у него иногда изъ сердца, пропівъ воли. Меня мучило желаніе узнать его исторію. Нѣскольке разъ я собирался просить его о томъ; слова оспанавливались на устахъ. Случай, безъ

всякой, съ моею спороны неумѣстной пыпльвости, опарылъ мнѣ оную. Меланхоликъ мой сидѣлъ возлѣ софы, на которой я лежалъ. Долго пересыпая, какъ говорится, изъ пустаго въ порожнее, перескакивая отъ спаросты *Меркула* къ *Наполеону* и изъ сельца *Лукощкина* въ *Парпжъ*, я спросилъ у него, отъ чего онъ въ споль молодыхъ лѣпахъ ведѣтъ жизнь опшельническую? Онъ вспыхнулъ, смѣшался, опуспилъ голову, но минутъ черезъ пять оправился и опвѣчалъ мнѣ, что въ военной службѣ, лишась глаза, онъ служилъ не можетъ, въ гражданской не хочетъ. — За чѣмъ вы не ѣздите въ столицу, не ищите разсѣянія, удовольствій, убѣгаете общества людей? — «Отъ увѣренности, что никто не захочетъ свести со мною пріязни, что всѣ спанутъ указывать на меня пальцами.» — Вамъ только 23 года — и вы успѣли укоренить такъ глубоко ненависть къ человечеству! — «Вы принимаете за ненависть чувство стыда, сознание собспвеннаго ничтожества. Знайте же, милоспивый государь, что я негодаю, что я заклею печатью опверженія. Была пора, когда и я спроилъ воздушные замки, влюблялся, волочилъ, панцовалъ отъ зари до зари, сочинялъ вальсы, романсы — и разыгрывалъ ихъ въ кругу дамъ, восхищавшихся моимъ паланпомъ; меня любили, пощипали, опыскивали. Въ одинъ день я всего лишился!» — Въ одинъ день! Какъ это возможно? —

«Въ одинъ день, и еще въ день моего Ангела и на 19-мъ году жизни. Я вспушилъ въ —скій гусарскій полкъ. Онъ споялъ въ —овѣ, гдѣ опецъ мой, за шесть лѣтъ предъ пѣмъ, занималъ должность Влце-Губернапора. Я былъ обласканъ цѣлымъ городомъ, любимъ офицерами, понялъ службу и служилъ усердно. Черезъ полгода меня предспавили въ офицеры; я заказалъ себѣ мундиръ — и заранѣе восхищался, воображая, какъ буду рисоваться предъ —ими красавицами. Я тогда не былъ кривъ, не горбился, какъ нынѣ подъ бременемъ несчастій и не имѣлъ какъ шеперь могольнаго цвѣта лица; румянецъ игралъ у меня во всю щѣку — и я смотрѣлъ женихомъ, какъ пребовалъ эпого отъ солдата великій *Суворовъ*.

«Приказъ о производствѣ моемъ въ Корнетъ полученъ 26-го Августа, но Бригадный Командиръ, сослуживецъ отца моего, поздравилъ меня на канунъ именинъ моихъ—и 30-е Августа я, въ первый разъ, надѣлъ Офицерскіе эполеты и шляпу съ бѣлымъ перомъ.

«Запянувшись хватски въ парадный мундиръ, я пошелъ на Соколиную гору полюбоваться Волгою, а потомъ хотѣлъ отправиться въ Соборъ къ обѣднѣ. Было 9-ть часовъ и $\frac{5}{4}$, по естѣ, оставалось четверть часа до литургіи. На колокольнѣ уже гудѣлъ большой колоколъ, когда я проходилъ мимо кварширы соученика моего, сослуживца и добраго пріятеля, Ивана Антоновича *Верейскаго*. Я завернулъ къ нему поздравить съ именинами его брата. Онъ былъ лихой гусарь и въ рубкѣ, и въ попойкѣ: любилъ погулять, поѣсть, повеселиться, и объ немъ грѣшно было сказать, что у него на умѣ

Жомини, да Жомини,

А объ водкѣ ни полслова.

«Въ его словарь находилось до ста словъ—для хмѣльныхъ напитоковъ, и небольше полуслова—для названія всѣхъ наукъ вообще. Я, за годъ только спущенный съ ученической лавки Московскаго благороднаго пансіона, непосвященный въ бахусовы таинства, не ожидалъ, что бы въ праздникъ, до обѣда, можно было пить Шампанское; однакожь, мой Ротмистръ закричалъ: Шампанскаго! И въ одинъ мигъ проворный деньщикъ его, поставя на столъ подносъ съ огромными покалами, держалъ уже вонзенный въ пробку штопоръ. Вино запѣнилось бисеромъ. Въ гостяхъ у Ротмистра, кромѣ меня, было два нашихъ офицера. Они взяли налитые покала, хозяинъ по же. Можно ли было опговориться гусарскому, нововыпечанному Корнету? Онъ бы навѣки опозорилъ себя передъ поварищами. И такъ, я взялъ покаль—и хотѣлъ выпить здоровье брата моего Ротмистра; но онъ, поднявъ къверху свой покаль, провозгласилъ постъ Августѣйшаго Именинника—Государя Императора Александра Павловича. Мы всѣ, чокнувшись покалами, громко закричали: ура! осушили ихъ до дна—и опрокинули ихъ себѣ на головы. Новая пробка ударила въ пополокъ,

вино заискрѣлось, и я опять порывался было пить здоровье хозяйскаго брата.—«Нѣтъ, поварищи, если вы хотите меня побаловатьъ, по пожелаемъ щастія другу моему—*Саша Бекреневу*; онъ мнѣ дороже роднаго брата!»

Le sort fait les parents, le choix fait les amis!

«Мы съ нимъ вмѣстѣ выпянули Французскіе походы 1806 и 1807 года; дѣлились послѣднимъ кускомъ хлѣба, послѣднею картофельною; рубились бокъ о бокъ. Когда, подѣ Фридландомъ, лошадь подо мною была убиена и самъ я раненъ въ ногу: онъ на своихъ рукахъ вынесъ меня изъ пыла бѣгвы, на своемъ конѣ перевѣзъ вплавъ черезъ Нѣманъ, нашѣлъ тѣплую избу, припачилъ лекаря, который вырѣзалъ у меня изъ икры пулю; проспживалъ надо мною ночи; продалъ послѣдніе часы свои, что бы дославить мнѣ больному здоровую пищу и вещи необходимыя.»—Послѣ сей красноръчивой рѣчи, въ продолженіе которой не разъ на глазахъ нашихъ навѣртывались слѣзы и скапываясь, сверкали на усахъ,—спрашиваю у васъ: не подло ли было бы мнѣ молокоосу опказаться опъ моего покала? Не показало ли бы это чѣрспвой души моей? Я выпилъ здоровье храбраго офицера, великодушно подвергавшаго жизнь за своего сослуживца. Тутъ вошелъ Маіоръ *Рубцовъ*, первый рубака во всѣмъ полку, храбрый какъ его сабля и записной жрецъ *Бахуса*. Поздравивъ Ротмистра съ именинами его брата и услышавъ, что мы собираемся пить его здоровье, Маіоръ побѣжалъ въ буфетъ, схватилъ крышку съ серебряной миски, велѣлъ слугѣ наливать въ неѣ вино, котораго вошло ровно двѣ бутылки, и не опнимая опъ рта, опорожнилъ еѣ, вскричавъ: «такъ надо желать здоровья лихому Полковнику!» Я и другіе госпи выпили по обыкновенному покалу. Съ непривычки, я почувствовалъ, что у меня въ головѣ шумитъ—и хотѣлъ было ускользнуть украдкой. Не думъ-то было! Ворота заперли—и у всѣхъ дверей разспавлены часовые, что бы никого не выпускали изъ кварширы. Я успѣлъ однакожь за рубль серебра упросить дворника сбѣгать ко мнѣ и велѣть пріѣхать за мною экипажу.

«Между пѣмъ, явился на споль завтракъ; бушылки спали подавапъ чаще и, когда перепили здоровья всѣхъ *Александровъ* — опъ *Александра Македонскаго* — до *Александра Пушкина*, *Маіоръ Рубцовъ* придумалъ пипъ поспы за всѣхъ пригоженькихъ *Александръ*, *Александринъ* и *Алинъ*, жившихъ въ городѣ — овъ. Я чувспвовалъ, чпо обопьюсь, если буду равняпъся съ сими посѣдѣвшими за чашей усачами, и крайне обрадовался, увидя подѣхавшую къ крыльцу свою коляску. Ничего не разбирая, я вышелъ въ угольную комнату, раскрылъ окно—и выпрыгнулъ на улицу. Я бы могъ сломипъ себѣ шею, и это было бы прекрасно; но эпаго не случилось: судьба, какъ палачъ, берегла меня для жесточайшихъ пыпокъ.

«Я вскочилъ въ коляску—и велѣлъ скакапъ къ Полковому Командиру. Лицо мое было красно, какъ вареный ракъ, когда я вошелъ въ его залу. Къ моему щаспью—онъ уѣхалъ къ обѣднѣ; но племянникъ его, пакже какъ я, Корнепъ нашего полка и полковой Адъютанпъ, видѣли, какъ я шатался, идя по командпъ, видѣли красную рожу мою.

«Спѣша заспапъ обѣдню, но совѣспяся показатъ глаза въ Соборъ, я пуспился въ церковь *Екатерины* мученицы, уединенно-споящую на концѣ Солдапской слободы; но служба уже опошла—и разряженные молепщики пѣспрыми толпами возвращались домой.

«Мѣспто пого, чпобъ ѣхатъ и мнѣ восвосяи и лечъ проспаться, нелѣгкая понесла меня къ Бригадному Командиру, у котораго была хорошенъкая дочка.

«Генерала не было дома, я велѣлъ доложипъ о себѣ Генеральшѣ: она приняла меня. Краска въ лицѣ моемъ исчезла, мѣспто ея заняла смерпелная блѣдность. Всѣ удивились; начали спрашиватъ меня: не болѣнъ ли я? предлагали понюхатъ Eau de Cologne, принятъ Гофманскихъ капелъ.—Послѣднее было бы для меня спасптельно, но я опказался... Голова моя кружилась... я чувспвовалъ пошнопту... и вдругъ, вскоча какъ сумасшедшій, побѣжалъ въ переднюю... но не успѣлъ сойти съ крыльца, какъ природа опдала назадъ все излишне выпипое. Подвезли коляску, и съ пособіемъ

Генеральскихъ слугъ коѣ-какъ усадили меня въ оную. Проѣзжая мимо оконъ, я очень вняпно слышалъ восклицаніе: quel cochon! Хмѣль выскочилъ изъ головы; мѣспто его заняла досада; я разрывался—и въ безпамятспвѣ закричалъ кучеру: спупай къ *Верейскому*. Черезъ десять мпнупъ я былъ уже у него: синій дымъ опъ прубокъ едва дозволялъ различатъ предметы; въ госпной я насчппалъ человекъ пяпнадапъ вокругъ раскинутыхъ ломберныхъ столовъ. Хозяинъ съ компанією мепалъ банкъ; вокругъ него разсыпаны были кучи червонцевъ, пуки ассигнацій. Желая чѣмъ ппбудь заглушипъ совѣспъ свою, зажатъ ротъ громко вопіющей чеспы, я схватилъ колоду карпъ и пуспился пункпироватъ съ опчаяніемъ человекъ, котораго черезъ часъ поведупъ на висѣлицу.

«Я проптралъ всѣ свои наличныя деньги, ча-сы, коляску, лошадей и 50 п. рублей на вексель. Совершенно поперявъ упопреленіе разсудка, взбѣшенный, я поссорился за игрою съ своимъ Шпабъ-Ропмиспромъ и далъ ему пощѣчину; онъ вызвалъ меня на дуэль. Мы вышли въ садъ, рубились не на живопъ, а на смерть: я въ семи мѣсптахъ изрубилъ ему лѣвую руку, а онъ пропкнулъ мнѣ глазъ концемъ сабли. Я упалъ, облипый кровью, и былъ опнесенъ домой умпрающимъ. У меня сдѣмалась нервическая горячка; я пролежалъ два мѣспца въ постель, между жизнью и смерпью, и не прежде половины Ноября началъ коѣ-какъ бродипъ по командпъ. Въ Декабрь я могъ уже вызжатъ полковой Командиръ, свѣдавъ о семъ, прислалъ Адъютанта сказатъ мнѣ, чпобъ я подавалъ въ опспавку. Я исполнилъ его и собспвенное свое желаніе, а въ ожиданіи, послалъ довѣренность зяпю на продажу моей родовой деревни въ Тульской губерніи. Скоро нашелся покущпкъ, совершена купчая, я расплапился съ Ропмиспромъ и другими заимодавцами—и съ бѣднымъ оспапкомъ опъ 80 п. рублей уѣхалъ въ Сареппу, гдѣ прожилъ два года въ самомъ глубокомъ уединеніи.

«Это село досталось мнѣ въ наслѣдспво послѣ родной пѣпки моей. Соспояніе мое поправилось; но глазъ и доброе имя навсегда поперяны.»

До глубины души пронуло меня несчастное положеніе моего добродушнаго хозяина. Я прожилъ у него еще послѣ его исповѣди съ недѣлю, придумывая средства возврапитъ ему пакн-бытіе и чеспъ, но не могъ ничего придумать.

Великія событія 1812, 1813 и 1814 годовъ испребли его изъ моей памяти, но не изъ сердца. Лѣтомъ 1816 года я встрѣтился съ нимъ въ Черниговѣ у Генерала —ова. Онъ былъ уже Маіоромъ и, кромѣ множества другихъ крестовъ и медалей, имѣлъ въ петличкѣ Георгія за взятіе съ боя пушекъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, и два глубокихъ на лѣвой щекѣ почетныхъ рубца, которые, какъ будто лаврами прикрывали безчестную поперю глаза.

Мы съ нимъ обнялись, какъ родные братья, поцѣловались, какъ любовники. За обѣдомъ, я разсказалъ Генералу благородный поступокъ Маіора, и, такимъ образомъ, облегчилъ сердце. Онъ, въ свою очередь, сообщилъ мнѣ, что онъ щасливо женатъ и имѣетъ двухъ дѣточекъ; что полкъ его спойтъ въ Александріи, уѣздномъ городѣ Херсонской губерніи, и что онъ совершенно щасливъ.

Мы условились съ нимъ ѣхать вмѣстѣ до Кіева, гдѣ и разсались. Онъ поѣхалъ къ своему полку, а я—гулялъ въ чудотворныхъ садахъ Софіївки.

А. Кораблинскій.

1832, Іюля 26.
С. Токсово.

К О Ё - Ч Т О .

Одинъ досужій математикъ, любитель альманачной литературы, вычислилъ, что еслибъ собрать всѣ календарики и альманахи, до 1-го Января 1832 года въ Европѣ изданные, и употребить ихъ вмѣсто кирпича на постройку города: то вышелъ бы другой Парижъ, а *Клауденскили* (*Vergiss mein nicht*) можно бы вымостить улицы эпои новой столицы модъ, какъ Невскій проспектъ деревянными шестипугольниками.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЕНЬ ЗНАТНОЙ ДѢВИЦЫ ВЪ XV СТОЛѢТІИ.

Предлагаемый опривокъ изъ журнала Елисаветы *Вудвилль*, веденнаго ею до замужства съ Сиромъ Джономъ *Гресль*, взяты изъ одной старинной рукописи, найденной въ замкѣ Друмондскомъ. Это весьма любопытное изображеніе погдашнихъ нравовъ. Елисавета *Вудвилль*, по смерти Джона *Грел*, вышла въ 1465 году за *Эдуарда IV*. Когда же на престолъ Англійскій вступилъ *Генрихъ IV*: то она была сослана въ монастырь Бермондзейскій, гдѣ и кончила жизнь свою. Тѣло ея, однакожъ, погребено въ Виндзорѣ.

« Понедѣльникъ, 9 Марта. Вспала въ 4 часа и помогала *Катеринъ* доить коровъ, попому что *Рахиль*, другая скопница, очень больно обожгла себя вчера правую руку. Послѣ того приготовила для *Рахили* лекарство и послала *Робина* взять у аптекаря на одинъ пенни пластыря для эпои бѣдной женщины.

Шестъ часовъ. Говядина слишкомъ переварилась, а пиво имѣло непріятный вкусъ. *Метогандитъ*: сказать повару, чтобы онъ былъ исправнѣе, и смѣшать боченокъ спараго пива съ новымъ.

Семь часовъ. Гуляла съ мапушкою по двору. Велѣла накормить двадцать человекъ муштинъ и женщинъ, и побранила *Рожера* за то, что онъ очень нерадиво исполняетъ свою должность.

Восемь часовъ. Сходила съ служанкою *Доротеею* въ конюшню, и объѣхала верхомъ на Тумпѣ, маленькой лошаdkъ моей, миль шесть по окрестностямъ, безъ узды и безъ сѣдла.

Десять часовъ. Обѣдала. Джонъ *Грей*—молодой человекъ; очень любезный; но какая мнѣ до того нужда? Добродѣтельная дѣвица должна во всемъ полагаться на свдихъ родителей и во всемъ имъ повиноваться. *Джонъ* мало ѣлъ; онъ часно бросалъ на меня нѣжные взгляды, и сказалъ мнѣ: женщинамъ, не одареннымъ добрымъ нравомъ, никакъ бы не слѣдовало быть пригожими.—«Кажется, мой нравъ довольно сношенъ; на него никто не жалуется, кромѣ нашего слуги *Рожера*; но

онъ лѣнивѣе всѣхъ въ домѣ. Джонъ *Грей* любилъ близку зубовъ, а у меня, сколько я могу судить, зубы прекрасныя; волосы мои черны, какъ смоль; по крайней мѣрѣ, Джонъ, если я не ошибаюсь, пого же мнѣнія.»

Одиннадцать часовъ. Вспали изъ за спола; гостямъ вздумалось прогуляться въ полѣ. Джонъ *Грей* не опходилъ отъ меня во всю дорогу, и два раза пожалъ мнѣ руку очень крѣпко. Не могу сказать, чпобы я видалась съ Джономъ безъ удовольствія. Онъ бѣгаетъ въ запуски лучше всѣхъ дворянъ въ цѣломъ Графствѣ, и по Воскресеньямъ всегда бываетъ въ церкви.

Три часа. Загорѣлся домъ мызника *Робинзона*. Джонъ *Грей* поспѣхъ открылъ подписку для этаго бѣдняка, и великодушно пожертвовалъ чепыре фунта сперлинговъ. *Memorandum:* никогда онъ не казался мнѣ такъ хорошъ, какъ въ эту минуту.

Четыре часа. Молились.

Шесть часовъ. Кормила свиней и дворовую птицу.

Семь часовъ. Собрали ужинать; но нещастіе, случившееся съ мызникомъ *Робинзономъ*, заставило насъ сѣсть за столъ позднѣе обыкновеннаго. *Memorandum:* пирогъ съ дичиною слишкомъ долго былъ въ печи, а поросенокъ немного подгорѣлъ.

Девять часовъ. Начали засыпать. Последніе часы вечера прошли довольно скучно. Я помолчалась въ другой разъ потому, чпо въ первый мнѣ мѣшалъ Джонъ *Грей*; легла и заснула, мечтая объ этомъ прекрасномъ молодомъ человѣкѣ.»

ПОСЕЛЯНКА.

Ей было шестнадцать лѣтъ; длинныя черныя рѣсницы ея осыпали прелестныя глаза; простое пологинное платье выказывало всю стройность ея спана. Её скоро замѣтили.

Ей сказали: ты любима; она покраснѣла, и эта краска была ея признаніемъ.

Прошелъ годъ, и судьба ея совершенно измѣнилась!— Она покинула свою деревушку и пресварьлаго опца; скромная одежда ея смѣнилась пышнымъ нарядомъ; она ознакомилась съ гуляньями, балами, спектаклями. Тотъ, кто въ первый разъ пронулъ ея сердце, давно уже былъ забытъ ею.

Щастіе продолжаетъ ей благопріятствовать; она слѣдуетъ модѣ, самой изысканной; роскошь, самая упоѣченная, едва удовлетворяетъ склонности ея къ распочительности. Вельможи и богачи способствовали украшенію ея роскошныхъ черпоговъ.

Въ обществахъ занимаютъ одною ею, ожидаютъ одну её. Ея появленіе производитъ общее удовольствіе.

И въ продолженіе этаго времени ни одного взгляда на прошедшее, ни одного воспоминанія, ни одного благодѣанія! Семейство, поварихи ея дѣтства, мѣсто рожденія—ни однажды не заняли ея мыслей. Наслажденіе! Вотъ вся цѣль ея жизни.

Въ одинъ вечеръ, послѣ пышнаго объда, ей напомнили, чпо въ самый поспѣхъ день даютъ новую оперу, въ которой будетъ пѣть славная *Прима-донна*. Весь Парижъ нахлынетъ въ театръ; только десять часовъ, можно еще успѣть... Чпо за дѣло до оперы, до пѣвицы!... Показаться на минуту въ театръ, вотъ главное.

Она велитъ подвезти карету и приказываетъ кучеру скакать во весь опоръ... Помчались.

При поворотѣ въ одну улицу, блестящій экипажъ наскочилъ на бѣдняка, смиренно возвращавшагося въ свой уголокъ. На крикъ нещастнаго сбѣгается народъ; лошадей останавливаютъ, поднимаютъ спарика—онъ едва дышетъ... Общее негодование чрезвычайно... Горсть червонцевъ зажимаетъ ротъ недовольнымъ. Она опускаетъ стекло, высовываетъ голову... Въ эту минуту, нещастный спарикъ испускаетъ въ послѣдній разъ жалобный стонъ и умираетъ. Свѣтъ фонарей освѣщаетъ окровавленное лице его... Она его узнала... Это былъ ея отецъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЖИЗНЬ ПРИКАЗНЫХЪ.

Первый.

Хвалю Суды, люблю Приказы,
Регистрашуру и Журналь,
Въ проэкпахъ громкіе Указы...
Тупъ и здоровъ и капиталъ
Копился, въ годы, по немножку;
Топчи одну и шу-жь дорожку
Съ кварширки скромненькой въ Приказъ;
Тяни по отдѣлу пожку,
Пиши по справкамъ безъ прикрасъ;
Работай все въ урочный часъ,
И попихоньку, разъ за разъ,
Распи въ чинахъ и въ домоводствѣ...
А если въ дѣлопроизводствѣ
Двойная ссылка, тѣмный смѣсль,
Тупъ не шеряй расчепныхъ числъ.
Когда нельзя намъ жить, чѣмъ должно,
То проживаемъ мы, чѣмъ можно,
Форшуну ладимъ какъ нибудь:
Сначала пѣсный уголочекъ
На Петербургской гдѣ нибудь,
А памъ и домикъ и садочекъ
На Оспрову... Ленивъ не будь—
И шы, рабочій многолѣшникъ,
Ассесоръ будешь и Совѣшникъ,
И заслуженный дворянинъ!
Живешь и сыто и по волѣ!
И ищанинъ шебъ не брантъ!
Тебъ какой же жизни болѣ?
Я право бышь Приказнымъ радъ!

Второй.

Всѣ пакъ; но не люблю Судовъ,
Ни дѣль, ни няжебъ, ни крючковъ...
Пусть ваши люди дѣловые,
Какъ въ биржахъ кипы гуршова,я,
Теребяшь лучшья дѣла:
Ихъ многознанію—хвала!
Пускай кричашъ о нихъ Приказы;
Но и у нихъ не безъ проказы
И: «Я-бѣда!» кричишь она!
Но кто-жь сочтешъ еѣ бѣдою?
«Что-жь, намъ величье жить водою,

Да хлѣбомъ, и, съ перомъ безъ сна
Сидѣшь изъ дружбы къ правдѣ даромъ?—
Ну, нѣшь! мы любимъ правду съ жаромъ;
Однако-жь, право, съ ней одной,
Безъ вѣрной прибыли дневной,
Коль не рискуешь на обманы,
(Извѣстно эпо всѣмъ давно!)
И пѣсно живишь и холодно,
И будуще пусты всѣ карманы!—
Вотъ пакъ, по дружески, Приказный говоришь,
И сердце у меня къ Приказамъ не лежишь.

Первый.

Нѣшь, люди и межъ ними ешь!
Они, какъ душу, любяшь честь:
На правдѣ, какъ на камнѣ, стойки,
И на перѣ и въ дѣлѣ бойки;
Для нихъ компасъ—одинъ законъ,
Въ пучинѣ каверзовъ и сплешней;
Имъ долгъ милѣй, чѣмъ хлѣбъ и сонъ;
И часпо въ службѣ многолѣшней
Приказный чисишь—и до шого,
Что живъ пока, шо кой-какъ длился,
А шолько съ ногъ на сполѣ свалился—
И нечѣмъ схоронишь его!
Мы въ свѣтъ идемъ съ запасомъ разнымъ:
За чѣмъ не бышь мнѣ и Приказнымъ?...
О. Глинка.

РАКЕТА.

Взвилася огненной спруей,
Змѣей гремучей зашипѣла.
Ударъ; разсыпчатой звѣздой,
Блеснувъ на шверди голубой,
На землю прахомъ визлепѣла
Съ эфирной высоты.
Не пакъ ли, человекъ, и шы,
Занявъ лучъ жизни опъ Природы,
Алкаешь выпренней свободы,
Душой спремишься въ Небеса....
Но мигъ одинъ—пиволя краса
Исчезла въ вѣчности, пропала,
И здѣсь—шебя какъ не бывало.

Н. Савурскій.

Ш А Р А Д А.

Мое *начальное* не счётъ, не мѣра, — вѣсь.

Мое *последнее* по льпописямъ мѣра,

Во время Дарія и Кира...

Вопшъ чѣрть куда занесть!

Служило именемъ рѣки должайшей въ свѣтѣ.

А *цѣлаго* уже нигдѣ нѣтъ на примѣтѣ.

Его любили спарики,

Когда носили парики,

Съ большими буклями на балахъ щеголяли —

И головы свои мукдою посыпали.

III.

Въ No 102, помѣщенная загадка значить: *Pélerine*.

M O D E S.

Un joli ensemble de toilette est un chapeau de velours ramoneur doublé de vert pomme; une plume ramoneur posée en avant; une robe de satin noir, un manteau de cachemire fond gros-vert très-foncé à ramage turcs.

Une robe de velours écureuil, un châle de cachemire gros-bleu, un boa, un chapeau de satin bleu-ciel doublé à l'intérieur de velours pareil, des souliers de satin noir.

Pour le soir, le satin vert anglais est d'un éclat brillant. Une femme brune, à laquelle son teint permettait de porter cette couleur, avait une robe décolletée, un fichu-châle garnissant le corsage en tombant sur les épaules, et passant en pointe sous la ceinture, découvrant la poitrine et garni de blonde tout autour; une broche en or, découpée à jour, incrustée de nicolos, attachait ce fichu un peu bas; dans ses cheveux étaient un nœud sans pans, en gaze vert anglais; une écharpe de mousseline égyptienne, abricot très-pâle; des boucles d'oreilles et des bracelets semblables à l'épingle.

Une robe de mousseline de laine ponceau, venant de Barrège, était portée sur une jupe de satin ponceau, faite à corsage drapé, des manches longues; une élégante coiffure en cheveux sans ornemens. Pour parure, des perles; le collier était un seul gang très-gros.

Les calottes de chapeaux, habillées, sont assez élevées et presque droites.

Sur le satin blanc ou de couleur tendre, les oreilles d'ours sont très-bien.

Un chapeau de satin gris doublé de velours vert est de bon goût.

Le velours noir doublé de violet est aussi fort distingué.

Le satin doublé de velours se porte beaucoup.

М О Д Ы.

Красивый полный нарядъ: бархатная шляпка, цвѣта *ramoneur*, подложена свѣтло-зеленымъ, перо цвѣта *ramoneur* прищиплено спереди; черное апласное платье; Кашемировый плащъ, по груншу чѣрно-зелѣнаго цвѣта Турецкіе разводы.

Бархатное платье цвѣта *écureuil*, Кашемировая синяя шаль, хвосты, апласная шляпка небесно-голубаго цвѣта, подложенная такимъ же бархатомъ, черные апласные башмаки.

Для вечера, зелѣный (*vert anglais*) апласъ имѣетъ чрезвычайно блестящій видъ. Одна черноволосая дама, которой цвѣтъ лица ея позволялъ надѣсть эпощъ цвѣтъ, была въ такомъ платьѣ съ опкрывшимъ лифомъ; косыночка — шалью прикрывала лифъ, спущенная до плечъ и положенная мыскомъ подъ поясъ, не закрывая груди, обшита вокругъ блондою; золотая булавка, вырѣзанная рѣшетками, обдѣланная *nicolos*, прихватывала косыночку сію немного къ низу; въ волосахъ былъ бантъ безъ концевъ изъ зелѣнаго газа; шарфъ изъ Египетской кисеи, блѣдно-абрикосоваго цвѣта; серги и браслеты на подобіе булавки.

Платье изъ пунцовой шерстяной кисеи, присланное изъ Барежа, надѣто было на пунцовую апласную юбку; лифъ драпированный, рукава длинные; щеголевакая прическа изъ волосъ безъ украшеній. Уборъ изъ бусъ на шеѣ въ одинъ рядъ, весьма крупныхъ.

Тулки у нарядныхъ шляпъ довольно высоки и почти прямыя.

На бѣломъ апласѣ, или какомъ нѣжномъ цвѣтѣ, медвѣжьи ушки очень красивы.

Дикая апласная шляпка, подложенная зеленымъ бархатомъ, въ хорошемъ вкусѣ.

Черный бархатъ, подложенный фиолетовымъ, также весьма оплочно.

Апласъ, подложенный бархатомъ, въ большомъ употребленіи.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средамъ и

Субботамъ

№ 104.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 н.о. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 28 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Внѣхъ волчью вану я давно нашуру знаю;
А пошому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ слявши шкуру съ нихъ долой.

Кривош.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ТРИДЦАТИЛѢТНІЙ ПРОМЕЖУТОКЪ ВРЕМЕНИ.

Прошли тѣ годы, какъ любилъ
Такимъ манеромъ въ свѣтѣ жить.

Князь Долгорукий.

На дняхъ навѣспилъ я спарика Павла Николаевича *Чеботиева*. Это было по упру часу во впоромъ. Я нашелъ его обкладеннаго пепрадами разнаго вида и формапа, громко хохочущаго. «Знаешь ли, что я дѣлаю и чѣму такъ смѣюсь?» закричалъ онъ мнѣ, завидя меня еще издали.—Очень любопытенъ знашь, что могло распопѣшить такого холонокровнаго, какъ вы, человекка?—«Съ шестнадцатилѣтняго возраста я веду свой журналъ; ни въ болѣзняхъ, ни въ походахъ не пропуспилъ ни одного дня, чптобы не записалъ со мною случившагоса. Ты не повѣришь, какое чувспвую наслажденіе, просмапривая дневникъ моей жизни, не важный для другихъ, но для меня чрезвычайно занимапельный. Онъ припоминаеть мнѣ мой спаринныа знакомспва, дружбу, любовныа связи, оспуду, ссо-ры, дуэли, шалосни, проказы молодоспи. Я не всегда былъ такъ спепененъ, такъ холонокровенъ, какъ теперь. Нынче пришло мнѣ

въ голову слпчить съ вчерашнимъ 27-мъ Декабря—27-е же число 1794 года, опдѣленное тридцатилѣтнимъ промежуткомъ опъ перваго.»—Если вы имѣете ко мнѣ довѣренность, то прочтите мнѣ эти два листка; сблизеніе двухъ супокъ: однихъ—двадцатипятилѣтняго вѣпреника, другихъ—пятидесятипятилѣтняго спарца, чрезвычайно любопытно.

И онъ прочѣлъ мнѣ:

«27-е Декабря 1794 года. Москва. Мой камердинеръ наслу добудился меня. Я воропился вчера домой въ чепыре часа упра, а сегодня учпвоспть требовала представипсья Главнокомандующему въ Москвѣ, Князю Александру Александровичу *Прозоровскому*. Полусоннаго меня завивали, чесали, пудрили. Я въ первый разъ еще прѣхалъ въ Москву, съ пѣхъ поръ, какъ произведенъ въ офицеры гвардіи. Бапошка меня балуетъ; мапушка и сеспры не наглядятся. Они вспали прежде меня, чптобъ полюбоваться на мой блестящій Конногвардейскій мундиръ, блестящій въ полномъ смыслѣ сего слова: онъ свѣпмоспній однокорпный, выложенъ широкимъ золопымъ галуномъ, съ городжками по воропнику, обшлагамъ, поламъ, спереди, сзади; камзомъ залпшъ золопомъ до того, что алаго сукна со-

всѣмъ почпи не видно; шарфъ и пемлякъ золотые съ бипью и чернымъ шелкомъ. Запнувшись въ мундиръ, я пошелъ къ бапюшкѣ и мапушкѣ, поцѣловалъ у нихъ ручки, обнялъ сестёръ—и едва успѣлъ выпить чашку чаю, какъ подвезли мой щегольской экипажъ. Карета сдѣлана на заказъ, заплачена 600 рублей; чепвѣрка соловопѣгихъ въ наборныхъ сплошь хомупахъ съ подвѣсками; кучера въ красныхъ кафпанахъ изъ Англійскаго сукна по 5 рублей аршинъ, выложены по поясъ въ при ряда, а по правой полѣ и подолу въ одинъ рядъ широкимъ золотымъ позументомъ; кушаки Персидскіе золотоптканые, по концамъ съ золотою бахрамою; возжи шелковыя, рукавицы съ серебряною насѣчкою; фореиторъ настоящій херувимчикъ на вербѣ (его же нарумянили: такъ пребывала мода!) На заплпкахъ двѣнадцативершковый гусаръ въ чѣрныхъ бархатныхъ чикчирахъ и доломанѣ и въ оранжевомъ бархатномъ менпикѣ съ великолѣпнымъ серебрянымъ приборомъ (акопировка его спала мнѣ въ 3,000 рублей). Оспановясь у часовни Иверской Божіей Матери, я поставилъ рублевую свѣчу, отслужилъ благодарный молебень и приложился къ св. образу Пречистой Богородицы. Главнокомандующій принялъ меня благосклонно. — «Я всякой день обѣдаю дома;» ласково пригласилъ онъ меня, когда я опкланивался: «и всегда радъ буду, если вы пожалуете кушать моего хлѣба-соли.» Опъ него я пустился въ Красное село къ пѣпушкѣ *Матрѣнѣ Полуѣхтовнѣ*, копорая говорила, говорила, говорила, до того говорила, что я, забывъ уваженіе къ спароспи, выскочилъ въ переднюю, не дождавпсь конца періода и велѣлъ екакать на Пяпницкую къ пѣпушкѣ *Афильтѣ Полуѣхтовнѣ*. Опъ неё завернулъ на Прѣсню къ пѣпушкѣ *Авдотѣ Полуѣхтовнѣ*, и возвратился домой не ранѣе 3-хъ часовъ. Паръ валилъ съ моей соловопѣгой чепвѣрки, какъ изъ порговой бани. Мнѣ такъ было совѣстно передъ бапюшкою и мапушкою; спарики привыкли обѣдать въ часъ, а я заставилъ ихъ говѣть до 3-хъ! Но когда они узнали, что я былъ съ визитомъ и у пѣпушки *Матрѣны Полуѣхтовны*, и у пѣпушки *Афильты Полуѣхто-*

вны: по весьма были мною довольны и готовы были бы говѣть до вечерень.

«Послѣ обѣда привели мнѣ извощичью чепвѣрку, и я, переодѣвшись въ полосатый фракъ, замѣчательный по новомоднымъ пуговицамъ съ букашками и бабочками за стекломъ, велѣлъ скакать во весь опоръ за Калужскіе ворота на бѣгъ, устроенный противъ дома Графа Алексѣя Григорьевича *Орлова-Чесменскаго*. Теперь Свпшки: каретъ было до тысячи, народу тѣма. Всѣ знапные бара, лошадинные охотники, выѣхали на бѣгунахъ съ вершинками. Не лошади, а чудо; можно бы взбѣспнть Англпчанъ, завидующихъ всему хорошему въ чужихъ рукахъ. Гнѣдаго рысака, на которомъ Графъ сдѣлалъ два конца, запюки цѣняптъ въ 20,000 рублей.

Показавъ себя и посмотря на другихъ, я пустился въ Пепровскій театръ. Игралъ Владисана, прагедію *Княжнина*. Роль Владисана игралъ Иванъ Фѣдоровичъ *Лапинъ*, не сполько славный своею игрою, сколько любовными связями съ опцѣвѣшпми Москѡвскими барынями извѣснаго разбора. Двѣ или три прожилсъ въ него. Онъ точно красавецъ; ловокъ, любезень въ обращеніи, прцняптъ во всѣхъ знапныхъ домахъ и нажилъ бы сотни тысячъ, если бы не былъ рѣшетомъ, сквозь которое всё проходитъ, а въ нёмъ ничего не остаётся. Пепръ Николаевичъ *Вьюшкинъ* пригласилъ меня къ себѣ на вечеринку. Это Бахусовъ праздникъ, это оргіи! Прѣхавъ къ *Вьюшкину*, я нашелъ у него челоувѣкъ до прицдати лучшей молодѣжи. Хоръ Цыганокъ и голосъ *Стѣшки* обворожили меня; я слыхалъ превозносимыхъ Ипаліанскихъ пѣвицъ: онѣ поютъ сладко, хппро; но ни одна не произвела на сердцѣ мое пакого глубокаго, неизьяенимо-пріятнаго впечатлѣнія, какъ Цыганка. Я говорилъ съ нею: душа этой Цыганки необыкновенная, чувства возвышенныя; она заставлялетъ уважать себя.

«Хозяйскій превосходный оркестръ музыки смѣнялъ хоръ Цыганокъ, его смѣняли пѣвчіе, копорыхъ въ свою очередь смѣняли рожечники, а ихъ мальчики-плясуны съ гитарою.— Славный *Башневъ* удивилъ насъ игрою на балайкѣ: въ его рукахъ это наслѣдіе Татаръ, эпопъ кучерской инструменптъ, преврапился

во что-то нѣжное; онъ неслыханною, новою гармонією удивлялъ и плѣнялъ ухо.

«Скоро шумные разговоры гостей заглушили и пѣсни и музыку: Шампанское приносили ящичками; гости навеселѣ бросали Цыганкамъ червонцы горстками, ассигнаціи пуками. Павелъ Аркадьевичъ *Колоколовъ* изорвалъ въ мѣлкіе клочки на 700 рублей ассигнацій, съ досады, что бравада спалъ уговаривать его побережь деньги. *Черемисиновъ*, оптимѣнно образованный молодой человекъ, въ совершенствѣ говорящій на чепырехъ иностранныхъ языкахъ, но буйнѣ, забѣйка и опъявленный поединщикъ, мнѣ понравился. Скоро я разлюбилъ его. Напившись въ полпьяна, онъ спалъ ко всѣмъ придираюсь, вызвалъ на дуэль шакаго же какъ самъ необузданнаго юношу, и въ залѣ началась рубка саблями. Сперва, я принималъ это за фарсъ, которымъ хотѣлъ молодцы позабавить насъ; но когда мизинецъ юноши оплелъ прочь и кровь хлынула: тогда увидѣлъ, что если это и фарсъ, то не худо бы дѣйствующіе въ немъ лица заспавивъ доигравъ его въ домѣ сѹмасшедшихъ. *Черемисиновъ* спавилъ свой буйный подвигъ наравнѣ съ побѣдою при Кагуль; съ радости напился еще пьянѣе, началъ грызть хрустальную рюмку, изрѣзалъ себѣ ротъ—и выведенъ двумя дюжими офицантми во флигель, гдѣ пропалъ безвѣсти; вѣрно его уложили спать, проспавъ.

«За ужинъ не спѣшно было бы позвать Римскаго императора *Геліогабала* и Египетскую царцу *Клеопатру*: аршинныя разварныя сперляди, молѳки изъ ершей, Спразбургской пирога, сполѣнее Токайское и прехсоплѣнее Югансбергское вино, огромное блюдо вшень (въ концѣ Декабря!), гора ананасовъ, живыя розы въ фарфоровыхъ горшкахъ, (въ концѣ Декабря!) виноградъ въ мраморныхъ вазахъ. Говорили, что эпопѣ пиръ стоилъ *Вьюшкину* 6,000 рублей.

Послѣ ужина, Федоръ Ивановичъ *Хрусталева* для препровожденія времени сдѣлалъ 50,000 рублей банку. Англійскій путешественникъ, Лордъ *Пальмерстонъ*, пропонкшировалъ 10 п. червонцевъ, Князь Борисъ *Рукавицынъ* 30 п. рублей. И я приспавилъ карточку: она

выиграла, я загнулъ пароли—выиграла, я сецелево—выиграла. Я счѣлъ: вышло 5,250 рублей. Опписавъ 250 р. я загнулъ опъ пяппптысячь—не: убили! Поставилъ 250 рублей семпелемъ: убили; поставилъ 1,000 рублей: и шу убили. Я вынулъ изъ кармана 1,000 рублей, схватилъ шляпу, бросился въ карету—и въ 5 часовъ утра очутился у родипельскаго порога.

Друзья, друзья! я Несторъ между вами;
По обычу веселый человекъ.

Баронъ *Дельвицъ*.

«27-е Декабря 1824 года. С. Петербургъ. Упро началось кашлемъ; я вспалъ въ 8 часовъ, принялъ желудочныя пилюли, запилъ ихъ жидкимъ чаемъ (крѣпкой волнуемъ кровь, производимъ бессонницу, а потому запрещенъ) безъ сливокъ (сливки для меня конпробанда: они дѣлаютъ изчагу и спазмы), съ бѣлымъ хлѣбомъ (крендели, булки, пироги и все здобное изгнано изъ моего дома); повѣрилъ расходную книгу, выдалъ деньги повару, кучеру, ключницѣ. Оппустя ихъ, одѣлся въ лесинные чулки, напянулъ тёплые сапоги, три раза окупалъ шалью шею, и, въ сюрпукѣ на вапкѣ, въ медвѣжьей шубѣ, въ каретѣ съ поднятыми стѣклами поѣхалъ въ Казанскій Соборъ къ обѣднѣ; попомъ заѣхалъ въ Англійскій магазинъ, заглянулъ еще въ два-при магазина, прочелъ сегодняшнія газеты, взялъ вышедшія книжки *Вѣспника Европы* и *Сына Отечества*, поболталъ съ липераторами. Обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ: съѣлъ шарелку супу, коклепу и цыплячье крыло съ салатомъ, выпилъ рюмку Мадеры. До смерти хотѣлось кофе, но, увы! мой медикъ не позволяемъ и нюхаетъ его. Попомъ сыгралъ два роберпа въ виспѣ. Въ 7 часовъ безъ четверши я сидѣлъ въ Маленькомъ театрѣ въ первомъ ряду кресель; играли Фингала, трагедію *Озерова* и Воздушные замки, комедію *Хлѣльничаго*. Изъ театра я проѣхалъ къ *Карамзину* на чай: для меня щастье провести вечеръ съ смѣ великимъ писателемъ, уважая въ немъ примѣрнаго супруга, опца, гражданина и человека.

«Въ 11½ часовъ я съѣлъ рябчка съ солѣнымъ огурцомъ, выпилъ рюмку Рейнвейну, закусался тёплымъ одѣяломъ; но долго не

могъ заснуть: проклятый ревматизмъ мучилъ меня до двухъ часовъ за полночь.»

Chaque âge a ses plaisirs, son esprit et ses mœurs! сказалъ я, когда спарикъ окончилъ чтеніе.

А. Кораблшій.

1852,

Село Токсово.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИСТОРИЯ МОЛОДАГО РАЗБОЙНИКА.

«Я родился въ небольшомъ городкѣ Фросинонѣ, лежащемъ на скапѣ горъ Аbrucco. Опець мой, занимавшійся торговлею, собралъ изрядное состояніе; назначивъ меня къ духовному званію, онъ спарался дать мнѣобразное съ онымъ воспитаніе; но чувствую болѣе склонность къ свѣтскимъ забавамъ, нежели къ уединенію монастырской жизни, я выросъ болванъ болваномъ. Я былъ верпопрахъ, любилъ подъ часъ повздорить; впрочемъ, слылъ добрымъ малымъ; словомъ, все шло хорошо, пока я не влюбился. Въ городкѣ нашемъ жила прелестная молодая дѣвушка, коей было тогда 16-ть лѣтъ. Всѣ говорили, что ея наружность и умъ ставятъ ея гораздо выше своего состоянія: отъ чего она рѣдко являлась въ нашихъ обществахъ. Я увидѣлъ ея случайно и влюбился до безумія; она была пакъ прекрасна, пакъ мила, и много опмичалась отъ прочихъ женщинъ съ загорѣлыми лицами, какія мнѣ только встрѣчались.

«Какъ опець мой никогда не отказывалъ мнѣ въ деньгахъ, то я одѣвался всегда щегольски, и высккивалъ всѣ случаи нравиться молодой красавицѣ. Я видалъ ея въ церкви, и умѣя нѣсколько игратъ на гитарѣ, по вечерамъ, подъ окномъ ея давалъ серенады. Мнѣ удалось наконецъ имѣть съ нею свиданіе въ виноградномъ саду опца ея, гдѣ она часто прогуливалась. Можно было замѣтить, что я ей нравился, но она была еще ребенокъ и робка; припомъ опець строго за нею наблюдалъ: мои исканія очень не нравились ему, ибо онъ имѣлъ дурное мнѣніе обо мнѣ, и желалъ доставить своей дочери лучшаго жени-

ха. Сіи препяпспивія раздражили меня до крайности: бывъ на счету однимъ изъ лучшихъ молодцовъ и щаспливѣйшихъ волокипъ въ нашемъ городкѣ, я привыкъ къ легкимъ побѣдамъ надъ женщинами.

«Вопъ, опець нашель ей жениха: это былъ богатый опкупщикъ. Назначенъ день сватьбы, къ коей всѣ пригоповленія уже были кончены. Я увидѣлъ ея сидящую подъ окномъ; мнѣ казалось, что она грустно на меня посмопрѣла. Я рѣшился воспрепятствовать жениху занять мое мѣсто, чего бы ни стоило. Я встрѣпился съ нимъ на рынкѣ, и не могъ удержатъ порывъ своего бѣшенства. Нѣсколько обидныхъ словъ вырвалось у насъ обонхъ; я выхватилъ кинжалъ и вонзилъ его въ сердце соперника. Я потчасъ вбѣжалъ въ церковь, однакожъ не смѣлъ выйти изъ своего убѣжища.

«Въ это время нашъ Апаманъ набиралъ для себя удалцовъ. Онъ зналъ меня съ малолѣтства; свѣдавъ о моемъ положеніи, онъ нашель меня и сдѣлалъ мнѣ предложенія, на которыхъ я согласился вступить въ его шайку. Я уже не разъ порывался взяться за сіе ремесло, зная многихъ изъ опважныхъ горцевъ, которые щедро сыпали деньгами, спараясь привлечь нашу городскую молодежь. И пакъ, я оставилъ ночью свое убѣжище, явился въ назначенное мѣсто, произнесъ клятву, которой отъ меня пребовали, и сдѣлался бандитомъ. Нѣсколько времени мы скрывались въ самой уединенной части горъ. Родъ дикой и обильной приключеніями нашей жизни занималъ мое воображеніе и разсыявалъ мысли. Но вдругъ воспоминаніе о *Розеттѣ* пробудилось со всею живопію. Уединеніе, въ которомъ я находился, безпреспанно оживляло ея образъ въ моемъ воображеніи, и когда мнѣ доспавалось проводить ночь на спорожѣ, чувства мои превращались иногда въ наспоющую лихорадку.

«Наконецъ, мы оставили свой припомъ, въ намѣреніи занять дорогу между Террациномъ и Неаполемъ. Въ это время почти два дня мы проходили лѣспспыми горами, возвышающимися надъ Фросинономъ. Не могу описать, что я чувспвовалъ, завидя свою родину и жилище *Розетты*. Я рѣшился поговорить съ

нею. Но для чего? Я не могъ надѣяться, что-бы она, оставя все, захопѣла раздѣлять со мною опасную, горную жизнь. Для этого она слишкомъ хорошо была воспитана. Я не могъ подумавъ, чтобы она могла ужиться съ женщинами, бывшими въ нашей шайкѣ. Возвратившись къ прежней жизни для меня также было невозможно: ибо голова моя была оцѣнена. Однакожъ я хотѣлъ непременно её видѣть: самая опасность и бесполезность сего предпріянія подспрѣкали меня къ исполненію онаго.

«Недѣли за три передъ тѣмъ, я убѣждалъ своего Апамана произвести поекъ въ окрестностяхъ Фросинона, въ надеждѣ захватить нѣкоторыхъ изъ почетныхъ жипелей его и получить за нихъ выкупъ. Въ одинъ вечеръ мы учредили засаду близъ винограднаго сада отца *Розетты*: я тайно оплучился отъ моихъ поварихей, желая, по крайней мѣрѣ, видѣть мѣсто обыкновенныхъ ея прогулокъ. Какъ забилось у меня сердце, когда сквозь деревья замѣнилъ я бѣлое платье! Это *Розетта*, ибо ни одна женщина въ городкѣ такъ не одѣвается... Я тихо подошелъ ближе. Еще минула—и я у ногъ ея. Она испустила пронзительный вопль. Я стараюсь зажать ей ротъ рукою, заклинаю её не дѣлать шума; изливаю предъ ней весь пламень своей страсти; обещаюсь оставить свой образъ жизни, предавъ участь мою въ ея руки, слѣдовать за нею, куда ей угодно и посвятивъ ей всю жизнь свою. Ничто ея не прогало. Въ глазахъ ея выражалась не любовь, но ужасъ и отвращеніе; она хотѣла вырваться, и наполнила воздухъ воплями.

«Въ минушу Апаманъ и шайка его окружили насъ. Я отдалъ бы тогда все на свѣтъ, если бы она освободилась отъ рукъ нашихъ и находилась въ домѣ своего отца. Но было поздно: Апаманъ объявилъ её плѣнницею и приказалъ отвести въ горы. Я представлялъ ему, что она мнѣ принадлежитъ; что мои права на неё старѣе, и описалъ ему мою привязанность къ ней. Въмѣсто отвѣта, онъ улыбнулся язвительно, сказавъ, что для разбойниковъ ни мало не занимательны любовныя связи простаковъ, и что по законамъ его шайки всѣ добычи сего рода достаются

по жеребью. Любовь и ревность пожирали мое сердце; но мнѣ предлежали: съ одной стороны покорность, съ другой смерть. Я отдалъ *Розетту* въ руки Апамана, и мы направили шагъ къ горамъ.

«Она была въ ужасѣ; ноги ея дрожали и были такъ слабы, что надлежало её поддерживать. Я не могъ видѣть её въ рукахъ поварихей, и припворясь спокойнымъ, просилъ дозволить мнѣ, какъ старому знакомому, вести её. Апаманъ съ минушу посмотрѣлъ на меня испытующимъ взглядомъ, и незамѣтивъ во мнѣ перемены, согласился на мою просьбу. Я взялъ её на руки. Она была почти безъ чувствъ; голова ея лежала на моемъ плечѣ; дыханіе ея прикасалось къ моему лицу; оно, казалось, раздувало пламень, меня пожиравшій. Боже мой! несли споль драгоценное бремя, и думаю, что оно не для меня!

«Мы достигли горной подошвы. Я съ трудомъ поднимался вверхъ, особлво шамъ, гдѣ дорога заслонялась частымъ лѣсомъ; но я не хотѣлъ ославить безцѣнную для меня ношу; впрочемъ, я съ ужасомъ воображалъ, что скоро принудятъ меня къ тому. Мысль, что созданіе споль нѣжное, предано будетъ во власть грубыхъ моихъ поварихей, приводила меня въ бѣшенство. Я пытался открыть себѣ путь кинжаломъ и унести её съ торжествомъ. Едва мелькнула въ головѣ моей эта мысль, какъ я увидѣлъ всю бесполезность оной; при всемъ томъ я не могъ вообразить её жертвою другихъ. Я хотѣлъ опередить моихъ поварихей, и оставилъ уже ихъ позади, надѣясь все еще ускользнуть.

«Тщетныя усилія! Апаманъ потчасъ приказалъ остановиться въ шайкѣ. Я препеталъ, но надобно было повиноваться. Бѣдная дѣвушка открыла помные глаза; она была слаба и безъ движенія. Я положилъ её на праву. Апаманъ кинудъ на меня спрашный взглядъ подозрѣнія, и приказалъ мнѣ съ нѣсколькими товарищами поискать въ лѣсу пастуха, который отнесъ бы къ отцу несчастной письмо, съ пребываніемъ за неё выкупа.

«Я видѣлъ опасность. Упопробивъ силу, значило искать вѣрной смерти; но оставивъ её во власти Апамана! Я говорилъ съ жаромъ, который вдыхали мнѣ страсть и отчаяніе.

Я напоминалъ ему, что я прежде всѣхъ схватилъ её; что она—моя добыча, и что бывшая привязанность моя къ ней должна сдѣлать её въ глазахъ моихъ поварищей неприкосновенною. Я настаивалъ на томъ, чтобы онъ далъ мнѣ слово пощадить несчастную отъ позора; иначе я отказываюсь ему повиноваться. Въспомо отвѣта, Апаманъ и сообщники его прицѣпились по мнѣ своими карабинами. Они злобно издѣвались надъ моимъ беспильнымъ бѣшенствомъ. Что оставалось дѣлать? Всякое сопротивленіе было бы безразсудно. Угрожаемый со всѣхъ сторонъ, я принужденъ былъ слѣдовать за поварищами. Она осталась одна съ Апаманомъ, одна, и почти бездушная.»

Тутъ разбойникъ остановился, чтобы нѣсколько успокоиться; потъ капился съ лица его; онъ дышалъ пруднѣе; широкая грудь его колебалась, подобно морскимъ волнамъ. Удержавъ нѣсколько внутреннее волненіе, онъ продолжалъ разсказъ:

«Я скоро нашелъ пастуха и кинулся быспрѣе серны назадъ, чтобы предупредить исполненіе моихъ опасеній. Я нѣсколько разъ опережалъ своихъ поварищей, опять соединился съ ними и наконецъ привелъ ихъ на томѣсто, гдѣ мы оставили своего Апамана. Онъ сидѣлъ подлѣ *Розетты*: торжествующій видъ его и жалкое состояніе дѣвушки, не оставляли болѣе никакаго сомнѣнія на счетъ ея участи. Не понимаю, какъ я удержалъ свое бѣшенство.

«Съ чрезвычайнымъ трудомъ и съ помощію другихъ успѣла она начерпнуть нѣсколько спрокъ къ опцу своему, прося его о присылкѣ 300 долларовъ на выкупъ ея. Письмо доставлено было пастухомъ. Послѣ его ухода, Апаманъ съ суровымъ видомъ обратился ко мнѣ.—Ты подаль собою примѣръ неповиновенія, сказалъ онъ, который можетъ погубить всю шайку, если останется безъ наказанія. Если поступишь съ побоею по нашимъ законамъ, то ты долженъ быть разспрѣлянь; но ты былъ ея любовникомъ; почему я терпѣливо сношу свое бѣшенство и безразсудство. Я еще предохранилъ тебя отъ безумной, унижающей тебя спрасти. Что касается до дѣвушки, законы нашего общества

должны быть исполнены.—Послѣ сего онъ отдалъ приказаніе; разбойники начали кидать жребій, и *Розетта*, почти бездыханная, отдана была шайкѣ.»

Тутъ разбойникъ снова оспановился и долго не могъ продолжать своего разсказа. Наконецъ началъ такъ:

«Я чувствовалъ весь адъ въ душѣ моей; видѣлъ невозможность опмспить за себя, и зналъ, что по правиламъ шайки, Апаманъ справедливо дѣйствовалъ. Я удалился въ бѣшенствѣ; кинулся на землю, рвалъ праву, билъ себя въ голову, скрежеталъ зубами. Когда я возвратился, въ какомъ состояніи увидѣлъ я злополучную жертву! Она была блѣдна, съ распепанными волосами; платье её было разорвано и въ беспорядкѣ. Жалость оспановила во мнѣ на минуту движеніе гнѣва. Я опнесъ её къ дереву и оспорожно прислонилъ къ оному. Помомъ, взявъ наполненную виномъ флягу и поднесъ къ устамъ полумертвой, едва могъ влить ей нѣсколько капель. Какъ она перемѣнилась! Давно ли она была украшеніемъ своего городка? Давно ли я видѣлъ её въ виноградномъ саду ея опца, прелесною, веселою и щасливою? Зубы ея были списнуты, глаза устремлены въ землю; ни малѣйшаго движенія, ни малѣйшаго признака жизни! Склонясь на неё, я предался гореспному воспоминанію и сравнивалъ прежнее состояніе ея съ настоящимъ. Съ ужасомъ взглянувъ на своихъ сообщниковъ, которые казались мнѣ адскими духами, торжествующими надъ падшимъ Ангеломъ! Я содрогнулся при мысли, что принадлежу къ нимъ!

«Апаманъ, все еще недовѣрчивый, замѣчалъ съ обыкновенною своею принципиальностью каждое мое движеніе. Онъ приказалъ мнѣ при выходѣ пзъ лѣса наблюдать окрестности, въ ожиданіи возвращенія пастуха. Я повиновался, усмиривъ свой гнѣвъ, меня пожиравшій, хопя и чувствовалъ тогда, что онъ мой величайшій врагъ.

«Дорогою я разсудилъ, что Апаманъ спрого исполняетъ ужасные законы, коимъ мы поклялись повиноваться; что въ бѣшенствѣ моемъ я могу забытья и навлечь на себя гибель; что онъ опгадалъ мысль мою и нароч-

но удалилъ меня, чтобы спасти меня отъ опчаянія: съ сей минуты я началъ думать, что могу съ нимъ примириться.

«Занятый сими мыслями, я спустился къ подошвѣ горы. Мѣсто было уединенное и безопасное. Скоро увидѣлъ я въ долинѣ паспуха, и побѣжалъ къ нему на встрѣчу. Онъ шелъ съ пустыми руками. Горестный отецъ *Розетты* прочелъ письмо, и съ опчаяніемъ, потомъ успокоясь, отвѣчалъ холодно: дочь моя обезпечена этими злодѣями; пусть же она возвратится безъ выкупа, или погибнетъ.

«Невольный спонъ вырвался у меня при семъ отвѣсѣ. Я зналъ, что по законамъ нашимъ смерть ея неизбежна: клятва наша того требовала. Я чувствовалъ однакожь, что не могши выдѣлать ея, я могу быть ея палачемъ!»

Разбойникъ еще разъ остановился въ сильномъ волненіи. Я размышлялъ о сихъ послѣднихъ ужасныхъ словахъ, доказывающихъ, до какого изступленія доводятъ страсти, когда онъ выходитъ изъ предѣловъ нравственности. Въ семъ разказѣ заключалась спрашная истина, которая напоминала мнѣ о нѣкоторыхъ трагическихъ отрывкахъ Данта.

«Наступила роковая минута, продолжалъ разбойникъ. Я привелъ паспуха къ Атаману, который самъ выслушалъ отъ него отвѣсѣ отца. По данному знаку, мы опошли съ нимъ на нѣкоторое распояніе отъ жерпвы. Онъ произнесъ смертній приговоръ. Всѣ готовы были исполнить приказъ; но я началъ говорить, что сохраняя правосудіе, нельзя опказатъ въ жалости спраждущему; что никто болѣе меня не терпитъ отъ неумолимаго закона, предостерегающаго тѣхъ, которые не хотятъ платитъ выкупъ за нашихъ плѣнниковъ; но, хотя приговоръ справедливъ, однакожь не должно исполнять его съ жестокостію; теперь наступаетъ ночь, продолжалъ я, она скоро заснетъ, выберемъ эту минуту для ея смерти. Все, чего прошу, по праву бывшего любовника, заключается въ томъ, чтобы мнѣ дозволили нанести ей послѣдній ударъ. Онъ будетъ вѣренъ, но нанесенъ безъ суровости.

«Многіе зашумѣли противъ сего предложенія; но Атаманъ заспавилъ ихъ молчать. Онъ сказалъ, чтобы я отвелъ ея въ ближній ку-

старникъ и что онъ полагается на мое объщаніе.

Я поспѣшно схватилъ драгоцѣнную свою добычу. Для меня было нѣкотораго рода торжествомъ, видѣть ея въ полной моей власти. Я занесъ ея въ самую густую чащу лѣса. Она не выходила изъ своего обморока и опѣпенія. Я очень былъ радъ, что она не вспоминала обо мнѣ: при одномъ имени моемъ, ея произнесенномъ, я опустилъ бы руки. Наконецъ, она тихо заснула на рукахъ того, который долженъ былъ умертвить ея. Я выдержалъ сильную борьбу, прежде, нежели рѣшился поразить ея. Сердце мое терзалось невыразимою тоскою; но я спрашлся, чтобы не заступилъ моего мѣста другой, если я буду долѣ медлитъ. Уже довольно прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ она заснула. Я опошелъ отъ неоспорожно, чтобы не разбудить ея. Потомъ схватилъ кинжалъ и вонзилъ ея въ сердце. Тяжкій, но безъ всякаго судорожнаго движенія, спонъ сопровождалъ послѣдній вздохъ ея.»

Пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЮНОША-ПѢВЕЦЪ.

(*Ирландская Мелодія.*)

На брань устремился Пѣвецъ молодой,
Гдѣ смерть—тамъ онъ спалъ межъ рядами;
Онъ мечъ опоясалъ отца боевой,
И арфа виситъ за плечами.
«Край пѣсней, ты свѣдалъ измѣну людей,»
Воскликнуть герой величавый:
«Одинъ только мечъ для защиты пвоей,
«Одна только арфа для славы!»

Пѣвецъ низложенъ! но оковы враговъ
Не склоняетъ духъ гордый и юный;
Любимая арфа молчитъ средъ мировъ,
На ней перервалъ онъ всѣ струны;
«Въ цѣпяхъ ты не будешь,» сказалъ ей пѣвецъ:
«Ты эхо живыхъ вдохновеній!
«Твой звукъ былъ для чистыхъ свободныхъ сердецъ,
«Рабамъ не внимаешь пѣнопѣній!»

(Изъ Мура.)

LOGOGRIPE.

Sur mes sept pieds marchant avec audace,
 J'ai l'âme d'un despote et les traits d'un géant;
 Toujours j'aspire à la première place,
 Et, malgré tout cela, je ne suis que du vent.
 Retranche-moi deux pieds, ma bruyante existence
 N'est encor que du vent; mais par un art heureux,
 Je résonne en l'honneur des héros et des dieux,
 A deux pieds raccourci, mon pouvoir est immense.
 Je décide à mon choix ou la guerre ou la paix.
 Tout intrigant doit à mon influence
 Et son crédit, et la puissance
 De semer en tous lieux le trouble et les forfaits.

Въ No 103, помѣщенная шарада значить: *Иудра*.

MODES.

On fait beaucoup de pélerines aux redingotes de satin, de gros-de-naples ou d'étoffes de fantaisie. Les plus nouvelles et très à la mode sont réunies trois ensemble: une, longue, a de petits païs étroits qui passent sous la ceinture; la seconde a les coins carrés, et s'ouvre en évasant sur la poitrine; la troisième est ronde.

Généralement, les pélerines sont plus petites que l'année passée et cet été.

Trois pélerines carrées, ou trois pélerines rondes étagées, sont aussi fort élégantes, surtout pour les robes de satin.

Il y a des nuances de satin broché qui font de charmantes redingotes de matin, habillées. Par exemple, bois sur bois, café cru foncé, gris de fer, avec des pélerines, ces robes ne sont pas regardées du tout comme toilettes, et sont d'une élégance fort recherchée.

Les douillettes de foulard sont fort bien pour rester chez soi. Les dessins seuls qui sont conservés pour cet hiver sont les nouveaux dessins de Bruxelles, à grandes rosaces, à ramages très-marquans. Les foulards de Lyon sont anciens et oubliés.

Le soir on porte des cols en blonde, ou tulle, application de blonde, qui sont extrêmement grands, coupés carrés, doubles, bordés d'une large fleur d'un riche dessin.

Les écharpes de blonde sont fort riches, et toujours bien portées avec une toilette très-habillée.

Comme toilette ordinaire du soir, on porte toujours de petites écharpes de gaze, bleue, rose, cerise ou pistache, etc., unies de couleur et de tissu.

МОДЫ.

Много дѣлають пелеринокъ къ апласнымъ рединготамъ, гродѣнаплевнымъ или изъ песпрыхъ матерій. Самыя новѣйшія и въ большомъ употребленіи при вмѣстѣ: одна, длинная съ узкими концами подъ поясъ; другая четверугольная, открытая на груди; шретья круглая.

Вообще пелеринки не такъ велики, какъ въ прошедшемъ годѣ и лѣтомъ.

Три четверугольныя пелеринки, или при круглыя, одна другой менѣе, такъ же весьма щеголеваты, особливо къ апласнымъ платьямъ.

Есть цвѣта въ зашканномъ апласѣ, изъ которыхъ дѣлають прелестныя упренніе нарядныя рединготы. На примѣръ: деревяннаго цвѣта по деревянному, сырой коже шѣмнаго цвѣта, желѣзнаго, съ пелеринками; платья сіи не считаются нарядными, но принадлежатъ къ изысканно-щеголеватымъ.

Дульеты изъ фулара очень употребляются дома. Узоры, сохранившіеся на зиму, новыя Бриссельскіе, съ большими кругами, и весьма означенными разводами. Лионскіе фулары уже стары и забыты.

Вечеромъ носятъ блондовые ворошники, или изъ шюля съ блондовыми накладками; они чрезвычайно велики, четверугольныя, двойныя, по краю большіе цвѣлы пышнаго узора.

Блондовые шарфы, весьма дорогіе, все въ большомъ употребленіи, при пышномъ нарядѣ.

При обыкновенномъ нарядѣ вечеромъ все еще носятъ газовыя шарфы: голубыя, розовыя, адыя или фиспашковаго цвѣта, и проч., одноцвѣтные, гладкіе.

При семъ номерѣ прилагается *Оглавленіе осьмой части, или четвертой 1832 года Литер. Прибавленій къ Русскому Ливиниду.*

Въ семъ No 104, помѣщенный логогрипъ значить: *Orgueil*, въ коемъ заключающіяся слова *orgue* и *or*,

КОНЕЦЪ ОСЬМОЙ ЧАСТИ или ЧЕТВЕРТОЙ 1832 ГОДА.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ОСЬМОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ЧЕТВЕРТОЙ

НА
1832 ГОДЪ.

I.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

Манёвры	стрп. 625.
Приимности моей квартиры на Невскомъ проспектѣ	626.
Кой-что	627, 635, 669, 676, 701, 722, 729, 738, 756, 770, 779, 787, 802, 810 и 821.
Пудель; соч. <i>Н. Карлгофа</i>	633.
Да и пѣнь; пер. <i>В. Соколова</i>	635.
Дуэль; соч. <i>Н. Карлгофа</i>	641.
Башмакъ; соч. <i>Н. Карлгофа</i>	649.
Объявленіе о книгахъ; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	651.
Деревенскій бытъ нѣкоторыхъ Русскихъ помѣщиковъ въ началѣ XIX вѣка. Сташья четвёртая; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	657.
Повѣса-Баричъ и благовоспитанный Юноша 1792 года; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	665.
Прабабушкины клавикорды; пер. съ Англ. <i>Анны Ситниковой</i>	675.
Деревенскій бытъ нѣкоторыхъ Русскихъ помѣщиковъ въ началѣ XIX вѣка. Сташья пятая; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	681, 689, 697 и 706.
Забавное сходство	684.
Лотерейный женскъ; пер. <i>Ипполита Глбова</i>	692.
Принцесса Боргезе и зубной врачъ	700.
Орфей-сумоучка. или дванадцать эпиграммъ, выбранныхъ изъ послѣднихъ стихотвореній <i>Сергѣя Николаевича Глбова</i>	709.
Кабинеты чтенія въ Парижѣ	713.
Раздражительность; пер. <i>Ип. Глбова</i>	721.
Арабское правосудіе; пер. <i>Ип. Покровскаго</i>	729.
Физиогномія женщины; <i>Гавриила Кругликова</i>	737.
Набатный колоколь; пер. <i>В. Соколова</i>	745.
Воскресеніе изъ мѣртвыхъ Англійской Королевы Каролины; пер. <i>Ип. Глбова</i>	753.
Колдунъ	754.
Китайскій календарь	761.

Сцена въ мастерской живописца; пер. <i>Ип. Г—ва</i> . стрп. 769.	
Ошривокъ изъ письма къ О—гю А—пю Г—лю, въ Ревель, 5 Августа 1832 года; <i>В.</i>	777.
Бичъ-полишка; пер. <i>В. Соколова</i>	785.
На кого похожу я?	786.
Кошильопъ; пер. <i>Ип. Г—ва</i>	793.
Словарь журналовъ	796.
Высокоблагородный попугай; соч. <i>Н. К.</i>	—
Оригиналъ	801.
Парикъ; пер. <i>Ип. Г—ва</i>	809.
По дьявольски проведенный день Ангела; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	817.
Тридцатилѣтній промежутокъ времени; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	825.

II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Рукопись, найденная въ домѣ сумасшедшихъ	628.
Аппа; пер. <i>В. Соколова</i>	636.
Машео Фальконе; пер. <i>В. Соколова</i>	644 и 651.
Графъ Аларкосъ и Инфанта Солнца	685.
Поздно	701.
Бараны; пер. <i>Ип. Покровскаго</i>	710.
Вечеръ въ замкѣ Арвейлеръ; пер. <i>В. Тило</i> . 714, 723, 730, 738, 746, 757, 761 и 770.	
Приключеніе виртуоза Мольнави; пер. <i>А. М—ва</i>	780.
Магомедъ и Бонапарте; пер. <i>Ип. Г—лбова</i>	781.
Провидѣніе; соч. <i>Бориса Фѣдорова</i>	787.
Іезидъ; пер. <i>Ип. Г—ва</i>	796.
Буря на Лагунахъ;	802.
Первый день послѣ свадьбы; пер. <i>Ип. Г—ва</i>	810.
Ласточка; соч. <i>Ип. Пальмина</i>	813.
День знатной двинцы въ XV столѣтіи	821.
Поселянка	822.
Исторія молодого разбойника; пер. <i>В. Соколова</i>	828.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Влюбленному поэпу; соч. <i>В. Карлгофа</i> . . .	стрн. 650.
Перстень; соч. <i>Н. Языкова</i> . . .	—
Эпиграфа Охотнику . . .	651.
L'Étrange; par <i>Louis Dussert</i> . . .	—
Спарикъ; соч. <i>Л. Якубовича</i> . . .	659.
Освобожденный Израиль; соч. <i>Пл. Ободовскаго</i> . . .	—
Кремень и сталь; <i>Θ. Глинки</i> . . .	—
Совѣтъ; <i>Θ. Глинки</i> . . .	647.
Письмо; <i>А. Крюкова</i> . . .	—
Невѣста съ приданымъ во 100,000 рублей; <i>Гавриила Кругликова</i> . . .	655.
Въ альбомъ <i>Н.</i> ; <i>В. Карлгофа</i> . . .	662.
Къ Д—ву; <i>Н. Саурскаго</i> . . .	—
Пѣвцу полуночи; <i>Л. Якубовича</i> . . .	669.
Праздникъ дружбы; <i>Н. Баталина</i> . . .	677.
Нищая; <i>Платона Волкова</i> . . .	687.
Гласъ къ Богу; <i>Θ. Глинки</i> . . .	695.
Гроза; <i>Л. Якубовича</i> . . .	—
Рыбачья мелодія; <i>Θ. Дажкова</i> . . .	—
Осень жизни; <i>П. Сямова</i> . . .	703.
Ночь (отрывокъ); <i>А. Подольскаго</i> . . .	—
Marie . . .	711.
Спансы; <i>Кар.</i> . . .	719.
Корабль и челнокъ; <i>П. Драгоманова</i> . . .	—
Изъ Алкорана, глава ХСІ; <i>Л. Якубовича</i> . . .	726.
Въ альбомъ; <i>Д. Св — а</i> . . .	727.
Осель-Смопринель; <i>Суханова</i> . . .	—
6 Декабря 1829; <i>П. Сямова</i> . . .	734.
Ручей и рѣка; <i>Θ. Глинки</i> . . .	735.
Муза; <i>Деларю</i> . . .	742.
Вечеръ; <i>А. Грена</i> . . .	743.
Неугасимый свѣтъ; <i>Θ. Глинки</i> . . .	750.
М. М. П—п—ву, <i>А. Елишева</i> . . .	751.
Черкесь; <i>В. Григорьева</i> . . .	759.
Молчаливостнь; съ <i>Нѣм. И Покровскаго</i> . . .	760.
Къ двоюродной сестрѣ; <i>Князя Вяземскаго</i> . . .	767.
Эпиграмма; <i>А. Писарева</i> . . .	768.
Моя Галатея; <i>В. Карлгофа</i> . . .	775.
Къ кокепкъ; <i>А. Крюкова</i> . . .	—
Свѣнящая звезда; изъ Гердера, <i>И. Покровскаго</i> . . .	—
Умирающая Эрменгарда; изъ трагедіи: <i>Адельгизъ; Ивана Козлова</i> . . .	782.
Воспоминаніе; <i>Н. Карцова</i> . . .	790.

Жребій; <i>К. Бахтурина</i> . . .	стрн. 791.
L'Étrange . . .	—
Куплеты изъ новаго водевиля; Святочная вечеринка или наша коса на камень; <i>В. Фѣдорова</i> . . .	798.
Мильтонъ, снующій на свою степицу; отрывокъ изъ III книги Померанскаго рая . . .	805.
На постановленіе Россійскаго Императорскаго Герба надъ Главнымъ зданіемъ Архиллеріи, въ С. Петербургѣ; <i>Дух—скаго</i> . . .	815.
Посѣщитель береговъ Чернаго моря; <i>Раина</i> . . .	—
Полезный совѣтъ; <i>Л. Якубовича</i> . . .	—
Жизнь приказныхъ; <i>Θ. Глинки</i> . . .	823.
Ракепа; <i>Н. Саурскаго</i> . . .	—
Юноша-пѣвецъ . . .	851.

IV.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Стихотворенія <i>А. Полежаева</i> . . .	655.
Стихотворенія <i>Панкратія Суларкова</i> . . .	670 и 677.

V.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Двумужница, или за чѣмъ пойдешь, то и найдешь, драма въ 2-хъ частяхъ, раздѣленныхъ на 5 суктокъ; соч. Князя <i>А. А. Шаховскаго</i> . (<i>Каленеви</i> . 804 и 814.)	
Ренеуаръ С. Петербургскаго театра: съ 7 Октябля 1851 года представлено пьесъ новыхъ и возобновленныхъ всего 45 . . .	727, 735, 745 и 751.

VI.

ШАРАДЫ, ЗАГАДКИ, ОМОНИМЫ, ЛОГОГРИФЫ И АНАГРАММА.

Русскія.—Шарады: 1) Я бѣда; 2) И-Волга; 3) Банкрошъ; 4) Кол-чанъ; 5) Под-нось; 6) Мак-симъ; 7) Пуд-ра. Загадки: 8) Ай; 9) Пароходъ. *Омонимы*: 10) Дробь; 11) Чула. Логогрифы: 12) Слава. Анаграммы: 15) Ахъ.

Французскія.—Шарады: 1) Si-roc; 2) Halle-barde; 3) Gas-elle; 4) De-main; 5. Bibi. Загадки: Feuille; 6) Pièce; 7) Gants; 8) Pélerine. Логогрифы: 9) Bride; 10) Casserole; 11) Monstre; 12) Panier; 13) Orgueil.

VII.

МОДЫ.

Спансы о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Петербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ и выдано 9 искусно-выгравированныхъ и раскрашенныхъ картинокъ. Всякъ же въ теченіи 1852 года выдано 36 картинокъ.